Г. Г.

Мясоедов

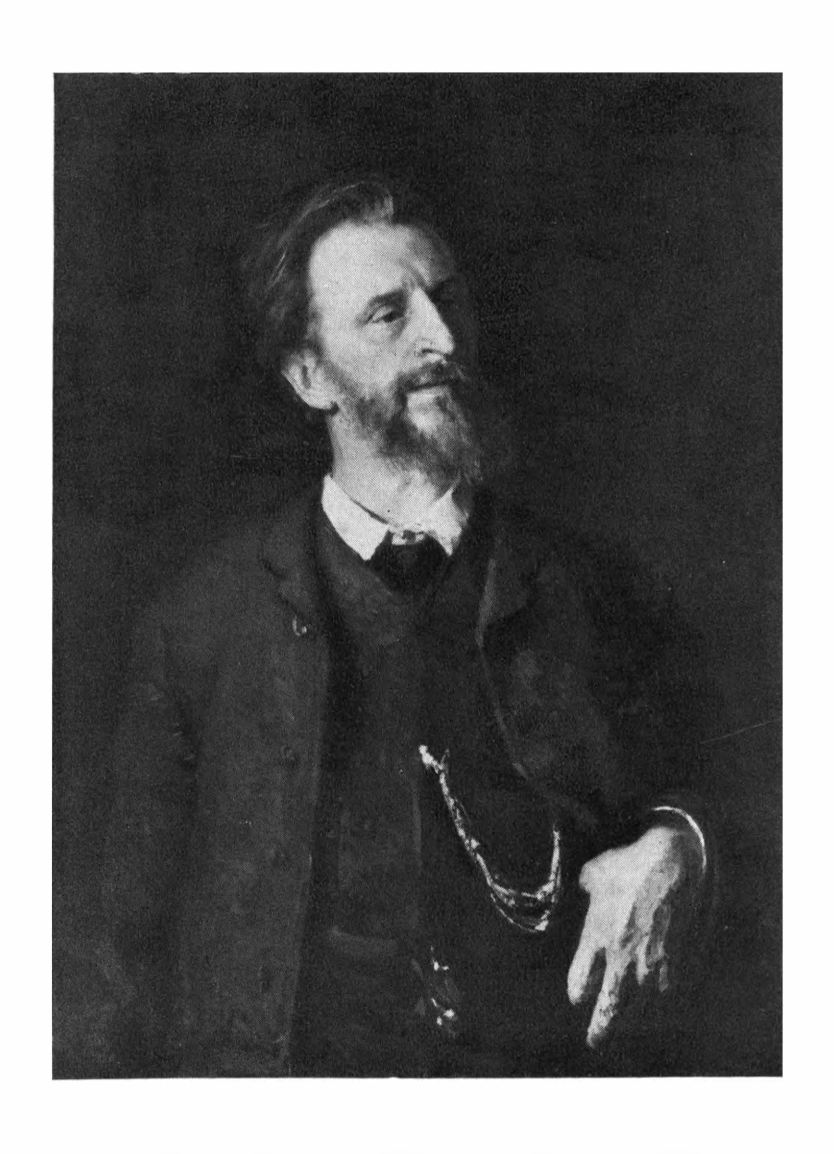
Письма

—

документы

—

воспоминания

1. И. Е. Репин. Портрет Г. Г. Мясоедова. 1886

Г. Г. Мясоедов

Письма

документы

воспоминания

Издательство · Изобразительное искусство · Москва · 1972

Составитель
В. С. Оголевец

Вступительная статья
Л. М. Тарасова

Общая редакция, примечания
и датировка писем
Н. Л. Приймак

От составителя

Значение художественной и общественной деятельности Григория Григорьевича Мясоедова заключается не только в том, что он был талантливым прогрессивным живописцем второй половины XIX века, но также и в том, что он явился инициатором и одним из основных организаторов и деятелей возникшего в 1870 году Товарищества передвижных художественных выставок. Товарищество объединило огромную плеяду русских художников, стоявших на позициях критического реализма, и надолго определило дальнейшие пути развития отечественного изобразительного искусства.

Замысел создать книгу, в которой были бы сосредоточены документальные материалы, освещающие творческую и общественную деятельность Мясоедова, его роль в русском искусстве, возник у составителя давно. Работа по собиранию писем художника, статей, воспоминаний о нем современников и родственников, записок и других подобных материалов явилась для автора особенно интересной и привлекательной потому, что ему довелось в последние годы жизни Мясоедова в Полтаве близко знать его самого и его семью. История этого знакомства с Мясоедовым описывается в воспоминаниях В. С. Оголевца, помещенных в настоящей книге.

Однако начатое исследование значительно затруднялось скудостью материалов. Мясоедов не оставил ника-

ких записок или воспоминаний о своей жизни, личного фонда его не оказалось ни в одном из государственных архивов, а сравнительно немногочисленные документы и письма художника распылены между восемью архивами, к числу которых относятся: Центральный государственный архив литературы и искусства СССР (ЦГАЛИ) — Москва; Центральный государственный исторический архив СССР (ЦГИА) — Ленинград; Отдел письменных источников Государственного Исторического музея; Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина; Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина; Отдел рукописей Государственной Третьяковской галереи; Секция рукописей Государственного Русского музея; Рукописный отдел Института русской литературы Академии наук СССР (Пушкинский дом). Кроме того, некоторые письма Мясоедова, большей частью личного характера, обнаружены в частном архиве родственника жены Мясоедова А. Б. Гордлевского.

Обработка найденных писем сильно затруднялась отсутствием дат в подавляющем большинстве их и крайне неразборчивым почерком. К этому надо добавить, что письма, которые Мясоедов получал от своих многочисленных и весьма интересных корреспондентов (как В. В. Стасов, В. Г. Чертков, П. М. Третьяков, П. А. Брюллов, А. А. Киселев, А. И. Сомов и другие), он не сохранял. Отсутствие личных архивов Мясоедова объяснялось еще и постоянным изменением места жительства. Можно было бы предполагать, что в Полтаве, где жил Мясоедов более двадцати лет, должны остаться какие-нибудь документы. Но его сын, в 1919 году навсегда покинувший Россию, перед отъездом уничтожил все, что было связано с пребыванием отца в Полтаве...

Благоприятным моментом в работе составителя явилось то, что ему удалось разыскать близких родственников и самого художника и его жены, предоставивших ряд эпистолярных и изобразительных материалов.

Центральное место в сборнике занимает литературное наследие самого художника. В издание включены относящиеся к пенсионерству Мясоедова донесения в Академию художеств и те письма или отрывки из них, которые имеют значение для уточнения этапов художественной и обще-

ственной деятельности Мясоедова, его жизненного пути, его отношения к искусству, Товариществу, Академии художеств, к задачам живописца. Острые и разнообразные по содержанию, насыщенные фактами, написанные выразительным и ярким языком, иногда резкие и полемические по тону, письма обнаруживают прямоту, принципиальность, непоколебимость автора, его сильный и самобытный характер. Письма расположены в хронологическом порядке и снабжены необходимыми примечаниями. За немногим исключением письма публикуются впервые. Большое значение для характеристики деятельности Мясоедова, выявления его роли в организации Товарищества передвижных художественных выставок имеет помещаемый в сборнике «Очерк жизни и деятельности Товарищества». В качестве отчета Правления Товарищества он был прочитан Мясоедовым общему собранию его членов. Заслуживают внимания документы, связанные с реформой Академии художеств. Здесь Мясоедов со свойственными ему честностью, прямотой и последовательностью критикует устав Академии, отмечая его недостатки, а также высказывается по поводу того, во что вылилась реформа Академии. Несомненный интерес представляют воспоминания Мясоедова о его ближайшем соратнике Н. Н. Ге, они до настоящего времени не утратили значения для характеристики этого выдающегося русского художника.

Следующий раздел сборника включает воспоминания о Г. Г. Мясоедове. Глава о Мясоедове из известной книги Я. Д. Минченкова «Воспоминания о передвижниках», помещенная в сборнике, ценна для нас как единственное литературное свидетельство современника, долго и близко знавшего Мясоедова и других передвижников. Хотя надо отметить, что Минченков писал книгу на основе впечатлений и воспоминаний, оставшихся у него в памяти, и его изложение не свободно от неточностей.

Владимир Николаевич Брендель — внук Руфина Григорьевича Мясоедова, брата художника, в специально написанной для сборника статье повествует о первом периоде жизни Григория Григорьевича, раскрывая еще не известные ее страницы. Брендель передал также для настоящего издания фотографию написанного Мясоедовым в 1857 году портрета отца — Григория Андреевича. Сын

ближайшего друга Мясоедова — художника Александра Александровича Киселева — Николай Александрович, хорошо знавший Мясоедова в продолжение многих лет, живо рассказывает о некоторых эпизодах, связанных с открытием выставки в Полтаве (1910). В. С. Оголевец в своем очерке делится воспоминаниями об обстоятельствах знакомства с Мясоедовым, о встречах с ним в Полтаве и Петербурге, описывает обстановку, окружавшую художника в Полтаве, музыкальные вечера, происходившие в усадьбе Мясоедова, рассказывает о полтавском собрании произведений Мясоедова, передает услышанный от художника и записанный автором рассказ о позировании Мясоедова Репину для картины «Иван Грозный и сын его Иван 16 ноября 1581 года», рисует обстоятельства семейной жизни художника, его болезни и кончины. Этот очерк значительно пополняет сведения о малоизвестном и малоосвещенном периоде жизни Мясоедова в Полтаве (1889—1911). Последний раздел книги —«Приложения», помимо примечаний и именного указателя, включает краткую летопись жизни и деятельности Мясоедова, для составления которой использованы материалы сборника и данные, почерпнутые из документов Академии художеств, Товарищества передвижников и «Дневника» А. А. Киселева, содержащего лаконичные ежедневные записи за 1880—1911 годы. Связанный с Мясоедовым тесной дружбой, Киселев отмечал в дневнике факты, относящиеся к Мясоедову. Таких записей найдено около 400, некоторые из них проливают свет на те или иные обстоятельства жизни Мясоедова, уточняют даты.

В работе над сборником составителю значительно помогли благожелательное отношение и помощь со стороны действительного члена Академии художеств СССР, доктора искусствоведения А. К. Лебедева, а также работников Государственной Третьяковской галереи, в частности кандидата искусствоведения С. Н. Гольдштейн. Автор выражает глубокую признательность В. Н. Бренделю, П. М. Горобцу, А. Б. Гордлевскому, Г. С. Оголевцу и всем, кто своим вниманием и трудом содействовал работе по сборнику.

В. С. Оголевец

Вступительная статья

Знаменательным событием в русском искусстве середины XIX века, обозначившим резкий перелом в художественной жизни страны, было возникновение Товарищества передвижных художественных выставок. Столетие отделяет нас от этой большой даты, связанной с расцветом национальной живописи. Казалось, неисчерпаемый источник жизненной правды забил для русских художников. Критический реализм, теоретически разработанный выдающимися революционерами-демократами, стал ведущим направлением в искусстве.

Цель, поставленная передвижниками, была необыкновенна для тех лет. В первом параграфе своего устава они указывали, что объединение создано для «доставления возможности желающим знакомиться с русским искусством и следить за его успехами» *. Искусство расширяло границы своего воздействия, оно не было больше замкнутым, сосредоточенным только в центре императорской столицы. Товарищество, созданное на добровольных началах, было основано для «развития любви к искусству в обществе», чтобы поднять и воспитать вкусы широких кругов зрителей. Не на последнем месте стояла также организационная задача «облегчения для художников сбыта их произведений».

* Устав Товарищества передвижных художественных выставок. СПб., 1870, стр. 1—2.

Передвижничество нашло горячий отклик в народе. Оно вызвало интерес к искусству у широких кругов демократической публики, воспитало идейно требовательного зрителя. После Петербурга и Москвы каждая выставка отправлялась в другие города России, и работы выдающихся мастеров, в оригиналах, были доступны огромному числу любителей, они вызывали заслуженный интерес и всеобщее восхищение.

Сам факт возникновения Товарищества выражал неудержимый протест против засилья официального направления, лишенного связи с живой действительностью; в нем проявилось стремление преодолеть тормозы, задерживающие развитие искусства.

В стенах Академии художеств еще с пятидесятых годов нарастало движение против религиозно-исторической живописи. Бытовой жанр вызывал восторг в кругу почитателей истинно национального искусства. Шестидесятники, связанные с революционно-демократическим подъемом в стране, боролись за равноправие бытовой живописи в ряду других жанров. Идеи русских просветителей требовали от искусства прежде всего злободневного содержания, всестороннего изображения народной жизни, вынесения приговора отрицательным ее сторонам. Бытовой жанр получал «программное» значение и определял в те годы начало нового направления искусства. Неспособная подавить это движение императорская Академия стремилась подчинить бытовую картину официальным требованиям, лишить ее остроты тематики. Но уже существовали критические работы П. А. Федотова, уже потрясали публику обличительные произведения В. Г. Перова, в 1861 году появился «Привал арестантов» В. А. Якоби.

В 1863 году четырнадцать конкурентов на золотую медаль отказались писать программу на заданную им мифологическую тему и были исключены из Академии. Вдохновителем «бунта» был И. Н. Крамской. Молодые художники чувствовали за собой поддержку общественного мнения. Они шли на большой риск. Продвижение художника могло идти лишь официальным путем, и преуспевали в искусстве обычно маститые академические чиновники, душившие проявления живой мысли. Резонанс этого события был очень велик. Протестанты создали Художественную артель, исполняли заказы, жили своеобразной ком-

муной. Но мало-помалу Академия сумела подчинить их, поскольку молодые художники были лишены выставочных залов, не имели возможности получать звания и поощрения. Многие жанристы шестидесятых годов остались известны одним-двумя своими произведениями. Им негде было показать свои работы, трудно найти покупателя. В страшной нужде, в лишениях они либо уступали, либо гибли в самом расцвете сил. Бюрократический аппарат императорской Академии сдерживал как мог новые тенденции демократического искусства, перемалывал и калечил художественную молодежь, но не способен был одолеть буйные ростки нового, которое изнутри подтачивало стены консервативного, одряхлевшего учреждения.

Возник новый тип художника — ниспровергателя и бунтаря. Г. Г. Мясоедов, подобно В. Г. Перову, считал «...что русским художникам никакой нет надобности разъезжать за границу, чтобы знакомиться с древним искусством» *. Направление русской школы, представителем которой сознавал себя Мясоедов, складывалось в борьбе с академизмом, в преодолении косного официозного искусства. В эти годы происходило становление нового национального искусства, и подражание бездушному классицизму с его условной исторической живописью, с античными выхолощенными сюжетами было нетерпимо. То, что Италия может принести пользу русскому художнику, по мнению Мясоедова, являлось сплошным заблуждением. «В Италии искусство мертво, здесь есть только прошедшее и поклонение прошедшему в виде бесчисленных копий с мадонн и прочего». Молодой художник категоричен в своем отрицании. «Я думаю, чтобы итальянщину двинуть вперед, нужно прежде плюнуть назад или сжечь всех Рафаэлей, Карачиев и всю почтенную компанию и начать снова учиться». Такое суждение было крайне прямолинейно, но оно находит себе объяснение в настроениях многих художников нового демократического направления. Даже И. Е. Репин, будучи за границей, в 1873 году писал В. В. Стасову, что Рим ему не понравился: «Отживший, мертвый город... Там один «Моисей» Микеланджело действует поразительно, остальное, и с Рафаэлем во главе, такое старое, детское, что смотреть

---

* Здесь и далее цитируется по настоящему изданию.

не хочется»*. П. М. Третьякову он пишет позднее: «...впрочем, и «Сикстинская мадонна» его мне совсем не понравилась, и сколько я ни старался в Дрездене, не мог уразуметь ни ее красоты, ни величия...» ** Стасов, в пылу полемики, борясь за новое искусство, развенчивал столь любимого им прежде К. П. Брюллова, сметал начисто весь восемнадцатый век в русском искусстве. Это было не поруганием прошлого, а неприятием «кумиров», того опошленного бесконечными повторениями искусства, которое Академия возводила в канон и которое мешало проявлению живой и самостоятельной мысли.

Главное, все это думалось и делалось искренне, поскольку академизм свою эстетику строил на приоритете классического искусства. Академия была сильна, имела правительственную поддержку. Чтобы развивать и отстаивать новые вкусы, нужно было дерзать, низвергать авторитеты.

Товарищество передвижных художественных выставок явилось творческой организацией, сплотившей в своих рядах передовых, прогрессивно настроенных художников, разделявших взгляды революционных демократов. Объединение освобождало себя от прямой зависимости со стороны Академии. Умело используя ситуацию развивавшегося тогда предпринимательства, художники стремились создать организацию достаточно гибкую, способную выдержать сильную конкуренцию. Они надеялись на успех, так как имели определенную и ясную цель, были молоды, деятельны и верили в правоту задуманного дела и поддержку народа. Этот благородный, отважный шаг требовал смелости, так как никто из художников не был настолько обеспечен, чтобы легко перенести возможный провал. Многим тогда затеянное ими дело представлялось сплошным донкихотством, и потому в официальных кругах это выступление не вызвало протеста, не осознавалось как опасность.

Нельзя недооценивать в этом начинании роль «первого передвижника» Мясоедова. Будучи талантливым общественником и организатором, он развивал активную деятельность, увлекал и вел за собой художников, которые поначалу проявляли робость и недоверие к проекту.

* И. Е. Репин и В. В. Стасов. Переписка, т. I. М.— Л., 1948, стр. 60.

** Переписка с П. М. Третьяковым. М.— Л., 1946, стр. 74.

Мясоедов один сознавал тогда пользу, которую может принести объединение художников нового направления, и раскрывал неверующим прекрасную перспективу задуманного начинания. Он был первым автором устава Товарищества, написанного с глубоким пониманием дела, с большим устремлением вперед. Полней всего его взгляды разделял Н. Н. Ге, с которым он обсуждал свой замысел еще в годы пенсионерства. «Скорее других,— писал Мясоедов,— понял и уяснил себе мою мысль и оценил устав, который был мною вполне составлен и потом литературно отработан сообща,— Ге».

Мясоедов сумел убедить Перова, который пользовался в Москве исключительным авторитетом, что задуманное предприятие будет жизненным и надежным. Демократизм москвичей, их поиски в искусстве, удаленность от столичной жизни и Академии не могли не повлиять на возникающее Товарищество. В Москве в 1869 году прошла основная организационная подготовка, велись переговоры с Крамским, было составлено обращение к петербургской Художественной артели.

В своем обращении к петербургским художникам москвичи писали: «Мы думаем, что возможность высвободить искусство из чиновничьего распорядка и расширение круга почитателей, а следовательно, и покупателей, послужит достаточным поводом к образованию Товарищества. Мы считаем совершенно необходимой совершенную независимость Товарищества от всех других поощряющих искусство обществ, для чего находим необходимым особый утвержденный устав, идея которого сохранится, хотя бы общество, по обстоятельствам, и прекратило свои действия...» Крамской воодушевился и принял горячее участие в общем деле, но другие артельщики отстранились от этого начинания, из них примкнул только К. В. Лемох. Когда Стасов связывал возникновение Товарищества с Художественной артелью, Мясоедов искренне негодовал по поводу такого искажения правды в угоду намеченной критиком концепции развития художественного направления.

Во главе Товарищества встали Мясоедов, Ге, Перов и Крамской, ведущие художники, пользовавшиеся большим влиянием, способные к организаторской деятельности и единодушно в ту пору настроенные. Все руководство со-

средоточилось в их руках, выставочные дела касались их непосредственно. 2 ноября 1870 года был утвержден устав Товарищества.

Умелым тактическим приемом явилось решение первую выставку открыть в Петербурге. Удар нужно было нанести в самом центре официального искусства и там получить поддержку публики и печати. Признание в Петербурге обеспечивало дальнейший успех в провинции. Для первой выставки, открытие которой состоялось 28 ноября 1871 года, использовали академические выставочные залы. Результаты превзошли все ожидания, выставку посетило более тридцати тысяч человек, о передвижниках много и сочувственно говорили.

В журнале «Отечественные записки» М. Е. Салтыков-Щедрин писал о передвижной выставке: «Нынешний год ознаменовался очень замечательным для русского искусства явлением: некоторые московские и петербургские художники образовали Товарищество с целью устройства во всех городах России передвижных художественных выставок. Стало быть, отныне произведения русского искусства, доселе замкнутые в одном Петербурге, в стенах Академии художеств, или погребенные в галереях и музеях частных лиц, сделаются доступными для всех обывателей Российской империи вообще. Искусство перестает быть секретом, перестает отличать званых от незваных, всех призывает и за всеми признает право судить о совершенных им подвигах» *.

Произошли решительные сдвиги и на художественном рынке. Мецената сменил покупатель-любитель, «совершенно свободный от культа формы или стиля» **, способный ценить в искусстве «живое начало». В противовес одобренному и узаконенному Академией искусству в русской школе образовалось самостоятельное течение. Шло активное становление картины, наполненной новым содержанием, горячим откликом на события дня, возникало направленное, гражданское искусство, вырабатывались его национальные черты, получившие выражение, по словам Мясоедова, в «крайнем реализме». Искусство со времен пере-

* М. Е. Салтыков-Щедрин о литературе и искусстве. Избранные статьи, рецензии, песьма. М., 1953, стр. 545.

** Иллюстрированный каталог XVI передвижной художественной выставки. СПб., 1888, стр. II.

движников, перестало играть «роль забавы досужих людей, лучшего, после мебели, украшения барских стен *. Классические произведения на возвышенные темы, поощряемые Академией, уже не удовлетворяли запросов ценителей живописи, искавших в искусстве правдивого отражения действительной жизни и критического отношения к ней художника.

Товарищество возникло в момент происходившего перелома, объединило почти все передовые художественные силы, стало знаменем времени. Оно играло большую воспитательную роль, было носителем передовой мысли, выявляло запросы народа. «Подъем национального чувства в России,— писал Мясоедов,— создал новые точки опоры и дал доступ новому искусству на все выставки, не исключая выставок Академии художеств».

Выставки приняли общественный характер. Товарищество объединило все, что умело и хотело быть самобытным. Главной чертой искусства передвижников Мясоедов считал «искренность» и отмечал, что упреки, которые приходилось слышать передвижникам в начале их деятельности, относились к тем сторонам, которые составляли силу и достоинства нового направления. Их обвиняли в крайнем реализме, в нарочитом показе недостатков и отрицательных сторон действительной жизни, в литературности и злободневности сюжетов. Сторонники академизма упрекали художников в отсутствии высоких стремлений, в отвращении к прекрасному и идеальному. На выставках Товарищества вырабатывалась новая демократическая эстетика, которая находила развитие в многочисленных статьях Стасова, в талантливых суждениях и письмах Крамского, в острых и резких высказываниях Мясоедова и других публицистов и художников.

С 1874 года Академия художеств, ощущая нанесенный ей Товариществом удар, закрыла выставочные залы для передвижников. Возникли постоянные трудности с размещением очередных выставок. В семидесятых годах под покровительством Академии образовалось Общество выставок художественных произведений, призванное соперничать с передвижниками. Позднее Академия сама взя-

---

* Иллюстрированный наталог XVI передвижной художественной выставки. СПб., 1888, стр. III.

лась за организацию передвижных выставок, устраивая их почти одновременно и в тех же городах. «Эта прискорбная случайность,— писал Мясоедов,— создает нам положение антагонизма». Однако Товарищество выдерживает организационную конкуренцию и неизменно одерживает победу.

Четверть века Товарищество передвижников было единственным законодателем вкусов, в его рядах сосредоточились почти все передовые силы русского искусства. Будучи наследниками шестидесятников, передвижники развивали идеи демократов-просветителей и применяли их к условиям современности. Они расширили и развили возможности критического реализма и обогатили русское искусство во всем многообразии его жанров.

Самым значительным достижением передвижников осталась картина, сложная, многофигурная, по выражению Стасова, «хоровая композиция», где действующим лицом был прежде всего народ. Достаточно вспомнить «Крестный ход в Курской губернии» И. Е. Репина, чтобы стало ясно, каких высот достигли передвижники. Такого обилия социальных характеристик, такого верного отражения действительности, такой совершенной живописи, где все частности составляют одно неразрывное целое, трудно встретить еще где-либо в мировой живописи XIX века. В бытовых картинах передвижников зрителя привлекает обстоятельный рассказ, полный внутреннего драматизма, глубокого понимания человеческих взаимоотношений, тщательность и художественность исполнения. Несмотря на все цензурные осложнения, на выставки проникают картины, в которых выражено сочувствие деятельности революционеров. Жанр богат содержанием, многообразен, несет большую идейную нагрузку.

Передвижники оставили для будущих поколений целую галерею портретов современников. Эти работы, всегда пользовавшиеся неизменным успехом, полны психологизма, блестящи по характеристикам.

Другим выдающимся достижением передвижников была пейзажная живопись. Они открыли и впервые показали своеобразие русской природы. Только в эти годы пейзажный жанр обрел самостоятельность, и зритель почувствовал, какая красота и привлекательность есть в широких русских просторах, дремучих лесах, в поэзии родных

деревень, в тех живописных уголках, которые до того казались будничными и непривлекательными. Собственно на выставках Товарищества русский пейзаж получил всеобщую славу, и здесь наметились основные его направления, связанные с именами Шишкина, Куинджи, Левитана. Описательный, декоративно-героический и лирический типы пейзажа предопределили дальнейшее развитие этого жанра.

В исторической живописи передвижники также произвели переворот. Обращаясь к далеким временам, художники находили параллели современным событиям, они были убеждены, что историю делали простые люди. Передвижники отметили трудные, переломные вехи в истории. Полнее всего глубокое проникновение в прошлое сказалось в творчестве В. И. Сурикова, в его картинах «Боярыня Морозова», «Покорение Сибири Ермаком». В этих шедеврах мировой живописи таится великая сила обобщения, глубокое знание народной жизни, ум мыслителя и великое мастерство живописца.

В дружеской обстановке Товарищества формировалось и совершенствовалось искусство Мясоедова. Каждое произведение требовало от художника напряжения духовных сил. Многие работы Мясоедова еще при его жизни стали хрестоматийными, воспитали не одно поколение зрителей. Без этих произведений невозможно представить себе общую картину передвижничества. В своем творчестве Мясоедов отразил типичные его черты. Содержание работ художника определялось самой жизнью и отвечало запросам времени. Идеи русского просветительства были прочно усвоены Мясоедовым с юношеских лет, крестьянский вопрос прежде всего волновал его, и жизненные противоречия тех лет вызывали критическую оценку событий. Художник был искренен и всегда делился тем, о чем думал. Мясоедов ощущал кровную связь с прогрессивной русской литературой и на живопись смотрел как на могучее средство пропаганды передовых идей, считая, что картина ценна лишь тогда, когда является «учебником жизни», наглядна и доступна для широких кругов народа. Значительное содержание требует и совершенных, свежих форм художественного выражения. Внешняя, условная красота возмущала Мясоедова, он не терпел фальши и ложной идеализации. Лишь в поздние годы, когда ху-

дожник утратил способность к широким обобщениям и плохо усваивал происходившие в жизни социальные изменения, он стал впадать в излишнюю красивость и тогда чувствовал, что не способен создать что-либо значительное.

Мясоедов находился в ряду русских жанристов, творчество которых было созвучно времени. Сюжеты его картин остро социальны и злободневны. Но условность построения картины по принципам академической школы связывала и ограничивала его. Полной свободы, преодоления академизма, как это было затем у Репина, он так и не испытал до конца своих дней. Еще в 1864 году художник писал А. И. Сомову: «...я считаю себя так малоподготовленным, чтобы сделать что-нибудь, чем бы я сам мог бы быть доволен, что у меня иной раз руки падают, а начинать исправлять прорехи поздно, впечатления заматерели, и старого не сшибешь». Недовольство никогда на оставляло художника. Но в период расцвета своей деятельности, в семидесятые — восьмидесятые годы, Мясоедов неустанно совершенствовался и достиг значительного мастерства. Правда, Стасов отмечал в его творчестве некоторую стесненность, излишнюю доскональность, скованность. Он писал: «Мясоедов имеет дар почти всегда выбирать необыкновенно интересные сюжеты ..., но не имеет дара всегда исполнять их с тем талантом, какого требуют эти сюжеты» *.

Мясоедов пробовал силы во многих жанрах, но полнее всего проявил себя в бытовой живописи. Заслуженным успехом пользовалась его картина «Земство обедает» (1872). Это одно из первых произведений, где прямо и резко показано бесправное положение пореформенного крестьянства, раскрыт антидемократический характер земской реформы 1864 года.

Трудная жизнь русской деревни с ее нуждой, стихийными бедствиями, нищетой и суевериями всегда находила в Мясоедове вдумчивого бытописателя. Выразительны были его картины: «Засуха» (1878—1881), «Опахивание» (1876), «Дорога во ржи» (1881) и, наконец, «Страда» (1887), где с любовью воспет труд крестьянина. В. Д. Поленов под свежим впечатлением писал: «Мясоедов давно такой хорошей вещи не выставлял... удивительно правдиво

---

* В. В. Стасов. Избранное, т. I. М.— Л., 1950, стр. 91.

и оригинально» *. Об этой же картине в советские годы очень тепло сказал скульптор С. Д. Меркуров: «Смотрю вот я на мясоедовский пейзаж, неоглядное поле, рожь волнуется под ветерком, фигуры косцов, и помогает мне пейзаж этот ощутить мощную силу земли, ту самую, что у Толстого была» **. В настоящей статье нет возможности дать анализ творчества Мясоедова. Приходится ограничиться перечислением лишь некоторых работ.

Трибуном передвижников, глашатаем идей Товарищества стал выдающийся критик-демократ Стасов. Его статьи способствовали широкому признанию выставок, утверждали и развивали вкусы зрителей. Он был талантливым пропагандистом нового искусства, был требователен и последователен в своих взглядах. Все прогрессивное, объективно отражающее действительность, бичующее пороки современности, правдиво показывающее жизнь русского народа, находило в нем горячий отклик. Стасов требовал от искусства верности жизненной правде, ценил в художнике критический взгляд. Произведения, сделанные даже искусно, но для забавы узкого круга ценителей, приводили его в раздражение. В неистовом азарте Стасов сметал все, что находил подражательным и чужеродным. Передвижничество обрело в нем учителя и законодателя. Без статей Стасова нельзя оценить направление новой школы. Увлеченность Стасова и его нетерпимость в решении ряда вопросов вызывали иногда резкие возражения со стороны Мясоедова. Но до последних дней своей жизни Стасов считал Мясоедова самым умным и последовательным передвижником, признавая его бесспорные заслуги.

Другом и наставником Товарищества был «московский молчальник» П. М. Третьяков. Бескорыстный собиратель и величайший любитель русского искусства, создатель выдающейся национальной галереи, Третьяков очень тонко и безошибочно определял достоинства картины, оказывал своевременную помощь художникам, покупал лучшие работы с выставок, и каждый считал за честь быть представленным в его собрании. Строгий отбор помогал ему сосредоточить и сохранить у себя все, отмеченное

---

* Е. В. Сахарова. В. Д. Поленов. Письма, дневники, воспоминания. М.— Л., 1950, стр. 223.

** Е. Г. Киселева. Гиляровский и художники. Л., 1965, стр. 135.

высоким художественным качеством, ставшее явлением и достижением современной передовой мысли. Третьяков стремился создать национальный музей, и Товарищество видело в нем первого и заинтересованного ценителя. Когда в 1892 году П. М. Третьяков передал свое собрание в дар городу Москве, Мясоедов писал ему: «Наша жизнь не балует нас частым зрелищем крупных гражданских подвигов, и нам тем радостнее приветствовать Ваш, что он родился и созрел на поле искусства, которого мы считаем себя преданными служителями».

О ближайших своих единомышленниках Мясоедов оставил письменные свидетельства. Очень тепло и любовно написан им очерк о Н. Н. Ге, в котором подчеркнуты заслуги маститого художника перед передвижничеством, дана высокая оценка его творчества и раскрыты сложные стороны характера. Ге был для Мясоедова близким другом со времен пенсионерства, он ценил его как оригинального мыслителя и талантливого собеседника, а в пору размолвки с Крамским, которого Ге недолюбливал, всячески стремился примирить их. Очерк Мясоедова о Ге — ценное и беспристрастное суждение о выдающемся художнике.

Чрезвычайно сложными были отношения Мясоедова с Крамским. Тесно связанные общим делом, заинтересованные в судьбах Товарищества, они ценили друг друга, но не сходились характерами. Доброе намерение сблизиться, найти общий язык никак им не удавалось. Крамской, по мнению Мясоедова, не был откровенным и простым человеком, был скрытен и внешне любезен. «Он меня не любил и боялся»,— отмечал Мясоедов. Возможно, сложность отношений возникла и потому, что критика справедливо подчеркивала заслуги Крамского в деле развития русского искусства и особенно в жизни Товарищества, что ущемляло самолюбие Мясоедова. Крамской играл выдающуюся роль в Товариществе, хотя некоторые мнения его принимались передвижниками в штыки. Крамской всегда предостерегал от возможности застоя, от успокоенности на достигнутом. Своими суждениями он причинял беспокойство и уязвлял самолюбие многих. Крамской пользовался методом доказательств, которые нелегко было опровергнуть. Мясоедов же обычно рубил сплеча. Стасов писал: «Мне кажется (не знаю, правда ли это), что Мясоедов так невзлюбил Кр[амского] именно за

то, что видел в нем попытки завладеть Товариществом и не хотел этого терпеть» *.

Волей случая Мясоедов оказался в самом центре собирания творческих сил, стремившихся выйти на самостоятельный путь. Он удачно проявил инициативу и свои организаторские способности. Крамской также искал в официальном Петербурге пути для выхода новых демократических сил, был бунтарем по своей натуре, пропагандистом реалистического искусства, много преуспел, но бился, не находя должной поддержки. Мясоедов привлек Крамского на свою сторону и получил преданного, стойкого борца в рядах передвижничества. Во всяком случае, оба они в лучший период Товарищества многое сделали для русского искусства, и заслуги их умалять не приходится.

Мясоедов в истории Товарищества был фигурой колоритной, запоминавшейся. Он способствовал великому делу объединения русских художников. Современники отмечали его полезную деятельность, легко подчинялись его обаянию. Он отличался резким характером, никогда не кривил душой, был правдив и твердо стоял на принятом решении. Начало его деятельности совпало с расцветом творчества, он способен был заражать своим примером, охотно учился и совершенствовался сам. То были лучшие годы в жизни Мясоедова, и отблеск их сохранился до последних дней. К сожалению, Мясоедов был лишен гибкости, взгляды его были слишком прямолинейны, односторонни. Властолюбие, упрямство, непонимание неизбежных перемен, диктуемых развитием общественной и художественной жизни, роняли авторитет Мясоедова. До самого конца своей жизни он стоял во главе Правления Товарищества, но в поздние годы это было скорее почетной привилегией, поскольку не он уже определял пути развития художественного объединения. Он пережил самого себя и как организатор и как художник. Превосходные качества, которые выдвинули Мясоедова в период штурма и натиска, с годами обернулись своей противоположностью. Созданное им детище переросло его и больше ему не подчинялось. Успех Товарищества превзошел все

---

* И. Е. Репин и В. В. Стасов. Переписка, т. II. М.— Л., 1949, стр. 111.

ожидания. Это был тот самый толчок, последствием которого стало мощное, много давшее для русского искусства, далеко ушедшее вперед художественное направление.

Мясоедов не в состоянии был принять многие новшества, которые считал за проявления декадентства. Он резко отнесся к картине В. М. Васнецова «После побоища Игоря Святославича с половцами» (1880). Условность новой живописи коробила его. Он оскорбил своими замечаниями художника, который после возникшего конфликта собирался выйти из рядов Товарищества. С большим трудом принимал Мясоедов картины М. В. Нестерова, не понимал Куинджи, творчество Левитана раздражало его и оставалось чуждым. Многое в поздние годы было неприемлемо для художника, поскольку подрывало принципы, на которых он был воспитан и которые прежде проводил в жизнь. Попытки пойти в ногу с веком, иногда предпринимаемые Мясоедовым, обычно не удавались ему и чаще всего оканчивались провалом.

Передвижники-учредители не осознали целого ряда обстоятельств. Стремясь сосредоточить в своих руках художественное образование страны, они проглядели, что подлинной «академией передвижничества» стало Московское училище живописи, ваяния и зодчества, где воспитателями молодежи прежде всего были передвижники, и лучшие традиции их прочно усваивались и продвигались даровитыми учениками училища. Старым членам Товарищества, которые берегли заветы, казалось, будто воспитанники училища поддаются дурным влияниям западного декадентства, излишне увлекаются импрессионизмом и пренебрегают содержанием в своих картинах. Они не сознавали, как у них самих мельчала и становилась безыдейной тематика, как они сами утратили способность идти впереди века, отвечать запросам времени. Обилие художественных группировок, поиски новых средств выражения отпугивали постаревших передвижников. Они боялись молодежи, которая накануне XX века, выступая против казенного либерализма и захватившего художественный рынок самодовольного мещанства, искала новых путей для развития и упрочения реализма. Если бы молодые художники были приветливо встречены, приглашены равноправными членами в Товарищество, передвижники

одержали бы еще не одну победу и способствовали дальнейшему развитию движения. Ратовавшие за широкое привлечение экспонентов В. Д. Поленов и И. Е. Репин не способны были преодолеть косное отношение со стороны руководства объединения к одаренной, ищущей новых средств выражения молодежи.

Товарищество не являлось в те годы монолитной организацией, как прежде. Внутренние противоречия, возникавшие среди художников, подрывали прежнее единство. Основатели Товарищества все еще жили прошлым, например борьбой с Академией художеств, которая давно уже вынуждена была пойти на уступки. В 1894 году, после завершения реформы Академии, передвижники заняли в ней ведущие преподавательские места. Академия стала «передвижнической», но сами передвижники утратили свою независимость. Эта победа одновременно была и поражением, ослаблением сил Товарищества, правительственным маневром, который сглаживал грани между официальным и демократическим искусством. Приход ряда передвижников в Академию художеств расценивался Стасовым, Мясоедовым, Ярошенко, Антокольским, как прямая измена демократизму. В те годы это был немалый урон для сплочения передовых художников в ряды Товарищества, хотя пребывание передвижников в реформированной Академии и сыграло положительную роль в деле воспитания художественных кадров. Сближение передвижников с Академией было уязвимым местом в тактике позднего передвижничества, особенно после того, как четверть века они удерживали знамя независимости. Событие это подверглось осуждению критики всех направлений.

В начале XX века было принято умалять значение Товарищества передвижных художественных выставок. Достижения передвижников казались пройденным этапом. Обилие творческих организаций, поиски нового выражения художественной мысли, совсем иные требования, возникшие в период развития капитализма в России, в момент выхода на общественную арену пролетариата, привели к сложным противоречивым поискам в искусстве. Жанровая картина в прежнем понимании отслужила свою роль, она выродилась в мещанский, анекдотический рассказ, утратила воздействующую силу. Правда, на выставках появлялись работы С. В. Иванова, Н. А. Касаткина,

А. Е. Архипова, С. А. Коровина и других одаренных мастеров, но в целом Товарищество переживало трудные годы упадка и конкуренции с многочисленными группировками и направлениями.

Как видно, само Товарищество не учло в девяностых годах того перелома, который наметился в русском искусстве. Совет Товарищества, отстаивая чистоту своих первоначальных заветов, придерживался уровня, достигнутого в восьмидесятые годы, и творческие поиски молодежи, в основном воспитанной в боевых традициях передвижничества, стремившейся развивать и совершенствовать эти идеи, сближая их с актуальными задачами современности, были чужды теперь и непонятны руководителям Товарищества. Они проглядели свою смену и не поддержали начинаний молодежи. Искусство, пробужденное передвижниками, основанное на глубоком понимании национального в живописи, демократическое и проникнутое верностью жизненной правде, значительное по своим живописным и новаторским средствам, на новом этапе своего развития отпугивало старых передвижников. Они с трудом пополняли свои ряды и откровенно боялись одаренной молодежи. Экспоненты оставались для них чаще всего посторонними людьми. Громивший декадентство и боровшийся за букву устава, Мясоедов получил тогда обидное прозвище «Мясоглотенко». В известной карикатуре П. Е. Щербова, исполненной в конце девяностых годов, было показано бедственное положение передвижников, которые, изображенные в виде запорожцев, обсуждают свои потери и не замечают, как в это время С. П. Дягилев, сколачивавший выставки «Мира искусства», в качестве мусорщика сметает и прибирает все то, что отвергнуто передвижниками. Литературный портрет Мясоедова, оставленный в дневниковых записях В. В. Переплетчикова, выглядит утрированным и злобным, хотя в нем есть черты, характерные для заката маститого передвижника. Ожесточенный и одинокий, он громит декадентов и напоминает внешним видом ощипанного, старого ястреба.

Предлагаемый сборник писем, статей и воспоминаний представляет ценность не только для уточнения жизненных вех Мясоедова, но и для всей истории Товарищества передвижных художественных выставок, с которым имя художника неразрывно связано. К великому сожалению,

архив Мясоедова до нас не дошел, художник уничтожал приходившие к нему письма, осталось немногое, но и оставшееся представляет несомненный интерес. Живой голос Мясоедова доносится до нас со страниц сборника. Стасов высоко ценил его литературные способности. В 1887 году он сообщал Репину о своем разговоре с Мясоедовым, когда предлагал ему писать воспоминания «про все, что он видел и пережил на своем веку, про всех товарищей по искусству, про все отношения и события».

«Я прямо так-таки и высказал ему в глаза,— писал Стасов,— что нахожу у него пропасть неверного, одностороннего, озлобленного, несправедливого и при всем том высоко ценю ту меткость и глубокую проницательность, которая так часто тут же проявляется у него. Я сказал ему, что это была бы просто потеря, если бы этот исключительный взгляд, этот пронзительный голос не раздался для всех. Он беспощаден, он нелицеприятен, он не повинуется никаким отношениям дружбы, приязни и товарищества — и этим меня прельщает, невзирая на все заблуждения и неверности .... Эта суровость, эта неподкупность (вот-то уж истинно — «ни крестом, ни пестом») нравится мне ужасно и, признаюсь, я во многом хотел бы так писать! Это нечто республиканское, непреклонное, нечто брутовское (в смысле высокого понимания гражданского долга, во имя которого приносятся в жертву личные отношения.— *Л. Т.*), не щадящее никого и ничего» *.

Такое красочное, темпераментное высказывание превосходно предваряет предлагаемый сборник, оно подчеркивает достоинства и недостатки публикуемого материала. При сложности характера Мясоедова не следует впадать в односторонность. Мясоедов меньше всего нуждается в прихорашивании. Он больше других сознавал свои отрицательные стороны и, обрушиваясь на авторитеты, никогда не щадил самого себя. Он знал себе цену и не преувеличивал своей роли. Черты нигилизма, проявившиеся еще в студенческие годы, всегда проступали в его неуживчивом и резком характере. Он был умен, объективен в своих суждениях, начитан, высказывал любопытные сужде-

---

* И. Е. Репин и В. В. Стасов. Переписка, т. II. М.—Л., 1949, стр. 111.

ния о литературе и музыке, но в своем пристрастии и отрицании мог быть несправедлив. Личная жизнь его была неприютна и неустроена, слишком он был колюч и неприемлем для окружающих. Когда он полагал, что поступает хорошо, другие терпели от этого большие неудобства. Судя по письмам, имелись у него глубокие привязанности, свойственны были доброта и мягкость, но эти стороны он обычно скрывал и не показывал на людях. Он видел, как рушатся его иллюзии, и внутренне ожесточался, поскольку не способен был признать свои ошибки и не имел гибкости поправить их. Мясоедов до конца жизни кипел, боролся, возмущался, но уже без единомышленников, которых отталкивал от себя, и чем дальше, тем больше ощущал вокруг пустоту и доживал век в одиночестве.

Будучи инициатором и создателем Товарищества передвижных художественных выставок, Мясоедов вложил в это огромное дело много труда и энергии. Он первый смог оценить важность и значение большого мероприятия, когда весьма многим казалось, что это — обреченная на провал затея. Принимая активное участие в организационной и выставочной деятельности Товарищества в качестве одного из бессменных его руководителей, Мясоедов всю жизнь свою связал с историей передвижничества. Вместе с ним отдали свои силы и способствовали развитию Товарищества такие известные художники, как Ге, Крамской, Ярошенко, В. Маковский и многие другие. На передвижных выставках, начиная с первой, неизменно появлялись его произведения. В своей прогрессивной деятельности Мясоедов выступал как художник-гражданин, поборник демократического искусства и всегда был верен высоким принципам критического реализма. Он служил интересам народа, защищал и отстаивал передовые идеалы русского общества. Выдающийся общественник и талантливый художник, он оставил приметный след в русском искусстве.

Л. М. Тарасов

Из писем
и документов

1. Н. Д. Дмитриеву-Оренбургскому

[Сентябрь 1862]

Голубчик Николай Дмитриевич! [1]

Пожалуйста, не гневайтесь, что я Вас хочу обеспокоить маленькой просьбой, она состоит в нижеследующем. Пожалуйста, осведомьтесь, что делается с моей картиной, стоит ли она на выставке или продана, а если продана, то не можете ли напомнить Фулону, чтобы он деньги выслал? Если же нет, то возьмет ли ее Академия для себя или нет? Это знать мне нужно для некоторых соображений. Я бы, пожалуй, попросил Вас передать Федору Федоровичу мою просьбу, что если он намерен взять ее для музея, то нельзя ли к этому приступить сейчас же и выслать мне деньги, если оные могут быть скоро получены [2], но, написав это, я подумал, что это, пожалуй, как говорится, жирно будет, настолько я Вас не решаюсь беспокоить, поэтому хоть известите меня хоть в двух простых, но ясных словах о настоящих обстоятельствах. Я заехал в такую глушь, что ай-люли, очень невесело, о возвращении своем не знаю ничего [...]. Желаю Вам успеха в эскизе [3], не поминайте лихом.

Г. Мясоедов

Адрес: Харьковской губернии, в город Купянск, Марии Прохоровне Кривцовой, для передачи Г. Г. Мясоедову.

2. Академии художеств

24 мая 1863 года

В Правление императорской Академии художеств
пенсионера Григория Мясоедова

Извещение

Имею честь известить Правление императорской Академии художеств, что в настоящее время нахожусь в Берлине, в котором намерен ознакомиться с музеем и частными галереями, также посетить Академию, затем отправлюсь в Дрезден, откуда извещу об адресе для пересылки следующего за будущую треть содержания с извещением о результатах осмотра.

Пенсионер Григорий Мясоедов

3. Академии художеств

1/13 августа 1863 года
[*Швальбах*]

В Правление императорской Академии художеств
от пенсионера Григория Мясоедова

Извещение

Имею честь известить, что, заболев в Дрездене, был принужден в продолжение шести недель лечиться, в настоящее время здоров и намерен через Дюссельдорф ехать в Брюссель, откуда по Рейну через Швейцарию отправлюсь в Италию. В настоящее время, не имея возможности точно определить время и место моего будущего пребывания, покорнейше прошу Правление Академии, если оно найдет это своевременным, выслать мне за следующую треть содержание, адресуя вексель на имя жены моей, Елизавете Михайловне Мясоедовой [1] в г. Лозанну, где она будет дожидаться моего возвращения из Брюсселя.

Пенсионер Академии художеств
Григорий Мясоедов

4. А. И. Сомову и В. П. Шемиоту

12/24 октября [*1863*
Флоренция]

Давно, ох, как давно, аз многогрешный, собираюсь Вам писать, Андрей Иванович и Владимир Петрович [1]. [...]

[...] В настоящую минуту я нахожусь во Флоренции и должен Вам сказать, что в Италию я перебрался из Швейцарии, [...] в Италии мне нравится несравненно лучше Швейцарии. Был в Милане в La Scala, который с виду очень плох и невелик, но, взойдя внутрь, оказывается тоже очень плохим и довольно большим, хотя не более и гораздо хуже Московской [оперы] [...]. Что касается до картин, то из осмотра галереи я вынес то убеждение, что русским художникам никакой нет надобности разъезжать за границу, чтобы знакомиться с древним искусством. Наш Эрмитаж есть одна из лучших галерей (если не самая лучшая), а в настоящее время должна быть и в Академии весьма хорошая галерея [2], что же касается пользы, которую будто бы приносить может Италия, так это большое заблуждение.

В Италии искусство мертво, здесь есть только прошедшее и поклонение прошедшему в виде бесчисленных копий с мадонн и прочего. Я думаю, чтобы итальянщину двинуть вперед, нужно прежде плюнуть назад или сжечь всех Рафаэлей, Карачиев и всю почтенную компанию и начать снова учиться. Я был в Милане в Palazzo Brera [3], где помещаются и картины и программы с ежегодных выставок, все более в старом скучном стиле, который уже нигде более не встречается. Во Флоренции никакого движения в настоящее время нет. Несколько выставок, смотреть жалко, что за бездарность. Половина кинулась на подражание самому пошлому французскому шику и мажут так, что чертям тошно, и, можете вообразить, что нет на всей выставке ни одной вещи, чтобы хоть немного отдохнуть, сплошная посредственность. В Брюсселе я видел большую выставку и несколько выставок в Кельне и Дюссельдорфе, правда, что из всех стоит внимания только Брюссельская [4]. Но как ни плохи прочие, все ж найдется две-три вещи, над которыми порадуешься. В Берлине тоже, боже сохрани, как плохо — и Академия жалкая, а в Дрездене постоянная выставка из рук вон, половина

работ, вероятно, удалена. Трудолюбивыми и аккуратными немками какие-то цветочки на серой бумаге сделаны гвашью, и цена выставлена — два талера. Картину Риделя показывают особо, как очень важную вещь [5]. Взымают деньги для поддержания постоянной выставки, которая и тут идет плохо. Вообще эта часть Германии не делает большого эффекта. В Дюссельдорфе я видел кое-что, но мало. Вероятно, большая Брюссельская выставка привлекла лучшие вещи, и, действительно, там я видел довольно хорошего, и вообще это была первая очень большая выставка, которую я видел. Я намерен при посылке в Академию отчета [6] послать и описание этой выставки с некоторыми замечаниями об администрации и устройстве ее, что мало похоже на нашу, уж одно, что те, которые расставляют вещи и присуждают награды, выбираются теми, вещи которых приняты на выставку, и выбираются баллотировкой. [...]

[...] Живя во Флоренции, где останусь, вероятно, еще месяц, я начал писать этюд с женщины в позе Магдалины (замечаете, уж меня в древность мечет) [7]. Натура претолстая и очень некрасивая, говорят, лучшая натурщица, все они какие-то маленькие, тоненькие, точно дочки Бруни [8], только в деревнях простые девочки очень красивы. Уффици и Палаццо Питти мне очень нравятся — обе небольшие галерейки и в каждой найдется что-нибудь недурное [9] [...]. По церквам много фресок разных знаменитостей. Но, признаюсь, что они вовсе не занимательны.

Пожалуйста, будьте добры, не поступите по-моему, напишите, пожалуйста, что Вы поделываете, как живете, что нового в Петербурге с выставкой, какие новые корифеи явились и кто погиб? [10] [...]. За Академией у меня еще есть 400 рублей, не знаю, когда Львов мне их вышлет [11]. Намерен взять учителя итальянского языка, чтобы в многолюдном городе не бродить, как в пустыне, однако многократно и многократно благодарю Андрея Ивановича за его науку. Хотя плохо, но я все-таки кое-что могу спросить [...], сам нанял квартиру и очень дешево, нанимаю извозчиков и даже торгуюсь, а все это благодаря Вам, Андрей Иванович [...]. Хотя мог бы обойтись без учителя, но, будучи устранен от жизни, хочу в нем найти обязательную практику, чтобы скорее двинуться. Здесь во Флоренции живет Забелло — скульптор и двое русских гари-

бальдийцев [12], с которыми я знаком, и Ге, который теперь в России, и, говорят, его картина произвела эффект почти как Помпея. Правда ли? Я ее не видал. Напишите, что это за штука [13]. Очень обрадуете, коли напишете. Что делает Владимир Петрович [14], есть ли заказы? Как дешево жить во Флоренции, вот бы ему переехать. Прощайте. Жена Вам кланяется. Будьте здоровы.

Гр. Мясоедов

Адрес во Флоренции: Via de la Scala, № 73.

5. А. И. Сомову

[*Начало декабря 1863*
Флоренция]

[...] Вы требуете, чтобы описать Вам поподробнее все, что я видел. На это я Вам вот что скажу. В продолжение моего путешествия у меня составилась мало-помалу некоторая идея об искусстве европейском (вовсе не больно-то в пользу сего), что я изложил более или менее кратко в заметках более или менее плохих, в коих описываю и последнюю выставку в Брюсселе (четырехгодичная) довольно подробно. Рассказываю некоторые сюжеты картинок и устройство выставок, правила о приеме картин, их расстановке, на кого это возлагается и кем, все это весьма отлично от нашего, и нужно согласиться, что не в нашу пользу, что намерен послать копию отчета о моей прогулке по Европе в нашу Епидемию, ибо она того требует. Но в то же время она их бросает. В этом, я думаю, что не ошибаюсь. Вы могли бы сей отчет, если Вам это интересно, просто взять у Зворского [1], а впрочем, если будет время и черняк, я Вам копию пришлю, исправленную и дополненную. В настоящее время я нахожусь во Флоренции и отныне впредь пробуду еще месяц. Нужно Вам признаться, что природа Италии подгуляла. Живописцы толкуют, что как-то линии красивы, но я того в толк не могу взять. После Швейцарии все слабо. В настоящее время пишу этюд с женщины вроде Магдалины. Сидит в печальной позе, волос изобилие, кругом скалы. Словом, захотелось женщину почувствовать, как говорится, ибо ни разу еще женского тела не писал, пишу в натураль-

ную величину и нахожу, что трудней мужчин. На теле мало зацепочек, все гладко. Кроме того, написал маленький эскиз, который буду писать в большом размере и которого некоторое микроскопическое подобие тут прилагаю.

Не знаю, понятен ли Вам сюжет, дело в том, что из двух сестер одна младшая замужем и у нее есть ребенок, с которым она дурачится: она молода, красива и счастлива. Другая — старшая перешла возраст, когда благоразумие предлагает не помышлять о своем счастье, а заняться или чужим делом, или святым писанием, что она делает в одну из минут, когда молодая мать, только покормив ребенка, с ним шалит, девица засмотрелась невольно на эту сцену (которую предполагается сделать красивой, ибо она дает к тому случай), забыла работу, и невольная грусть изобразилась на физиономии, а может быть, и слезы навернулись — это уж как мне вздумается — как Вы думаете, может из этого выйти толк? Подумайте, молодая женщина, этак некоторым образом в дезабилье, ребенок, роскошный капотень с ленточками, шитое атласное одеяльце, кружева, шаль, розовые щеки, кончик груди — и все в свету, а в стороне, менее освещенной, нечто отцветшее, хотя сохранившее признаки, четки, медальон на шее, около какое-нибудь подражание Христу и т. д. Помыслите и, если будет время, отпишите Ваше мнение, мной весьма ценимое, а может, Вам придет какая дополнительная черта в голову. Назвать я думаю —«Игра случая» [2].

Нужно Вам заметить, что из художников я почти никого не видал; Чистяков в Риме. Проездом в Рим был во Флоренции знаменитый г. Иков, который пленен Парижем [...], а Карнеев с ним тоже разъезжает. Осталось восемь месяцев жить за границей, он собирается что-нибудь начать работать. Потом были архи[текторы]: Попов и Кольман, которых я не знаю. Последний, кажется, получил боль[шую] золотую медаль в Париже за рисунки Альгамбры. В Дюссельдорфе встретил Рицони, вместе ехали до Льежа, где и ночевали, отколе он направился в Голландию, а я в Бельгию. В Брюсселе почти в первый раз я глотнул досыта всякого художества, ибо до тех пор только в Дюссельдорфе видел кое-что, что я всегда предчувствовал и что в Брюсселе осуществилось. В Брюсселе я видел много хорошего, в том числе И. Трутнева, кото-

2. Крестьянская девушка. 1860

3. Бегство Григория Отрепьева из корчмы на Литовской границе. На сюжет из трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов». 1862

рый меня удивил жалобой, что не у кого учиться и ничего не успевает. Послал какую-то вещь в Питер, видели Вы или нет? Что сие есть? Когда-то он много обещал, говорили, что он наш лучший жанрист, все после «Благословения рекрута», картины, которую следовало бы повесить в рекрутском присутствии между портретом Нико[лая] Пав[ловича] и станком. Должно быть, давно хотелось публике что-нибудь из современного быта [3]. Жанр всюду выгнал живопись историческую, с тех пор, как уехал из России, не видал ни одной, стоящей внимания, исторической картины. На выставках, если и встретится, то ей везде отведены самые высокие места под потолком, и все плохо, точно так же, как и у нас, та же скука и казенщина и отсутствие натуральности.

Можно сказать по совести, что наша Академия, если не самая лучшая, то из лучших, да нет, просто лучшая. Такой галереи, как у нас в Академии, теперь нет нигде в академиях. Эта галерея могла бы составить отдельный музей для какого-нибудь немецкого столичного города. В Академии Берлинской три комнаты, набитые хламом, составляют галерею Академии, в Брюсселе Академия где-то в подвале так, что и отыскать ее нельзя. Во Флоренции натурный класс есть Академия, да и вообще смысл их не тот. Если бы казенных профессоров поразогнать, так наша Академия была бы отличная. А немец, что за бестолковый народ. Особенно в Берлине и Дрездене я не заметил никакого движения, все пишут медхенов с козочкой или итальянских бандитов, великий Каульбах скорей большой Каульбах, чтобы сделать его фрески понятными, надо кругом голов или из рта пустить надписи,— и пестро так написано, несмотря что сюжеты важные, точно французский ситец [4]. В Милане и Palazzo Brera опять повстречал исторические сюжеты: и Юдифь, и Андромеду, и всякую мифологию, произведения современной кисти до того исторические, что точь-в-точь писал Солдаткин [5] или Иков. И здесь во Флоренции встречаю исторические картины, точно Иков — те же пороки и то же отсутствие достоинства. Во Флоренции говорят, в живописи есть движение вперед, я обошел все выставки и меня поразило удивительное собрание посредственностей, так и видно, что учиться лень, а денежки хочется зарабатывать, и притом самое жалкое подражание французам,

например мальчик идет с зеленым зонтиком, который заслонил солнце, и этот сквозящий зонтик и мальчик, идущий по дорожке, делают яркое пятно. Ну вот и картина, намазано вообще, а в подробностях ничего не разберешь, и все такие пошлости. Здесь есть некто Усилио Усси, которого равняют с Поль де ля Рошем [6], которого картина висит в здании, где устроена выставка,—«Изгнание духа». С нее сделали гравюру. Картина, впрочем, не делает большого впечатления, флорентинцам она должна нравиться, ибо духу гонят. Можно положительно сказать, что нам технике нечего учиться у иностранцев, уж если на то пошло, так скорее пусть они учатся (перечитывая, я заметил, что в этом месте я раскатился). Их сила не в том, живописцев у нас довольно, и что такое живопись, и какие ее требования, мы не хуже их знаем, а я думаю, что у нас нет художников, т[о] е[сть] вру, есть, да по России мало, только начинаются. Но 10—15 лет — у нас будет их довольно! Я помню несколько картин на нашей выставке, которые бы смело могли стоять в Брюсселе, хотя бы, например маленькая вещица Кошелева «1-е число»; что кидается в глаза [7], это разница между направлением нашего жанра и заграничного. От нашего все Щедриным несет, между тем европейский скорее отзывается Тургеневым или даже послаже. В Брюсселе на выставке было до 5 картинок, сюжет которых был — молодая мать кормит грудью ребенка, и все тут. Вообще много сцен из внутренней жизни семьи, трактованных большею частью без всякого дальнейшего размышления или задней мысли, а просто как камеробскура. А нашего направления с задней мыслью, всегда почти горькой, я положительно не видал ни одной вещи, разве кончина какой-нибудь канареечки. А впрочем, вспомнил, вместо канареечки картину в Кельне в музее —«Смерть дочери Кромвеля», и сам он тут [8]. Хорошо, как говорит Калинин. Из скульпторов во Флоренции более замечательный и нам известный Дюпре[9], а также нам известный, хотя не столь замечательный Забелло. Из русских — Мечников и Пряничников, оба служившие у Гарибальди, люди вольных мыслей.

[...] Собственно, что касается до меня, то я чувствую себя несколько лучше, чем в России. Жизнь не такая терпкая. В Италии мало кто думает, ибо мало кто умеет,

остается только делать не задумываясь, а это идеал, к которому, по моему мнению, следует мне стремиться, и, право, я был бы очень доволен (очень многие мне завидуют из провинции), но у меня есть особый талант быть недовольному во что бы то ни стало, а иногда и хандрить, и как бы при благоприятной обстановке ни с того, ни с сего терять ко всему вкус и скучать по черт побери! Может оно, как-нибудь там так и нужно, не переделаешь.

6. А. И. Сомову

[*Декабрь 1863*
Флоренция]

Батюшка Андрей Иванович.

[...] Если вздумаете меня порадовать Вашим письмом, то пишите в Рим и увы! с франкированием, ибо письма нефранкированные по тупости папы в Рим не доходят. Через неделю еду в сию древнюю столицу, украшенную пребыванием Павла Петровича Чистякова, которого, вероятно, увижу с большим удовольствием, чем всю прочую компанию. [...]

Жаль, что Вы не поименовали получивших медали. Это всегда интересно для отставших [1]. Я все кончаю свой этюд, которому окончательно придал вид картины, если сниму фотографию, пришлю к Вам [2]. А затем будьте здоровы. Передайте Надежде Константиновне [3] мой нижайший поклон. Моя жена то же просит и от себя исполнить. Затем будьте здоровы еще раз и простите. Поклонитесь при случае Шемиоту.

Гр. Мясоедов. [...]

7. А. И. Сомову

[Конец *февраля — март 1864*
Рим]

Государь мой Андрей Иванович!

К моему прискорбию переписка, внезапно между нами вспыхнувшая, погасла столь же внезапным образом и, нужно признаться, с Вашей стороны, ибо на мое письмо

ответа я не получил (дек[абря] 9). [...] Я в Риме! В кругу моих собратий по искусству и среди всяких художественных и нехудожественных неистовств. Нужно Вам заметить, что до сих пор не видал всех картинных галерей. Но вчера совершил довольно большое путешествие на Via Appia, где видел Sepolcro Scipione *, где мне пришло в голову сделать рисуночек, как форестьеры при свече восковой рассматривают гробницы. В натуре очень эффектно выходило, потом термы Каракаллы, где Николай I выстроил лестницу на свой счет, катакомбы Каликсты, где опять любовался эффектным освещением людей посреди гробниц, удивляюсь, как никто из любителей эффекта не напишет катакомб. Где-то далеко-далеко была дырка на воздух и кусочек синего неба, который сквозил сквозь него, так блестел во мраке, как не блестят звезды, и из этой дырки лились такие голубые лучи, и такой эффект делали во мраке вместе со светом восковой свечи, что просто прелесть, а тут посреди костей и гробниц ... ** молодую чету, которая, пользуясь мраком и страхом стариков, нежничает. Хотя бы мне кто-нибудь заказал, написал бы с удовольствием. Потом заехал в несколько церквей, в том числе и в Павла, церковь замечательно богатая. Вообще Рим с его навозом, пустырями, курами и индейками, свободно расхаживающими, мальчишками и девчонками, кувыркающимися посреди очисток капусты и и всякой дряни, мне нравится, на всякой улице развлечения от души [...]. Хочу прибавить о моей картине, что Вам оставил[1]. Я Вам тогда говорил, что буду очень рад, если Вы ее у себя оставите за ту сумму, которую Вы и теперь предлагаете, а теперь весьма рад даже буду, и если Вы вздумаете послать их сюда, то воспользуйтесь Ге, если он приедет не позже 1-го декабря, ибо я во Флоренции никак не долее этого числа, а если Ге уедет позже, то адресуйте вексель во Флоренцию [...].

Кланяйтесь всем домашним, а также Стасову. Не знаю, получил ли он письмо? Слышал, что он генеральский чин получил[2]. [...]

Львов обещал мне выслать остальные деньги 400 рублей за мою картину[3]. Не знаю, когда господь его сподобит

---

* *Гробницу Сципиона на Аппиевой дороге* (*ит.*).

** *Далее не разобрано одно слово.*

исполнить свой обет, а обещал в сентябре. Я хоть и не нуждаюсь, но все приятней, как в руках капитал. Еще раз кланяемся Вам и Надежде Константиновне, еще раз желаем Вам всего, чего Вам угодно, и просим прощения с приятной надеждой от Вас получить ответ.

Гр. Мясоедов

8. Академии художеств

14/2 мая 1864
[Неаполь]

В Совет императорской Академии художеств
пенсионера Григория Мясоедова

Отчет

По окончании годичного пребывания моего за границей, следуя полученной мною инструкции, в нижеследующих строках буду иметь честь изложить все, что касается до моего пребывания за границей и моих занятий.

Выехав из Петербурга 18-го мая, спустя неделю я был в Берлине, где прежде всего занялся осмотром музея, заключающего в себе огромное собрание картин старых немецкой, голландской и итальянской школ и даже несколько зал школы византийской; все они расположены в строгом порядке, школ же позднейших времен сравнительно очень небольшое число и ни одной современной картины; более интересным мне показалось отделение этнографическое и египетские залы[1].

Музей занял меня дней пять, покончив с ним, я осмотрел небольшие галереи Рачинского и Академии художеств, которая состоит из двух зал, по преимуществу из картин современных весьма посредственного достоинства в смешении с весьма плохими и небольшим числом хороших, как, например, Галле «Последние минуты Эгмонта» и небольшая картина Гораса Верне[2]. Обошел также и постоянные выставки, где ничего не нашел стоящего внимания, хорошо только, что с художников ни за право ставить картину, ни за вход ничего не берут, что, впрочем, нигде не делается, как то в Дрездене, Дюссельдорфе и Брюсселе.

Из Берлина по прошествии дней десяти переехал в Дрезден, где на второй день отправился осматривать знаменитую галерею, которая и в самом деле оказалась и самой большой и самой богатой из всех виденных мною прежде и после; только, к удивлению моему, картины расставлены в беспорядке и без всякой системы. Рибера на одной стене с Дюрером, Ванлоо — с Рафаэлем, картины позднейшие с картинами пятнадцатого века путаются в удивительном для немецкой стороны беспорядке.

Постоянная выставка оказалась еще плоше, чем в Берлине: тут было множество цветочков, нарисованных на серенькой бумажке с подписью внизу «1 талер». Искусство аккуратных немок.

После недельного пребывания в Дрездене я заболел и по распоряжению доктора пролечился два месяца в Швальбахе, откуда по выздоровлении отправился в Брюссель, куда меня манила долженствующая быть там большая выставка. По дороге в Брюссель я осмотрел музей в Кельне, внешность которого гораздо привлекательнее содержания, и три выставки в Дюссельдорфе, из которых постоянная была самая лучшая. Выставка Академии была слабее и на обеих господствовал пейзаж. На третьей выставке городской я видел прекрасную вещь Кнауса «Фальшивые игроки» и в первый раз работу Лессинга, которая мне очень понравилась [3]. Все три выставки были столь немногочисленны, что одного дня было много, чтобы их осмотреть, почему я и поспешил в Брюссель.

Брюссельская выставка из всех, мною виденных, была самая богатая по числу картин вообще — и по числу хороших картин. Я так был ею доволен, что решаюсь писать о ней подробнее. Помещалась она в деревянном, для нее выстроенном балагане со стеклянной крышей; стены, обтянутые холстиной, ловко раскрашенные орнаментами и фигурами и местами бронзированные, делали, несмотря на балаганное основание, великолепный эффект, чему помогал ряд статуй, расставленных по фасу. Но внутри ветер колыхал холстину, и во время дождя приходилось жалеть о зонтиках, отобранных при входе, где продаются билеты и каталог, из которого я решаюсь сделать несколько выписок касательно устройства выставки.

Прием картин и организация выставки находятся в ведении комиссии, назначаемой министром; размещение же картин, назначение медалей и поощрений, а также покупка картин поручается комиссии, которая составляется таким образом: каждый, присылающий свою вещь на выставку, вместе с тем присылает запечатанный конверт с девятью именами, между которыми должно быть 5 живописцев (исторических не менее двух), 2 скульптора, 1 архитектор и 1 гравер. Если вещь удостаивается принятия, то принимается также и конверт, и, по раскрытии их всех, те девять, которые получают большее число выборов, составляют комиссию. Картины покупаются за счет государства только те, которые заслуживают того по своим достоинствам; покупка никогда не делается с целью поощрить. Поощрение выдается деньгами не менее 200 и не более 1000 франков. Число медалей для живописи не должно превышать пяти, для скульпторов — двух, для медальерного искусства — двух и 1 для архитектуры. Все — золотые. За десять франков дается особый билет, служащий на все время выставки; члены комиссии и художники, поставившие свои работы, бесплатно получают личный билет. Выставка состояла из 1297-ми художественных произведений, перевес был на стороне пейзажа и живописи современного быта; исторических картин мало, и если взять в расчет их достоинство, то можно сказать, что их почти не было [4].

Большого размера картины почти не в ходу, но все помещены и освещены прекрасно. [...]

Между портретами, которых вообще было мало, лучшие принадлежали Cermak'у и de Pommayrac'у; из баталий самая лучшая «Битва при Сольферино» Paternostre и две вещи, чрезвычайно замечательные по художественной оконченности, принадлежащие Meissonier, первая «Наполеон со штабом при Сольферино» и вторая улица узкая и темная, где во мраке сумерек видна разрушенная баррикада и несколько изуродованных трупов. У большинства художников, напр[имер] Willems и Becker'a, техника стоит на первом плане [5], да и вообще картины, в которых есть какая-нибудь мысль, относятся к картинам без содержания, как 5 к 100; даже из истории берут самые незначительные случаи, лишь бы они давали случай блеснуть умением писать бархат, атлас и проч[ее]. Например,

Карл V уронил когда-то кольцо, находившаяся тут дама, подняв его, хотела возвратить, на что Карл, будучи кавалером, с ловкостью почти военного человека, отвечал, что кольцо попало в слишком прекрасные ручки, чтоб его оттуда взять [6]. Картин, в которых содержание еще пустее, множество, но прекрасное исполнение заставляет обратить на них внимание; зато есть целый ряд сюжетов в таком роде, который у нас почти не встречается, сюжетов, взятых из семейной жизни, преимущественно сцен счастья и любви, например картина Stevens'а, названная «Tous les bonheurs», где молодая красивая женщина, прибежав домой, бросается к люльке и спешит покормить своего ребенка, перчатки второпях разорваны и брошены на пол, ее великолепное бархатное платье небрежно расстегнуто, и сколько торопливости и любви во всей ее фигуре! Но еще симпатичней и грациозней выбор сюжетов de Jonghe, напр[имер] картина, названная «Крестная маменька» [7]. У замужней сестры первого ребенка окрестила ее младшая сестра, девушка лет пятнадцати — нет конца радостям, куда мать с ребенком, туда и она; мать, которой не более семнадцати лет, сидит и кормит своего ребенка, тут же пристроилась у ног и крестная маменька и с таким выражением смотрит на эту милую сцену,— лаская крошечную ножку своего крестника,— как будто ей трудно удержаться, чтобы не зацеловать его, как говорится, до смерти. И много, много таких симпатичных вещей, где перед маленьким событием зритель много подумает и почувствует такого, отчего ему самому станет лучше.

Из более сложных картин были лучшими: «Свадебный обед в Зеландии» Dillens'а, «После крестин» Кнауса и прекрасная вещь Comt'а «Récréation de Louis XI», где больной король в хандре и скуке, окруженный пышным двором, сидя на возвышении, старается развлечься травлей крыс [8].

Из русских художников были картины Страшинского и Сверчкова, только в «Леонарде де Страшинском из Рима» никто не предполагал русского [9]. Было много скульптуры, но и здесь, как и везде, скульптура занята мифологией, а если некоторые рискнут сделать что-нибудь в роде обыкновенном, как, напр[имер], мальчика, слушающего раковину, то выходит очень неинтересно [10].

Из Брюсселя по Рейну спустился в Швейцарию, где прожил весь сентябрь, оттуда через Милан, где осматривал Palazzo Brera с «Тайной вечерей» Leonardo da Vinci и Миланский собор, переехал во Флоренцию. Там прожил два месяца, осмотрел все галереи и написал этюд с натуры в натуральную величину, который, однако, не мог окончить совершенно по причине неаккуратности натурщицы [11].

Начавшиеся холода заставили меня перебраться в Рим, который в продолжение четырех месяцев едва успел осмотреть; картинных галерей и церквей так много, что приходилось делать отдых, во время которого начал писать другой этюд женской фигуры, который и кончил, а по вечерам ходил в частную академию и сделал с натуры пять рисунков.

Из Рима по осмотре всего замечательного переехал в Неаполь, откуда и высылаю этот отчет.

Пенсионер Академии
Григорий Мясоедов

9. А. И. Сомову

*[Середина августа 1864
Сорренто]*

Государь мой Андрей Иванович, давно собираюсь Вам отвечать, но должен Вам признаться, что жар нестерпимейший извел меня до состояния расслабления. Днем работаю хотя каждый день, но лениво [...]. Вы просите писать о наших артистах, и вот уже три месяца я оставил Рим, где помещалось депо нашего искусства, видел я и депо, и способ изготовления артистов. О, dio grando *, скучно, Андрей Иванович, и смотреть-то, да и вспоминать невесело, ничего из нас путного не будет, по-моему, нет ни одного порядочного человека в Риме, точно будто Академия выбрала что похуже. Мартынов между всеми Юпитер (не говорю про Бронникова, который уехал и который, как человек хороший и добросовестный, не может быть дурным живописцем, как никогда не может

* *О, великий бог* (*ит.*).

быть истинным художником, ему все равно, что ни писать, будь это Тиверий, или Каракалла, или Людовик какой-нибудь, или хоть Иван Калита, он все исполнит добросовестно, но что до меня, то по мне это только одна скука, но повторяю, что за исключением Бронникова нет никого, кто мог бы достигнуть даже такой высоты) [1]. Вы не можете себе представить, как вяла и малохудожественна жизнь наших пенсионеров. Главнейшее занятие состоит все-таки в том, что собираются где-нибудь за Тибром в кабачке, где Мартынов, как человек осанистый и речистый, председательствует и, разумеется, начинаются сплетни, которые ведутся с искусством, которому бы и бабы позавидовали [...]. Наконец, и до меня. Я хоть себя и не считаю ослом вислоухим (что может и другим в голову относительно себя не приходит), но дело в том, что я считаю себя так малоподготовленным, чтобы сделать что-нибудь, чем бы даже я сам мог бы быть доволен, что у меня иной раз руки падают, а начинать поправлять прорехи поздно, впечатления заматерели, и старого не сшибешь. В Риме ходил в Академию, рисовал с натуры, написал два этюда с женщин во весь рост и все нашел очень слабым, так что не считаю себя способным написать целую фигуру совсем хорошо, а теперь пишу головки, а между тем дьявол сует в голову седые волосы. [...]

Жду прохладного времени, чтобы съездить в Палермо, а потом выбираюсь или во Францию или в Испанию. [...] В отеле, где я живу, человек десять русских. Но мы все так друг другу надоели и так малопривлекательны, что почти друг друга не видим, а мне, признаться, и залив-то Неаполитанский со своей бирюзовой водой делается противен, и начинает мне казаться, что грязная лужа с отражающейся вереей гораздо живописней. Впрочем, в то же время мне представляется, что это может быть и вздор.

[...] Последнее время думаю и придумываю, куда бы улизнуть на осень, и, кажется, хвачу в Специю, так как города мне дюже не нравятся, а на Специю я и прошлого года зубы точил.

Если вздумаете писать, то адресуйте все-таки в Сорренто, ибо я тут адрес свой оставлю. [...]

Гр. Мясоедов

10. А. И. Сомову

*[Конец 1864 — начало 1865
Париж]*

Любезнейший и многоуважаемый Андрей Иванович!

Наконец я в Париже, в столице мира — писал Вам из Венеции, куда ожидал текущего Вашего ответа, надеюсь оный получить по крайней мере в Париже. [...]

В Париже я еще ничего почти не видал, грязь ужасная, и вид Парижа самый непрезентабельный, небо войлочное, вроде петерб[ургского]. Сегодня бегал целый день, отыскивал квартиру, потому что думаем поселиться на всю зиму и весну в Париже, но квартиры ужасно малы и дороги, комнаты вроде клеток, а я хочу начать тут картину, которую уже сочинил [1]. Турин мне гораздо более нравится, много меньше, но гораздо элегантней и чище, но зато все нужные нам снадобья тут можно найти гораздо легче. Кн. Черкасский тоже тут, говор[ят], построил себе мастерскую, чуть и потолки не обил бархатом. [...] Но я еще никого не видал, только Якоби и Сорокина, который имеет вид и манеру монастырского привратника, малословен и степенен [2]. [...] Если будете мне писать, то будьте добры про выставку расскажите поболее и не отложат ли ее до весны, ибо весной я мог бы и своего выслать что-нибудь.

[...] До апреля месяца я пробуду в Париже и даже апрель, если не прихвачу мая. Наш адрес в Париже: Rue Donay, № 47, 3-й этаж. Мы наняли маленькую квар[тиру], которую меблировали, мебель напрокат, где я и начинаю работать свою будущую картину [3]. Поклонитесь от меня и моей жены Надежде Константиновне, а также и самому себе.

Ваш покорнейший Гр. Мясоедов

[..] Как-то Ваше гравирование идет?

11. Академии художеств

30 мар[*та*] *1866*
Франция, По

В Совет императорской Академии художеств
пенсионера Григория Мясоедова

П р о ш е н и е

Получив известие от моего отца о его нетерпеливом желании меня видеть по причине расстроенного его здоровья, возбуждающего опасения, я осмеливаюсь беспокоить Совет Академии просьбою обратить свое внимание на то, что во все продолжение моих занятий в Академии я находился на положении жанриста, и премии, которыми Совет удостоил вознаградить меня, были получены за картины народного быта [1]. Вследствие чего, взяв в соображение положение устава о трехгодичном сроке пребывания жанристов за границею, покорнейше прошу дозволить мне возвращение в Россию, так как срок этот для меня оканчивается, или допустить оное, как временный отпуск для свидания с моим отцом, сделав свое распоряжение о выдаче мне следующего содержания и подъемных денег [2] доверенному от меня лицу надворному советнику Константину Дмитриевичу Краевичу, получавшему мой пансион за последние годы.

Пенсионер Академии Григорий Мясоедов

12. А. И. Сомову

22 августа [*1866*
село Новоселитебное]

Многоуважаемый Андрей Иванович!

Что-то Вы поделываете? Из пустыни, в которую я затесался, Вы мне представляетесь чем-то столь отдаленным, что недостает храбрости взяться за перо. Кажется, что это напрасный труд и ответа никогда не получить. Сюда не досягает ни одна газета, а вместе и ни одна новость. С тех пор, как я прочел о начинающемся перемирии между австрийцами и пруссаками [1], я не видал более газет, да и изустные новости здесь не имеют места. В нашей степи

мы окружены молчаливыми курганами, взобравшись на которые, ничего не увидишь, кроме стогов сена и сидящих на них степных орлов. [...]

[...] Не знаю, когда я отсюда выберусь. [....] Что-то у Вас нового, сообщите, если время будет, как по части политики, так искусства и местных интересов, не встретитесь ли Вы при случае с конф[еренц]-секретарем Академии, и если встретитесь, то не можете спросить у него, могу ли я пробыть до мая в России с получением содержания или нет, так как срок моего отпуска не определен? [2] Я, впрочем, нахожусь в таком настроении, что не знаю, что мне делать, я как-то потерял центр и не знаю, за что взяться и где его искать. Баланс между центропритягательной и центростремительной силами нарушен в сторону последнего. Надо отдаться силе обстоятельств, куда плюхну, там и ладно. [...] Прощайте, до свиданья.

Гр. Мясоедов

Если вздумаете писать, адр[ес]: Харьков, в г. Купянск, в село Новоселитебное, Гр. Гр. Мясоедову.

13. А. И. Сомову

[Сентябрь — начало октября 1866]

Многоуважаемый Андрей Иванович!

Крепко благодарен Вам за все хлопоты по поводу моего произведения [1]. Хорошо, если бы хоть какие-нибудь из них можно было бы променять на те бумажные картинки, на которых в шутку написано, что по предъявлении тотчас выдается звонкая монета, все же сии хоть кому-нибудь нужны, но да будет воля божья. Очень рад был я также и Вашему письму, единственные новости были им занесены в нашу пустыню. Как они ни печальны, все ж за отсутствием конкуренции возбуждают интерес. В Испании я сильно восставал против боя быков, но смотреть, как людей вешают, едва ли не похуже, да еще с таким увлечением соваться по улицам с полуночи, чтобы добыть минутное наслаждение видеть православного в плафоне, как говорят у нас в Академии, с высунутым языком.

Нужно быть баранами, пусть право вешать остается за тем, кто его имеет, но право, лучше бы было, если бы площадь была пуста, чтобы наслаждение это предоставить одним исполнителям казуса [2]. Но в природе все последовательно, и публика, ротозеющая на удавленника, никогда не будет в них нуждаться, а впрочем, это не по моей части, я нынче агроном, сельский хозяин, администратор, управляющий и все, что прикажете, встаю рано, одеваю полушубок и сапоги по колено, чтобы привести в дело хозяйственную машину. [...] Но, увы, и у меня бывают минуты падения духа, когда гибнут посевы, сломается молотилка или дождь подмочит хлеб, и несмотря на все это, я написал три портрета, из которых один очень удался, с молодой хорошенькой соседки и много эскизов и даже пейзажей. Наш конференц-секретарь не хотел вникнуть в мое дело, министр разрешил мне остаться на неопределенный срок, стало, чего ж ему-то работать? Наконец, если Вы опять по случаю на него наткнетесь, то спросите, не будет ли Академия в претензии, если я останусь здесь без получения пансиона, разумеется, и без потери, ибо, прожив здесь, я мог бы сделать экономию и таким образом иметь возможность, получив генварскую треть вместе с майской, переехать за границу [3]. Ибо, откровенно говоря, от моего здесь пребывания зависит устройство дел жене на всю жизнь, ибо мы переживаем кризис раздела с таким человеком, с которым не нужно зевать.

За что были столь жестоко казнены Петерб[ургские] ведо[мости], управляемые десницей Корша, всегда, кажется, бывшего благонравным? [4] Теперь Вы, вероятно, будете близким зрителем различных перестроек между Кюи, Серовым, Раппопортом и прочими витязями, а некоторым образом решителем их судеб или по крайней мере их произведений [5]. [...]

Гр. Мясоедов

Написав, вспомнил, что мое писанье Вы зовете трудно чтимым, это по совести верно. Ну, да Вы, коли чего не разберете, плюньте.

А если бы я пожелал уехать за границу через Одессу, вышлет ли мне Академия паспорт и пансион??

14. А. И. Сомову

7 декабря [*1866*]

Многоуважаемый Андрей Иванович!

Пишу Вам несколько слов, в них будет заключаться просьба, я скоро уезжаю из деревни в Питер. [...] 15-го я, вероятно, уеду и буду иметь удовольствие Вам представиться [...]. Я живу по-прежнему в моей глуши, с той разницей, что моя хозяйственная деятельность прекратилась, сестры разделились. Снег упал на поля и все покрыл саваном временного забвения до нового солнца, которое увидеть я надеюсь только за границей. Бесполезно наскучать Вам, описывая одну скуку, которой мы так богаты. [...] Будьте здоровы и радостны.

Г. Мясоедов

15. П. П. Чистякову

[*Июнь — июль 1867*
Флоренция]

Любезнейший Павел Петрович! Писал я Якоби два раза, просил его выслать мне письма и пансион. Нет ни слуху ни духу, так что я не знаю даже, в Риме ли он и получил ли он мои письма? [1] [...]

Что Вы поделываете и как поживаете в куче попов, что понаехали в Рим, а здесь страхи, что в Риме холера. Как идет Ваша Мессалина? [2] Осенью я приеду в Рим и надеюсь Вас там увидать, а покамест прощайте. Будьте добры сделать одолжение не пренебречь моей просьбой.

Г. Мясоедов

16. П. П. Чистякову

[*Лето 1867*
Специя]

Весьма Вам обязан, Павел Петрович, за доставку писем; что до повестки, то почему бы Вам тоже ее не послать. Вы даже могли бы распечатать и посмотреть, в чем дело, не идет ли дело о пансионе? Впрочем, и то хорошо, что письма послали. Что бы Вам приехать к нам, здесь, я Вам

скажу, не житье, а масленица. Жизнь стоит дешево, этюды великолепные, купанье точно по бархату, женщины красоты неописанной, и старухи такие живописные, что мило-дорого посмотреть. Железная дорога идет до Specia, а оттуда на лодке в 1 час за 25 сантимов. Мы с Ге валя[ем] по три этюда в день, так что весь день занят. Приезжайте-ка, если возможность окажется. Тут есть один господин, который ужасно трусит холеры. Я ему прочел Вашу просьбу бить по рылу всякого, иже о холере речет слово,— некто Веселовский [1]. [...]

Жизнь здесь тихая, точно на конце света. Нет никакого начальства, никакого признака полиции, ни аптеки, ни почты, все это в Lerici, за По 23 версты. [...] Все Вам кланяются и сюда просят приехать. Мад[ам] Ге говорит, что Вас знает и тоже просит кланяться. Итак, до свиданья, и что нашему брату русскому не дают затрещин в Риме, так как начальство нас не опекает. Я писал Капнисту [2] о пересылке пансиона, заблагорассудит он это сделать или нет? Может, встретитесь, то спросите его милость. И будьте здоровы.

Гр. Мясоедов

17. Академии художеств

24 декабря [*1867*]
Флоренция

В Правление императорской Академии художеств
пенсионера Григория Мясоедова

Сведение

Так как подходит срок высылки следующего мне за январскую треть пансиона, то, извещая Правление Академии, что нахожусь во Флоренции, где исполняю начатую мною картину [1], прошу покорно выслать пансион по следующему адресу: Firenze, via Chiara (S. Lozenzo), № 42. Прошу покорно Правление Академии, сколько можно не замедляя высылкой, взять вексель на немедленное получение. При этом имею честь известить Правление Академии, что одобрение Совета Академии за выставленные мною картины я имел честь получить [2].

Пенсионер Григорий Мясоедов

4. Г. Г. Мясоедов. 1870-е годы

5. Земство обедает. 1872

18. Академии художеств

23/11 июля 1868 года
Флоренция

В Правление императорской Академии художеств
пенсионера Григория Мясоедова

Извещение

Имею честь известить Правление Академии художеств о получении объявлений о выставках, долженствующих быть в этом году. Притом довожу до сведения Академии, что картина, начатая мною для выставки этого года [1], не может быть мною выслана в срок по причине задержки пансиона, который в эту треть еще не прибыл. По истечении более двух месяцев от определенного срока, т. е. 1-го мая, что решительно делает постоянную работу невозможной и заставляет отложить срок окончания ее. Почему покорнейше прошу Правление Академии сделать распоряжение о высылке следуемого мне с 1-го мая пансиона, по возможности в непродолжительное время [2].

Пенсионер Григорий Мясоедов

19. Академии художеств

24 октября 1868 года

В Совет императорской Академии художеств
пенсионера Григория Мясоедова

Прошение

По окончании картины [1], сработанной мною за последние годы, которую я желал бы привезть и выставить лично, я не имею возможности в оставшиеся зимние месяцы предпринять что-либо, что требовало бы моего пребывания за границей, почему прошу покорно Совет Академии, взяв во внимание, что до сих пор я принужден был жить врозь с своим семейством, — разрешить мне возвращение в Россию с правом получения еще следующего мне пансиона и прогонных денег, необходимых мне для окончания начатых мною работ [2].

Пенсионер Академии художеств
Григорий Мясоедов

20. Петербургским товарищам

23 ноября 1869 г.
Москва

Милостивые государи.

Препровождая к Вам эскизпроекта подвижной выставки. мы надеемся, что Вы не оставите его без внимания.

При возможности представить этот проект в один из Ваших четверговых собраний на общее рассмотрение, при участии лиц, которых Вы найдете полезным пригласить, Вы могли бы довести его до настоящей полноты и в этом виде доставить нам копию с него. Затем, по собрании подписей тех, которые пожелали бы участвовать в делах Товарищества, хлопотать об утверждении устава.

Не лишним считаем прибавить, что на первые расходы придется (если бы не нашлось других источников) каждому из членов внести несколько рублей. Надеемся, что идея устройства подвижной выставки найдет в Вас сочувствие и поддержку и что Вы будете так добры не оставить нас без ответа.

Григорий Мясоедов	Н. Дмитриев-Оренбургский
Василий Перов	К. Трутовский
Лев Каменев	Николай Сверчков
Алексей Саврасов	А. Григорьев
В. Шервуд	Ф. Журавлев
И. Прянишников	Н. Петров
Н. Ге	В. Якоби
И. Крамской	А. Корзухин
К. Лемох	И. Репин
Васильев	И. Шишкин
Адриан Волков	Александр Попов [1]
М. П. Клодт	

Проект устава Товарищества подвижной выставки[2].

Цель

Основание Товарищества подвижной выставки имеет целью: доставление обитателям провинций возможности следить за успехами русского искусства. Этим путем

Товарищество, стараясь расширить круг любителей искусства, откроет новые пути для сбыта художественных произведений.

Права

Товарищество имеет право устраивать выставки художественных произведений во всех городах Российской империи.

Состав

Членами Товарищества могут быть только художники, не оставившие занятий, все члены Товарищества должны быть действительными членами.

О вступлении

Всякий художник, имеющий какую-нибудь известность, хотя бы в мире художественном, если пожелает, может вступить в Товарищество. Люди, не известные Товариществу, представляют свои работы на годичное Общее собрание и по принятии их картин на выставку записываются членами Товарищества.

Обязанности

Каждый член Товарищества обязывается представить картину для выставок к определенному сроку.

Картины, долженствующие составить выставку, должны быть написаны для нее (т. е. неизвестны публике). (Исключение делается для произведений, выходящих из уровня).

Общество по своему усмотрению может делать исключение в видах пользы общества.

Порядок управления

Все дела подвижной выставки решаются или Общим собранием, или управлением выставки, по большинству голосов, закрытой баллотировкой.

Общее собрание

Собирается один раз в год. На этом очередном собрании оно рассматривает действия управления за истекший год, делает поверку приходно-расходных книг, избирает новых

членов управления, принимает в члены Товарищества тех из желающих вступить в него, кого найдет могущим принести пользу, назначает срок будущей выставки и производит раздел сумм, подлежащих разделу сообразно стоимости произведений, представленных на выставку за истекший год.

Управление

Управление состоит из лиц, выбранных на общем собрании, для заведования делами выставки. Число членов управления определяется Общим собранием, соразмеряясь с делами выставки.

Управление делится на два отделения для заведования делами выставки в обеих столицах.

Все дела решаются по большинству голосов, в решения, таким образом сделанные, входят оба отделения, составляя одно целое. Не могущие явиться, могут давать письменные доверенности или выражать свои мысли перепиской.

Местопребыванием управления назначается та из столиц, где окажется более наличных членов управления. При нем находятся касса и все дела управления.

Следующие дела подлежат рассмотрению управления:

Назначение маршрута выставки. Приискание помещения выставки.

Избирание лица, сопровождающего ее.

Оценка картин, служащая основанием при разделе ее доходов между членами.

Приобретение вещей, необходимых для выставки.

Назначение и выдача ссуд.

Решению каждого из отделений подлежат следующие дела.

Прием картин, предназначаемых на выставку (в случае отказа недовольные могут обратиться или в другое отделение или в Общее собрание).

Назначение ссуд.

Доходы

Управление выставки назначает плату за вход по своему усмотрению.

Входная плата, а также пятипроцентный взнос с проданных на выставке вещей составляют доход выставки.

Из доходов выставки образуется капитал, необходимый для текущих расходов выставки. Размер его определяется Общим собранием.

По составлении капитала все доходы, за исключением 5-процентного взноса, подлежат разделу между членами Товарищества сообразно ценности их произведений, определенной управлением выставки.

Сумма, образовавшаяся из 5-проц[ентного] взноса, предназначается на ссуды тем из членов Товарищества, которые по недостаточности не могли бы окончить картин, предназначенных на выставку, а также на приобретение рам, которые остаются собственностью выставки, а в случае продажи картины вычитается стоимость рамы из полученных за картину денег.

Деньги Товарищества хранятся в кассе при управлении, которое под своей ответственностью может из среды себя избрать заведующего кассой.

О передвижении

Выставка открывается в одной из столиц, если результаты выставки будут удовлетворительны в финансовом отношении и собранные деньги будут в количестве, могущем гарантировать расходы на передвижение, то из столиц выставка Товарищества направится в те города внутрь России, которые будут избраны управлением.

На пути картины страхуются в ценность, определенную их авторами. Выставку сопровождает один из членов Товарищества на его счет. В случае надобности присоединяется помощник.

Товарищество составляет альбомы выставки, исполненные тем способом, какой оно найдет наилучшим для продажи при выставке.

Альбомы и рисунки выдаются тотчас же покупателю. Картины выдаются по возвращении выставки на место отправления, причем с покупателя берется часть стоимости под расписку Товарищества: проданные картины высылаются за счет автора. Цена картины, поступающей в продажу, определяется автором ее.

Сопровождающему выставку выдается маршрут, книга с означением картин, их содержания и стоимости и книга для записи прихода и расхода.

О книгах
Об изменении устава

Вот эскиз проекта, который мы препровождаем на рассмотрение тех, кто пожелал бы присоединиться к нашей идее с целью осуществить ее по возможности будущей осенью [3]. Все мы, здесь подписавшиеся, сошлись на одной мысли о пользе выставки, где распорядителями были бы сами авторы выставляемых картин, на свой страх и свою выгоду. Выставку эту мы думали бы сделать сначала в Петербурге, вероятно, что Клуб художников [4] не откажет ни в помощи, ни в сочувствии, имея помещение, он мог бы предоставить его Товариществу в то время года, когда действия клуба еще не открыты, если выставка даст доход, из Петербурга она может направиться в Москву, где успех ее будет во многом зависеть от успеха в Петерб[урге], а из Москвы в провинции.

Препровождая эскиз устава, мы надеемся, что те, которые согласны будут в идее, возьмут на себя труд дополнить или изменить, что найдут приличным.

Мы полагаем, что раздел дохода между членами есть самое справедливое средство удовлетворить людей, внесших свой труд в общее предприятие, потому что покупка картин или назначение премии падут всегда на долю сильнейших.

Кроме вероятности распродажи картин и альбомов, мы думаем, что возможность высвободить искусство из чиновничьего распорядка и расширение круга почитателей, а следовательно, и покупателей послужит достаточным поводом для образования Товарищества.

Мы считаем совершенно необходимой совершенную независимость Товарищества от всех других поощряющих искусство обществ, для чего находим необходимым особый утвержденный устав, идея которого сохранится, хотя бы общество, по обстоятельствам, и прекратило свои действия (чего боже упаси), оно может быть возобновлено на готовых уже основаниях.

21. И. Н. Крамскому

2 февраля [*1870*
Москва]

Извините, пожалуйста, Крамской, что я не пишу Вам по принятой форме и так грязно, это письмо предполагалось переписать, но по недостатку времени посылаю черняк, надеясь на Ваше снисхождение. В нем Вы увидите мое мнение, которое я сообщаю лично Вам, радуясь, что и Вы приложили Вашу руку к нашему делу,— это уж ручательство за успех.

Сейчас я бегал с Вашим письмом [1] к Перову для того, чтобы поверить свои мысли, и, переговорив, увидел, что мы думаем совершенно одинаково. Завтра вечером соберутся у него господа, подписавшие посланную Вам бумагу [2]. Перетолковав между собою, мы сообщим Вам те мысли, до которых дойдем, а покамест я изложу свои воззрения на устройство нашей выставки. Они же и Перова.

Хорошее дело, основанное на началах справедливости, не должно компрометироваться, приноравливаясь ко вкусам отдельных личностей. Успех выставки несомненно будет находиться в зависимости от ее 1-го дебюта. Петербург для России то же, что Париж для Франции. Блестящий успех в Петербурге гарантирует успех и в Москве и в провинциях.

Согласитесь сами, последовательно ли большинство картин пересылать в Москву из Петербурга для того, чтобы переслать их опять в Петер[бург], а затем опять пустить их по той же дороге, рискнуть собранными деньгами, истратив их на перевозку картин в Москву, без гарантии на успех. Ибо Москва, хотя и большое стадо и может дать большой сбор, но ей нужно готовое мнение, ибо своего она не имеет. То же можно сказать и про провинции. И скажите, из чего же совершать это бегство из Мекки в Медину, из того, что кто-то боится кого-то, а кого, даже и сказать стыдно. Да отчего вы, протестовавшие так резко [3] и на опыте испытавшие, что ни к чему худому ваш протест не привел (вас украшают и званиями, не обходят и работами), своим примером не приободрите робких, которые думают, что Академия должна навеки остаться в той же форме, как она теперь? Отчего не надеяться, что и она, наконец, изменится к лучшему, когда

с ней можно будет водить дружбу? Но для изменения надо, чтобы художники заявили свое неудовольствие. Временный проигрыш, если он и мог бы случиться, вознаградится впоследствии; наконец, помимо личностей существует искусство, которое всех нас кормит, отчего не пожертвовать чем-нибудь, чтобы поставить эту кормилицу в лучшее положение и снять с нее иго Евреинова и компании [4], без которой мы дохнуть не можем. Мне кажется, что нет необходимости делать никаких компромиссов и в сделках, ни бить в барабан. В писании сказано: будьте мудры, как змеи, и кротки, как голуби. Вот программа для действий, на мой взгляд. Исполнять ее нужно так. Прежде всего изготовить устав, то есть довести его до совершенства и утвердить законн[ым] путем, сделать это как можно без шуму и проворней, затем — готово болото, черти сами полезут. Двадцать человек дружных и решительных достаточно, чтобы вести дело с успехом, а первый успех увлечет за собою все. Поверьте, материальная выгода — самый сильный стимул, да, наконец, почему выставить картину на другой выставке — значит вести войну с Академией? Кто мешает, наконец, слабодушным поставить что-нибудь и в Академии для очищения совести, и пусть ее показывает это что-нибудь; результатом этого будет выставка для членов Академии, как это бывало уже, т[о] е[сть] закрытая, а ввиду такого факта, спустя два или три дня никто не удивится и не будет иметь права претендовать, если наше Товарищество, отправляясь в путь, покажет свои картины Петербургу. Пусть не подумают, что москвичи не хотят взять на себя забот об устройстве выставки, эти заботы на нас непременно упадут столь же, как и на вас; нам только представляется странной идея бежать от страху в Москву: ведь это все равно, что прятать голову в песок подобно страусу. Все мы находимся под одинаковыми условиями, где бы мы ни выставили, имена выставивших будут известны Академии; если она имеет способность глотать живьем живописцев, уж наверно никого не пощадит; но не надо забывать пословицу «Бог не выдаст, свинья не съест», да и дело-то представляется от нашей загнанности и робости гораздо более страшным, чем оно есть. Главный и важный шаг — это утверждение устава, а затем все пойдет как по маслу. Еще раз извините неопрятность письма

и выражений. Сегодня же хочу пустить письмо на почту, а уже 9 час[ов] в[ечера].

Преданный Вам Гр. Мясоедов

Есть до Ге небольшое дело, впрочем, интересное. В Петербурге ли он? Если увидите, скажите ему, что если он останется долго в Питере, чтобы дал знать свой адрес.

Я уверен, что письмо, писанное за общей подписью, будет всеми понято как следует, особенно, если обратят внимание на его официальный характер [5].

22. И. Н. Крамскому

21 сентября [*1870*]
Москва

Многоуважаемый Иван Николаевич!

Направляю посылку, в коей лежит прошение и проект устава [1], всеми подписанный, т[о] е[сть] теми, которые сколько-нибудь сочувствовали идее с самого начала. (Шервуду мы не предлагали). Кроме подписавшихся, нашлись бы еще желающие, но они могут попасть просто в члены, если пожелают. Вероятно, и Вы не будете предлагать к подписи тем, которые в учреждении нисколько не участвовали.

Когда будете подавать на утверждение устав, хорошо бы, если бы Вы известили дня за четыре или пять, потому что есть возможность достать письмо к Тимашеву, в котором попросят его (или его жену) обратить внимание на наше дело [2]. Одно мне не нравится, что через женщину надо действовать. Что Вы на это скажете? Не найдете ли это неприличным, а особа эта знакома по-дружески с Самим и с Самою.

Не знаю, знаете ли Вы мой адрес: Тверской бульвар, дом Ухтомской, на углу Бронного переулка. До свиданья. Поклонитесь будущим товарищам, да и не выбрасывайте из головы нашего дела.

Ваш по гроб Г. Мясоедов

23. П. М. Третьякову

[Январь 1873]

Милостивый государь Павел Михайлович![1]

Извините, что я не отвечал Вам тотчас же, разные дела, а также приезд жены отняли у меня всякую возможность располагать моим временем, теперь, освободившись несколько, спешу Вам ответить. Мне, конечно, приятно Ваше желание поместить мою работу в Вашу галерею, и, считая за честь попасть в Вашу коллекцию, я готов сделать всевозможную уступку из назначенной цены; цена, объявленная мною Академии за «Земский обед», 1200 [2]. Но так как Академия до сих пор ничего определенного не говорит и так как мне гораздо приятней быть у Вас, а не в Академии (где уже есть моя работа) [3], то я понижаю до 1000 рублей. Думаю, Павел Михайлович, что, взяв в соображение цены, назначенные другими художниками, которые Вы не находите чрезмерными, я в требовании не перехожу за границу справедливости, и мне будет очень жаль, если Вы не захотите настолько же подвинуться вперед, насколько я отступил. Против небольших изменений я ничего не имею и думаю, что не куры мешают, а некоторые другие малые недостатки, которые поправить Вы тоже, вероятно, не найдете излишним. Будьте добры, Павел Михайлович, сообщите Ваши окончательные намерения, чтобы я мог свободно располагать своими поступками и чтобы меня не смущало напрасное желание попасть в Вашу коллекцию. С истинным почтением имею честь быть готовым к услугам Вашим

Г. Мясоедов

24. П. М. Третьякову

11 генваря [1873]

Мое искреннее желание, многоуважаемый Павел Михайлович, сделать всевозможную уступку, чтобы только сойтись к обоюдному удовольствию; хотя сто рублей гораздо более значат для меня, чем для Вас, тем не менее я согласен получить от Вас 900 рублей, но чистых, то есть без вычета тех 5%, которые я должен заплатить

Товариществу; говоря яснее, я прошу Вас, возвысьте до 945, и думаю, что Вы не будете в претензии за эту маленькую прибавку.

Я согласен, что «Птицелов» Перова был продан задешево, но, сколько мне помнится, был перепродан за двойную цену, что до картины Клодта «Послед[няя] весна», то с тех пор цены очень на все изменились, да и картина-то очень слабенькая, и можно сказать, что была она продана слишком дорого [1].

Относительно второй моей картины должен сказать, что, к удивлению моему, она менее нравится, чем «Земство», я объясняю это двумя причинами: во-1-х,— современным стремлением к реальному и повседневному, а во-2-х, тем, что картина не окончена, но, думаю, что я могу двинуть ее вперед настолько, что она будет делать несколько иное впечатление, ибо работал ее с такой поспешностью, что не имел времени одуматься, и тем не менее это моя любимая картина [2].

Итак, я думаю, Павел Михайлович, что 45 рублей не остановят Вас, и я буду иметь удовольствие видеть себя в Вашей галерее, а также навесить ярлычок, на котором будет стоять п р о д а н а, и одной заботой на душе будет менее [3].

Рассчитывая на благоприятную весть с Вашей стороны, я прошу покорно передать мой глубокий поклон Вашей супруге и принять уверение в моем искреннем уважении.

Г. Мясоедов

25. Н. Н. Г

[Июль 1873]

Хочу иметь о Вас какой-нибудь слух, многоуважаемый Николай Николаевич. И на деревенском досуге Вы, верно, не откажетесь написать два слова. Что Вы делаете и как проводите время, совсем ли предались dolce far niente * или взяли с собою необходимую снасть и что-нибудь производите [1].

Я пишу усердно и два раза разорвал свою картину, хорошо, что незаметно [2]. Натура трудно дается — рабо-

* *Ничегонеделание* (*ит.*).

чая пора, и никто не идет. Кроме того, жара и страшное изобилие мух делают работу мучительной, почти невозможной. Зато, с другой стороны, меня утешает изобилие плодов земных. Землянику, малину и всякую другую ягоду не знаешь, куда девать, и объедаемся страшно. Есть речка, под носом, купаемся раза по три в день. Есть журналы, газеты, остальное время проводим в кейфе или музыке, и вообще не очень скучно.

Не услышите ли около Вас об охотниках продать именье на мою сумму, я все мечтаю о деревне. Таковому посвящайте меня. Как Вы поработали в Питере и двинули ли Вы Вашу картину? Тимашев об уставе сообщил ли Вам что-нибудь? [3] Чиркин мне писал раза три. В Орле плохо, в Харькове лучше. Он говорит, что ему советуют ехать в Новочеркасск, и спрашивает об этом, прося списаться. Я на этот счет не имею никакого мнения и думаю, однако, что следует держаться программы уже утвержденной [4].

Как здоровье Анны Петровны и ребят? [5] То-то, я думаю, чупырскаются всласть, жаль, что я не могу им в этом помочь.

А где П. П. Забелло? [6] Высылал ли Вам Чиркин деньги? Он писал, что у него немного. Если вздумаете писать, то пишите в Чернь на имя Александра Михайловича Кривцова[7], с передачей. Жена просит Вам кланяться, она недавно ездила в Елец и Липецк с музыкальными целями и привезла два кувшина с дукатами.

Будьте здоровы.

Г. Мясоедов

26. И. Н. Крамскому

[*Август 1873*]

Весьма сожалею, добрейший Иван Николаевич, что случившаяся с Вами Одиссея украла у Вас много времени и причинила, вероятно, много неприятных хлопот, и с прискорбием, отчасти с недоверием услыхал, что Вы, якобы, ничего еще не сделали [1].

Если бы Вы приехали повидаться, я был бы отменно счастлив, а приехать можно нижеследующим образом. Во-первых, до станции Чернь, а еще лучше до Сергиев-

ского, где на станции спросите или Галку, или извозчика Евдокима. Оный Вас доставит до места, да и всякий другой, скажите только в усадьбу Кривцова Александра Михайловича (на всякий случай маршрут — Губаревка — Ольховец и Сергея Гума, где я живу). Цена извозчику 4 руб[ля]. Выставка до сих пор плохо, барыша никакого, несчастий нет. Теперь в Одессе, как идет, известий еще оттуда не получал [2]. Да приезжайте, все сообщу поподробней.

Я работаю и уже подвинул несколько [3], недавно ездил в Смоленскую губернию охотиться. Да приезжайте, поговорим; во всяком случае сообщите, я буду Вас ждать.

Кланяйтесь всем Вашим, Шишкину, Савицкому и их сожительницам со чады [4].

Будьте здоровы, надеюсь, до свиданья.

Г. Мясоедов

27. И. Н. Крамскому

[*Август 1873*]

Пользуюсь оказией и спешу написать Вам несколько слов с Паниным, сейчас уезжает. Дом Барабиной переделан заново и оказывается негодным для Вас. Но если Вы поедете до Подольска по ж[елезной] дор[оге], а потом свернете по Варшавскому шоссе до станции Каменка, а на станции возьмете лошадей в сторону, расспросив про имение, которого имя я, да и другие забыли (кажется, Кусовниково), неподалеку от села Никольского княгини Урусовой, где Вам всякий покажет этот старинный дом, где ночевал Александр I во время Бородинской битвы. Дом давно оставлен хозяевами, при нем сторож, есть остатки старинных мебелей и даже провалившиеся потолки. Словом, все, что нужно, а главное за рубль Вы будете там хозяином. Дом этот многие ездят осматривать [1]. Впрочем, я там был лет десять назад, что вышло с тех пор, не знаю. Кругом же все обыкновенные... * дома, и сколько я ни спрашивал, ничего не добился.

Получил письмо от Ге, где он извещает о том, что мне уже известно, и находит, что в Константинополь

---

* *Далее не разобрано одно слово.*

хорошо поехать. Таковое же он и Вам адресовал [2]. Поклонитесь Константину Аполлоновичу, Катерине Васильевне [3]. Надеюсь, что здоровье Ваших больных поправилось и Вы, может быть, найдете время, чтобы забежать ко мне. А пока желаю Вам всего лучшего и всем Вашим.

Г. Мясоедов

28. И. Н. Крамскому

[*Конец августа 1873*]

Спешу написать Вам несколько слов, Иван Николаевич. Сейчас получил письмо от Чиркина из Одессы, откуда он пишет, что дела идут хорошо [1]. Сбор в десять дней был 421 рубль. Зала отличная, и публика ходит, усиливаясь в числе. Но кроме того, в эти 10 дней проданы обе картины Прянишникова, обе картины Савицкого, Маковского и Максимова за назначенную цену, Савицкого за 300 руб[лей]. «Дети с курами» — Новосельским, «Чиновник»—греком Криона. Кроме того, мое «Заклинанье» куплено Чихачевым, им же куплены и прочие картины [2]. Чиркин пишет, что их надо выдать. А между тем в Киеве выставка будет пустая. Поэтому надо взять меры, чтобы что-нибудь послать взамен. Я взамен «Заклинанья» вышлю ту же картину, которая была в Харькове [3]. Не можете ли Вы выслать что-нибудь, нет ли этюда или портрета. Савицкий не сделал ли что-нибудь, нет ли чего у Ивана Ивановича, хоть небольшого. Пожалуйста, похлопочите. Я сейчас пишу к Маковскому, буду его просить и Прянишникова. Если найдете что-нибудь, известите тотчас хоть двумя словами Александра Дмитриевича в Одессу, Северная гостиница № 53, до 16 сентября он, вероятно, там пробудет. Картины же к 15 сентября надо послать в Киев, адресуя квитанцию в заказном письме до востребования в Киев, но известите его, чтобы он мог выдать картины с расчетом получить [4]. Я все время Вас ждал и теперь жду, авось, Вы завернете сами. Очень желал бы Вас видеть, во всяком случае, будьте добры, не медля отвечайте.

Г. Мясоедов

29. И. Н Крамскому

[Конец декабря 1873]

Сейчас получил Ваше письмо, Иван Николаевич, и сегодня уезжаю в Питер. Вместе в Вашим письмом получил и от Ге, которое прилагаю [1]. В Москве буду у Третьякова и Прянишникова.

Мнение москвичей о составе новой выставки, об отправке художника, мне кажется, и неумно, и непрактично, и неблагородно. Но первый пункт нам всем приходил в голову, стало, его надо принять [2]. Чиркин пишет, что Маковский, Аммон и Аммосов высылают ему картины [3]. Извините, что так скверно пишу: спешу.

Надеюсь, что в семье Вашей все идет к лучшему.

Если пишете Льва Толстого, то это и для выставки было бы интересно [4]. До свиданья.

Г. Мясоедов

30. П. М. Третьякову

Январь [1874]

Милостивый государь Павел Михайлович!

Было бы излишне уверять Вас, что продать картину всегда приятно. Еще приятней продать ее Вам, так как в Вашей галерее картина будет стоять и с некоторой честью и удобством. Художник, не продавший своей картины, всегда испытывает нечто вроде того, что должна испытывать невеста, засидевшаяся в девках, и всегда ли справедливо? Часто чувство достоинства удерживает от принятия предложения, и на этот раз — приблизительно за ту цену, которую Вы мне предлагаете. Вы приобретали пейзажи с бесконечной грязью или с бесконечным небом, стоившие автору месячного труда, и какого труда, без хлопот и без затрат. Вам известно, сколько труда и возни стоит всякая историческая или бытовая картина, и такая большая, сложная и, надеюсь, не худо исполненная картина, как моя [1]. Нечего говорить, что я затратил и прожил при исполнении ее более того, что прошу; делать цену еще ниже, это значит лишать возможности продолжать работать, а я думаю, что Вы настоль-

ко справедливы и любите искусство, что этого не захотите, а кто оценит ту затрату сил, глаз и нервов, которых стоит всякая картина, это наш расход, который никогда не оплачивается нам, русским художникам. Назначив 2000, я признаюсь, и не подумал о раме, которая испорчена и не может быть Вам предложена, поэтому я могу сделать эту уступку и заказать новую раму, которая по величине, вероятно, будет стоить около сотни рублей. Что касается до окончания картины, то я кончу ее, во всяком случае, хотя бы для собственного удовлетворения.

Надеюсь, Павел Михайлович, что Вы будете справедливы и согласитесь на эти условия, положа руку на сердце в обстоятельствах, более благоприятных для искусства, моя картина всегда стоила бы первой назначенной за нее цены, то есть 3000 р[ублей]. Положение русского искусства очень грустно, а вместе и положение русских художников, и было бы очень прискорбно думать, что это положение может быть поводом для еще большего стеснения. Вы слишком давний и слишком серьезный любитель, чтобы не знать, что картины и их достоинство тесно связаны с успехом их авторов. Во всяком случае, примите уверение в глубочайшем уважении Вашего покорнейшего слуги.

Григ. Мясоедов

31. Правлению ТПХВ

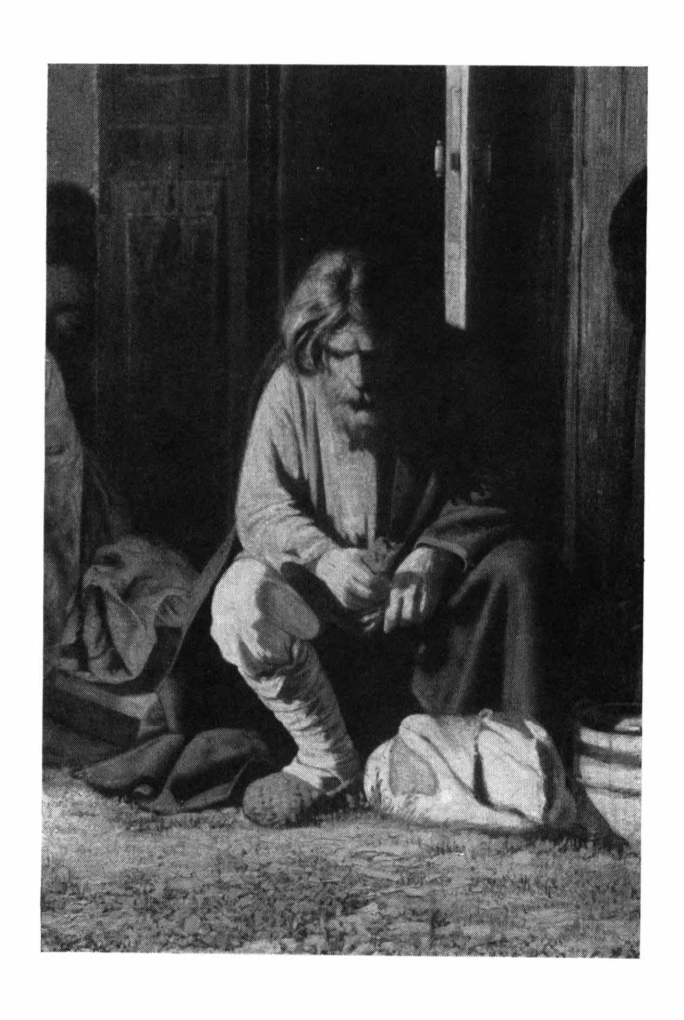
[*Конец февраля — март 1874*]

В Правление Товарищества передвижных художественных выставок члена сего Товар[ищества] Мясоедова

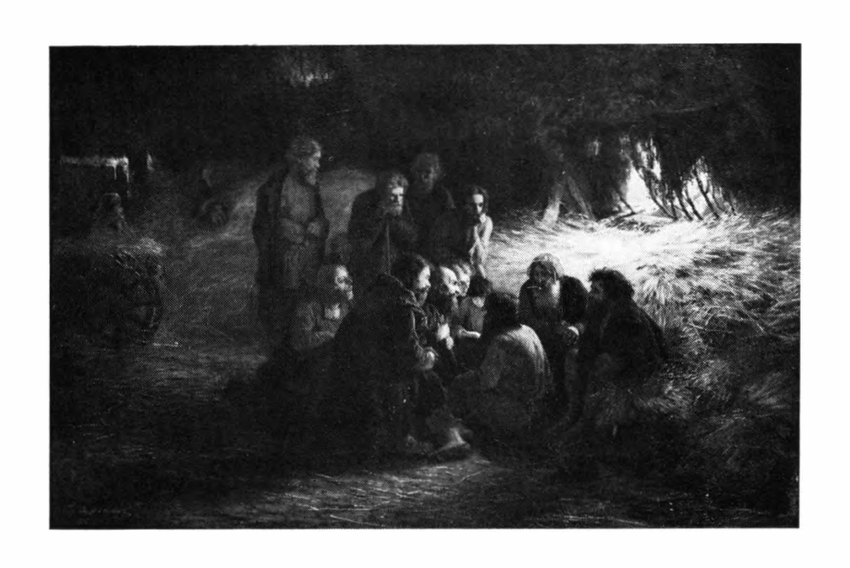
Донесение

Был у Беггрова и Прянишникова. Благодушны, сообщил о ходе дела, остались довольны. Прянишников начинает заниматься офортовым делом, соблазнял всячески, «поддается». Упрашивал также на Лондонскую выставку прислать картин, желают, но недоумевают [1].

Поступок с Саврасовым и Маковским находят нелегальным [2].

6. Земство обедает. Фрагмент. 1872

7. Чтение Положения 19 февраля 1861 года. 1873

Саврасов же сделал, со своей стороны, нелегальный поступок, отдав безусловно Мазурину картину «Хождение по водам», который ее выставил на постоянной выставке, а также картину Каменева «Липы», за что равномерно подлежит избиению.

По поводу цен его, Саврасова, считают находящимся в состоянии ума помрачения [3].

Чиркина уговаривал не покидать дела — не отказывается и не обещает, смотря, говорит, по обстоятельствам. Полагаю, что будет согласен продолжать. Обещал выслать Вам краткие заметки к уставу на днях.

Читал брошюру Шкляревского по поводу картины Крамского [4]. Делу нашему симпатична вообще и написана недурно. Жаль, что она между нами совсем неизвестна. Москвичи думают, что хорошо бы этот раз пустить выставку по Волге [5]. Я же думаю — не хорошо. Прянишников живет в школе. Нельзя ли попросить Каррика, чтобы он ему выслал в письме его ненаклеенную фотографию поскорей (французов) [6].

Перов утверждает, что в Москве выставка будет иметь успех и что ее давно ждут [7].

Затем всего хорошего желаю всем товарищам и мой низкий поклон шлю.

Гр. Мясоедов

Чиркин просит Вам кланяться, Николай Николаевич, а также Анне Петровне. Я сегодня уезжаю в Харьков, надеюсь, что Вы остаетесь в Петербурге — из-за границы Вам напишу[8], если что будет интересное, сообщите, а пока всего хорошего.

Г. Мясоедов

32. И. Н. Крамскому

[Середина апреля 1874
Харьков]

Сейчас получил Ваше письмо, Иван Николаевич, и, согласно моему обычаю, строчу ответ.

Ссору Вашу с Ге нетрудно было предвидеть, и, признаюсь, что, уезжая, я думал с удовольствием, меня это минует. Последние дни Ге атаковал меня несколько раз

без всякой с моей стороны вины, потому что я остаюсь таким, каким Ге всегда меня знал и терпел, стало, причина не во мне. Я уверен, что к Вам он расположен никак не более, чем ко мне, и нетрудно было предположить, что самый незначительный случай будет поводом к ссоре, тем более, что я совсем не знаю Вашего воззрения на Вас самих. Я, например, знаю, что на людей, самых мне близких и даже меня любящих, произвожу иногда раздражающее впечатление, которое нередко оканчивается ссорой. почему иногда вижу человека нравственно расстроенного, почти больного, то в столкновении с ним я хоть в первую минуту и рассержусь, но потом мне невольно станет его жаль, и я готов все забыть, и иду к нему самому жаловаться на обиду, им же нанесенную, и стараюсь это замять и извинить, ибо грешу тем же и знаю, как в минуты раздражения человек делается для себя обидно мал и мелок. И насколько лучше положение человека, сохраняющего внутренний покой. Может быть, Вы не считаете себя способным к ошибке, а потому и к примирению и прощению, тогда Ваши споры получат хронический характер и будут жестоко вредить делу Товарищества. Пока у нас мало еще тех людей, имея которых, друг Горацио, до тех пор оно будет мешать только успешному ходу дела, а когда и сии появятся, то немудрено, что после паралича дело или подохнет или разорвется на части.

Все, что Вы пишете по поводу картины Васнецова и отношение Ге к оной, меня очень огорчает. Васнецов хороший малый, картина его имеет неотъемлемые достоинства (не Максимову чета), и о принятии его вопроса не могло предстать, тем более, что он молод и движется вперед [1]. Опять вспоминаю судьбу наших обществ потребителей, провалившихся бесследно благодаря препирательствам правлений. А Маковский меня нимало не удивляет: он деньголюб и за деньгой всюду полезет и так уцепится, что от него потом и не отскребешься. Перов на него потому сердится, что Маковский ему не уступит и его руку не держит. А если бы можно было как бы то ни было достигнуть, чтобы он премию не получил [2], это было бы хорошо. Судить его, я думаю, едва ли можно, пусть москвичи судят судом нравственным, буде сей трибунал у них не занавожен.

Насчет моей картины [3] вот что случилось: я получил телеграмму, где мне пишут, что кто-то или лучше некто (кто, я не знаю) предлагает мне 2000 р[ублей] за картину, а почему просит известить Ге о том, желаю ли и т. д. Я отвечал письмом, спешить было некуда, что за 2000 я не отдам, а назначил, чтобы уехать и быть совсем спокойным, 2500 р[ублей[и уплату проц[ентов] в Товарищество, т[о] е[сть] 2625 р[ублей], и менее ни шагу. По получении же Вашего письма, так как там были некоторые вопросы со стороны Павла Михайловича, я ему написал несколько слов и мой ответ на телеграмму. Во всяком случае, Вы, зная, до чего я спустился, действуйте, как бы в своем деле действовали.

А как Вы думаете, что я делаю в Харькове? Пишу декорации! Не думайте, что за деньги, нет, так себе — из любви к искусству и из любопытства; у меня здесь под руками толпа народу обоих полов, сцена, свет, только декорации плохи уж больно, вот я и взялся мазать, в результате будут живые картины, в том числе Ваша «Майская ночь» [4]. Надеюсь, что Вы не посетуете за это. Я постараюсь ее поставить по возможности верно. Декорации для нее напишу сам с фотографий, но я ее помню хорошо; одного холста 12 × 9 аршин надо выкрасить. Всю эту историю я устраиваю в пользу Музыкального общества в Харькове по просьбе сего общества и ее председательницы Кропоткиной. Возня эта окончится 14, а 16 или 17-го я уеду.

Как жаль, что Вы ни слова не написали, как идет выставка, ходит ли публика, что Академия и ее выставка [5], были ли государь? Не куплено ли еще чего и т[ак] далее — все это меня очень интересует. Если найдете минутку еще написать хоть кратко, напишите в Харьков, я хотя и уеду (может быть), но мне перешлют. Поклонитесь от меня всем нашим. Что Иван Иванович? Брюллов, по-видимому, объявления решил хранить в тайне, как то ни в одной газете нет ни одного объявления.

Прощайте, пока желаю Вам всего хорошего.

Многоуважающий Вас Гр. Мясоедов

33. П. М. Третьякову

[Апрель 1874
Харьков]

Многоуважаемый Павел Михайлович!

На письмо Ваше, в котором Вы спрашиваете о крайней цене моей картины, я отвечал немедленно, не знаю, получили Вы мой ответ, в котором я писал, что, находя цену, мною назначенную, невысокой, просил бы не понижать ее, тем более, что Вы не решили вопроса, найдется ли в Вашей галерее место для моей картины [1].

Теперь выставка открыта [2], и Вы, вероятно, пришли к какому-нибудь заключению. Я был бы Вам очень признателен, если бы Вы сообщили мне как о Вашем решении, так и о размере желаемого Вами понижения цены, что в настоящую минуту меня очень бы устроило.

Пожелав Вам всего лучшего, остаюсь всегда готовый к услугам.

Г. Мясоедов

Харьков, Рыбная улица, д. Волжско-Камского банка, кв. Музыкального общества.

34. И. Н. Крамскому

[Апрель 1874
Рим]

Иван Николаевич, обещал Вам писать из Рима и приступаю к исполнению обещания. 1-го у Антокольского был и даже два раза. Статую его и его самого видел и даже встречаемся совершенно прилично и беседу ведем. Вас интересует статуя, поэтому я о сем прежде всего буду говорить. Успех он тут, говорят, точно имел, и сам я слышал от итальянцев похвалы и в газетах читал такие артикли, которые ясно доказывают, что его вещь впечатление сделала и даже на размышления их вызвала, а это очень много. Русские художники тоже хвалят, хоть кратко [1]. Его даже в жюри здесь выбрали, а это тоже много значит [2]. Сказав прежде всего самое главное, т[о] е[сть] общее впечатление, должен упомянуть о впечатлении, сделанном на меня. Но тут придется упомянуть невольно о себе, а именно, что на меня пластическое искусство не делает сильного впечатления, а вследствие сего невольно

выдвигается отношение критическое (а литература, наоборот, делает сильнейшее впечатление, затем музыка, а потом наше дело). Тем не менее я пришел [к] такому заключению, что это несомненно лучше всего, что Антокольский сделал, и гораздо лучше. По простоте мысли и простоте исполнения, отсутствию всякого академизма, театральности или позировки — фигура стоит просто, задрапирована просто и натурально. Голова экспрессивна, и экспрессия положения прилична. Чтобы дать Вам понятие о положении фигуры, я Вам сделал грубый чертежик на память [3].

Рубашка с запазухой подпоясана широким ремнем сверху вроде бедуина полосатого, руки притянуты ремнем, охватив все тело, одна рука ладонью назад поотекла, на ногах четыр[ех]уголь[ные] сандалии, на голове шапочка (малозаметная), лицо правильное, лоб несколько выступающий, глаза очень большие, зрачок едва назначен, падающие глубокие тени от бровей и век дают им несколько характер неопределенной глубины без цельного или лучше сказать без прицельного взгляда. Нос довольно крупный, рот небольшой, по выражению несколько напоминает Антокольского. Борода, т[о] е[сть] волосы, выдвинуты вперед, тип отчасти еврейский.

Уж извините за рисунки, желаю ими помочь плохой литературе, дополняйте остальное воображением, словом, вещь хороша, величиной она как раз в меня. Надежды он на нее возлагает большие и уж, разумеется, пустит «Спасителя» ребром.

Затем все, что я видел в Вене и Риме, на современных выставках, едва-едва достигает границы приличного: чисто, опрятно, но вполне ничтожно. Ничего оригинального и не знаю, отчего это мы так конфузимся Европы? Видел русских кой-кого, напр[имер] Бронникова, Риццони. Эти остаются тем, чем были. У Чижова ничего нет, а об остальных и говорить нечего. Надеюсь, что Вы будете так добры и напишете в Харьков, что с выставкой и с моей картиной [4]; хотя вперед знаю, что отсутствующий всегда виноват, и все-таки желание знать меня не покидает, а затем поклонитесь всем и будьте здоровы и всего Вам хорошего. В конце мая вернусь в Россию.

Г. Мясоедов

Что Иван Иванович и конкурс на Пушкина ?[5]

35. И. Н. Крамскому

[*Май 1874*]

Пишу Вам, Иван Николаевич, несколько слов по поводу известия, полученного мною из Москвы, в коем гласят, что картина Ге и моя выставлены без рам и вследствие сего очень теряют. Ге, как присутствующий, первым может посылать свою картину, как хочет. Затем он ее продал. Главная цель, стало быть, достигнута, всякое кокетство с публикой с некоторой точки зрения бесплодно. Ну, а я, во-первых, не продал свою картину, во-вторых, делал раму, уж конечно, скорее для провинции, где из-за рамы готовы разориться скорей, чем из-за картины, да и сам я, наконец, как-нибудь устроил приличную багетку, как мне нравилось бы, теперь же все это делается не только по моему желанию, но совершенно против него. Я очень бы был рад, если бы вся выставка была послана без рам [1], и если это так, то я не говорю ни слова, но если одна картина является в кургузом виде, то, разумеется, в сравнении с другими она проигрывает, и неужто мои интересы до такой степени ничтожны для моих товарищей, что никому в голову не придет подумать о них. Это мне не кажется особенно нелепым — с грустью должен сознаться. Я не Боголюбов и не Антокольский, которых забывать опасно [2], а впрочем, может быть, я пишу вздор, издали так легко переврать и ошибиться. Очень может быть, что так и следовало сделать. Во всяком случае, если можно вставить картину в раму и в таком виде ее выставить в провинции, я признаюсь, очень бы желал этого.

Я Вам писал из Рима и описывал статую Антокольского. Получили ли Вы мое письмо? Я был бы очень рад, если бы Вы написали мне в Харьков, где я скоро буду. Многое меня интересует, когда я уехал, все вопросы висели над головой неразрешенными, а именно дело наше по отношению к Влад[имиру] Александр[овичу], выставка Академии, лекция Прахова, выставка наша в Москве, ее успех. Кто сопровождает, какое направление примет ее путь, где лето проведет, и проч[ее] и пр[очее] [3].

Что делает многоуважаемый профессор Николай Николаевич? Я ему не пишу, ибо от него не получил ответа на первое письмо.

Сомов оставил меня без доски, вследствие чего я без гравюр, и за то спасибо.

Другой день у меня зубы болят невыносимо. Простудился в Неаполе, это все равно, что угорела барыня в нетопленой горнице. Надеюсь, что все Ваши здоровы. Как ведет себя Иван Иванович?[4] Во всем этом принимаю я самый большой интерес и так как не скоро вернусь в Петербург, то от Вас только жду известия, если Вы для этого найдете время. А пока будьте здоровы и кланяйтесь всем.

Г. Мясоедов

36. К. Е. Маковскому

Генвар[*я*] *1875 года*

Милостивый государь Константин Егорович.

По окончании расчета за третью передвижную выставку Вам следует получить 111 р[ублей] 20 к[опеек] дивиденда, причитающегося Вам за Вашу картину «Урок пряжи», совершившую весь круг. Правление покорнейше просит Вас известить его, куда прикажете адресовать эти деньги, которые оно и вышлет по Вашему указанию.

По совету Вашего брата, Владимира Егоровича, Правление решается спросить Вас, не найдете ли Вы удобным поместить картину Вашу «Праздник ковра» на выставку Товарищества, которая должна открыться на второй неделе поста, в понедельник. Есть вероятность, что выставка будет помещена в залах Думы, если найдете возможным это, то не дадите ли возможность Товариществу получить ее, попросив об этом ее собственника [1].

И не потрудитесь ли Вы в таком случае попросить у собственника ее*.

Г. Мясоедов

37. А. А. Киселеву

[*Февраль 1875*
Петербург]

Добрейший Александр Александрович!

По краткости времени, остающегося до выставки, пишу Вам наскоро, ибо гоню и в хвост и в голову[1]. В начале же

* *Последняя фраза написана другими чернилами и почерком.*

выставки буду писать Вам подробно и, конечно, откровенно вполне. Но я надеюсь также, что, когда Ваша картина будет в Харькове выставлена вместе с другими, Вы и сами сделаете много полезных наблюдений [2]. [...] Будьте здоровы.

Г. Мясоедов

38. А. А. Киселеву

[*Март 1875*
Петербург]

Многоуважаемый Александр Александрович!

По всей вероятности, я скоро буду в Харькове, тогда мы с Вами поговорим поподробнее, а теперь скажу Вам, что Ваша картина стоит на выставке, стоя столь же далеко от первых, сколько и от последних нумеров [1].

Из Вашего письма видно, что Вы сами хорошо сознаете свои слабые стороны. Главная из них — это наклонность к сочинению, а не наивное отношение к впечатлениям, которые мы выносим при созерцании природы. Разумеется, что каждый и видит и выражает виденное по-своему, стало быть душа человека и тут находит место, пейзажист не фотограф. Он чувствует природу по-своему, тут есть как бы место истолкованию и сочинению, но это неверно. Весь вопрос, чтобы искренне и верно передать видимое и ощущаемое, не заботясь о дальнейшем. У Вас есть наклонность нагружать пейзаж всем, что есть в природе живописного, сделать его красивым, от чего впечатление выходит неясное, вроде напитка, в который положено много хорошего, но вместе не вяжущегося. Природа имеет свою логику, которую угадать трудно, а подметить легче, поэтому сочинять не следует слишком, а лучше держаться этюдов и заметок, мало их изменяя. Впрочем, все это Вам отлично известно, и если у Вас будет больше досуга для работы с натуры, несомненно, что и результаты будут лучше.

Картина Ваша будет в Харькове, и Вы сами увидите и услышите всякие суждения. Выставка посещается исправно. Я тоже выставил свою картину, хотя и с прискорбием вижу, что было бы лучше, если бы я отложил до следующего раза. Она не только не докончена, но

много второпях намалевано без натуры, и делает впечатление весьма обидное [2]. Будьте здоровы, надеюсь, до скорого свидания.

Г. Мясоедов

39. П. М. Третьякову

[Конец февраля — начало марта 1876]
С.-П[етербург]

Милостивый государь Павел Михайлович!

Мы получили приглашение из г. Ярославля, где для нашей выставки предлагают залы и афиши и, кроме того, гарантируют доход с 2000 посетителей. [...] Но так как выставка уже порасползлась, довольно хорошие вещи были оставлены в Одессе, очень может быть, что в Киеве тоже что-нибудь останется, то следовало бы чем-нибудь подкрепить выставку [1]. Картина моя, которая теперь Ваша, будет скоро кончена, а также и рама готова [2]. Не позволите ли Вы ей заехать недели на три в Ярославль, таким образом, ей бы пришлось сделать небольшой крюк, из Ярославля же она будет доставлена со всеми прочими картинами к Вам в Москву. Будьте добры, Павел Михайлович, известите, подобное предложение не будет ли Вам неприятно. Если Вы этого не найдете, то, дав позволение послать картину в Ярославль, Вы нас очень бы обязали.

По всей вероятности, вскоре после святой все картины будут в Москве. С истинным почтением имею честь быть к услугам Вашим.

Г. Мясоедов

С.-П[етербург], Вас[ильевский] остр[ов], Средний пр[оспект] и угол Малой Невы, д. Жукова, кв. № 28.

40. П. М. Третьякову

[Сентябрь 1876
Харьков]

Милостивый государь Павел Михайлович.

Я имел неосторожность заболеть, а это, к моему сожалению, заставляет меня Вам причинить беспокойство. Из 2000 рублей, которые Вы были так добры дать мне за

картину мою («Чтение Положения»), 500 рублей остались у Вас в виде залога, из которых Вы могли бы покрыть потерю, могущую произойти при продаже моей прежней картины [1], а теперь я хочу просить Вас доплатить мне эти 500 р[ублей], потому что после лихорадки, которую я добыл в Сербии, осталось такое малокровие и обессиление, что не только работать не могу, но и хожу с трудом [2]. Доктор советует перемену места и более солнца, а я, по несчастью, не имею на это денег в настоящее время и не могу двинуться из хутора, где живу (под Харьковом). Я надеюсь, что Вы будете так добры, Павел Михайлович, что не откажете мне в моей просьбе и дадите мне возможность опять стать на ноги, тем более, что обязательство покрыть ту потерю, которую Вы можете понести при продаже картины («Земский обед»), остается на мне, и я по требованию Вашему всегда его исполню. Надеясь, что все Ваше семейство здорово и благополучно, прошу Вас принять уверение в моем глубочайшем уважении

Григорий Мясоедов

Мой адрес: Харьков, Рыбная улица, д. Волжско-Камского банка, квар[тира] Музыкального общества. В случае перевода — Волжско-Камский банк.

Г. Мясоедов

41. П. М. Третьякову

9 декабря [1876
Харьков]

Милостивый государь Павел Михайлович!

Я знал, что Вы были за границей, и ждал Вашего возвращения [1]. Последствия лихорадки до сих пор дают себя чувствовать, хотя я несколько поправился. Очень Вам благодарен за обещание выслать 250 р[ублей], хотя с этой суммой я не буду иметь возможности сдвинуться с места, и если Вы найдете удобном, я попросил бы Вас 100 рублей доставить в Москве присяжному поверенному Хрисанфу Васильевичу Куприянову, живущему на Знаменке в доме Шведовой (где летом жил Чиркин). Это деньги, которые я ему должен. Он был так добр, что, узнав о моей болезни и нужде в деньгах, сам выслал мне их.

Почему мне хотелось бы возвратить ему поскорее, в получении их он выдаст расписку. Затем было бы мне очень приятно, если бы Вы были так добры и вместо 150 руб[лей], оставшихся, выслали 200, что Вас, конечно, не затруднит.

Порою мне кажется, что Вам может прийти мысль, что я желаю обойти условие, сделанное при продаже картин. Уверяю Вас, Павел Михайлович, что я очень доволен, что моя картина у Вас, а не у кого другого. Жалею, что Вы разочаровались в «Земстве», и никогда не стал бы торопить денежных расчетов, если бы не был к тому понуждаем действительной надобностью. Для меня было бы всего удобнее, если бы Вы перевели деньги через Волжско-Камский банк в Харьковское его отделение — в банке знают мой адрес (Рыбная улица, д[ом] Волжско-Камского банка, квартира Музыкального общества), жена моя бывает ежедневно в Музыкальном обществе и могла б меня известить, так как я продолжаю жить на хуторе.

С глубочайшим уважением имею честь быть всегда готов к услугам Вашим

Григ. Мясоедов

42. П. М. Третьякову

[*Декабрь 1876*]

Милостивый государь Павел Михайлович.

Премного Вам благодарен за высланные мне деньги и еще более, что Вы взяли на себя труд уплатить Куприянову мой долг. Всякое исправление в картине «Земский обед» я готов сделать, и, если бы Вы нашли возможным прислать ее теперь же, я занялся бы ею тем с большей охотой, что не имею никакой срочной работы, ибо картину, которую готовлю к выставке, могу писать только летом [1]. Если Вы найдете возможным вынуть «Земство» из рамы для безопасности и прислать ее тотчас по железной дороге на станцию, а квитанцию в дом Волжско-Камского банка на Рыбную улицу, то я сделаю все, что смогу, чтобы устранить те недостатки, которые в ней замечаются, а пока с истинным уважением имею честь быть Вашим покорнейшим слугой.

Гр. Мясоедов

43. П. М. Третьякову

[Декабрь 1876]

Милостивый государь Павел Михайлович.

Картина, высланная Вами для исправления, «Земский обед» получена мною в совершенной исправности, по исправлении всего, что можно, немедленно вышлю ее к Вам. Всегда готовый к услугам Вашим [1].

Г. Мясоедов

44. И. Н. Крамскому

[Сентябрь 1877]

Многоуважаемый Иван Николаевич, сейчас получил от Ярошенки известие, что петербургские члены Товарищества находят неудобным время, выпавшее на долю нашей выставки. Я уже писал к Брюллову о сем, прося его известить меня о мыслях, родившихся по этому поводу среди петерб[ургских] членов, как узнаю через Ярошенку, что в Петербурге вполне выяснился вопрос о неудобстве октября для выставки. Я, со своей стороны, разделяю это мнение, что теперь мало кто обратит должное внимание на наши труды. И неприятно после годовой и более работы видеть залы пустыми, картины непроданными и компрометированными и т. д. Пусть взбаламученное море уляжется, и мирные инстинкты и порядки возьмут свое и конечно с большим жаром [1]. Я прошу Вас на Общем собрании взять мой голос, если же Вы уже забрали, то отдайте его Ярошенке или Брюллову [2].

Картина моя хоть и близка к концу, но для полного окончания нужно солнце, а его-то и нет [3]. Бесконечный дождь да перемежающаяся лихорадка—единственная поддержка в сей жизни.

Надеюсь, что Вы и все Ваши живы и здоровы. Всего Вам хорошего.

Г. Мясоедов

Поклонитесь всем товарищам. Очень бы почел себя обязанным, если бы кто-нибудь известил меня о решении, которое будет у Вас принято 20-го сентября.

М.

Максимов [4] обещал мне выслать два этюда, которые висят у него. При свидании спросите его, выслал он или нет, а если нет, то что помогло ему так аккуратно забыть свое намерение?

Г. Мясоедов

45. И. Н. Крамскому

[*Начало октября 1877*]

Многоуважаемый Иван Николаевич!

Очень Вам благодарен, что Вы взяли на себя труд известить меня о решении собрания [1]. Мне кажется, что время выбрано не совсем дурно. Мы не знаем, когда кончится война, а до конца ее трудно двигать. Весьма натурально желать продать сделанные картины, как Савицкий и как всякий из нас. Но желание это, по всей вероятности, для большинства останется неудовлетворенным [2]. Разве война же выведет на свет новых меценатов [...]. Говоря о числе картин, Вы ничего не сказали об их роде, есть ли что на первые номера. А что Ваша картина, нашли ли Вы возможность продолжать ее и кончить? Владимир Маковский свой «Обжорный ряд» думает ли кончить и т. д. [3].

Я свою картину, конечно, выставлю [4]. Хотя лихорадка, которая меня не покидала и это лето, и постоянные дожди помешали работать спокойно и не спеша, пришлось работать отрывками и, пользуясь днями, свободными от первой и второй напасти. Теперь она хоть и дописана почти, но все-таки надо написать дюжины две ног, да столько же рук, да две-три фигурки, на солнце же рассчитывать нечего. Может быть, придется еще дописывать в Петербурге, куда я думаю попасть, может быть, через месяц, и не могу придумать, где это я буду работать, так как никаких мастерских или комнат к тому пригодных не предвидится. А тут я работаю в своей мастерской, которую выстроил и которая доставляет мне много удовольствия и удобств.

Прощайте, будьте здоровы. Кланяйтесь всем нашим товарищам, которых желаю видеть поскорей.

Гр. Мясоедов

P.S. Что М. К. Клодт [5], про которого писали в газетах, что он взял в руки пистолетику, жив ли, цел ли, нахо-

дится ли в исправности? Про Ге не слышу ни прямо, ни косвенно ничего. Весной от Чиркина слышал, что он написал какой-то этюд «Гапку с волом» и начал картину из истории «Борис и царица Марфа». Что потом? Покрыто мраком [6].

Ваше письмо до меня дошло, хотя адрес и не совсем ясен: Харьков, Рыбная улица, д. Волжско-Камского банка, кв. Отделения Русского музыкального общества.

46. И. Н. Крамскому

6 ноября [1877]

Многоуважаемый Иван Николаевич!

Несказанно Вам благодарен за Ваше любезное предложение поработать в Вашей квартире, и если принятие его не слишком Вас стеснит, то я его принимаю с большой благодарностью. Приеду недели через три или месяц [1]. Все никак не могу покончить с разными делишками по хозяйству, сажу все деревья да землю вожу, торгую капустой и молочу жито. Завершив на зиму все должное, предстану. А пока будьте здоровы. Поклон всем.

Г. Мясоедов

P.S. Начинает холодать, и мастерская моя делается неудобоварима.

47. Е. М. Мясоедовой

[26 февраля 1878]

Сегодня воскресенье, масленица. Все думал, куда бы мне пойти, провесть последний вечер, и ничего не придумал. В театр не достанешь билета, а у знакомых ничего веселого, да и дорога варварская. Вот и сижу дома и решился написать тебе, Лиза. Сейчас только получил от тебя письмо. На обороте ты найдешь рисуночек: это сюжет моей будущей картины [1], он должен меня поставить на то место, о котором я мечтал, а если этого не случится, вина будет моя. Если ты его поймешь, то оценишь его силу. Это Петр в Саардаме, в своей карточной голландской комнате — голова под самым потолком — гигант молодой и необузданный, его мозг полон планов.

Европа оплодотворила русскую силу, и вот она бродит, запертая в тесной клетке, но отсюда выйдут те перевороты, та революция, которая должна быть на его лице выражена в данный момент. Фигура в натуральную величину.

Если я сделаю это, как мне кажется и как я хочу, то все ляжет плашмя около моей картины. Сбереги этот рисуночек, он — первый штрих, который я сделал, как я от него отойду, интересно будет знать.

Картина моя почти что кончена, и я свободен от дела [2]. Надо с понедельника заняться устройством выставки. В конце первой недели откроем [3]. Может быть, в конце второй недели смогу выехать.

Что лотерея еще не разыгралась?

Мне существенно продать картину потому, что придется съездить в Саардам, подготовить все, что нужно. Третьяков был раза два и видел, но не говорил ни слова о желании приобрести, а это уж 1/3 вероятности вон из счета. [...]

Выставка картин для Парижа закрыта сегодня. Денег в пользу Красного Креста собрано до 9 тысяч [4].

Прощай, Лиза, не хворай и не скучай. Пиши, если время будет. На второй неделе не пиши, особенно в конце, могу выехать. Будь здорова и кланяйся всем. Бумаги не нашел почтовой. Очень рад, что тебе рассказ понравился, другой теперь писать не буду — после. Будь здорова.

Твой Г. Мясоедов

48. П. М. Третьякову

[*Конец апреля 1878*]

Воистину воскресе, многоуважаемый Павел Михайлович. Очень рад случаю поздравить Вас и все Ваше семейство с праздником, хотя уже и прошедшим, и пожелать Вам всего хорошего. Очень рад Вашему желанию по отношению моей картины[1]. Несмотря на успех, который она имела, Вы к ней относились несколько равнодушно, а так как я привык ценить Ваше мнение (без всякого отношения к приобретению, в этом прошу Вас поверить мне), то невольно задумывался над причиной этого равнодушия. Я совершенно согласен с тем, что указанные Ва-

ми места в картине слабейшие, в особенности жеребенок, и охотно исправлю как то, что Вы указываете, так и то, что может оказаться нужным впоследствии, в эту сторону я готов делать всякие уступки. Что касается до назначенной мною цены, то, во-1-х, по общему приговору всего Товарищества цена, назначенная мною, весьма умеренная и скромная (особенно взяв в расчет, что придется еще работать), во-2-х, я сделал значительную уступку на прошлой картине, и было бы справедливо, Павел Михайлович, если бы Вы на этот раз (хоть на этот только) нашли назначенную мной цену резонной и тем в свою очередь доставили бы мне огромное удовольствие, и как художнику в особенности [2]. Все, это я говорю, взяв в расчет, что Вы единственный серьезный собиратель русской школы, и что в Вашей галерее приятней быть, чем где-либо, и что если Вы захотите прибрести, то найдете и место. С полным желанием прийти к соглашению, остаюсь всегда готовый служить Вам

Г. Мясоедов

49. П. М. Третьякову

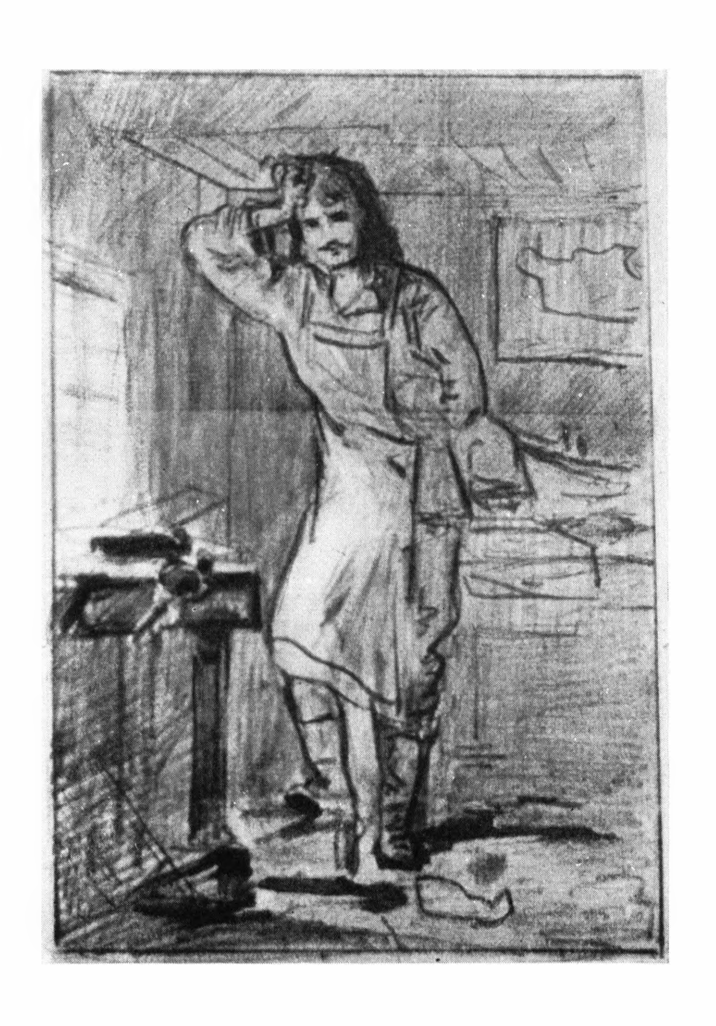
[*Май 1878*]

Многоуважаемый Павел Михайлович!

На письмо Ваше, в котором Вы спрашиваете о крайней цене моей картины, я отвечал немедленно, не знаю, получили ли Вы мой ответ, в котором я писал, что, находя цену, мной назначенную, невысокой, просил бы не понижать ее тем более, что Вы не решили вопроса, найдется ли в Вашей галерее место для моей картины [1]. Для решения этого Вы ожидали открытия выставки в Москве, теперь выставка открыта [2], и Вы, вероятно, пришли к какому-нибудь заключению. Я был бы Вам очень признателен, если бы Вы сообщили мне как о Вашем решении, так и о размере желаемого Вами понижения цены, что в настоящую минуту меня очень бы устроило. Пожелав Вам всего лучшего, остаюсь всегда готовый к услугам

Г. Мясоедов

Харьков, Рыбная у[лица], д[ом] Волжско-Камского банка, квар[тира] Музыкаль[ного] общества.

8. Петр I в Саардаме. 1878

9. Группа членов Товарищества передвижных художественных выставок. 1880-е годы

Сидят (слева направо): С. Н. Аммосов, А. А. Киселев, Н. В. Неврев, В. Е. Маковский, А. Д. Литовченко, И. М. Прянишников, К. В. Лемох, И. Н. Крамской, И. Е. Репин, Иначев (служащий в Правлении Товарищества), Н. Е. Маковский. Стоят: Г. Г. Мясоедов, К. А. Савицкий, В. Д. Поленов, Е. Е. Волков, В. И. Суриков, И. И. Шишкин, Н. А. Ярошенко, П. А. Брюллов, А. К. Беггров.

50. В Правление Товарищества передвижных художественных выставок

26 июля 1878 года

Деньги, вырученные за продажу этюда моего, за вычетом следующих в фонд, прошу покорно выслать в Харьков переводом на отделение Волжско-Камского банка в Харькове, через тот же банк в Петербурге. Квитанции же в заказном письме адресуйте в дом Волжско-Камского же банка на Рыбной улице в квартиру Музыкального общества в Харькове. Очень просил [бы] о немедленной высылке этих денег [1].

Весьма сочувствуя идее постройки постоянного помещения в Петербурге для картин Товарищества, не могу отнестись иначе, как с сочувствием, и ко всякому труду, который Правление подымет на себя для пользы общей. Не имея отдельно права передавать какие-либо полномочия Правлению, присоединяюсь, однако, к подобному полномочию, сделанному всем Товариществом, хотя бы собранному через переписку. Если действия Правления не предрешат вопроса и не поставят Товарищества в обязательное положение относительно города или кого бы то ни было [2]. [...]

Член Товарищества Г. Мясоедов

51. В Правление Товарищества передвижных выставок

8 сентября [1878]

Имею честь известить господ членов Правления, что письмо за № 32 мною получено 8-го сентября.

Со всем изложенным в нем вполне согласен, за исключением:

1-е. Размера вознаграждения сопровождающему. 8-й параграф (г) нашего устава возлагает на Общее собрание обязанность определить размер вознаграждения сопровождающего. Если Общее собрание будет собрано в Петербурге, то, если бы я не мог лично присутствовать на нем по вопросу этому, передаю свой голос П. А. Брюллову.

Голоса же, собранные путем переписки, не могут заменить Общее собрание, и обычай такой, однажды вкоренившись, может принести неблагоприятные для дела нашего результаты.

2-е. Обязанности, которые берет на себя г. Волковский, не могут быть им исполнены по своей сложности, а также потому, что потребуют от него пребывания в один момент в двух местах.

Тем не менее это его дело, и я, как все мы, чувствую потребность в лице, которое взяло бы на себя нехудожественные заботы нашего дела [1].

Вопрос в том, что имеем ли мы возможность уплатить требуемую сумму; желает ли Товарищество идти на то, чтобы картины не продавались, а вознаграждались из дохода. (Хотя и не вполне.)

Не боится ли оно, что расширение деятельности принесет скорей сокращение доходов увеличением расходов и т. д.

Для сведения Правления имею честь сообщить, что, находясь в сношениях с А. Д. Чиркиным, я знаю, что до 1-го октября он занят и, вероятно, летом не будет в состоянии заниматься нашим делом, с 1-го же октября — отдается в распоряжение Товарищества. С 1-го октября [его] адрес: Москва, Знаменка, д[ом] Шведовой, квар[тира] Куприянова. До 1-го — Воронежская губер[ния], г. Бобров, в Пады, имение кн. Орлова. Аполлону Николаевичу Алифатову, для передачи [2].

Член Товарищества Г. Мясоедов

52. И. Н. Крамскому

[*Начало октября 1878*]

Многоуважаемый Иван Николаевич!

С постройкой павильона я не только согласен, но и самая денежная комбинация мне кажется недурной [1]. Но приступить к этому делу без общего согласия весьма опасно — и в такой мере, что может в конце концов привести если не к окончательному распадению, то к от-

падению многих, и тогда тотчас все дело изменит физиономию. Оставшиеся должны будут нести двойную тягость и, пожалуй, мало-помалу прекратят платежи, кто по неимению, а кто — по нежеланию, а уж коли дойдет до этого, то все дело выйдет табак, и, кроме сраму да скрежету зубного, в результате ничего не получится. Вот почему республика хоть и неудобна иногда, но хороша тем, что избавит от горьких последствий.

Высылка выставки из Москвы (куда?) и раздача картин — дело, впрочем, совсем не республиканское, а скорее отзывается злоупотреблением власти на подкладке беспечности. Чего думали до сих пор? Давно можно бы сделать выставку в Харькове, к концу которой приехал бы и Чиркин, и все пошло бы своим порядком. Я ведь и предлагал заняться этим. Как это никому в голову не пришло вспомнить о том, что я тут живу, с выставкой возился и не без успеха [2], и погода была прекрасная, и мир наступил [3], и залы свободные были. Отсылка же выставки в Питер (полагаю) ставит меня в тупик. Что же теперь делать? Москвичи (кто это!) находят, что не нужно посылать, ну, свои картины и пусть не посылают[4]. Как же можно распоряжаться чужими и выворачивать все дело наизнанку без причин, основания, а так, что называется с бухты-барахты. А что деревянный павильон предполагается теплый? Иначе многие соображения окажутся невозможными. Все-таки, я думаю, что в Общем собрании все дело решится [5].

Неужели нельзя живущим в Москве (их же меньше) приехать к Питер, а коли нельзя, ну пусть отдельно соберутся и обдумают — можно будет послать к ним представителя из Петербурга для направления — хотя они, живя вдали от павильона, будут всегда менее симпатизировать этой идее, и нужно особенно рассчитывать на петербуржцев. Относительно Ге ничего не знаю и никаких слухов о нем до меня не доходит. Он, кажется, земствует. Будьте здоровы.

Г. Мясоедов

Мне кажется, Забелло мог предводительствовать выставкой, он имеет некоторые хорошие (и худые) качества[6].

53. Предложения Товариществу передвижных художественных выставок члена Григория Григорьевича Мясоедова [1]

3 февраля 1880 года

В чем состоит предложение	Объяснение
1. Ежегодный доход выставок употреблять на ежегодную покупку тех картин членов Товарищества, которые на выставке этого года будут не проданы; причем Товарищество становится по отношению собственника картины в свободное положение покупателя.	Дивиденд по отношению не продавшего своей картины составляет несообразно малое вознаграждение за представленную на выставку работу и ни в каком случае не может служить обеспечением. По отношению продавших представляет вознаграждение чрезмерное, так как возвышает цену, которую автор проданной картины считает достаточным вознаграждением. Доход с выставок не есть результат труда каждого художника, а есть результат труда всего Товарищества, он получается не с труда художественного, а с труда административного, почему Товарищество и имеет право располагать им для общих целей. Внутри себя Товарищество имеет целью обеспечить по возможности каждого вступающего в него, что, разумеется, служит только к упрочению союза, а в этой прочности оно найдет опору для достижения главной цели, выраженной в 1-м § устава[2]. Дивиденд тоже представляет собою некоторое вознаграждение за труд и, стало быть, скреп-

ляет Общество, делая участие в нем небезынтересным, но за основание его распределения взята цифирная справедливость — тому больше, у кого больше, а не более высокое и человечное основание: трудящийся да яст.

При этом не лишнее заметить, что нередко наибольшее вознаграждение получают члены, не принимающие участия в управлении делами или продающие свои картины по мотивам ничего общего с искусством не имеющим, или, наконец, те, которые умеют потрафить во вкус публики и ее минутных стремлений.

Оставляя каждому свободу действовать согласно его личным инстинктам, Товарищество должно поправлять те несправедливости, которые случай может нанести то тому, то другому из его членов; тем самым оно дает каждому члену его большую свободу и уверенность как по отношению к выбору сюжета, так и по отношению его трактования.

2. По возвращении выставки Правление немедленно рассылает список непроданных картин всем членам, на котором каждый должен отметить порядок покупки картин номерами; этим выразится общее

Такой способ мне кажется наименее щекотливым для обеих сторон, баллотировка произойдет сравнением списков. Цена, предложенная Товариществом, определится размером суммы, которою оно на этот предмет будет располагать; распределение же этой суммы будет в зависимости от большего числа голосов за ту или другую картину.

мнение о той или другой картине. Каждый такой список должен быть возвращен за подписью.

Возможность уплатить назначенную автором цену сполна или понизить, согласно общему решению до минимума, даст Товариществу в руки сильное средство против небрежности или покушений на дивиденд; эта практическая критика очистит выставки Товарищества от случайных явлений и возвысит ее уровень.

3. Ссуды уничтожить, допустив Правлению в крайнем случае выдавать ссуды под личную ответственность, но при этом сумма ссуд не должна превышать 1/3 хранящегося фонда.

Ссуды затрудняют и усложняют ведение дела, порождают неудовольствия и делают шатким существование фонда.

Покупка картин лучше удовлетворит надобности членов, в виде исключения допущенная ссуда не должна изменять общего течения дел, и касса, в случае ревизии, должна быть налицо.

4. Картины, поступающие в собственность Товарищества, продаются через постоянные выставки или жертвуются в провинциальные музеи.

Кроме имеющихся пунктов сбыта, Товарищество может основать постоянные выставки: в Харькове, Киеве и Одессе, в первых двух городах Раевская и Мурашко [3] сами стремились к основанию постоянных выставок. Поддержав подобные стремления, Товарищество на деле исполнит цель свою.

5. Деньги, вырученные за продажу картин, присоединяют к доходу будущего года для той же цели.

Нет ничего невозможного в предположении, что денег, вырученных за картины и с выставок, будет достаточно для покупки всех непроданных картин, которые было бы желательно купить, потому что в числе картин некупленных будут и такие, которые Товарищество купить не пожелает, т. е. очень дурные,

а также и такие, которые будут принадлежать художнику, продавшему картин на большую сумму на той же выставке. Такого рода картины, я думаю, могли бы пойти после всех и быть купленными только в случае полной возможности.

6. 5% с продажи в фонд продолжать взимать, пока цифра личного фонда достигнет 1000 р[ублей], согласно постановлению Общего собрания.	Опыт показал, что эти деньги расходятся только на текущие дела, а также представляют собою некоторое обеспечение, весьма, впрочем, сомнительное.
7. При посылке картин в провинцию при вагонной плате поручить все передвижение выставки какой-нибудь наиболее надежной конторе транспортов с застрахованием на весь путь.	Такое условие облегчило бы дело перевозки выставки, обезопасило бы от погибели, а также несколько уменьшило расходы, избавив сопровождающего выставку от массы ненужных поездок на железные дороги за справками о прибытии выставки.

Предлагаемые меры могут иметь следствием обеспечение каждого члена, поднятие уровня выставки, возбуждение через то большого интереса в обществе, а потому увеличение прихода, упрощение в ведении дела и устранение страха риска при переездах.

С основанием постоянных выставок цель Товарищества достигнется вполне и даст ему точки опоры в провинции [4].

54. И. Н. Крамскому

4 ноября 1880 года

Многоуважаемый Иван Николаевич!

Во-первых, извините, что пишу на клочках, живу в деревне и не нашел клочка почтовой бумаги поприличней. Посланную Вами бумагу Одесской ж[елезной] д[ороги] получил, но она уже устарела; дорога эта перешла в сеть дорог юго-западных, причем вся администрация пере-

менилась, и Товариществу была дана новая бумага от нового управления, и та-то имеет значение [1].

О выставке в Москве сведения, присланные Вами, получил. Очень рад, что все устроилось [2]. Сам буду скоро в Петербурге, а потому не распространяюсь об этом.

Телеграммы не получил, может, еще не дошла. Чиркину письмо перешлю, он уже в Одессе. Результат выставки в Харькове удовлетворительный [3]. Весьма жаль, что за дорогу пришлось переплатить.

Желаю Вам всего хорошего.

Г. Мясоедов

55. В. Е. Маковскому

14 ноября [1880
Петербург]

Милостивый государь Владимир Егорович!

Раму к картине моей не могу сделать ранее праздника, почему мне пришло в голову такое обстоятельство, что я могу картину выслать в Москву, а общество ее не примет, что было бы для меня очень прискорбно. Не будете ли Вы так добры сообщить мне (будучи на месте, Вы это лучше можете узнать), могу ли я рассчитывать на принятие, если картина моя несколько запоздает.

Повторение «Засухи» в очень уменьшенном виде и несколько изменений в частях и в общем [1].

Вы бы очень меня обязали, если бы Вашим ответом успокоили меня в ту или другую сторону и весьма обязали бы готового к услугам Вашим

Г. Мясоедова

14 ноября.

Карл Викентьевич Лемох.
Малый проспект, 5 линия, д. Буренина
для передачи Г. Г. Мясоедову

56. А. А. Киселеву

23 [ноября 1880
Петербург]

Добрейший Александр Александрович!

Сегодня 23 отправляю картину к Вам на выставку [1], постараюсь отправить через городскую станцию с достав-

кой на выставку, чтобы меньше хлопотать и чтобы поскорей пришла. Это, как видите, повторение картины, которая Вам известна, тем не менее мне хотелось бы знать, как она Вам покажется, а также, что вообще скажут, здесь ее никто не видал, а сам я никакого мнения о своих картинах никогда не могу составить.

Похлопочите, чтобы она стояла по освещению, это все, что я желаю. Если бы Вы написали мне хотя в двух словах о том, приехала ли она в целости и поставлена, то сделали бы мне большое одолжение. До сих пор я ничего еще не начинал, все возился с окончанием «Засухи», теперь примусь за что-нибудь. Поклонитесь Куприяновым при случае и всей Вашей семье. Детишек поцелуйте. Мой адрес: Невский просп[ект], д. № 1, кв. 2. И будьте здоровы!

Г. Мясоедов

57. А. А. Киселеву

Декабр[*ь 18*]*80*
[*Петербург*]

Многоуважаемый Александр Александрович!

Спешу наскоро ответить Вам — цена 2500. Если будут благожелатели, не упустите.

Мне говорили, что клинки выпали и холст в складки, это жестоко портит картину [1]. Нельзя ли это привести в порядок. Черкасов [2] для меня пальцем не пошевелит. Спасибо, что ответили. С праздником, Соф[ье] Мат[веевне], детям тоже.

Ваш Г. Мясоедов

У несогласных с ценой надежды не отымайте, но и не обнадеживайте.

58. А. А. Киселеву

Декабрь [*1880*]

Многоуважаемый Александр Александрович!

Сейчас я получил телеграмму от Солдатенкова с предложением 2000 за «Засуху». Мне такой большой уступки не хотелось бы делать. Бедный университет заплатил мне

почти три тысячи потому только, что холст побольше [1], а ведь от того, что она меньше, я только глаза свои больше мучил. Не будете ли Вы добры заехать к Кузьме Терентьевичу и передать, что за честь появиться в его галерее, да в первый еще раз, я готов убавить половину разницы, т[о] е[сть] 250 р[ублей], что ведь для меня не пустяки, и если он готов сделать изменение в своем предложении на грех пополам, то может картину с выставки получить немедленно, только я бы попросил позволенья снять с нее фотографию в Москве же для нашего предполагаемого альбома, так как она туда взойдет [2]. Сделайте это ради бога, очень много обяжете .[...]

Г. Мясоедов

Оттого пишу, что хочется объяснить о фотографии и об уступке, в телеграмме этого не скажешь. Если Кузьма Терентьевич возьмет картину, то деньги пусть на Волжско-Камский банк переведет, там меня знают, известив немедленно хоть телеграммой на мой счет. Едва пишу, три дня не ем, извините каракули.

59. А. А. Киселеву

[*Январь 1881*
Петербург]

Многоуважаемый Александр Александрович.

Я отвечал Солдатенкову немедленно, согласием, после Вашей телеграммы, а что после того произошло, не знаю, продана ли моя картина и могу ли я считать это дело конченым. Вы бы бесконечно обязали меня, если бы известили хоть одним словом. Пожалуйста, извините, что я Вам наскучаю своими делами.

Если Солдатенков взял ее, что я и думаю по молчанию, которое следует, то, когда он вышлет деньги, по закрытии выставки, может быть? Мне хотелось бы, да и нужно на этот счет иметь уверенность.

Нет ли у Вас какого поручения в Петербурге, дайте его мне, чтобы и я мог служить Вам чем-нибудь, исполню с большим удовольствием. Вашим семейным мой низкий поклон.

Г. Мясоедов

Говорят, выставка идет очень хорошо [1].

Г. М.

60. А. А. Киселеву

[Февраль 1881]

Несказанно Вам благодарен, Александр Александрович, за хорошее известие. С деньгами спешить нет надобности. Когда Солдатенков возьмет картину, тогда пусть и платит [1]. Мне желательно было бы, чтобы он перевел в Волжско-Камский банк, с которым у меня есть уже делишки.

Не опустился ли холст у моей картины, он имел эту наклонность у меня. Статьи по поводу выставки мне попадались в «Голосе» в нескольких номерах, но прошло тому дней десять, номера не заметил. Затем было о выставке в фельетоне или «Нового времени» или «Голоса» москов[ского]. Заметки, кажется, числа около 15—18, где тоже говорилось кое-что, но так как мне читали вслух, а газету я в руках не имел, то с точностью сказать не могу [2].

Что касается до залы в Академии наук, то ее не просили еще и по причине ее тесноты. Картин на выставку предвидится гораздо более, чем прошлый год, а уже прошлого года теснота доходила до безобразия, а публика привыкла к хорошо сделанным выставкам, и наша очень теряет и кажется маленькой вследствие способа выставки. Да и чего же удивляться, в Москве мы ведь тоже платим, а в Акад[емию] наук решительно не взойдет [3].

Не увидите ли Александра Димитриевича, скажите, чтобы картину мою «Сумерки» в Москве оставил, хоть к Куприянову пока на стенку, пересылать ее пока бесполезно[4]. Насчет же олеографии Куинджи, какова будет, сказать трудно. Хочет сам делать, но поможет ли это, не знаю, ц[ена] 35 р[ублей] — уж того, что в картине, конечно, не будет, но может будет и недурно [5]. Во всяком случае, хуже других не будет. Прощайте, будьте здоровы. В Петербурге не будете ли? Вашим поклоны.

Г. Мясоедов

Алекс[андру] Димитриевичу буду писать [6].

61. П. М. Третьякову

5 марта 1881 г[ода]

За проданную Павлу Михайловичу Третьякову картину «К ночи» [1] с 9-й передвижной выставки деньги 1000 р[ублей] получил.

Г. Мясоедов

62. П. М. Третьякову

16 июня 1882 г[ода]

Милостивый государь Павел Михайлович.

Из полученного на днях письма от П. А. Ивачева [1] вижу, что произошло какое-то недоразумение (если то, что он пишет, совершенно верно). Я просил его по открытии выставки в Москве, спустя некоторое время, повесить ярлычок: продано, так распорядился потому, что после разговора с Вами в Петербурге и потом в Москве, не допускавшего никакого сомнения, я считал дело поконченным, мне оставалось только выразить согласие на Ваше предложение, что я и сделал — привесил ярлычок.

Я очень боюсь неделикатности в делах, и тем более по отношению к Вам, так как с Вашей стороны ничего, кроме деликатности, не встречал, и если просил повесить ярлычок, то никак не думал, чтобы в этом скрывалась хоть тень неделикатности. Мы привыкли ценить Ваше слово наравне с фактом. А затем я просил выждать достаточное время, чтобы дать Вам возможность видеть. Все так и произошло, а между тем Ивачев пишет, что ярлычок снят им, и по Вашему желанию, и проданная картина опять так как бы продается, т[о] е[сть] очутилась в комическом положении невесты, от которой жених ушел в окно. Я очень утешаю себя надеждой, что он или попутал или неточно передает дело, так и ярлычок, повешенный по моему распоряжению, мог быть снят только по такому же, не его дело входить в наши отношения, ограничиваясь только исполнением данных ему поручений [2].

Между прочим, он пишет, что в Москве при ином свете все нашли что-то, что требует поправки. Вам хорошо известно, что я не принадлежу к числу художников, считающих совершенным каждый свой мазок, и продана или не продана картина, всегда готов ввести возможное улучшение и поправку, почему думаю, что и тут что-нибудь не совершенно точно, и очень надеюсь, Павел Михайлович, что Вы выведете меня из того неловкого положения, в которое я попал, кажется, невинно.

Ивачев же мне пишет, что выставка наша пуста. Это совершенно совпадает с Вашими предсказаниями, и мы

не имеем права никакого жаловаться, должны принять как урок.

Узнал из того же письма, что Перов умер [3]. Мог бы еще пожить хоть для доказательства (весьма редкого), что и художники могут доживать до старости, не оставляя семью на милость божью и добрых людей.

Прошу Вас принять мой низкий поклон всем Вашим и принять уверение в моем глубоком уважении.

Г. Мясоедов

63. П. А. Брюллову [1]

[*Июнь 1882*]

Сегодня я уезжаю в Чернский уезд, а вчера получил Ваше письмо, Павел Александрович, и радуюсь, что Ваше намерение побывать у моря не иссохло. В Москве я тоже буду в конце июля и, вероятно, Вас там увижу. Полагаю, что из Москвы Вы уже не вернетесь в Питер, а направитесь прямо на юг. Тогда потечем купно. Ваш художественный съезд с Исаковым во главе немного меня соблазняет [2]. Все, что толкового мы можем сделать в искусстве — мы можем сделать без помощи важных председателей, которые всегда будут играть роль затычки для всего хорошего, а впрочем,] и беды из того большой не должно выйти.

Я здесь изнываю от жары, и засухи, и лени, и холодные обливания не спасают.

Итак до свиданья в Москве. Ивачеву, вероятно, будет известен Ваш адрес. Прощайте, совсем раскис.

Г. Мясоедов

Константин Дмитриевич [3], надеюсь, совсем поправился?

64. П. М. Третьякову

[*1882*]

Милостивый государь Павел Михайлович!

Относительно нужных поправок в картине, кажется, вопрос решен. Что касается повторения, то это желание,

действительно, новое, но, признаюсь, мне в голову не приходило делать повторение такой сложной картины [1], да, признаюсь, у меня не осталось ни эскиза, ни даже фотографии с картины (которую впоследствии Вы, вероятно, не откажете в позволении сделать),и однажды картина находится у Вас в галерее,ни копия, ни повторение не мыслимы без Вашего согласия, а сделать повторение против Вашего желания я никогда бы не решился *, потому что каждое требование, вызванное любовью к искусству, не может быть не почтено для всякого художника.

Примите уверение в сердечном расположении и уважении всегда готового к Вашим услугам

Г. Мясоедова

---

* Однажды это нежелание выражено [2].

65. П. М. Третьякову

16 сентября 1882 г[ода]

Милостивый государь Павел Михайлович.

На меня упали неожиданные и для меня довольно значительные траты, почему я хочу попросить Вас, Павел Михайлович, уплатить мне за «Самосожжение» несколько прежде ее появления у Вас. Полагаю, что исполнение моей просьбы не затруднит Вас.

Я сократил свою поездку на юг, чтобы застать выставку в Харькове [1] и сделать нужные поправки. Надеюсь, что Вы будете удовлетворены тем, что я сделал.

Если бы по получении моего письма Вы выслали в Харьков условленную сумму, адресуя на Волжско-Камский банк на мой текущий счет, Вы премного обязали бы искренне уважающего Вас

Гр. Мясоедова

66. П. М. Третьякову

3 ноября 1882 г[ода]

Бесконечно благодарен Вам, многоуважаемый Павел Михайлович, за высланные мне две тысячи рублей в уплату за «Самосожжение», деньги и квитанция получены. Вы упоминаете о том, что следующие 3000 будут уплачены,

«как условлено было»,—сколько я помню, все, что было сказано по поводу уплаты, ограничивалось Вашим вопросом: не все ли равно мне получить деньги все сразу. На что я отвечал, что в настоящую минуту надобности в них не имею, причем никакой идеи о сроке одновременной уплаты в нашем разговоре не заключалось. А так как и по собственному опыту знаю, да и по тому, как случалось Вам платить другим художникам, Вы в этом случае всегда оказывали большое доверие и сплошь и рядом платили вперед. Вот почему я и решился обратиться к Вам с просьбой об уплате. Пишу это единственно, чтобы объяснить, что я, как мне кажется, не нарушил условия, между нами высказанного, впрочем, еще раз благодарю Вас, что Вы не отказали мне в деньгах, совершенно мне необходимых. Надеюсь, что буду иметь возможность подождать до того времени, когда картина будет доставлена в Вашу галерею. А пока еще раз позвольте уверить Вас в моем глубочайшем уважении.

Г. Мясоедов

67. П. А. Брюллову

Число около 10 декабря [*1882 Харьков*]

Во-первых, картина Ваша «Аллея днем» точно продана в Харькове, Павел Александрович, продана Рубинштейну, который долго колебался между днем и ночью и, признаюсь, я его подталкивал на «днем». В общем, в Харькове продано до семи картин, да и везде как-то этот год покупали, я весь распродался, и маленький пейзаж тоже ушел [1]. Теперь я пишу пейзаж, опять море при высоком лунном освещении со скалами на первом плане [2]. Как я желал бы хоть денек побыть у Вас и поверить мои наблюдения, которые при исполнении картины оказываются не довольно полны. Вы славные этюды могли бы сделать по этой части. С каким бы удовольствием перебрался я к Вам, и как я жалею, что не имею довольно свободы. Та маленькая причина, которая меня привязывает, как Вы пишете, сама так ко мне привязана, что нет возможности пренебречь этой привязанностью. Когда я бываю

на хуторе, а я бываю раза два в неделю, радость моего мальчишки не имеет границ[3]. Он хохочет, хлопает руками, бросается на шею и тогда его не оторвать, и стоит мне шевельнуться или взять шапку, какой испуг в глазах, какие умоляющие крики, ну что тут делать, пусть подрастет, тогда буду таскать с собою.

Может, Алжир Вас так пленит, что Вы захотите и на вторую зиму туда поехать[4], тогда я уцеплюсь за Вас. а этой зиме уж, видно, пропадать. Да и есть еще у нас малое дите — это наше Товарищество, и не хочется мне отсутствовать на Общем собрании, чтобы его не развратили наши копеечники-художники[5].

Я работаю в Харькове, нанял комнату в Пассаже большую, но не особенно светлую и, читая Ваше письмо, слышу, как хлещет в окна ветер, посыпая их крупой, не манной, конечно. Все это время начиная с 1-го декабря было очень холодно, два дня был мороз градусов 16, теперь спало на 5. Снегу почти нет, езда на колесах и поля открыты.

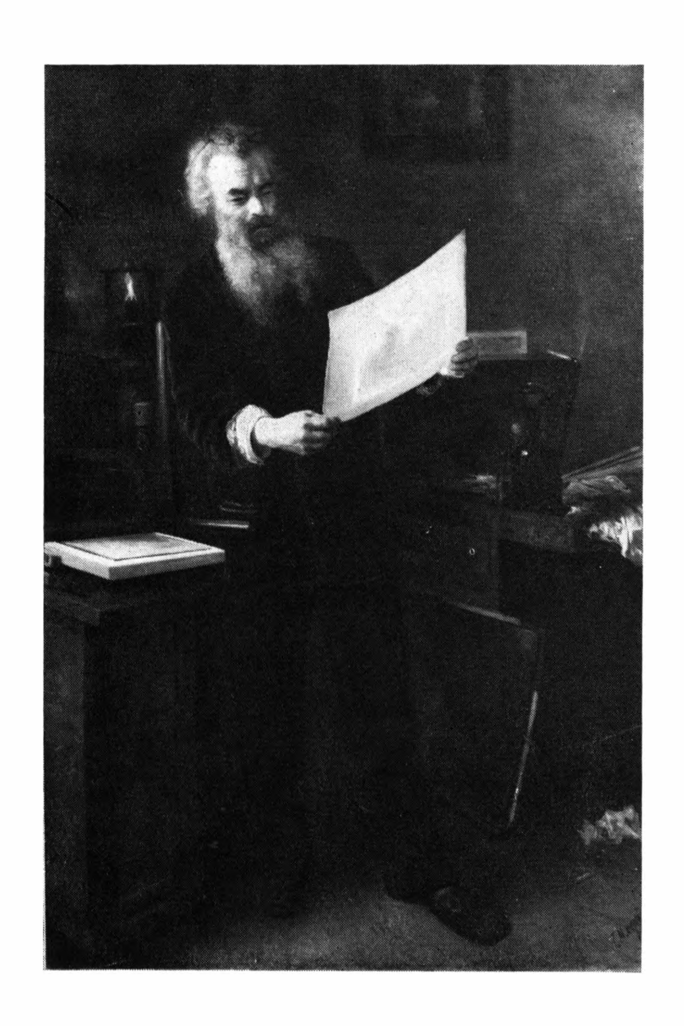
Мне приходит в голову идея. Живя в Алжире, пораздумайте относительно собственности и ее положения в смысле, напр[имер] доходности, стоимости и средств получения ее. Мы мечтали о Крыме, нельзя ли перенести эту мечту на берег Африки под более милосердные небеса и порядки.

Вам, кажется, очень нравится этот край, подумайте-ка, ведь мы оба почти пейзажисты, притом мне хотелось бы уж, если раз селиться, то и найти там точку опоры для жизни, и, признаюсь Вам, идея порвать пуповину не раз мне приходила в голову. Настоящее то, что живет и старится, может еще мириться и терпеть благодаря дурным привычкам к дурным вещам. Но то, что еще не имеет привычек, что будет еще жить, зачем не вывести его на лучшую дорогу в более светлый мир, где люди, если и борются за жизнь и страдают, но не ходят подавленные тоскою, без всякой надежды в будущем. Подумайте, хоть не с этой стороны, то со стороны искусства и экономики жизни, а я бы занялся садоводством, это меня все более занимает.

Что Вам написать про Петербург, с которым я почти никаких сношений не имею, и могу только сообщить коекакие долетевшие слухи. Ярошенко привез с Кавказа

10. Страда. 1887

11. Портрет художника И. И. Шишкина. 1891

много впечатлений и кое-какие реализует в форме пейзажной. Он писал мне письмо с объяснениями, ничего, впрочем, не объясняющими [6]. Между прочим, говорит, что всюду уныние и рознь. Шишкин не унывает, Виктория ввела его в лучшее общество [7], у него, видно, бывают даже генералы, переменил квартиру. Савицкий прислал мне сообщение о выставке в Гамбурге [8]. Про себя безмолвствует, остально[е] покрыто полным мраком, кто что делает и делает ли что-нибудь. Святый знае.

Сообщил бы что-нибудь из внутренней политики, но, кажется, ее нет, в настоящую минуту все тихо, ни новостей, ни перемен, ни столкновений. Да! В университетских делах какой-то шум, тоже и в Харьковском были сходки. В университет ввели вооруженную силу — студенты решили сделать забастовку от посещений лекций, чуть ли не целый день не ходили, затем начальство приказало всем обязаться подпиской посещать, грозя уволить несогласных. Подписались и ходят. Откуда вышел этот болтун, тоже святый знае. Теперь все, слава богу, тихо и в государственном желудке даже не бурчит. Только вот деньги наши больно дешевы. Прощайте, добрейший Павел Александрович. Маргарите Григорьевне мой низкий поклон передайте, детей поцелуйте. Хорошо им, как они загорят, я думаю.

Какой дорогой будете возвращаться в апреле, не заедете ли ко мне? Впрочем, я все еще ворочаю в голове мысль повидаться в Вами там, но, признаюсь, это пока призрак. Всего Вам хорошего.

Г. Мясоедов

Адрес: Харьков, дом Бразоля, в молочную.

Г. М.

68. П. М. Третьякову

19-го марта 1884 года

За проданную мною картину «Осень» [1] Павлу Михайловичу Третьякову деньги тысячу пятьсот рублей получил.

Г. Мясоедов

69. А. А. Киселеву

[20 января 1886]

Добрейший Александр Александрович!

[...] Что делаете хорошего, готовите ли много к выставке? Мы до сих пор не знаем, что у нас будет, поместимся нынче, кажется, опять в Академии наук. Больше нет места для нас. Петербургские члены так себя держат, как будто кто-то за них пишет, и картины явятся по-щучьему велению [1]. [...]

Г. Мясоедов

70. А. А. Киселеву

[25 января 1886]

Только что написал я Вам, Александр Александрович, как получил Ваше письмо, где Вы даете кой-какие вопросы, мною не удовлетворенные, спешу тотчас же Вас удовлетворить. Крамской и здоров и нездоров, таков он давно, что-то есть в нем, что его съедает, он иногда выглядит мертвецом, сам бледный, губы белые, глаза потухли, сидит врастяжку и молчит, а иногда увлечется, покраснеет и даже кричит, точно будто и ничего себе, зато потом кашляет несносно. В конце концов он все-таки нехорош, непрочен [1]. Уезжай он из Питера от дела, от возбуждений, от табачного дыма на юг на подножный корм, проводи там года два без печали и забот, кто знает, может, еще лет на десять хватило бы его, может, и семья бы укрепила, а теперь он ненадежен, по крайности на мои глаза. Кажется, он ничего не пишет, кроме портретов. Я пишу четыре пейзажа (? !) (доколе, о господи,— скажете Вы), и кажется, этим делом занимаюсь вплотную последний год. Начинаю уставать отчасти, а отчасти и разочаровывает то впечатление, которое выношу из природы. Передать я не в силах, а работать формы ради (которой блистать мне не дано) неохота. Для бытовых же картин я считаю себя достаточно опытным в пейзаже, и фоны писать могу без стеснения, и вот к этому-то и перейду. Один пейзаж — Карс с темными тучами с просветом солнца многим нравится — есть любители. Сам же я не ахти как доволен: воспоминание делает картине невыгодный репусуар [2].

Вторая — скалы и море же с прозрачным дном при полуд[енном] солнце характер имеет этюда. Третья — поля ржи по заходе солнца, начал, думал вызвать то, что дразнило меня в воображении, но до сих пор одна скука, около рта текет, а в рот-то и не попадает, и выходит пшик. Не знаю, что далее будет. Третий [3] — поздние сумерки, закат гаснет, на берег надвинулись тучи, и сеет с гор дождь. Первый план занят кипящим буруном, за скалами сверкает молонья — трррр-пртр и далее [4]. В описании гораздо лучше, чем на холсте, а из всего вышеписанного и следует, что лучше маленький деревянный домик и пр[очее].

А вот Айвазовский, посмотришь, и прав. Красота, красота, красота и палитры и мазка [5], а все эти потуги собаке под хвост. Прощайте, поцелуйте детей, Софье Матвеевне поклон. Если услышу от Вас весточку о Ване и его здоровье, то очень буду счастлив.

Г. Мясоедов

71. А. А. Киселеву

17 февраля 1886 г[ода]

[...] Ваше неудовольствие своими работами весьма и весьма прискорбно, чувство довольства, которое мы связываем с работой, наше едва ли не главное вознаграждение, а иногда и единственное. Приезжайте прямо ко мне. [...] Приехавши, сами увидите, можете ли довольствоваться моим предложением. [...]

Г. Мясоедов

Не распространяюсь в надежде обо многом говорить лично.

72. А. А. Киселеву

24 марта 1886 г[ода
Петербург]

Выставка наша точно, что не бойко идет, добрейший Александр Александрович, и посетителей мало, да и покупка совсем остановилась (для меня не начиналась). Государь с государыней и Вл[адимир] А[лександрович]

действительно были на выставке и были крайне любезны, просты и добры. Одеваясь, государь спрашивал, когда у нас выставка открывается, и сказал, что на будущий год он придет на первый день, чтобы иметь возможность видеть выставку нераспроданной. Купили две кар[тины] Лемоха, две Беггрова и одну Дубовского на сумму около 10000 с чем-то.

Картина Репина уже выставлена была (для государя) неконченной и простоит всю выставку, а затем Репин будет ее кончать [1].

Я в Москву вернусь из Питера только разве на святой неделе, да и то, я думаю, в конце. [...]

Относительно картин Айвазовского скажу Вам, что поет он все старые мотивы, все «Норма» да «Лючия», но голос у него чистый, оттого его и слушают [2]. А я вот все хотел пропеть что-то свое, но голос у меня сиплый, никто его и не слышит, а мотив не совсем знакомый, тем хуже.

Что же еще? [...] Собираемся то там, то сям, на последнем собрании у Крамского решились (почти) составить выставку из старых картин и пустить ее в другие направления (хотя бы в Сибирь). Это наша собственная будет выставка, картин чужих не будет, и она может ехать когда и куда угодно; можно уповать, что москвичи присоединятся. Много хороших картин во владении членов находится и можно составить хорошую выставку. Организовать дело взялся Ярошенко [3]. Ну вот и все. [...] Будьте здоровы.

Г. Мясоедов

73. Н. Н. Ге

10 марта [1889
Петербург] [1]

[...] По поводу Вашей картины П. М. Третьяков заметил, что ему эскиз более нравится. Может быть, не хочет ли он его у Вас приобрести? [2] Если бы я имел право, я посоветовал бы ему заказать Вам эту картину в размере и в силе «Тайной вечери» [3], не жалея денег. Лично это меня порадовало бы, и я уверен, что Вы бы сделали ее хорошей. Как художник, Вы остались целым, и время ничего

у Вас не отняло. Почему бы?... Боюсь, рассердитесь! Перед Вашей картиной нет толпы, но есть всегда сосредоточенная группа; стало быть она впечатление делает сильное. От товарищей слышу тоже только самые симпатизирующие отзывы, но все находят, что Вы можете гораздо усилить впечатление большей выразительностью и определенностью. Я знаю, Вам неприятно слушать эти языческие речи. Что делать.— Привык уже и сворачивать никуда не могу. [...]

74. В. Г. Черткову

2 июня 1890 г[ода]
Полтава

Посылаю одновременно с письмом и посылку, Владимир Григорьевич [1], по указанному Вами адресу. Фотографию ретушировал, сколько было возможно, жаль, что Вы не прибавили объяснения, для какой следующей процедуры нужно ее было ретушировать, это мне немного выяснило бы требование [2].

Я рассчитываю негатив получить обратно и, если тот разбился, то нельзя ли сделать с ретушированного экземпляра уменьшен[ие] до первоначального размера. Должен получиться превосходный негатив.

Ваш вопрос относительно книжки о садоводстве меня несколько поразил неожиданностью. Когда я уезжал из Петербурга, Вы собирались ехать на той же неделе, почему, желая захватить Вас дома, я с нарочным отправил книжку и при ней лист бумаги, на котором изложил мое мнение, на Петербургскую, д[ом] Полякова, к Вам. Когда посланный возвратился, чтобы быть уверенным, что он ее доставил, я расспросил, как и кому он передал, и сейчас помню, что по его объяснению он передал молодому человеку в блузе (полагаю, Горбунову). Теперь остается возможность, что Вы не получили ее лично, не спросили ее у Горбунова, поищите. Мнение мое отрицательное. Книжка наполнена пустословием наполовину, кажется, автор предлагает тут же в крестьянском саду делать вино и уксус. Требуются при этом такие условия, которых наша деревня не предлагает. Ее можно бы сократить наполовину,

а рядом сократить и цену. Оттого книжка выиграла бы в ясности и дешевизне [3].

Поклонитесь Анне Константиновне [4], радуюсь, что она поправляется, и будьте здоровы.

Г. Мясоедов

75. В. Г. Черткову

[*1890*
Полтава]

Когда я уезжал из Петербурга, у меня уже родилось недоразумение — кому я адресую фотографии? Так как Вы хотели ехать на той же неделе, как и я. Теперь, когда это разъяснилось, немедленно высылаю 3 позитива.— I. «Чтение Положения» и два другие просто на пристяжку. В «Чтении Положения», кроме самого факта, который изображен, я хотел подчеркнуть и то, что долго униженный человек боится слова свобода и дерет в овин, если его услышит, или, вернее, чтобы его услышать, а на людях боязно. По позитиву можете судить о негативе. Негатива не посылаю, не зная, удовлетворит ли он Вас, чтобы не проездился напрасно, и пожалуй, может разбиться, как разбились 2 негатива, которые я захватил в этот раз из Петербурга [1]. Очень жалею, что Анна Константиновна все хворает и не хочет поправиться. Передайте ей мое таковое сожаление вместе с поклоном и сожалением, что обоих Вас нельзя видеть из-за глупого расстояния.

Как в Полтаве тихо! Тихо во всех отношениях, до глупости. Будьте здоровы.

Г. Мясоедов

Если потребуется негатив, он к услугам Вашим.

Г. М.

76. В. Г. Черткову

[*Осень 1890*
Полтава]

Добрейший Владимир Григорьевич.

Присланная репродукция с моей картины в общем мне кажется удовлетворительной, недостатки, конечно, есть,

но, полагаю, они всегда будут. Конечно, есть кое-что, что желательно и можно бы исправить, т[ак], н[апример], фон грязен и несколько темен, фигуры печатались слишком однообразно, черно, полагаю, что значительно изображение выиграло бы в чистоте и понятливости, если бы, во-первых, фон кто-нибудь вычистил, то есть убрал пятна (темные) и тем его несколько осветил, а при печатании сделать подкладки для усиления давления местами (в первопланных фигурах) и черноты. Картина стала бы эффектней [1].

С книжкой о садоводстве еще плохо [2]. Все это время я сидел за ответом на циркуляр нашего президента относительно реформы в устройстве академических порядков и только вчера отослал то, что написал по этому поводу [3]. Теперь я начал думать о книжке садоводства и, полагаю, скоро мне не удастся с ней кончить. Всего трудней писать кратко, ясно и о деле. Полагаю, что нужно очень ограничиться и написать ее только для крестьян и тех, которые по жизни с ними схожи. А также думаю, нужно говорить об очень ограниченном числе фруктовых пород — абрикосы, персики, сливы (кроме самых живучих) и проч[ее] не должны входить. Яблоня, груша, вишня, слива (обыкновенные), малина, земляника и довольно. Также и способы разведения должны быть указаны без излишеств. Попробую, посмотрю, что выйдет, и тогда поговорим.

Поклонитеь г. Горбунову, который пишет вместе с Вами. Очень рад, что мысль и ему нравится. Если будете снимать фотографию с «Самосожигателей», то я с Вас возьму взятку в виде оттиска [4]. Поклонитесь Анне Константиновне. Надеюсь, ее здоровье поправляется.

Осень, холодно, упал глубокий снег на траву и цветы, лежит третий день. Вместе со снегом свалилось на меня много печальных вестей, касающихся и меня и других, и гнетет это вместе с погодой до боли. Вечером так тихо, как будто жизнь остановилась, догадавшись, что продолжать глупо, только в ухе звенит. До свиданья, будьте здоровы.

Г. Мясоедов

Скоро уезжаю в Петербург.

77. В. Г. Черткову

[1891
Петербург]

Давно собирался писать Вам, многоуважаемый Владимир Григорьевич, да все и откладывал за насущной злобой дня, ради которой и больной и здоровый вертятся, аки бес перед обедней. А все это время мне не давала покою моя бродячая по всем закоулкам тела боль, которая и приходит неизвестно от чего и уходит неизвестно почему. Так теперь она меня почти покинула, надолго ли, не знаю.

Что касается жизни духовной, то так как я ее не могу себе представить независимой от жизни физической и не вижу на то даже и малого намека, то, разумеется, дух мой отражает все перипетии, которым подвергается моя бедная плоть, и состояние духа не отличается ясностью или игривостью. Прежде всего падают все аппетиты к жизненным проявлениям. [...] Беда моя в том, что природа (или кто) нас снабдила глазом, хорошо видящим соседские грехи и непоследовательность с неспособностью лелеять свои идеи и надежды и возводить их в идеалы. [...]

Вот Ваша хорошая затея с изданием хороших картин в хорошей форме и доступной цене терпит разные неудачи [1]. Чувствуется, что хозяйский глаз повсюду нужен. Когда начинаешь разбирать, отчего, например, тот или другой оттиск неудовлетворителен, оказывается, что виноватых нет, каждый, исполнив свое дело, поспешил сдать другому (как было сделано дело — об этом мало заботы), другой третьему и пошла гулять история. Так, желая проследить причину неудовлетворительности изображения моей картины, я старался найти оригинал, чтобы сравнить с оттиском и посмотреть, кто виноват. Иду в контору «Посредника» — оригинала нет. Обращаюсь к Вл[адимиру] Конст[антиновичу] — у него нету, обращаюсь к Константиновичу — нету. Прошу справиться у Гоппе [2], с чего он делал клише? С оригинала. Куда же он делся? Отдал Константиновичу (имеется расписка в получении). Опять к Константиновичу, у Вас должен быть оригинал — ничуть. У меня его нет. Вероятно, он в конторе «Посредника», я сдал все, что имел. Вот мы опять в конторе, и, конечно, без толку. И выходит коловраще-

ние. Наконец, среди фотографий одна оказывается будто местами тронута тушью, кой-где. Что это значит, не могу понять. Да это, говорят, вероятно, Гоппе смыл ретушь, находя ее для себя неудобной, и сделал по-своему. Так он сделал с Ярошенкой и пр[очее] [3].

Что тут можно, наконец, делать! Нужен хозяйский глаз и порядок. Я затратил неделю на ретушь, сделал, помоему, хорошо, а вот г. Гоппе не одобрил, да и не он, а его работники, какая-то немецкая тушь, да и, поиспортив дело, скрылся во мраке общего беспорядка, получив плату. Это прискорбно!

Такие неудачи могут охладить к делу и заставить пожалеть, что дело исполнялось в России. Какие прекрасные цинкографии делают в Париже и, конечно, дешевле.

Вот как представилось дело мне. Может быть, это и не совсем так при лучшем обследовании, но впечатление многих рук, малоумелых, маловластных и мало интересующихся, производит процедура дела.

Как Вы проводите время у себя в деревне? Что поддерживает жизненную бодрость в Вашей пустыне? Мне, нуждающемуся во внешних импульсах, не угадать, а угадавши не понять и не почувствовать, так я обмер изнутри. Жизнь ко мне приходит извне и без нее я только терплю и жду. Грустное признание зависимости от внешнего. Но эту зависимость я так резко чувствую, что притворствовать бесцельно. Будьте здоровы, Анне Константиновне поклонитесь. С удовольствием слышал о пользе, принесенной Кисловодском [4]. Всего хорошего.

Г. Мясоедов

78. В. Г. Черткову

[*После июня 1891*]

Не мог ответить Вам раньше, Владимир Григорьевич, из-за житейской сутолоки.

Во-первых, очень Вам благодарен за ласковые слова, которые Вы имели доброту высказать в письме. Они не падают на каменистую почву. А во-вторых, за выписку мыслей Толстого по поводу употребления слова «бог» [1].

Вчера мы читали «Крейцерову сонату», и она возбудила массу пререканий, обо всем этом очень хотелось бы поговорить. Я должен признаться, что то, что заменяет Льву Николаевичу идею трехипостасного бога, не отличается большею ясностью и едва ли более нужно человеку, чем то бородатое представление, признанное за совершенно необходимое. Лев Николаевич говорит, что знать бога нельзя, всякая попытка определить его только от него удаляет, и даже знать его теперь и не нужно (а когда будет нужно?). Тем не менее выходит как-то удивительно, что знание его единственно достоверное. Знание это получается любовью, и что его (бога) только можно любить более всего.

Не понимаю, как можно любить, что не знаешь, чего знать нельзя и не нужно. Мы обыкновенно любим только то, что знаем, что ценим, уважаем и понимаем, и любовь эта приходит только через знание. Кажется, что Лев Николаевич хочет отослать человека к его сердцу, чувству любви и там искать регулятора его жизни. Мне кажется, что глупых голов не более на свете, чем злых сердец, и первых привести к согласию так же трудно, как и вторых, и едва ли не менее опасно отдать человека под руководство сердца, нежели под опеку логики. Опасно для человека искать бога в сердце еще и потому, что, впадая в самообожание, он рискует пуститься чертить, как московская купчиха, ни в чем не усумнясь благодаря доброму сердцу? Пусть их будет поболее, и тогда можно будет сказать «царство небесное в сердцах ваших». Но пока нужно поостерегаться логики сердца и особенно вне опеки разума. Другому сердцу не передашь доводов, и стремления его не убедительны и веления весьма сомнительны.

Вот, например, Л[ев] Н[иколаевич] бога любит, а я ничуть, пусть-ка он меня заразит этой любовью, а что два плюс два не стеариновая свечка, это можно сказать каждому, кто этому не верит. Очень может быть, что все написанное есть результат моего недомыслия и об этом бы хорошо поговорить, готов покаяться [2]. Поклонитесь Анне Константиновне низко. При первой возможности буду у Вас.

Г. Мясоедов

79. Е. М. Хруслову

[Сентябрь 1891
Полтава]

Сейчас говорил со старшим старшиной клуба о зале Клуба чиновников, зал можно получить на следующих условиях (которые вы, однако, можете переделать); срок не позже 20-го октября, с платой 100 р[ублей]. Паркет очистит клуб сам. Нужно на все это согласиться, не входя в переписку (коли время мало), а в Харькове лучше кончить не позже 25-го или так чтобы 1-го открыть в Полтаве — может быть, поэтому лучше закрыть в Харькове 23-го [1]. Приезжайте вперед и обо всем сами поговорите.
До свидания, Егор Моисеевич.

Г. Мясоедов

После 20-го сентября мой адрес: Полтава, Александровская, дом Сулимы, нижний этаж.

Г. М.

80. Е. М. Хруслову

[Сентябрь 1891
Полтава]

Егор Моисеевич.

Зал Земства к Вашим услугам бесплатно. Зал Клуба чиновников тоже, но за 100 р[ублей] и с просьбой не портить полов (до 15-го октября). Зал Земства вы знаете. Зал Клуба чиновников много лучше, но неудобен при разгрузке и нагрузке в дурную погоду — решайте? Или спросите Правление, которое, впрочем, расползлось [1].
Приезжайте поскорей, как отправите картины, осмотритесь.

Будьте здоровы.

Г. Мясоедов

81. А. А. Киселеву

18 октября [1891
Полтава]

Многоуважаемый Александр Александрович.

Циркуляр, которым О[бщество] люб[ителей] из[ящных] искусств приглашает к пожертвованию в пользу голодаю-

щих предметами искусства, я получил одновременно с известием из Петербурга о решении Товарищества жертвовать 10 пр[оцентов] с выставки для той же цели [1]. Я выразил, со своей стороны, согласие, и думаю, что с меня сего довольно. Однако, проезжая через Москву, я буду у Вас по поводу должных мною этюдов и прихвачу с собою что-нибудь и для желанья Об[щества] л[юбителей] и[зящных] и[скусств], если это не окажется поздно и будет на что-нибудь годно.

В конце этого месяца буду в Москве (коли жив буду), тогда поговорим, а пока будьте здоровы. Приехали ли Куприяновы из вояжа? Всем Вашим поклонитесь усердно от меня.

Г. Мясоедов

82. П. А. Брюллову

[*Ноябрь 1891*
Москва]

Добрейший Павел Александрович.

Помнится, что Вы брали у меня кое-что по части крестьянских костюмов, если они у Вас, то не откажите выслать почтой, тряпье это мне очень нужно, и заодно не спросите ли у Ник[олая] Александровича Ярошенко, нет ли у него моей белой женской сорочки, которую я ему давал, когда писалась картина «Всюду жизнь» [1]. Очень может быть, что она возвращена, но между вещами не нахожу, покрой ее Подольской губ[ернии], и тут не могут найти такую.

При сей оказии делюсь с Вами событием в семье моей. Родилась у нас москвичка — дочка Елена [2]. Это сразу будто акклиматизировало нас с Москвой. Смотрю я на свет и колорит московской зимы, нравы и ее типичность на каждом шагу и, пожалуй, прав, что художнику надо жить не в Питере, деланном, искусственном, сером, чиновном, а пуще всего не русском — чухонском. Настроен я к работе, много само собою набегает из здешнего и, кроме того, полон впечатлений и материала полтавского.

Как-то поживаете, что поделываете Вы — питерские друзья. Здесь вижусь со всеми, и ближе всех, совсем бок о бок живет Викт[ор] Михайл[ович] Васнецов. С ним ви-

димся часто, возобновились наши давнишние приятельские отношения, он очень интересный, глубоко предан искусству [3]. Много раз касались мы с ним вопроса о выходе его из Товарищества, и для меня ясно, что все это одни лишь недоразумения, порожденные отчужденностью, отдаленностью от центра, жизнь и интересы которого все-таки ему были дороги и близки; переживая все в одиночестве, является болезненность, нервы напряжены, человек мнителен, подозрителен, и вот в такие минуты подвернулась перемена нашего устава совершенно неожиданно, без всякого участия и спроса отсутствующих членов. Это оскорбило, обидело его, он возмутился, и когда, наконец, уже сам допросился объяснений циркулярных, не освещенных близкими товарищескими отношениями, он увидел, что в корне не согласен с этими переменами; действительность представилась ему иной, чем она есть [4]. К тому же я вижу, что и со стороны недовольных, как Кузнецов [5], например, много работано для поддержания недоразумений и неудовольствий. Грустно и печально все это, трудно исправимо в данном случае, нужно время, чтобы улеглось и успокоилось. Мне представляется, что если бы был случай нам всем свидеться, обновить дружеские отношения, то шероховатости эти сгладились бы сами собою. Васнецова нельзя ждать в Питер, он сильно занят собором в Киеве и к весне, вероятно, уедет туда [6]. Видя Васнецова, помня курбеты Кузнецова, выходки Максимова, Волкова, выход из Товар[ищества] Репина и пр. и пр., ста-[...] [7]

83. А. К. Чертковой

С.-Петербург 19 декабря 1891 г[ода]
(Васильевский остров, 5 линия,
по Бугскому пер. дом № 1, кв. 31)

Лучшая сторона моего подаренного когда-то Вам этюда, многоуважаемая Анна Константиновна, это то, что он побудил Вас написать несколько строк по моему адресу и до меня таким образом достиг глас из пустыни, в которой Вы затерялись для грешного мира. Вашему желанию извлечь из этюда моего [1] какую-нибудь пользу для голодающих я не могу не сочувствовать, и моя адвестия тут

никоим образом не должна быть принимаема в расчет, если бы я и был глупо щекотлив, чего, по совести уверяю Вас, за мной не числится.

Я жалею только об одном, что Вы хотите лишить себя того, что, как Вы говорите, очень любите, но с другой стороны, уверен, что серию жертв в пользу голодающих Вы, конечно, не начали с этюда. В чем я очень затрудняюсь, так это в указании места сбыта. Вот уже несколько лет, как я ровно ничего не продаю, почему не было бы чудом, если бы, зная таковое место, я[не] воспользовался им для себя, чтобы не попасть в число лиц, состоящих на общественном призрении.

Мне кажется, было бы всего удобней, если бы Елиз[авета] Иван[овна] [2], зная для какой хорошей цели Вы хотите себя лишить того, что Вам нравится, оставила этюд у себя; я думаю, сотня рублей ее, вероятно, мало затруднит. Выставка, устроенная художн[иками] в Москве, кончилась [3]. Она дала в пользу голод[ающих] 15000. На днях председательница дамского кружка в Воронеже обратилась ко многим художникам с просьбой выслать в Воронеж картины для выставки картин «знаменитых художников», которую хочет устроить Красный Крест. Я обещал послать одну вещь. Эту выставку знаменитых художн[иков] устроит и расставит некто Соловьев [4], тоже знаменитый художник — не найдете ли Вы удобным поставить Ваш этюд туда, может быть, и найдется добрый человек. [...]

Ваня [5] поступил в реальное училище, и слава богу, учится довольно посредственно. Поклонитесь Владимиру Григорьевичу [6], выйдя из нашего кругозора, он унес с собою и свой дух, а мы опять спокойно коснеем в грехах. Здоровы ли Вы? Ну, будьте здоровы.

Г. Мясоедов

84. В. В. Стасову

30 января 1892.

Приходил Вам кланяться, Владимир Васильевич, по поводу Вашего обещания мне попозировать [1], к несчастью, не застал Вас. Ждал, сколько сил хватило — очень нездоровится.

Не будете ли добры, Владимир Васильевич, дать мне знать, когда можно надеяться с Вами поработать, выберите любой день, когда Вам удобно, только бы мне знать, когда это будет. Дни теперь дороже месяцев, истинно севастопольское время. Надеюсь на Ваше бесконечное великодушие и снисходительное воззрение на мою просьбу. Я явился бы еще к Вам кланяться, но это еще взяло бы день, а Вы если захотите назначить день через почту открытым письмом, буду рассчитывать на лучшее.

Г. Мясоедов

Васил[ьевский] остр[ов], 5 линия, Бугский пер., д. № 1, кв. 31.

85. Е. М. Хруслову

[15 сентября 1892
Полтава]

Многоуважаемый Егор Моисеевич!

Газет я не читаю, паче того объявлений, если у вас есть желание, чтобы я что-либо узнал, то самый удобный способ это письмо. Почему нужно поджидать приезда учащихся и менять срок (если он был определен) для полсотни учащихся, это мне не совсем вразумительно. Вероятно, впрочем, маршрут дан Правлением, и Николай Александрович [1] списался с кем следует. Будем так думать и считать вопрос решенным. В Полтаве выставку надо сделать не в земском зале, а в Клубе чиновников, зал которого и более и светлее земского. Может быть, придется что-нибудь заплатить, но с этим надо примириться, лишь бы дали [2]. В этом направлении я и буду хлопотать. Если же почему-либо в Клубе чиновников будет неудобно, то придется обратиться в Земство, но там со смертью Заленского [3] я никого не знаю и за успех не ручаюсь, разве подействует старая привычка. Позен в Полтаве, запрягу и его хлопотать о зале, о результате Вам сообщу.

Будьте здоровы.

Г. Мясоедов

86. Е. М. Хруслову

[Сентябрь 1892
Полтава]

Многоуважаемый Егор Моисеевич.

Клубная зала оказалась занята спектаклями с благотворительной целью. Земскую хотя и с заминкой, но дадут. Но она плоха, а потому я предпочитаю дворянскую залу [1]. Она большая, по бокам две комнаты, зал в два света, почти квадратный и светлый и на хорошем месте, сейчас у въезда в Александровскую улицу — налево Присутственные места, а направо — дом дворянства, и что еще удобно, это то, что в саду есть крытый павильон, где можно раскрыть и оставить ящики. Словом, очень хорошо. Но! — Самое раннее, что она свободна — это 5-е октября, когда кончатся выборы. Я видел только секретаря, а предводителя увижу завтра и тогда вам сообщу. Вообще, если это письмо вы получите, то значит можно рассчитывать более или менее. Хорошая швейцарская и подъезд. По-моему, лучше урезать несколько срок, но выставить хорошо. Зала только ремонтирована, а потому нужно ее беречь. Собственно, лестница только что выкрашена. Пишу вам, чтобы вы взяли в расчет указанное мной обстоятельство о сроке и не спешили бы.

Пока до свиданья.

Г. Мясоедов

Был сегодня у к[нязя] Эристова [2], он все обещал, что может, но на выборах могут выбрать нового предводителя, и этот может занять дом дворянства, и тогда надо просить нового. Все это, конечно, маловероятно, и на зал, мне кажется, можно рассчитывать.

Г. М.

87. П. М. Третьякову

[Октябрь 1892
Полтава]

Многоуважаемый Павел Михайлович!

Сейчас я получил извещение от Товарищества о письме, с которым оно обратилось к Вам по поводу Вашего дара городу Москве и стало быть всей России.

Отсутствуя, я не мог его подписать, потому спешу присоединиться к письму товарищей выражением глубочайшего уважения к Вашей великодушной деятельности в области искусства [1].

Мы все знали Ваши намерения, всегда смотрели и думали о них с должным почтением, и, конечно, это не было для Вас секретом.

Публичное же Ваше заявление дает нам приятный повод высказать это открыто.

Наша жизнь не балует нас частым зрелищем крупных гражданских подвигов, и нам тем радостнее приветствовать Ваш, что он родился и созрел на поле искусства, которого мы считаем себя преданными служителями.

Примите еще раз искреннее уверение в глубочайшем к Вам уважении.

Г. Мясоедов

88. Правлению Товарищества передвижных художественных выставок

[Ноябрь 1892] [1]

Встречая каждый год нашу выставку в провинции, каждый раз убеждаюсь в совершенно напрасном расходе, который делают члены и Товарищество устройством тяжелых рам на картины. Перевозка этих грузов, переноска их в залы составляет тяжелую печаль для сопровождающих — затруднение в размещении, риск и напрасный расход для всех. Не возьмет ли Правление на себя предупредить членов, а также экспонентов об этих неудобствах и просить их взять в расчет неудобства, которые создаются этими 20-пудовыми ящиками, нагруженными неимоверно тяжелыми рамами.

Гр. Мясоедов

89. В. Г. Черткову

[Февраль — март 1893]
С.-Петербург, Вас[ильевский] остр[ов],
5 линия, дом 36, кв. 15

Многоуважаемый Владимир Григорьевич!

Вы, может быть, забыли о моем намерении составить книжку для мелких землевладельцев о садоводстве, до-

ступную их средствам и пониманию, которая тем не менее давала бы ясное понятие о жизни дерева и его ведении, начиная с семечка и до плодоношения. Книжку эту я, однако, кончил. Все, кому я читал ее, одобряют ясность изложения и ее план. Вы имели намерение ее напечатать. Рукопись находится со мною в Петербурге [1]. К несчастью, Вас здесь нет, и я не знаю, с кем мне об этом поговорить, а также, насколько Вы продолжаете принимать участие в издании книг для народа [2]. В течение двух лет я интересовался составлением этой книжки и рисунков к ней. Правда, это не доказывало большой спешности, но тем не менее я очень был бы огорчен, если бы работа моя пропала даром, не дойдя до назначения. Рукопись состоит из 16 листов, из которых $1/3$ страницы оставлена белой.

Если бы Вы нашли время немедленно известить меня о желании или нежелании принять участие в ее издании, Ваше письмо застало бы еще меня в Петербурге, и я мог бы сделать что-нибудь по Вашему указанию.

В вознаграждение за труд я получу в случае издания ее достаточное количество экземпляров для безвозмездной раздачи ее людям, которым она может быть полезной. Мне несколько раз присылали издания «Посредника» по почте, думаю, что обязан этим Вашей доброй памяти, и пользуюсь случаем, чтобы много благодарить Вас. Последнее время мало о Вас слышал и совсем не знаю, как Вы живете и думаете. [...] Передайте мой низкий поклон Анне Константиновне и вместе поверьте, что доброй памяти о Вас не меняют ни время, ни расстояние.

Г. Мясоедов

90. В. Г. Черткову

[*Начало 1893*]

Получил Вашу приписочку, Владимир Григорьевич, и был очень доволен узнать, что Вы и Анна Константиновна живы, здоровы и в трудах. Приглашение Ваше, которое мне передал г. Аполлов [1], приехать к Вам летом мне было очень приятно. Кто знает, может быть, и окажется возможность оторваться от своих дел и нужд и заглянуть к Вам в край для меня все-таки новый, но, боже мой,

как это трудно! И ручаться, что я найду время и деньги для того, чтобы доставить себе удовольствие подобного путешествия, весьма рискованно.

Я получил от Горбунова несколько комплиментов по адресу моей книжки, мне весьма доставивших удовольствие [2]. Просмотрели ли Вы ее и присоединяетесь к мнению Горбунова?

Поклонитесь низенько Анне Константиновне, надеюсь, что здоровье ее, которое, кажется, шло путем улучшения, не свернуло в сторону.

Г. Мясоедов

91. В. Г. Черткову

[*1893*]

Очень рад, многоуважаемый Владимир Григорьевич, узнать, что все вы живы, здоровы и много работаете. Это очень хорошо, пока можно. Относительно моей книжки от Горбунова я ничего не получил, касающегося до вступления и имеющегося в нем чего-то несогласного с направлением фирмы «Посредник» [1]. Напротив, Горбунов в своем письме высказался для меня приятным образом, назвав книжку деловитой.

Я, признаться, не совсем понимаю, с кем и в чем могло бы мое маленькое вступленьице противоречить. Нужно полагать, что тут даль расстояния играет роль. Мне, наприм[ер], издали кажется, что последние серии «Посредника» изданы отчасти под влиянием книгопродавца Сытина [2], а может быть, я и ошибаюсь.

Вы меня благодарите, Владимир Григорьевич, за доверие, которое я-де делаю, вручив Вам рукопись,— этого я не понимаю, мне кажется, что мне следует благодарить Вас за напечатание. Хотя, признаться, я вообще благодарность не разумею.

Мне хочется сделать Вам два вопроса:

Первый: я слышал, что существует нечто вроде поваренной книжки для травоядных, изданной Лесковым [3]. Во-первых, правдиво оно и имеется ли она в продаже, а во-вторых, куда надо за сим обращаться. Я, будучи любопытен, решился сделать опыт (на себе) травоядения,

и с весны ничего не ем, кроме растительной пищи, молока и масла. Чувствую себя не худо [...].

Вопрос второй: не знаете ли Вы некоего К л о б с к о г о [4], который считается и выдает себя за последователя и помазанника Толстого, смущая полтавцев своими речами, а в особенности полтавок? Он добился внимания администрации, которая нашла нужным выслать его куда-то подальше. Он был у меня раза два и многих смутил приемами новейшего пророка. Может опять вернуться. Мне он не нравится и не внушает доверия. Но могу и ошибиться. В случае, вздумаете написать, буду очень рад узнать от Вас, первое, о противоречии вступления с направлением «Посредника», а также о книжке Лескова и проч[ее]. Утешительно знать, что Анна Константиновна поправилась. Передайте ей мой низкий поклон и будьте здоровы телом и духом.

Г. Мясоедов

Сделанная Вами и мною ретушированная фотография «С а м о с о ж ж е н и я» какую потерпела судьбу? [5] Это мне очень интересно и я очень хотел бы знать, можно ли получить с нее копию фотографически.

92. В. Г. Черткову

[*Июль — август 1893*
Полтава]

Сейчас получил Ваше письмо, Владимир Григорьевич, а два дня перед этим такое же от И. И. Горбунова с приложением измененного вступления. Это вступление в новой его форме мне вовсе не нравится. Не то, чтобы оно не удовлетворяло меня по языку или литературности оборотов, этого я не знаток, но туда вкралось самохваление и саморекомендование, а это мне крайне несимпатично. Потом я не перевариваю словечка м ы. За каждое дело кто-нибудь должен ручаться и отвечать, поэтому оно должно получить имя, а м ы это темное место, в котором скрывается нередко одновременно крайняя надменность и уничижение. Пусть его служит царям и толпе. Почему я и попросил Ив[ана] Ив[ановича] оставить вступление как оно есть, и коли можно, то в этом виде и пустить его в мир,

а коли невозможно (то есть книжка плоха), то вернуть рукопись и тогда я попробую ее как-нибудь пристроить, хотя последнее мне было бы неприятно, как доказательство моей непригодности к Вашему делу [1].

Очень Вы порадовали извещением о выпуске поваренной книги для травоядных [2]. [...]

С Алехиным я еще не познакомился, но постараюсь. Об нем говорят хорошо. Есть тут еще Фейерман — еврей, с ним я познакомился и он мне показался весьма интересным искателем истины, вдумчивым и спокойным (столяр). Есть еще Леонтьев, о котором говорят хорошо [3]. Это все почитатели Толстого. Клобский меня смущал, Вы меня успокоили. Клобский похож на Аввакума, его выслали, он вернулся, ему приказали выехать, он не согласился, говорят, его вынесли. В этого рода перипетиях он находит свою славу.

Относительно нового выпуска картин очень было приятно узнать, что Вы не забросили эту мысль [4]. Я боялся, что большая ценность издания и, может быть, равнодушие общества к нему Вас остудит и продолжать дело Вы не будете. Весьма приятно ошибиться так же, как и в предположении о коммерческом влиянии Сытина на выбор произведений, напечатанных прежде и вновь являющихся под фирмой «Посредник».

В Москве, думаю, что в летнее время не найду никого, к кому мог бы обратиться с просьбой обратиться в цензуру с «Самосожигателями». Все разъехались в деревню. Позже, в сентябре, если это не будет очень поздно, я мог бы, полагаю, положиться на Куприянова, который готов сдаться на мое приглашение почти во всех случаях.

Снимков с «Самосожигателей» пока еще не получил, но все-таки покорно Вас за них благодарю.

Не удастся мне у Вас быть главным образом от недостатка денег и времени, ибо за последние годы мои депансы увеличиваются не пропорционально ревеню [5]. А мы все-таки принуждены думать, что наше время что-то стоит. Действительность это не подтверждает, а сложить руки все-таки не приходится. Так и тянешь, пока тянется. Анне Константиновне глубокий поклон и всех Вам благ желает

Г. Мясоедов

93. В. Г. Черткову

[Август — сентябрь 1893
Полтава]

Давно не слышно Вашего голоса, многоуважаемый Владимир Григорьевич! От Т. Н. Клименко, с которой Вы сноситесь, с удовольствием услышал, что Вы не выбросили меня из памяти [1]. Обещание Ваше (и Ваше ли) выпустить вегетарианскую книгу возбудило в Полтаве много ожиданий [2]. Многие желали бы перейти в вегетарианскую ересь, но по отсутствию воображения боятся однообразия и держатся на убойке. Но книжка эта все не появляется, нетерпение наше успокаивается, а затем под влиянием беса сомнения начинаем думать, что наши надежды чего доброго поблекнут. Конечно, я этого не думаю, полагаю, что причина задержки какая-нибудь практическая. Моя книжка о садоводстве тоже не показывается, и нужно думать, что и на это есть какая-нибудь основательная причина. Между прочим, я несколько жалею, что она запаздывает [3], здесь в Полтаве я хлопочу об объединении садоводов и садовладельцев в общество взаимной поддержки. Появление книжки было бы кстати, так как целью общества должно быть насаждение некоторых принципов садоводства, лежащих в основании моей маленькой книжки.

Кто-то (кажется, Волкенштейн) сказал мне, что Вы от издания «Посредника» устранились [4]. Не знаю, насколько это справедливо, так много говорят пустяков.

Надеюсь, что Вы обретаетесь в добром здоровье и душевном мире, а также и Анна Константиновна. Что касается до меня, то до тех пор пока физические страдания меня не гнетут, я чувствую себя довольно хорошо. Поклонитесь Анне Константиновне и будьте здоровы.

Г. Мясоедов

94. П. А. Брюллову

[Декабрь 1893
Полтава]

Многоуважаемый Павел Александрович.

Получил я вчера экземпляр временно утвержденного проекта устава (?) Академии художеств, причем также

некии бумаги, извещающие и объясняющие о том, о сем, а между прочим, и о выборе нас с Вами в когорту академического Собрания. Кто меня выбирал и за какие провинности, я не знаю, только при чтении и бумаг и устава нажил я такое двойственное чувство, с которым в одиночку не могу справиться. С одной стороны, сей временный устав по отношению к прошлому есть несомненный шаг вперед и, как мне представляется, шаг значительный и в верном направлении. Из Академии устраняются человеческие жертвы, попадающие в нее на муштру трактуются не как быдло, а уже до некоторой степени как люди, за ними признается право иметь свой вкус и наклонности, их не совращают и очень мало искушают и обманывают. В обучении предполагается более внимания и более удобств и т. д. Это, конечно, хорошо. С другой стороны, как все это тускло формулировано, как много недоговорено, как много умолчено. А кое-что (например § 54) и непонятно. Шестимесячные занятия в течение года имеют смысл только при том значении, которое следует дать свободным занятиям летом, а об этом едва упоминается (как я хлопотал об этом в комиссии, а, по-видимому, значения большого самостоятельным работам никто не дал) [1].

Смущает меня также подбор лиц в Академию. Такие имена там встречаются, что понять трудно, а таких, как Ярошенко, там нет. Скажите, Павел Александрович, в выборе лиц, по крайней мере из чл[енов] Товарищества, не участвовали, например Куинджи или Шишкин? Ведь они у Толстого очень пребывали и весьма шептались. Меня, право, поражает отсутствие Ярошенки в списке. Принял он или не принял приглашение, это другой вопрос, на то его воля, но когда встречаешь Боткина, Чистякова и других [...], странно не встретить имя Ярошенки, который и по уму, и по характеру, и по стойкости принципов, а также и по своему значению как портретист не должен быть выключен из списка, обнимающего все и вся [2]. Мне, между прочим, кажется, что академическая когорта останется без практического применения, будут кое-что делать 10 непременных, а остальные будут приблизительно то же, что прежние члены Академии.

И хотя я знаю, что получить письмо от Вас не легко, (не то, чтобы Вы не захотели, а только Вы забывать будете, так и утечет время), но, может быть, найдет на Вас хорошая

минута — Вы и напишете. Я знаю, что коли Вы напишете, то, конечно, мне, отсутствующему и скучающему в одиночестве, Ваше письмо будет весьма ценно, ибо я из него узнаю кое-что справедливое и беспристрастное по отношению к делу нашего отношения к Академии и возможности нашего с ней соприкосновения. Что вообще думает об этом Товарищество?

Недавно я получил письмо от Николая Александровича [3], который высказывается к новому уставу, к новым порядкам и нашему существованию вне академического лона отрицательно. Конечно, он не мог бы отнестись иначе, как и в прежнее время, и хотя он себе верен и во многом прав, все-таки он несколько односторонен, очень боязлив и старается что-то охранять, что давно испарилось. Поэтому от него едва ли можно вполне услышать что-либо объективное.

Говорят, что Товарищество собирается по средам, но молчит о вопросах, которые его, конечно, занимают и которые, вероятно, дебатируются по группам или в уголке. Дух товарищеский, конечно, испортился, об этом и плакать бесполезно и поздно, не то что охранять.

Думаю только, что надобность в существовании нашей группы, связанной общим интересом, не прошла, а кто знает, не дадут ли новые порядки (которыми ведь очень легко передергивать) пищи для подъема энергии, как Вы думаете об этом?

Вы знаете, что я глубоко убежден, что все, что делалось в искусстве за последние 20 лет в виде поправок, уловок, реформ, всякого плутовства и доброго дела, — все это делалось под влиянием бродильного грибка, который привит к искусству Товариществом. Не будь этого бродила, и по сей день сидел бы мирно Исеев, а Толстой с Кондаковым занимались бы археологией [4]. И кого и куда это брожение выпихнуло, когда подумать об этом, то оно забавно.

[...] Приеду в Питер в январе, нельзя ли у Вас в доме (т[о] е[сть] в доме Куинджи) найти какую-нибудь комнату, работать я не буду, что привезу, то и поставлю [5],— стало быть, мне бы спать и совершать беспрепятственно жизненное коловращение? [...] Пожалуйста, Signor, напишите, хоть и кратко, как Вы поживаете и что думаете о жизни сей.

По гроб Г. Мясоедов

95. П. А. Брюллову

[Январь 1894]

Спасибо Вам, Павел Александрович, за хорошее письмо, читая которое я опять почувствовал себя в Товариществе. Попаду ли я к первому акад[емическому] Собранию, это сомнительно [1]. Я совсем не ожидал, что оно может случиться так скоро, и не подготовился. Картины сырые и даже еще дня три нужно, чтобы их кончить [...]. В конце этой недели все у меня будет готово [2], и тогда мне можно будет пуститься в дорогу.

В бумаге, присланной Толстым, сказано, что о дне первого Собрания члены будут уведомлены, а уведомления еще не было, поэтому, может быть, сделают его попозже.

Вы пишете, что нам удастся выбрать Ярошенку в члены, значит у Вас есть сведения о том, что будут выборы, а это довольно важно, и, конечно, Н[иколаю] А[лександровичу] будет приятней быть избранным, чем назначенным, как, впрочем, и всякому [3]. Где же будет наша выставка в этом году? Мне кажется, что однажды мы когда-либо думаем выставить в Академии, то промедление нечем мотивировать, разве зала уже взята в Обществе поощр[ения] художеств [4].

Я собрался жалеть Загорского и даже употребил некоторые усилия, но не вышло, мешает сознание общности и обязательности этой повинности, жалость эта почти всегда направлена по собственному адресу, хотя обычно прикрывается любовью к ближнему [5]. Я бесконечно благодарен Вам за позволение остановиться у Вас до приискания убежища. Так грустно с дороги приезжать в холодную пустую комнату и не видеть ни одного человеческого лица.

Я очень затрудняюсь с пересылкой картин, послать их с товарными боюсь, не дойдет вовремя, а пассажирским дорого, да и в первом случае ничего не успеешь сделать для каталога. Все лето я бился с пейзажем, в котором хотел передать природу в действии [6], и до того дописался, что пейзаж перестал на меня действовать, а желательное так и осталось в области пожеланий. Мне что-то особенно хочется всех видеть, боюсь, что и это не выйдет из области пожеланий...

А ведь следовало бы еще присоединить к собранию Бронникова, Ге, Клодта, хорошо бы и всех товарищей, да как-то зазорно [7]. [...]

Прощайте, надеюсь, до свиданья вскоре. Поклонитесь всем на среде и будьте пока здоровы и бодры, как и Ваши письма.

Г. Мясоедов

96. В. Г. Черткову

[Январь 1894
Петербург]

Многоуважаемый Владимир Григорьевич!

Был у Хирьякова и оставил ему рукопись [1]. Мы рассудили поступить так: рукопись переписать, чтобы иметь два экземпляра. Один отправим к Вам для ознакомления с ним, а другой возьму я для небольшого пополнения (не более 50 строк), необходимость которого мне еще не совсем ясна.

Я послал ее Вам тотчас потому, что если Вы действительно приедете в Петербург, во время моего в нем пребывания, то рукопись Вас не застанет, если же Вы останетесь в Россоши столько, чтобы получить и прочесть ее, то меня не застанете в Петербурге, в этих путешествиях и время пройдет более и, пожалуй, затеряется посылка — все у нас бывает [2].

Вот мы и решили переписать рукопись, послать ее Вам, а другая будет у меня. Таким образом, Вы не рискуете с ней разъехаться. Хирьяков сказал, что через неделю, то есть около первого она будет Вам выслана. Желательно все-таки, чтобы Вы приехали в Петербург и чтобы Вас можно было повидать, а то когда-то еще можно видеться, а пока в надежде на Ваше прибытие желаю Вам всего хорошего. Анне Константиновне низенько кланяюсь.

Г. Мясоедов

97. П. А. Брюллову

[Март 1894
Полтава]

Многоуважаемый Павел Александрович!

Получив список лиц, предложенных к избранию, я подчеркнул следующие имена; Бронников, Виллевальде,

Е. Е. Волков, Ге, Залеман, Китнер, М. П. Клодт, К. А. Савицкий, Чичагов, Н. А. Ярошенко, Эдельфельд и П. П. Забелло. Последний почему-то в списке не оказался, хотя, как мне казалось, я не один его предложил, он, мне кажется, человек нам подходящий, как человек образованный, и, конечно, всегда способный стоять на стороне всякой свободы. Китнера вставил потому, что он не из числа академич[еской] партии архитекторов. Виллевальде следовало бы выбрать в почетные члены — всего 12 лиц, из коих двое, вероятно, не пройдут.

Список содержит 17 архитекторов, я думаю, что нам ввиду такого выбора архитекторов нужно действовать дружно, иначе мы будем в меньшинстве, растеряв наши голоса в розницу, и окажемся в положении не из блестящих [1].

У нас тепло и сухо, цветут ранние цветочки и ожила ползучая тварь. Что у Вас нового? Как уедешь, все делается более интересным, дела людские выигрывают от расстояния. Учениц нашел в сборе и успевающими [2].

Коли найдете свободную минуту, черкните, что будет полезно, и будьте здоровы.

Г. Мясоедов

Не выяснилось ли что-нибудь о Лондонской выставке? [3]

98. П. А. Брюллову

[*Сентябрь 1894*]
Полтава, на Петровской площади, д[*ом*] *Сулимы*

Многоуважаемый Павел Александрович. Из бумажки, подписанной Вами и Лемохом, вижу, что Вы в Петербурге, а поэтому и адресуюсь к Вам [...] [1].

Ярошенко еще на Кавказе и, как слышу от его сестры Н. Милорадович, болен и лежит, ничего не работал, сначала болели глаза, а потом желудок и высокая температура. Все это грустно, но что же делать? Выставка будет в Полтаве около 1-го октября. Клуб чиновников дает помещение в своей зале, лучшей, которая имеется, за 100 р[ублей], и, конечно, с этим надо согласиться, так как помещение это на лучшей улице в самом центре и деньги вернутся [2].

Сейчас я переезжаю в город с дачи и все у меня sotto sopra *. Устраиваю опять свои классы, для которых нанял квартиру большую и дорогую, не будучи, впрочем, уверен в числе учеников, но риск — благородное дело, а посему рискую [3].

Что делается в Академии? Ведь Вы в Совете, и вероятно, все знаете [4]. Как вообще идут дела и не наступила ли уже мерзость запустения? Отбившись от партии, я, конечно, интересуюсь всем, но лично не имею возможности принимать в делах участия. Ездить в Петербург на свой счет для меня немыслимо (да и для всякого другого, полагаю), нельзя, не получая ничего, тратить свои деньги. Академия должна это знать, но так как она все еще находится в зародышевом состоянии, то и спрашивать с нее нечего [5]. Интересно знать, кто дополнил Собрание из выбираемых членов, полагаю, что это уже совершившийся факт [6], и есть ли у этого Собрания сколько-нибудь инициативы или оно собирается для решения только предложенных вопросов, т[о] е[сть] позволяет водить себя за нос. Собираются ли где-нибудь члены Собрания в частном сборище для обсуждения и постановки вопросов, которое сочтет нужным поставить, конечно, без президирования? Это мне кажется существенно важным для образования жизненности и согласия между членами.

Было бы с Вашей стороны делом большого великодушия, если бы Вы не поленились дать о себе и о всем нашем хоть какую-нибудь весточку. К Лемоху [7] не адресуюсь за этим потому, что знаю, что он о всем любит хранить секрет. Поклонитесь ему и всем и будьте здоровы.

Г. Мясоедов

А выписанные краски так и не являются. Плачу вдвое здесь.

99. П. А. Брюллову

[Конец сентября — октябрь 1894
Полтава]

Был очень я обрадован Вашим письмом, Павел Александрович, Вы имеете дар писать ясно и красиво выражаться [1]. Отчего Вы ничего не пишете пером?

---

* *Вверх дном (ит).*

Мой вопрос о порядках был не особенно ясно высказан потому, что сложился под влиянием неясных слухов и газетных сообщений, т[ак], напр[имер], газеты сообщили, что Лемох приглашен преподавать в классах В[ысшей] школы. Сейчас же рождается куча вопросов. Приглашен? Кем? Что преподавать? Принял ли он такое приглашение? Неужто стоило гнать В. П. Верещагина, чтобы заменить его Лемохом?! Ведь Верещагин колосс рядом с милым Карлом Викентьевичем, который и сам не знает, что делает, и дрожит над каждым мазочком, высиженным с долгой мукой [2]. Одно художник, а другое учитель, не знать этого нельзя при выборе, и неужто Лемох мог принять на себя подобную миссию, ведь это значит потерять совесть из-за стола и квартиры. А как потом уходить из Академии, когда по окончании забаллотируют? Вот этого рода выбаллотировку (друзьями и событульниками), а также отношение к делу я и назвал мерзостью запустения. Судя однако по Вашему письму, ничего этого не было, и я, конечно, этому очень рад потому, что всегда приятно сохранить уважение, к которому уже привык.

Относительно поездок членов иногородних на свой счет для заседаний я не могу согласиться с Собранием. Сейчас получил письмо от Киселева, где он пишет, что на свой счет ездить более не будет [3]. Полагаю, что и другие сделают то же. Таким образом Собрание потеряет свое значение, состоя из случайных элементов или более зависимых и связанных с Академией интересами, мало с художеством имеющих общего. Инициатива Собрания заглохнет, и Собрание обратится в простой баллотировочный аппарат. До сих пор, по-видимому, вопрос школы в провинции недвижим. Московская школа [4] замещается назначением, и довольно-таки бестолково. Хотя Савицкий и ликует, утверждая, что все идет наилучшим образом, горячо и с жаром, паром и блеском, но это восторг наголодавшегося человека без шворня. Восторг весьма понятный, можно сочувствовать улучшению его быта, но верить жару и блеску нельзя [5]. Тот же Киселев пишет, что там делаются безобразия произвола.

Я очень боюсь, что из хорошего дела выйдет первый блин по причине отсутствия предварительного разговора и уговора. Протоколы, о которых Вы пишете, с исчислением предметов занятий, помогут делу только наполовину.

Позен говорит, что Куинджи был сильно болен. Вы — тоже, это совсем нехорошо. Я, слава богу, здоров, пишу помалости, кое-что будто вертится в голове, но свернется или увернется, не знаю еще. Ярошенко тоже болен, и, кажется, серьезно, хотя есть слухи, что ему легче. Позен плох (плохой выбор в Собрание) [6]. Прощайте. [...]

Г. Мясоедов

Каждое Ваше письмо приму за дело милосердия, так плохо отбиться от своих и ничего не знать.

100. В Правление Товарищества передвижных художественных выставок

[*Декабрь 1894*
Полтава]

Многоуважаемые господа.

Откладывать выставку Ге и Прянишникова как будто нехорошо. Рассчитывать на разъяснение горизонта едва ли основательно. Стараться устроить выставку полной из дозволенных и не пропущенных цензурой вещей едва ли нужно. У Прянишникова была такая одна, у Ге — две. Не через них они прослыли художниками. У Ге были вещи хорошие и без дозволения начальства, если можно собрать довольно полную выставку, она заставит его помянуть многих добрым словом [1].

Аммон, Аммосов, Н. Маковский, Загорский все были помянуты Товариществом после их смерти выставками [2] — неужели Ге и Прянишников * будут ждать должного? Мне сдается, что если в этом году их не помянем, то, пожалуй, и вовсе забудем, а ведь тогда могут подумать что сила, двигавшая Товариществом, текла в жилах покойников. Вот почему, боясь неизвестного будущего и мало ему доверяя, я держусь того мнения, что надо сделать в этом году посмертные выставки наших ушедших собратий, память о которых нам всем равно дорога и почтенна.

Нельзя ли предварительно пощупать на верхах, как там взглянут на выставку вещей, которые были снесены

---

* *Далее зачеркнуто*: нуждаются.

с выставки после смерти их авторов, ввиду этого обстоятельства не отмякла ли прижимка?

Вот все, что я могу сказать в таком трудном вопросе. Прошу мое мнение счесть при таковых же.

Гр. Мясоедов

101. П. А. Брюллову

[Декабрь 1894
Полтава]

Многоуважаемый Павел Александрович.

Очень рад, что мое мнение относительно Н. Н. Ге выставки не встретило в Вас противоречия [1], а спасибо еще великое за то, что Вы сообщили кое-что о делах Академии, что газеты наклеветали на Лемоха, я уже давно знаю [2]. Они, эти подлые газеты, непрочь поклеветать и вообще-то на Академию! В «Новом времени», например, уже была гадкая двуличневая статейка, полная лжи, незнания и разных намеков. Была забавная статья Василевского — «Буквы» о том, что профессор Репин убил художника Репина и т. д [3]. Словом, зубы начинают оскаливаться.

Издали все туманно и ясных очертаний не разберешь. Отсюда, имея так мало фактов и сведений, мне кажется, что деятельность Академии растворилась в мелочах, что второстепенное выступило на первый план, что с пустяками церемонятся, а важное откладывается на будущие врем[ена], что силы Товарищества, влившиеся в академические закоулки, растекаются по ним, ища не дела движения вперед и исполнения общих нам стремлений, а успокоения на лоне рутины. Так кажется издали, а возможно, что оно и не совсем так, дай-то боже.

Николай Александрович Ярошенко уехал с месяц на Кавказ больной, обещал писать. Тут есть у него сестра, знакомые, которые не знают, как объяснить его молчание, и мне он не отвечает, и в письмах из Петербурга о нем ни слова. Где он? Жив он? И что он стал?

Я думаю приехать в Питер к академическому Собранию и остаться до нашей выставки. Часто приглашения на Собрания являются дня за три, за четыре до назначенного числа, так можно опоздать, а мне этого не хотелось бы, почему мне очень хочется просить всех сообщить мне, ког-

да будет следующее ак[адемическое] Собрание [4]. Мне еще надо укладывать картины [5] и много сделать до тех пор. Передайте Карлу Викентьевичу, чтобы никаких красок не высылал до моего приезда. Наша выставка идет не блистательно, за помещение приходится платить, а публика притекает слабо [6]. Следует что-нибудь тут придумать.

Спасибо Вам еще за предложение у Вас сделать первый этап. Мар[ия] Фед[оровна] Позен [7] предлагает остановиться у ней в квартире, которая пустует. Во всяком случае надеюсь быть около Вас, а пока будьте здоровы.

Г. Мясоедов

102. В. Е. Маковскому

23 февраля 1895 г[ода]
Полтава, Павленки, собств[енный] дом

Господину исполняющему должность ректора
Владимиру Георгиевичу Маковскому
Академика Г. Г. Мясоедова

Прошение

Вследствие представившейся надобности в нескольких костюмах для картины [1], начатой мною, имею честь покорнейше просить Вашего разрешения отпустить мне таковые из кладовой Академии на срок одного года, согласно списку, оставленному мною в костюмной кладовой.

Г. Мясоедов

Выдать.
И[сполняющий] д[олжность] р[ектора] В. Маковский

103. И. С. Остроухову

[28 мая 1896
Полтава]

Многоуважаемый Илья Семенович [1].
Все, что могу Вам сказать наскоро: следующее.

1. Не верю в возможность исполнить издание за ту цену, которую Вы указываете. 300 кар[тин] за 5 р[ублей]

это равно 1 коп[ейке] за картину, отбросив брошюровку текста и 500 экземпляров Товариществу. За эту цену хорошо сделать нельзя.

2. Предложение Ваше идет против того способа празднования 25-[летия], которое было принято Товариществом и которое может дать гораздо более результата и впечатления в обществе, и в конце приведет к тому же изданию, но оно уже более будет подготовлено, т. е. сделан выбор и собраны фотографии.

3. Выбор предоставить не автору, а кому бы то ни было — дело щекотливое, и Вы тут встретите мало сочувствия.

4. Количество от 2 до 12 — предполагает слишком большую разницу в участии, и тут опять явится поперек дела тоже художественное самолюбие. Пожалуйста, не думайте, что мною руководит самолюбие и желание провести свою мысль. Если Вы пригляделись ко мне, то могли бы убедиться, что эта мелкая слабость не входит в каталог моих пороков, которых может быть и немало, но в другом направлении.

Я думаю, отложив исполнение Вашего предложения до зимы, когда все будет собрано и определено и пустив ваш каталог параллельно празднеству, можно рассчитывать на больший успех [2]. Подумайте об этом и Вы увидите, что в моей мысли не отсутствуют и практические соображения, а пока будьте здоровы и не забывайте уважающего Вас сотоварища.

Г. Мясоедов

P.S. Очень было бы интересно узнать, как Вы найдете Нижегородскую выставку [3].

104. И. С. Остроухову

[*Июнь 1896*
Полтава]

Многоуважаемый Илья Семенович.

Вы так решительно утверждаете возможность за 5 р[ублей] дать 300 кар[тин], что я свое сомнение прячу в карман. Второе обстоятельство, что альбом может выйти только весной, вполне устраняет вопрос о столкновении интересов. И так меня примиряет с делом, что я прекращаю

всякие возражения, ибо все прочее может доставить Вам затруднение, но это уже дело Ваше их обойти.

Я думаю, что в той форме, как дело выясняется, оно может только идти друг другу на помощь. Фонарное дело только поможет — альбомному и обратно. Тут хорошо бы даже употребить общие силы, напр[имер] на собирание фотографий и проч[ее]. Между прочим, в числе упомянутых вами картин Репина есть такие, которые с Товариществом ничего общего не имеют, напр[имер] «Проводы новобранца» [1].

Если Вы будете в конце июля на Нижегородской ярмарке, то чего доброго мы там встретимся. А пока всего Вам хорошего желает

Г. Мясоедов

105. И. С. Остроухову

[Октябрь 1896]

Многоуважаемый Илья Семенович. Сейчас я получил письмо от М. В. Нестерова [1], в котором он меня извещает, что из Москвы он уедет не ранее 20 октября,— что мне весьма бы подходило, но тут же прибавляет, что, может быть, не уедет и до рождества! Чем лишает меня всякой возможности рассчитывать на помещение, которое он занимает. Другое письмо пришло несколько раньше от А. А. Киселева, где он высказывает такую мысль, что, так как я намерен провести зиму в Москве, то мне будет весьма удобней, чем ему, заняться собиранием фотографий для 25-летия, не знаю, будет ли это удобней для меня, но для него наверно будет удобней [2]. И это, пожалуй, будет не худо, я не прочь от дела, но при этом думаю, что, имея почти общую цель, мы могли бы до некоторой степени быть друг другу полезны. Но — как идет у Вас с вашим предпринимателем? Не махнули ли Вы на это дело рукой? Все это мне было бы полезно знать прежде, чем осесть в Москве, особенно, если я не буду в состоянии найти что-либо — где было бы можно работать.

Перед отъездом Вы говорили о каком-то господине, оставляющем свою квартиру на зиму, как возможную комбинацию для моей зимы, но затем этот вопрос, кажется, не был апрофондирован — и я скоро уехал. А теперь?

Стало ли дело ясней? Все это мне хочется знать, потому что в крайнем случае я могу как-нибудь устроиться в Петербурге, коли не найду в Москве места [3]. Если Вы видитесь с Нестеровым, не узнаете ли, есть ли хоть какая-нибудь вероятность, что он уедет в конце октября. Просить его об этом как-то неловко. Хорошо бы было, если бы пожертвовали лист бумаги и полчаса времени на письмо по моему адресу. Будьте здоровы.

Г. Мясоедов

Что наша выставка, уехала ли она из Нижнего? А также куда поедет? [4]

106. А. А. Киселеву

[*Декабрь 1896*
Москва]

С Новым годом, многоуважаемый Александр Александрович, и всю Вашу семью. Каталог к 25 выставке взялся делать тот же Фишер. Конечно, он приедет в Петербург для снимания фотографий. В настоящую минуту он в Оренбурге, где у него заболел отец, приедет только 1—2 января. Фишеру во всяком случае придется ехать в Петербург и для альбома и каталога [1], но необходимо, чтобы он не проехался напрасно, чтобы художники допустили его снять их картины.

Что касается до мнений и пожеланий наследников, то в этом случае мы думаем с Вами совсем разно. Наследники Крамского и его художественного понимания это м ы, а семья наследовала его скарб, его пансион, и это все. Она не наследовала даже вежливого отношения к искусству, а поэтому если окажется возможным и полезным удовлетворить их желание, то об этом можно подумать, если же фотографии сделаны, то пусть извинят [2].

Ендогуров ни слова, Беггров тоже [3]. Диапозитивы, полагаю, Вы можете приобрести. Я сам думал сделать это (у меня есть волшебный фонарь), но могу это сделать и тут. Возни с этим каталогом, или вернее альбомом, много. Сегодня принесли пробные оттиски, одни ни к черту не годятся как клише, другие по тону краски плохи, пришлось три раза переделывать. Третьяков не позволяет снимать картины, а снимать с них фотографии так, как они висят,

выходит гадость. Завтра еду умолять его, чтобы позволил [4]. Пока прощайте. Кланяйтесь всем и будьте здоровы.

Г. Мясоедов

P.S. Вы правы, художники себе цену сложить не умеют, они не умеют также сложить цену и чужой работы, а легки только на требования и претензии, и до сих пор никто ни слова из обещанных сведений, а с отчетом возни довольно.

107. А. А. Киселеву

[*Февраль 1897*
Москва] [1]

Многоуважаемый Александр Александрович!

Прежде всего Вы, конечно, знаете, что у меня нет против Вас никакого недоброжелательства и никакого основания его иметь, и поэтому мне поверите, что я ни обманывать Вас, ни лгать Вам, ни ввести Вас в заблуждение не имею никакой надобности; если я напишу Вам что-нибудь, что Вам покажется неверным, сочтите, что это от глупости. Это я Вам пишу для того, чтобы Вы читали спокойно и не искали задних мыслей и не делали толкований, а брали бы буквально так, как я стараюсь Вам изложить мои мысли по поводу А[рхипа] И[вановича] [2].

Если бы в обществе отдельные кружки путем ли переписки или сговора, приняв какое-нибудь решение, сочли его обязательным для всех, то одновременно могло бы возникнуть несколько таких неоформленных решений и в обществе произошла бы свалка, что и происходит в настоящее время. Обратите внимание на разницу: 14 петербуржцев и 14 москвичей в чем-то соглашаются, то, в чем они согласились, оказывается неудобоисполнимо. Москвичи, свободные от личных влияний и счетов, не желая оскорблять старых работников в Товариществе, говорят: «Ну, что же, коли это может быть неприятно кому-либо, мы отступаемся от своего мнения» [3]. Не то петербуржцы, они взбудоражены и кто же из этих 14? Влад[имир] Егор[ович], Алекс[андр] Алекс[андрович], Лемох и, может быть, еще кто-нибудь, Кузнецов, вероятно. Говорят, Куинджи пригласили Вы, Александр Александрович, и Кузнецов. Я понимаю, что Вам неловко сознаться в этой неосторож-

ности, коли правда, что говорят,— на которую Вас никто не уполномачивал и за которую никто не ответчик. Но почему Вы сваливаете вину на тех, кто не участвовал в решении 28 (напр[имер] я), не только не участвовал, но даже и не знал, почему и написал Вам, что Куинджи надо баллотировать, пока Вы мне не выяснили дела. А Вы помните, что на Общем собрании ни слова не поднялось о приглашении: мне-то (председателю) как нельзя более это памятно [4]. Конечно, будь тут Ярошенко или другой кто, не обошлось бы без возражений. Почему же теперь, когда эти договоры стали нам известны, возражения перерождаются в самодурство, диктаторство и желание Вас унизить? Вы свое сопротивление смешиваете с натиском и всю вину кладете на одну сторону, а это несправедливо. Нельзя забывать службу людей делу, которого плоды мы собираем и которыми пользуемся и пользовались. Я не могу Ар[хипа] Ив[ановича] в этом случае мешать с Шишкиным или Ярошенкой, за каждого из них отдал бы дюжину капиталистов, как А[рхип] И[ванович]. Почему же Вы так предупредительны к Куинджи и так суровы к Ярошенко? Вы вступаете с ним в переписку, в которой, сохранив полное хладнокровие и приличие формы, вызываете его (больного во всяком случае) на резкий и раздражительный ответ. А скажите, пожалуйста, почему Вы позволили себе подвергнуть его исповеди, подозрительно заглядывать в его совесть и всячески доказывать, что то, что он говорит, неправда, а правду он скрывает, а поэтому ему грозит общественное порицание. Разве он Вас приглашал быть соглядатаем своей совести, разве известен Ярошенко как человек фальшивый и лгун? Я допускаю, что он может заблуждаться, еще чаще увлекаться и при настойчивости быть неудобным для многих. Мы же, памятующие жизнь Товарищества, помним, сколь полезна была эта самая стойкость нашему делу и сколько благодаря ей было получено работы, и нужной работы в Товариществе.

Что касается Куинджи? Правда, он мычал на средах, выставлялся, пока почувствовал силу, а затем ушел. Теперь у него есть капитал, он сидит в Академии в почете (совсем не заслуженном). Что нам-то до него? Работы у него нет, занятия искусством он оставил, и для этой персоны мы должны стеснять наших почтенных членов? Боже сохрани нас от такой несправедливости. Если бы на Собрании были

противные голоса К. Маковскому, никто не подумал бы его приглашать.

Что такое ничтожное дело раздуто до возможности скандала, то виноваты в этом те, которые неосторожно приглашали Куинджи и усердно приглашали! Если это были Вы и Кузнецов, то будет правильно, если Вы и Кузнецов перед ним извинитесь и объясните свою ошибку. Что касается Вас, Александр Александрович, то Вы хорошо бы сделали, если бы примирились с Ярошенкой, он не виноват, что разно думает со многими, и мысли и дела у него в согласии. Вы были неправы, подвергая его пытке, и лучше бы было, если бы Вы перед ним извинились, конечно, лучше для Вас. Что Вы попали в Академию, я тут не вижу ничего худого, но цезарево цезареви, а божие богови.

Г. Мясоедов

Альбом идет очень хорошо. Куинджи фотографий еще не успели снимать.

Больше всего кто-то виноват перед Куинджи, и нежелание признаться в этом вызывает, мне кажется, всю чепуху.

108. П. А. Брюллову

[*Начало апреля 1897*
Москва]

Многоуважаемый Павел Александрович!

Благодаря Савицкому я сыграл роль легкомысленного человека, а это в мои годы несколько обидно, тем более, что я ничего для этого не делал. Вот как было дело. Вы помните, что мы рассуждали о бесчинстве [1] Константина Аполлоновича и о том, как это его стесняет. Ему была необходима какая-нибудь официальная кличка. Когда поднялся вопрос о директоре в Пензу, мне казалось, что это может устроить и Савицкого и школу. Тогда я тотчас же подал эту мысль Позену нижеследующим образом: письмо Позену, в котором излагал свои мысли о Савицком, я послал ему (Савицкому) при записке, в которой просил его, прочтя мое письмо Позену, решить, подходит или не подходит ему место директора в Пензенской школе. Если он место примет (в случае выбора), то пусть бросит письмо в почтовый ящик, если же принять не желает, то пусть

бросит в печку. Позен письмо получил, говорил за Савицкого, который и был выбран, а затем он отказался и поставил меня в положение легкомысленного человека, предлагающего лицо, не разобрав хорошенько дела и не справясь, может быть, о его желании и оттянув, таким образом, выборы на срок неопределенный. И выходит, что с сумбуристом не связывайся [2].

Второй вопрос по поводу Лебедева! Апельсины в Сорренто пропускают сквозь дырку, проходит, не годится, не проходит — первый сорт. В какую дырку нужно пропустить Лебедева? Сурикову дали академика — за что? Не знаю хорошенько, но не за живопись — можно сказать, за энергию, за силу, за талант, за то, что атаковал крупный сюжет и хотя написал пакостно, но создал картину. А Лебедеву за что будем давать? Разве там есть картина? Есть смысл, драма? Там есть только хорошая, и даже очень хорошая живопись, а затем аминь — ни настроения, ни смысла, словом, одна бутафорщина! [3] Значит, и ему дать академика? Что же такое академик? Это высшее звание? Почему никто не предлагает Савицкого и других? Непостижимо! Желая быть добросовестным и не вводить в свое сознание путаницы, как я должен поступить? Отказать оснований нет, восемь человек предлагают, отказ в этом смысле весьма неудобен, тут окажутся и обиженные и обиженный, а не имея никаких данных, которые можно бы применить в данном случае, становишься в тупик. Как это все неприятно и мучительно. Относительно фишеровской обертки мне кажется, едва ли можно его принудить напечатать новую для первого выпуска [4]. Об обертке (временной) в условии помину не было, он уже сделал расходы и, вероятно, упрется на то, что новый расход он делать не обязан. Что касается второго выпуска, то, конечно, нужно всячески его принудить сделать новый исправленный текст, против чего он едва ли что-либо может возразить. Будьте здоровы.

Г. Мясоедов

Если увидите А. А. Киселева, скажите ему, что ссуда будет ему выслана невдолге. Во вторник на страстной уезжаю в Полтаву.

Опять и то, что Лебедев это ...* Маковского, на что все пальцем тычут да подсмеиваются.

---

* *Далее не разобрано одно слово,*

109. Е. М. Хруслову

[29 августа 1898
Полтава]

Многоуважаемый Егор Моисеевич.
Не писал Вам в Пензу потому, что благодаря целой серии самых неприятных обстоятельств чувствовал себя не совсем нормально и бегал из дома в Крым, а потом в Орловскую и Тульскую губ[ернии]. Высыпался ли рог изобилия совсем или только частью, я не знаю, еще валятся конфетки судьбы, но я уже жду конца с большим терпеньем. Сведенья из Пензы, как мне кажется, можно назвать довольно благоприятными, хотя окончательный результат, по отсутствии графы расхода, мне неизвестен, но полагаю, что убытка не будет. Теперь об Екатеринославе! Вы, кажется, туда ездили и наводили справки, может быть, имеете когонибудь в виду, к кому можно обратиться за справками о возможности там устроиться, слух ходит, что Потемкинский дворец в настоящее время ремонтируется, но верно ли — не знаю. Опять есть слух, что в Полтаве будет * Собрание дворян — надо справиться. Если в Одессе мало надежды поместиться, то куда же ехать. Полагаю, что Екатеринослав будет кстати ввести в маршрут. Город большой и бойкий, там за залу и уплатить можно, не боясь убытка более Полтавы, и я ничего не буду иметь, если мои коллеги согласны, против того, чтобы туда поехать [1]. О Полтаве и возможности устроиться — узнаю и Вам сообщу. А что, слышали ли Вы что-либо о параллельной, и наших вагончиков должно быть дело пораскисло. Список картин остался непополненным? [2]

В начале сентября я могу очутиться в Харькове тогда побеседуем. А пока будьте здоровы.

Г. Мясоедов

110. Е. М. Хруслову

[28 сентября 1898
Ялта]

Многоуважаемый Егор Моисеевич.
Полагаю, что относительно Екатеринослава сомневаться нечего. В течение там выставки я пощупаю помещение в Полтаве и Вам сообщу.

---

* *Далее зачеркнуто*: общее,

Разумеется, надо приноравливаться к обстоятельствам, если в Одессе нельзя, надо делать в Полтаве [1]. Из Правления сейчас получил письмо несколько веселого характера, но очень мало деловое [2]. Если будете пересылать деньги в Полтаву (150), то можете переводом на Полтавское общество Взаимного Кредита (на мой текущий счет). Я из Ялты выеду в среду, т. е. 30-[го] сентября, 2-го буду в Полтаве, а 15-[го] постараюсь уехать в Москву. Пока же будьте здоровы, жму крепко Вашу руку.

Г. Мясоедов

111. Е. М. Хруслову

[14 октября 1898
Полтава]

Многоуважаемый Егор Моисеевич.
Не писал Вам потому, что хлопотал о помещении и благодаря тому, что дело не выяснялось, все медлил. Теперь могу сообщить, что Земский зал занять можно. Шкляревич без всяких разговоров согласился и прибавил даже, что считает за честь. Но я хлопотал о другом помещении, это угол Александровской против Дохмана, бывший Государств[енный] банк. Оно совершенно свободно (Гос[ударственный] банк построил себе дом) и будет свободно всю зиму. Но мешает только кляузность и глупость человеческая [...], а помещение прекрасное, большое. Прекрасный свет и вход и все удобства, признаюсь, я не надеюсь, чтобы дело выяснилось и к ноябрю. Стало быть, остается Земский зал. Есть еще отстроенный дом около Дохмана, под гостиницу с залом и номерами, но на тот тоже мало надежды: тоже какие-то недоразумения с подрядчиком.
Ну вот и все.

В Екатеринославе публика не очень хлынула на выставку? [1] Еду 15-[го] — 16-[го] в Москву. Первое время остановлюсь у Куприянова — Поварская, д[ом] Маджучинского — и буду искать приюта. Будьте здоровы.

Г. Мясоедов

112. Товарищам П. А. Брюллову, Н. Н. Дубовскому, В. Е. Маковскому, А. А. Киселеву и К. В. Лемоху

[Май 1899
Полтава] [1]

Дорогие товарищи Павел Александрович, Николай Никанорович, Владимир Егорович, Александр Александрович и Кирилл Викентьевич.

Очень Вам большое спасибо, что вспомнили меня, очень я был одинок и заброшен, целые дни проводил молча и без движенья и без большой надежды [2]. [...] Жаль, что в Париж не поедем. Верно, Собко плохо действовал, хотя лавры Дягилева и Мориеса он желал бы видеть на своем челе, но не хватает таланта [3].

На параллельной я чем-то участвую, но не помню чем. Может быть, я узнаю это вовремя [4]. [...]

Еще раз спасибо, что вспомнили и написали. Очень это хорошо. Будьте же все здоровы, дорогие товарищи, и не впадайте, подобно мне, в напасть.

Г. Мясоедов

113. П. А. Брюллову

[Осень 1899
Ялта]

Многоуважаемый Павел Александрович.

Сижу я в Ялте у себя наверху и наслаждаюсь тишиной и одиночеством и в природе и в душе, а это очень хорошо и очень хорошо работается. Одно скучно, далеко отбился от всех вас и от дела и ничего-то не знаю, а посему и хочу обратиться к Вам с просьбой ввести меня немножко в общие интересы. Обратился ко мне сопровождающий параллельной выставки, кажется, Минченко, с вопросом, письмо я получил спустя чуть не месяц и, не зная, куда направилась выставка, не знал, куда ему отвечать, да так о сю пору и не отвечал. Будьте добры, скажите мне, куда выставка эта направится, каков ее маршрут и куда можно писать Минченко (а также и Малинину)? [1] Если бы написали мне поскорей, то я письмо Ваше получил бы в Ялте, откуда думаю направиться в Тифлис, где думаю отсидеть зимние

месяцы с поездками в стороны, на месте будет видно, куда потребуется.

Еще вопрос, что слышно про Парижскую выставку, будет ли там Русский художественный отдел и когда можно еще послать картины, если бы таковые нашлись бы, может быть, срок уже истек, а может быть, еще можно?[2] Напишите, пожалуйста, что знаете. Отбился я от гурта и часто скучаю по Вас всех и общих интересах, вот и прошу помиловать меня и примкнуть меня к общим делам. Если собираетесь по средам, пожалуйста, поклонитесь всем товарищам, коих я никогда не забываю, а сами будьте здоровы. Всем Вашим тоже поклонитесь. Крепко жму Вашу мужественную длань.

Г. Мясоедов

114. В Академию художеств[1]

16 марта 1902 г[ода]

В 1893 году была реформирована императорская Академия художеств, она распалась на две части — Академию и Школу. Такое разделение вытекло из сознания необходимости отделить обучение от поощрения и управления делами искусства вообще. Горячо сочувствуя общему направлению и всему складу устава, будучи назначен в число членов Академии, я вступил в Собрание Академии с ясным сознанием долга никогда не уклоняться от указаний высшей воли, выраженной в новом уставе.

При открытии Академии в речи, прочитанной вице-президентом, было сказано: «Искусство отдано в ваши руки, оно будет тем, чем вы его сделаете»[2]. В этих словах оказалась полная вера в горячее и искреннее отношение членов Академии к поручаемому им делу и надежда, что они поймут свои обязанности и исполнят их по совести. Положение членов Академии было исключительное, они были свободны от всякого вознаграждения и всякого поощрения, а вместе с тем от всякого стеснения в выражении своих мнений о нуждах искусства и всего того, что они находят полезным или вредным для его процветания. Во всем этом устав оставлял им полную свободу.

Являясь в Собрание Академии через некоторые промежутки, когда предстоящие вопросы казались мне значительными, и не имея возможности согласиться с тем, что

делалось в Школе и Собрании Академии, я пробовал возражать, протестовать словесно и письменно в форме особых мнений, некоторые из которых попали в Сборник академических протоколов, другие были не допущены к печати, как мне было объяснено, по причине [их] резкости или потому, что сор из избы выносить не следует[3]. Как мои, так равно и других членов особые мнения встречались равнодушно, не возбуждали ничьего внимания, на них смотрели не как на добрый совет или посильное указание, а как на умывание рук, желание уклониться от ответственности за принимаемую меру, вообще же как на помеху правильному и скорому течению дела. Не обошлось без случаев, в которых личная инициатива и уклонение от общего мнения не прошли даром.

Мало-помалу равнодушие сделалось господствующей нотой. Дела поступали через Совет в Собрание Академии, которая никогда не отказывалась решать их, не мудрствуя лукаво.

В течение краткого срока со дня открытия реформированной Академии она пришла к нижеследующему результату: устав в основных положениях изменен, разделение Академии и Школы на практике исчезло.

Вице-президент является председателем в Совете и Собрании, причем вопросы, решаемые в Совете положительным образом, в Собрании решаются нередко отрицательным под его же председательством. Профессора, обучающие в мастерских и классах, оказываются в Совете и Собрании поощрителями своих учеников. Ректор в одно и то же время занимает положение профессора, члена Совета * и Собрания, причем положение ректора умалено до последней степени, он обратился в чиновника, отправляющего временно свои обязанности, в Совете играет второстепенную роль. Все эти изменения произошли без ведома и согласия Общего собрания, так как оно не было об этом спрошено.

Положение профессоров-руководителей изменено, несмотря на то что устав давал им достаточно гарантий на полную возможность вести дело свободно и с достоинством. Препятствием этому, по вежливому выражению Совета, послужило — русское добродушие.

---

* *На полях надпись карандашом:* неправда.

Благодаря тому же добродушию и апатии Собрания Академии Совет часто выходит за границу своих полномочий.

Собрание лишено инициативы и всякой заботы об успехах и процветании русского искусства, занимаясь главным образом баллотировкой вопросов по очереди, определяемой администрацией (силы, не предусмотренной уставом). Классы и мастерские никем из членов не посещаются, всякая связь между Академией и Школой исчезла. Единственную возможность знакомиться с тем, что делается в Школе, представляют выставки, несмотря на то что серьезный исторический и бытовой род почти отсутствует, что учащиеся бессильны хорошо справиться с человеческой формой, что все наводнил пейзаж, обильно засоренный дягилевскими микрококками; никого это не печалит и не возбуждает желания поискать причины такого положения и поискать средств поставить на ноги шатающееся искусство.

Школы, начиная с Московской и кончая провинциальными, предоставлены на попечение местной администрации, заботят Академию только спросами на увеличение денежных пособий. Наблюдение за успехами рисования в школах министерства народ[ного] просвещения, по мнению самих членов, представляет неразрешимый вопрос и т. д. Напрасно было бы входить в детали этой истории процветания русского искусства под эгидою реформированной Академии.

Высказав свое мнение, продиктованное моею совестью, как единственную возможность пользоваться предоставленной членам Академии инициативой, мне остается только отойти в сторону, чтобы избавить себя от ответственности за неисполнение свободно принятых на себя обязательств.

Гр. Мясоедов

115. А. И. Кривцовой [1]

[*Март 1904*
Петербург]

[...] Про выставку и говорить не хочется. Народ ходит, как всегда (почти), покупают почти ничего, а газеты клянут нас всех без различия, как общественных воров,

с необъяснимой злобой, какие-то совершенно неведомые люди, не говоря ни о ком, а клянут всех и на всех выставках. Читать противно, точно раздавил клопа [2].

Сегодня вторник, а в субботу я думаю убраться в Москву, где хочу сделать подготовительную работу для будущей картины [3], из Москвы поеду в Полтаву, где пробуду недели две или три, займусь реставрацией дома и садом, и только оттуда направлюсь в Ялту. [...]

Я послал Елизавете Михайловне наш иллюстрированный каталог, она может кое-что увидеть из него [4]. [...]

Г. Мясоедов

116. С. П. Крачковскому

[Апрель 1904]
Полтава, Павленки

Милостивый государь Степан Петрович!

Будьте добры, сообщите, какие картины Вы подразумеваете под №№ 2 и 7. Не имея в Полтаве каталога, я не отдаю себе отчета, о какой из картин идет дело, если Вы это сделаете, я пошлю Вам картину с накладным платежом при согласии Вашем [1].

Так как Вы подбираете картины для Вашей коллекции, то я, со своей стороны, не нахожу большой надобности обращать внимание на предлагаемую Вами цену, если указанные Вами картины не представляют что-нибудь очень неподходящее.

Чтобы напомнить Вам мои картины, бывшие на выставке, прибавляю их названия:

1. Неручь (Орлов[ская] губ[ерния])
2. Роща (там же)
3. Портрет
4. Портрет
5. На пути к знанию
6. Продана
7. Водопад. Новый Афон
8. Развалины — Новый Афон
9. Горное озеро
11. Берег Кобулети
13. Новороссийский порт
14. Штиль
15. Кутаис [2]

Все подчеркнутые могут быть высланы немедленно.

Не помещенные в приложенном списке проданы и о них не может быть речи.

Все, не вошедшие в список и проданные по их стоимости, переходили далеко за пределы предлагаемой.

С готовностью служить

Г. Мясоедов

117. А. И. Кривцовой

10 ноября [1904
Петербург]

Многоуважаемая Настасья Ивановна!

[...] Хотя я доволен и тем, что в письме Вашем нет худых новостей, а все-таки жаль, что здоровье Ел[изаветы] Михайл[овны] плохо улучшается. Будем надеяться, что весенний воздух и солнце сделают свое дело. Здесь [...] погода недурная, довольно тихо, не очень холодно и не очень мрачно, но все-таки зима во всем параде. Патриотизм и здесь шумит. Газетное вранье продавалось нарасхват первое время, теперь стали расклеивать по углам телеграммы правительственные к большому изъяну газетных брехунцов. Все как-то примолкло, и все ждут чего-то. Так много себя хвалили, так надоели господу богу неприличными для христиан молитвами и так много кричали «ура», что в случае худых новостей не знаю, какую мину сделают эти нетерпеливые брехуны и какую запоют песню? Это даже любопытно? [1]

От всего этого переполоха наша выставка, конечно, ничего не выиграет и очень много потеряет. Внимание (и деньги) отдаются на Дальний Восток, везде шьют солдатам рубахи и штаны, теперь это в моде и прилично, я думаю даже, что и полезно.

Картины мои только завтра отправятся на выставку [2], а пока громоздятся в моей небольшой комнате [...]. Я не отдаю еще себе отчета о впечатлении, которое они должны сделать в большой зале при верхнем свете, а также на лицах моих добрых товарищей. [...]

Г. Мясоедов

118. А. А. Киселеву

[*Ноябрь 1905*
Ялта]

Многоуважаемый Александр Александрович!

[...] Превеселое впечатление делает на меня присылка академических бумаг. Академия сидит себе и заботится, как бы ко второму пришествию оказаться в комплекте, и ищет изо всех сил, как бы укомплектоваться, а то беда — вдруг ее закроют, а она не укомплектовалась! Право, надо учредить что-нибудь вроде Монтелеоновской премии за добродетель, а как вознаградить подобную простоту и невинность? Не найдя никого дома, начали искать за границей необходимых членов [1].

Скажите по совести, что это сделалось с Иван Иванычем, пригласили ли его в товарищи министра двора или просто попросили, а может быть, по благородству души он сам ретировался? [2] Очень это все любопытно, если бы Вы раздобрились и удовлетворили моему пороку любопытства.

Академию реакция захлестнула несколько позже других, поэтому она позже, вероятно, и выйдет на чистый воздух. А все-таки, как я был прав, когда в разговоре с Брюлловым доказывал ему, что японцы нас побьют [3] и все мы полетим кувырком, [а затем] и Академия императорская!! Впрочем, он, вероятно, полагает, что это он мне пророчил.

Вы, сидя в центре, многое знаете не из газет, а поэтому несколько более правды, чем мы знаем, а поэтому, если бы у Вас нашлась охота написать о с е м, я был бы очень счастлив. Живу в Ялте и работаю большую затею *. Передайте всем Вашим низкий поклон.

Г. Мясоедов

* Прилагаю первую каракульку оной [4].

119. А. А. Киселеву

[*Январь 1906*
Ялта]

Многоуважаемый Александр Александрович!

Сегодня я получил от Товарищества извещение о сроках выставки, которую Правление, по-видимому, решилось

делать и в этом году [1]. Не знаю, хорошо ли это или нехорошо. Нужно думать, что Правление не лишено каких-либо сведений, дающих ей основание думать, что выйдет хорошо. Я же лишен всякой возможности что-либо думать по этому поводу. У меня нет ничего, что бы дало мне возможность чем-нибудь засорить эту выставку, все время я занимался большой картиной, для которой написал большой эскиз, который несколько перешел границы эскиза, что я сделал для того, чтобы стоять на твердых ногах и устранить всякие колебания при исполнении (успешность которого Вам внушает сомнение). Но картину я, может быть, и сделаю к будущей выставке [2], если найду возможность как-нибудь устроиться в Москве или Петербурге месяца на четыре. Скажите откровенно, нет ли возможности на этот небольшой срок найти мастерскую в Академии художеств? Потребуются натурщики, манекены и костюмы и другие, трудно находимые вещи, и каким путем нужно идти, чтобы художник (человек никому не нужный) мог обрести под этой казенной крышей недолгий приют для работы, и если нет надежды и Академия обратилась в campo deserto *, то и об этом будьте добры не умолчите [3]. Придется, во всяком случае, идти путем исключения и искать что-либо возможное в Москве или еще где-нибудь, в Ялте же это невозможно. [...]

На выставку я пришлю несколько небольших этюдов, сделанных летом, дабы не отсутствовать [4]. Я охотно бы прислал их Вам (по почте), это все составит небольшой пакет без ящика, если бы мог рассчитывать, что Вы передадите их Аванцо [5] (если он жив). Причем, если Вы что-нибудь найдете плохим, то можете единолично забраковать, это будет для меня ничуть не обидно. В пакетике будет изложена просьба к Аванцо, как поступить с посланными этюдами. Поклонитесь всем Вашим с искренним желанием всего хорошего.

Г. Мясоедов

Кто же сидит вместо Толстого? [6]

---

* *Покинутое место* (*ит.*).

120. А. А. Киселеву

[Февраль 1906
Ялта]

Многоуважаемый Александр Александрович!

По краткости времени я все-таки адресую к Вам мои этюдики [1]. Хотя я не получил от Вас никакой вести, думаю, однако, что Вам, как члену Правления, не трудно будет переслать сей пакет Буффа [2]. На обратной стороне каждого этюда написано, что с ним делать. [...] Еще раз повторяю, что буде что-нибудь по всовке в раму Вам покажется очень несносным, то, пожалуйста, задержите хоть у себя, а я уж найду, как употребить эту несносность.

Очень может быть, что и я сам явлюсь перед Ваши светлые очи, а, впрочем, наверное не знаю. Во всяком же случае, желаю Вам всякого благополучия.

Г. Мясоедов

Написав письмо, я решился прибавить еще фотографию с эскиза будущей моей картины [3] (коли независящие от меня обстоятельства этому не помешают). Фотографию делал сам, картина жухлая, сырая, блестела и стояла не в плоскости объектива, потому вышло плохо, но понять кое-что можно. Вы из этого можете увидеть, что я не лишен слабости заинтересовать Вас своей работой, очень уж мое художественное одиночество меня одолело. Впрочем, я никогда не любил делать секрета из своей работы и очень ценил чужое мнение. Если Вы раздобритесь и не откажетесь написать мне, очень буду тому рад, особенно ежели не в виде протокола, очень их уж стало обильно.

Г. Мясоедов

121. А. А. Киселеву

[Апрель 1906
Ялта]

Многоуважаемый Александр Александрович.

Вы правы, по тонкости приемов Академия художеств не уступит консистории. Вы подали мое заявление, стало быть как бы помогли делу, ну, Вы и разделывайтесь, как знаете. Ведь Академия (комиссия) не отказала, о нет,

все занято, она искала, нашла в Вашем кармане и отказать предоставлено Вам, выпутывайтесь, как знаете. Этот штрих, конечно, сделал Куинджи. Боткин оценил, Бенуа опробовал. Брюллов промолчал, Лемох не посмел, и вышло хорошо [1].

Говоря серьезно, пока ничего и решать нельзя. Вы говорите, что если мастерская будет пуста, то можете ее предоставить, но будет ли она пуста, Вы сами знать не можете [2], значит, сейчас никакого решения сделать нельзя, а мне, ввиду отсутствия какого бы то ни было предложения, нет никакой возможности на что-либо согласиться, дело может выясниться только в будущем году, а посему нужно и решение его отложить до выяснения. Полагаю, что Лобойко [3], если бы Вы ему сообщили все вышесказанное, не взялся бы хиротонисовать меня в мастерскую. И выходит, что надо ставить вопрос так, как и прилично Академии — иметь в виду. Конечно, мое обращение в Академию вызвано только безвыходностью положения и некоторыми удобствами, которые меня искусили в виде натуры, костюмов, библиотеки, возможности справок, что в Петербурге всегда удобней, чем где-нибудь в Полтаве или в Харькове, а даже и в Москве.

Я не отвечал Вам на письмо, которое нашел в Ялте, возвратясь из Петербурга. Там были некоторые Ваши мнения, сделанные по фотографии, в которых много правды, а эта особа меня никогда не задевала. Ваше сравнение с тайной вечерей даже очень мне польстило, ведь собрание у Волконской (эта семья всегда отличалась свободомыслием) было собранием апостолов от цивилизации, и в собраниях этих людей сеялись семена свободы, оттуда вышли частью и декабристы. Мицкевич был делегат из Европы, вроде апостола Павла, так что это собрание и было собранием христиан Культуры и в конце концов было разогнано полицией. Что касается симметричности и других сторон, то эти несовершенства бросаются в глаза, и я никакой охоты не имею на них возражать, ибо нахожу их справедливыми, и все это уже переделано [4]. Мне все-таки хочется написать эту историю, и если я несколько спешу, то просто потому, что времени у меня немного, я этого от себя не скрываю, и решению Академии не удивляюсь. Что могла сделать комиссия чиновников, кроме как отнестись формально, к партии я не принадле-

жу, поцелуев не расточал, вечеринок не делал, а позволял себе говорить, что находил необходимым, ну, и получай, что посеял.

Предложение Остроухова в члены Академии [5] (он, кажется, был уже забаллотирован) очень меня удивило, до чего люди любят деньги, даже чужие. Желательно бы знать результат. А в[ице]-президента, по-видимому, все еще не нашли [6], и Боткин, как кот, все еще глотает дырку, из которой должна выскочить мышь. А впрочем, все это бессмысленное крошево не стоит серьезного внимания.

Полагаю, что недели через две-три я уеду в Полтаву, где думаю пробыть лето, ожидая всеобщего выяснения, коли оно будет. [...]

Если как-нибудь вспомните о Вашем покорнейшем слуге, очень порадуете.

Г. Мясоедов

122. А. И. Кривцовой

[*Август 1907*
Полтава]

Дорогая Настасья Ивановна.

[...] 1-го сентября я должен быть в Петербурге и в этом отступиться не могу. Меня ждет моя картина [1]. [...] По декабрь я работаю, а затем свободен от точки прикрепления и делаюсь подвижным [2].

Ваня около меня [...] пишет целые дни [3], иногда философствует, что мне напоминает мое дикое и давно прошедшее время молодости, печальное время бестолковых стремлений, время брожения, точно та бутыль с вином из груш, что мы с Татьяной Борисовной [4] сделали и поставили на балконе: бродит, пускает пузыри, а выйдет квас или вино — это неизвестно. [...] Живет во флигеле, где у него постоянно торчат молодые люди, его рабы и наперсники, которых он угнетает своим величием и абсолютностью своих приговоров. [...]

[...] Я и пишу, недурную вещь написал. У меня собираются музыканты, дуем квартеты [5], а потом на ночь читаю Толстого и краснею. Очень хорошо он стал писать. Будьте здоровы. [...]

Ваш Г. Мясоедов

123. А. И. Кривцовой

[Сентябрь 1907
Петербург]

Многоуважаемая Настасья Ивановна.

[...] Я уже в Петербурге, живу в Академии художеств, так как мастерскую мою (бывшую) заняли ученики, то мне отвели пустующую квартиру в пять комнат, где я и живу, блуждая в большом пространстве совершенно один (не считая прусаков), и принялся кончать свою картину, и думаю, что сделаю что-то нужное [1]. [...]

Т[атьяна] Б[орисовна] и Ваня еще в Полтаве [2]. Первая занята собиранием плодов земных и окончанием счетов по даче, а второй доканчивает свои работы, чтобы по окончании также приехать в Петербург. Было бы удобно поместить их в моих салонах, к несчастью, этого нельзя, так как не служа (т[о] е[сть] не получая жалованья), не имею права на квартиру в Академии, а попал только благодаря решению Совета, чтобы окончить картину. [...]

Г. Мясоедов

Адр[ес]: Петер[бург], Ва[сильевский] о[стров], Акад[емия] худож[еств], кв. 35.

124. А. И. Кривцовой

[Октябрь — ноябрь 1907
Петербург]

[...] Сижу в Петербурге, кончаю картину [1], кругом равнодушие и недоброжелательство, хотя я убежден, что сделал серьезное дело, но так это не нужно и чуждо, такая кругом царит чушь, что этого никаким пером не опишешь. Если Вы не читаете русских газет, Вы хорошо делаете; правда, и там не Аркадия, но у нас это червивая куча навоза. Я, к несчастью, читаю от скуки газеты и признаюсь, моя русская гордость давно убежала в пятки.

В Москву я, конечно, попаду, если дело того потребует [...] в декабре у нас выставка в Москве [2]. [...]

Татьяна Борисовна [3] меня не покидает и помогает жить без мелких забот. Ваня тоже тут, вступил опять в Ака-

демию художеств к Рубо [4]. Мой адрес: В[асильевский] о[стров], Академия художеств, Литейный двор, кв. № 35. Будьте здоровы [...]

Ваш Г. Мясоедов

125. А. И. Кривцовой

[*Декабрь 1907*
Петербург]

Многоуважаемая Анастасия Ивановна.

18 декабря я покидаю Петербург для Москвы, где пробуду неделю (по поводу открытия нашей выставки) [1], затем возвращусь опять в Петербург и, уже покончив все свои делишки, поеду в Ялту, если комнаты в мастерской свободны. [...]

Между Триестом (вернее Фиуме-река) лежит Албания, столица Зара. Берег ее весь изрезан заливами и осыпан островами, среди Адриатического моря, голубого и вечно отражающего небеса на одном острове лежит городок Люсинпиколо, куда немецкие доктора посылают больных ради прекрасного морского климата, дешевизны и тишины. [...] Вот, если мне удастся, я переберусь туда весною и пробуду там месяц или два [...], чтобы отдохнуть от отечества, от людей, от себя, от живописи, от глупости и от всех благ земных. [...]

Г. Мясоедов

126. А. А. Киселеву

[*11 февраля 1908*
Ялта]

Многоуважаемый Александр Александрович.

Начинаю уже Вам надоедать, очень прошу прилагаемую записку передать по назначению [1]. Я не помню, кто именно будет их обсуждать, а в канцелярии она может завалиться и не достигнуть вовремя куда следует.

Я уже в Ялте, здесь холод, снег на горах, грязь на улицах и пустота, не очень весело. [...]

Г. Мясоедов

127. А. А. Киселеву

Ялта, Набережная, дача Кривцовой, (быв. Мясоедовой) 23 февраля [*1908*]

Многоуважаемый Александр Александрович! Я, было, расписался на имя Якова Даниловича и уже собирался бросить письмо, как вдруг получил телеграмму, подписанную Михайловым. Помня последнее решение относительно Минченкова, я очень удивился такому сюрпризу. В чем же дело? Разве Москва уже окончательно правит? (хотя не царствует?) [1] Меня это так огорчило, что я сразу даже не обратил внимания на лестное предложение 6000 за картину Академией [2]. Уезжая, я говорил, что согласен на уступку до 7000, а тут оказывается, что нужно еще уступать? Право, это не оценка картины, а расценка художников на дорогих и дешевых, и зачисление меня в последний сорт. [...] Но эта товарищеская оценка меня несколько огорчает. Лучше я пошел бы на рассрочку уплаты, чем на такую квалификацию. [...]

Сижу в Ялте, приехал в скверную погоду. [...] Низкий Вам поклон и всего наилучшего.

Г. Мясоедов

P.S. Коли набежит на Вас стих великодушия, напишите, как дела, очень буду рад.

Г. М.

128. А. А. Киселеву

[*Март 1908*
Ялта]

Многоуважаемый Александр Александрович.

Прежде всего хочу сообщить Вам, какая путаница произошла с моей картиной благодаря телеграммам. Во-первых, я получил телеграмму от Михайлова, что Академия предлагает 6000, на которую я отвечал, что прошу 7000 по пословице, что запрос в карман не лезет, и потому считал справедливым этот запрос, потому что работал много и усердно, почти три года стоила мне эта картина, если взять в расчет подготовительные работы,

и вознаграждение потому не считал чрезмерным, а даже скромным. Но комиссия (из художников) рассудила иначе. Ну, это дело их совести. Затем получил другую от Михайлова же, что Солдатенков предлагает 6500 [1]. Имея в виду Академию, я телеграфировал, что, назначив 7000 Академии, не могу уступить ему против назначенной Академии цены. Ответа не получаю, а получаю телеграммы (две) от Вани [2], который усиленно советует отдать Солдатенкову и прибавляет какую-то чепуху относительно возможных неприятностей свыше (?!) и что Академия не возьмет картины. Желая поступить некопеечно, телеграфирую Михайлову, чтобы отдал Академии за 6000, приняв в расчет, что мне, как члену Академии, неприлично давать пятистам руб[лям] решительное значение (словом, сблагородничал), и с тех пор все телеграммы прекратились, и я сижу в ожидании как на мели, и у меня рождается мысль, не сыграл ли я дурака, прекратив сношения с Солдатенковым? И хоть бы кто-нибудь сообщил мне о ходе дела. Вы остаетесь единственным человеком среди моих дорогих товарищей. Очень притом удивился появлению у нас Михайлова. Сопровождающий находится в зависимости от Правления и им назначается. Выбор Михайлова Москвою незаконный и для Петербурга необязательный, скажу более — дерзкий, и Правление не должно было ему подчиниться, не доказав этим своей слабости и неспособности у п р а в л я т ь делами [3].

Вы ни слова не сказали о моем мнении по поводу академических дел, а оно могло бы быть мне интересно. Может быть, оно слишком храбро, но что же делать одинокому человеку, как не пускать в ход мнения в надежде, что что-нибудь пригодится.

Что можно ждать с И. И. во главе? Этот самый И. И. как влезет в дело, так станет у академической компании великим человеком и обретет толпу поклонников [4]. Очень рад, что Вы пристроили свою рощу, хоть цена и малая, но Вы и сделали ее скоро [5]. Поклонитесь всем Вашим и будьте здоровы.

Г. Мясоедов

Не знаю, чего ждать мне по поводу картины моей. Если бы Вы известили меня хоть телеграммой (на мой счет), как решилось дело.

129. А. А. Киселеву

[Март 1908
Ялта]

Многоуважаемый Александр Александрович!

Получил и Ваше письмо и от Правления приглашение внести по 50 р[ублей] и должен признаться, что оба производят недоумение и потому именно, что все решения делаются вдали, причина их остается непонятной и противоречащей тому, что делалось тогда, когда и я участвовал в решениях. Так, Минченкову Правление писало приглашение в форме абсолютного решения пригласить его в Петербург, и у Правления не было никакого возражения против этого. А не знать о приглашении Михайлова самим же Правлением оно не могло. Как же могло произойти изменение, затем, коли это так, почему же Товарищество должно платить Минченкову какое-то вознаграждение? За что? Ведь оно решило его пригласить, а Правление перерешило. Вероятно, тут действует Москва, от которой Правление не имеет духу оборониться [1]. Далее, по поводу моей картины: покупка ее идет по инициативе Боткина и Чистякова. Как отнеслись остальные члены Товарищества, я не знаю, но в конце концов Академия картину не берет, а покупает Солдатенков, несмотря на мое согласие отдать за предложенную цену (я уступаю 500 рублей). И все-таки Академия ее не берет, а берет Солдатенков. (П. А. Брюллов советует отдать ему) [2]. Это мне опять непонятно, т[о] е[сть] настоящий мотив от меня скрыт, что опять рождает недоумение. Но это дело конченое, картина продана, а недоумение остается.

Теперь новое приглашение о внесении 50 рублей с человека для покрытия третьей тысячи. При мне было написано письмо москвичам, что если о н и непременно хотят взять помещение Общ[ества] поощ[рения] худож[еств], то пусть желающие этого доплатят недостающие до 3000 деньги, разложив их между собою,— и это изменилось. Теперь приглашают не москвичей, а всех членов внести по 50 р[ублей], и вносят пока только петербургские члены — опять недоумение [3]. Что произошло, опять Москва? Или Москва переехала в Петербург? Или петербургские головы стали думать по-московски? Решения создаются, принимаются, а затем меняются. Чего же держаться?

И стоит ли участвовать в деле, которое шатается по чьему-то капризу, очевидно, что заправители сами себе не верят и свои решения не уважают. Притом не выяснено, что же значит этот новый побор в 50 р[ублей]. Заем это или какая иная финансовая операция. При разделе остатка вопрос был бы может быть излишним, но при отсутствии дивиденда он не лишен смысла. Если бы все участвовали в пополнении 3000, я бы еще это мог понять и даже порадоваться, усмотрев в этом общее стремление спасать дело (словом — Минин и Пожарский). Но притягивать силком каких-то отдельных благотворителей — это уже «красный крест» и ничего впереди не сулит, потому что не вижу в этом ни порыва хорошего, ни справедливости, и это опять возбуждает недоумение.

В конце концов Вас, Александр Александрович, я как члена Правления [4] попрошу сообщить в Правление мою покорнейшую просьбу: из 1500 р[ублей], которые Солдатенков дал в задаток, сделать все вычеты, которые необходимо сделать, чтобы оставить меня совершенно свободным от долгов и привести меня в состояние невинности, и если окажется необходимость и смысл в 50 р[ублях] на образование 3-й тысячи, то присоединить и их к моим долгам. Прошу это не потому, что согласен с этим новым налогом. Я уже давно не согласен со всем, что делается в Товариществе, а только потому, что хочу это несогласие очистить от денежной скверны, зная, что найдутся люди, которые не сробеют мазнуть по мне и этим мазком.

[...] Надеюсь, что Вы поправились (с некоторым основанием) и участвуете в делах Правления. [...]

Г. Мясоедов

В Полтаве свирепая зима, и я волей-неволей пробуду весь март в Ялте.

130. П. А. Брюллову

[*Март 1908*
Ялта]

Дорогой товарищ Павел Александрович.

Все хорошо, что хорошо кончается, и я нахожу — моя картина хорошо пристроена. По-видимому, Солдатенков

собирает галерею, стало быть, помещение хорошее. Деньги по нашим временам тоже хорошие, очень может быть, и человек-то он хороший, и слова, которые Вы ему сказали о моей картине, очень хорошие, и телеграмму Вашу я хорошо понял и был Вам очень благодарен, и стало быть, все хорошо.

Хорошо также, что и Киселева картина попала Солдатенкову [1]. Я сейчас имею возможность сделать заграничную поездку и думаю покататься между Венецией и Черногорией и пожить на одном острове, называемом Lusin(picolo), а если хватит пороху и время, то проползти в Мюнхен и Париж, истратив на это два, три месяца. Хорошо было бы иметь спутников из мира искусства. Вот если бы Вам положил бог на сердце идею прокатиться в этом направлении, было бы тоже очень хорошо и приятно и полезно. Может быть, что-нибудь хорошее бы сделали. Думаю в начале апреля быть в Полтаве, а оттуда пуститься по миру. [...]

Получил я список академических дел для решения в Общем собрании 14 февраля. Конечно, отвечать толково и на все вопросы не мог, послал ответ только на вопрос о возвышении Московской школы и ее директора [2]. Вот что называют малороссы, пройдысвит. Как он ползет! И какими силами. Должен Вам сказать, что желание великого князя нашего президента обратить решение покупки картин в Собрание Академии я нахожу очень толковым и разумным, оно уже давно сидело у меня в голове. Это было бы наилучшим контролем над случайностями большинства. Вопрос от имени Влад[имира] Александровича о замещении умершего члена архитектора новым членом поставил меня в тупик. Я не только не знаю никого из архитекторов (кроме уже членов), но даже не знаю ни одного имени. Очень жалею, что не спросил хотя бы Вас, за кого будет более голосов, чтобы присоединиться. Теперь же уже опоздал и придется удержаться от подачи голоса, что имеет характер несимпатичный [3].

Я писал Киселеву некоторые соображения относительно денежных счетов с Товариществом [4], он, вероятно, Вам сообщил их, но ответа на это еще не получил.

Пишу Вам в музей [5], ибо не помню номера Вашего дома.

Хоть Вы и неохотно пишете (и очень жаль, потому что хорошо пишете), а все-таки может быть... Всего наилучшего.

Г. Мясоедов

131. А. И. Кривцовой

[*13 апреля 1908
Ялта*]

Сейчас зазвонят, наступает святая пасха. Я взял уже билеты до Полтавы, а тут совсем некстати Т. Б. Васильева заболела и лежит в постели с высокой температурой. Надо надеяться, что это у нее пройдет. Могу Вас поздравить только уже с прошедшим праздником. [...]

Вы спрашиваете, куда я поеду. В одном письме я Вам писал, что еду на островок, назыв[аемый] Люсинпиколо. Это курорт, куда ездят умные немцы. По берегу Адриатического моря, если Вы возьмете карту Адриатич[еского] м[оря], то среди архипелага найдете небольшой длинный остров, это Люсинпиколо, отличающийся чудным теплым климатом, роскошной растительностью, населением полуитальянским, полуславянским, большой дешевизной, удобствами и большим покоем. Немецкие доктора все его знают, а может, и французские. Кто хочет, не мотая денег, лечиться, то посылают туда, особенно австрийцы. Я порядочно осведомился об этих краях. Есть книга к[нязя] Голицына об Адриатическом побережье, он в восторге от красоты страны и климата. [...] Вот бы Вам куда направиться для леченья, а то Вы туда же, куда и все!

Не знаю, как у Вас в Париже, а в Ялте еще не тепло. Народу много, даже затевают какие-то процессии по улицам, что-то вроде карнавала.

Если Вы будете на Зуше, то я, может быть, воспользуюсь Вашим приглашением, чтобы написать большой холст с полями и бесконечным небом. [...]

Весьма рад, что картина Вам понравилась [1]. Вы правы, говоря, что продать хорошо, но важно и самоудовлетворение. А еще важнее уверенность, что я все-таки, если захочу, то могу еще кое-что сделать не худое. [...] В четверг на святой я, вероятно, буду в Полтаве и, взяв деньги и паспорт, пущусь в путь. [...]

Всегда Ваш Г. Мясоедов

132. А. И. Кривцовой

[Июль 1908
Полтава]

Многоуважаемая Настасья Ивановна!

[...] Относительно приезда к Вам могу сказать, что мне это очень хотелось сделать по двум причинам. Первая — Вас хотелось видеть, а вторая — сделать этюды полей для новой картины, которую пишу. Имею намерение на выставку поставить три большие картины под кличкой «Святая Русь». Ваня в этой кличке видит иронию, а я понимаю серьезно [1]. Но это тоже уже запоздало, поля убираются (у нас уже убраны), и эта цель моей поездки не может быть достигнута.

[...] Ваня уехал в Ялту, поместился в мастерской, собрался писать картину «Аргонавты» [2], в осуществление которой я не верю, но мешать ему в этом не хочу, а считаю нужным помогать, хотя вперед знаю, что доброго из этого выйдет мало, особенно для меня. Но это я могу сказать только Вам и никому более. Писать о заграничной поездке я не буду, это удобно рассказывать, я очень хотел бы верить, что для этого буду иметь случай. [...]

Я думаю в Полтаве работать свою живопись, насколько это возможно. Если не буду в состоянии кончить, то поеду месяца на три в Питер. [...]

Г. Мясоедов

133. А. И. Кривцовой

[Осень 1908
Полтава]

Сейчас получил Ваше письмо, многоуважаемая Настасья Ивановна, и сейчас же Вам отвечаю. [...] Сижу еще в Полтаве, но уже укладываю свои вещи и собираюсь бежать в Питер. У нас второй раз выпадает снег, совсем не к сезону, едва успел закрыть виноград и сделать все посадки. [...] Я очень много работал и сделал четыре большие картины и одну маленькую [1]. [...]

То, что Вы пишете о Ване, меня не удивляет [...]. Он в мире признает стоящим чего-нибудь только себя, метит он очень высоко и не без основания, но все это слишком

рано. Он хочет удивлять, а удивлять-то еще нечем. [...] Да и верит ли он в благополучный ее (работы. — *В. О.*) исход. Я, например, верю этому очень мало, хотя и стараюсь его поддержать. [...]

Г. Мясоедов

134. А. А. Киселеву

[*Сентябрь 1908*
Полтава]

Я узнал, [...] что Вы уже в Питере, многоуважаемый Александр Александрович, и не очень Вам позавидовал холеры ради. [...]

Но такова сила привычки, что с зимой приходит неудержимое желание опять ехать в столицу и повидать людей, к которым привык и которых лучше все-таки не отыскивается, и дело тоже тянет. Вот я и задумал опять явиться в Питер, если холера подохнет (дай ей бог), но в ужас меня приводит петербургская бесприютность и искание дыры, где можно протянуть ноги. Почему я хочу обратиться к Вам с вопросом, пояснив прежде некоторые обстоятельства.

Летом я работал и сделал четыре больших холста (раскрашенных), которые, однако, совсем кончить еще не успел, а хотел бы их прикончить для нашей выставки [1], где же это сделать? В Полтаве холод начинает меня прижимать, зимой здесь немыслимо, а потому хочу Вас спросить, нельзя ли занять в Академии опять ту же квартиру, что я занимал прошлый год. Если при этом придется платить 50 р[ублей], то я готов и на это. Думаю, что казенные стены не могут быть особенно привлекательны для холеры, что меня несколько успокоит. В этих стенах я желал бы приютить и Ваню, который работает свой холст, не лишенный интереса. Когда я уезжал из Питера, Маковский В. Е. очень меня поощрял просить о том же помещении. Вы же, кажется, в хозяйственном комитете и можете, поговорив, сказать мне, возможно ли рассчитывать на утвердительный ответ, от кого это зависит; пробыть я желал бы до нашей выставки [2], чтобы затем опять исчезнуть. Подумайте, государь милостивый, поговорите, с кем найдете нужным, и будьте милостивы мне

о сем сообщите в Полтаву, ибо при отрицательном ответе мне нужно придумать, куда мне деваться. Надеюсь, что все Ваши здравствуют. Прошу всем передать мои комплименты и поклоны и пожелание всего хорошего.

Г. Мясоедов

135. А. А. Киселеву

[*Октябрь 1908*
Полтава]

Многоуважаемый Александр Александрович!

Сейчас получил Ваше письмо и записку к Вам Лобойкова, которая ввела меня в недоумение. Он пишет, что мне можно уступить ч а с т ь квартиры. Что будет составлять эта часть, мне неизвестно, и кто будет занимать остальное, неизвестно тоже, и насколько будет удобно сожительство с этим иксом, угадать трудно. Мне, конечно, было бы удобно поработать немного над картинами, которые я думаю привезти. Но тут приходит в голову и такое соображение, что опять придется меблировать и подымать эту возню только на два месяца, а затем опять искать помещение на остальную половину зимы, и наконец, и еще соображение: писать к Лобойкову, прося его, и пр[очее]. Очевидно, Лобойков входит в ту роль, которую исполнял когда-то знаменитый П. Ф. Исеев, и мне просить его в этом его положении и таким образом его признавать непристойно, вот поэтому я хочу промолчать. Тем более, что, приехав в конце октября, можно будет выяснить, что такое ч а с т ь квартиры. Это мне довольно важно, ибо я рассчитывал поместить Ваню, и вообще, п л а т я, не спрашивать разрешений на право устраивать жизнь по усмотрению и надобности [...].

[...] Куда Брюллов уехал и как при болезни Лемоха идет музей А[лександра] III и кто же там дежурит? [1] Приехал ли Рубо и идет ли работа в его мастерской? Как Вы жили на Кавказе?

Заехав в Питер, я не буду знать, куда деваться на остальную зиму. Потому думал бы дотерпеть до весны, чтобы опять заехать в Полтаву. А какая красота была у меня осенью в саду, ни в сказке сказать, ни пером описать,

я очень жалел, что не было у меня ни одного пейзажиста. Сделал попытку, и довольно большую, но степень пригодности мне неизвестна [2]. Прощайте, будьте здоровы и всем поклонитесь.

Г. Мясоедов

136. Н. М. Ежову [1]

[Декабрь 1908]

Милостивый государь! Приношу Вам глубокую благодарность за присылку отчета о вечере, устроенном в честь П. М. Третьякова [2], на котором по причине очень прозаической я быть не мог, к моему большому сожалению. На этом чествовании было сказано очень много хороших слов и правдивых мыслей, среди которых вкрались ложные сообщения и факты, никогда в действительности не бывшие. Так, г. Вайнштейн смешал Товарищество с Артелью, между которыми никогда ничего общего не было [3]. Артель была основана учениками Академии, желавшими получить зол[отую] медаль и поездку за границу, работая на свои темы, что было не согласно с уставом Академии. (Этого добилось впоследствии Товарищество вместе с реформой Академии.) Получив отказ, 13 решились образовать нечто вроде небольшой художественной коммуны в видах взаимной поддержки, устраивались они, занимаясь писанием образов и увеличением фотографий и царских портретов. Этим и ограничивалась их деятельность, и ни одного члена Артели и ни одной их идеи не перешло в Товарищество [4].

Товарищество родилось в Москве, где, вернувшись из-за границы, я поселился. Устав Товарищества был написан в Москве мною. Познакомившись с Перовым и его сателлитами, я склонил их подписать этот устав, и они были первыми членами-учредителями. Но так как их было мало, пришлось поехать в Петербург искать сотрудников. Первое предложение я сделал Артели, которая в эту минуту имела еще заработки и небольшой капитал. Вступая в нее, нужно было делать денежные взносы. Артель решительно отказалась принять участие в деле. Позже Крамской, уже вышедший из Артели, сделался членом Товарищества и на очень короткое

время — Лемох, вышедший потом из членов по несогласию по отношению к Академии (позже он опять вступил). Вот и происхождение Товарищества из Артели в ход пустил В. Стасов [5]. [...] Повторили г. Вайнштейн и Вы. Однажды я уже пробовал [...] опровергнуть в отчете за 15 выставку Товарищества, и всякий желающий знать правду оттуда узнает ее и точно и подробно [6]. Нет никакого основания для недоверия сообщенным там фактам, они скреплены свидетельствами членов Товарищества и никем не были опровергнуты, а также, вероятно, никем и не читались. В этом отчете я старался достойным образом оценить деятельность Павла Михайловича. Заглянув в этот отчет, Вы убедитесь, что лет 20 назад в оценке деятельности Третьякова я авансом был с Вами согласен. Отдавая справедливость Павлу Михайловичу, г. Вайнштейн запамятовал, что Товарищество не менее энергично стремилось в том же направлении — оно сделало искусство наше из петербургского всероссийским, сейчас его знают в провинции так же, как в столице. Его знают и Харьков, и Киев, и Одесса, Астрахань и Калуга, и Смоленск, Варшава и даже, вероятно, гор. Глупов и другие.

Устраивая первые выставки Товарищества, я был свидетелем той радости, которую они вносили в провинциальную жизнь, я видел, как мое дело нужно, как оно растет и радует [7], и, конечно, забвение ораторов Московского общества любителей искусства [8], а также современной толпы не может сильно меня опечалить, как и молчание бывших моих сочленов. Если я пишу Вам, то мною руководит желание обогатить Ваше дарование говорить правдивыми фактами, которые могли ускользнуть от Вашего современного кругозора. Не знаю, желает ли знать их г. Вайнштейн, мне хочется, чтобы он мог их знать.

Идея Товарищества положить основание капиталу на памятник Павлу Михайловичу мне как нельзя более симпатична, и я постараюсь вложить свою лепту для ее осуществления [9].

С должным уважением Г. Мясоедов

Отчет за 15 лет помещен в иллюстрированном каталоге за 15 выставку, где список членов расположен по времени их вступления в Товарищество.

137. Правлению Товарищества передвижных худ[ожественных] выставок

2 апр[еля] 1909 г[ода
Полтава]

Если Товарищество найдет возможным делать в провинции выставки не на общественный, а на счет каждого участника, без посягательства на общественную кассу, я ничего не могу сказать по этому поводу, кроме как выразить свое удовольствие и желание участвовать посылкой своих картин и предложением той суммы рублей, которая на это дело окажется нужной, которые и прошу получить от Якова Даниловича Минченкова из 150 р[ублей], по получении их от покупателя, с просьбой выслать мне могущие остаться в Полтаву в Общество взаимного кредита на мой текущий счет [1].

Г. Мясоедов

138. А. И. Кривцовой

4 сентября 1909 г[ода]
Полтава

Многоуважаемая Анастасия Ивановна.

Ничего не имею сообщить Вам интересного и, несмотря на то, мне хочется написать Вам. Как-то взошло в привычку знать все, что с Вами происходит, и сочувствовать Вашим огорчениям или болезням [...]. Мое потомство уехало в Питер, здесь стало скучно. Поехал работать свою картину, и дай бог, чтобы что-нибудь из того вышло [1]. Последнее время я мало его видел, оно все гуляло в Полтаве. Впрочем, жили мы мирно. [...]

Все это время было очень хорошо с точки зрения природы. Она вела себя превосходно, все время погода стояла ясная и не мешала заниматься живописью, музыкой и садом. Я написал одну картину средней величины и несколько меньших и не противных [2]. Музыка тоже процветала у меня. Каждую субботу собиралась компания музыкантов и играли до ночи. [...]

[...] Если Вам скучно, мне напишите, я еще пробуду до конца октября в Полтаве. Всего хорошего Вам.

Г. Мясоедов

139. П. А. Брюллову

[Конец апреля 1911]
Полтава, Павленки

Дорогой Павел Александрович!

Получил письмо и деньги от Вас и Дубовского и прочих, адресую Вам ответ в музей [1]. Деньги, почему-то 388 руб[лей], как результат последнего расчета. Хотя я и не член, а мне было бы очень интересно узнать, что за расчет и в какую новую форму перелилось Товарищество? По-видимому, в Москве его выставки не было, и она ограничилась только Питером. За границей читал русские газеты, ничего не читал о Товариществе [2]. Увидите Николая Никаноровича, пожалуйста, ему поклонитесь и скажите мое полное удовольствие, что он попал в Академию в преподаватели. Это его, конечно, обеспечит и надолго [3].

Я, было, подох в Южной Тироли, в г[ороде] Арко [4]. Теперь будто получше. Желаю Вам всего хорошего.

Г. Мясоедов

140. А. И. Кривцовой

24 мая 1911 г[ода]
Полтава, Павленки

Многоуважаемая Настасья Ивановна!

[...] Я уже месяц как вернулся из-за границы и в настоящую минуту больной по приказанию доктора лежу в постели, который приказал мне две недели отдыхать. Вопрос идет о серьезной болезни [...] За границей провел полгода, и все было хорошо [1], но последний месяц простудился и переутомился. Целый месяц пролечился и кое-как доехал домой. [...]

[...] Я проехал часть Французской Ривьеры, часть Тироля и в городе Арко заболел. Проболел месяц, а затем направился в отечество. Арко хороший город, там нет зимы, вечное лето. Городок горный, куда зима не заглядывает.

Сейчас сижу у себя на даче, где тоже хорошо и зелено, и цветет и плоды завязываются. [...]

Ваня сегодня ночью в два часа поехал в Мюнхен [2], и я остался один под присмотром Татьяны Борисовны и долеживаю вторую неделю. Кругом меня мало кто есть, довольно пустынно. [...]

Г. Мясоедов

141. В. Г. Короленко [1]

20 июля [19]11 г[ода]
Полтава

Глубокоуважаемый Владимир Галактионович.

Спешу известить Вас, что портреты я уже получил и воспользовался ими, так что картина совершенно готова. Приношу мою глубокую благодарность за Ваше содействие моей работе [2].

Искренне уважающий Вас Гр. Мясоедов

142. Н. Н. Дубовскому [1]

17 октября 1911 г[ода]
Полтава, Павленки, своя дача.

Добрейший Николай Никанорович.

Будьте так добры сообщить мне, когда и где откроется передвижная выставка и успею ли я еще послать на нее свои вещи [2]. Очень прошу сообщить об этом поскорее, так как надо еще заказать сделать ящик. Когда последний срок присылки картин экспонентов? И куда адресовать?

Был бы очень благодарен, если бы Вы написали мне несколько строк о результатах прошлогодней выставки, а если возможно, выслали бы ее каталог иллюстрированный.

Ваш слуга Г. Мясоедов

(Плох еще со здоровьем.) Полтава, Сретенская улица, д. № 31, кварт[ира] Бельгольского.

Записка академика живописи Г. Г. Мясоедова[1]

Во исполнение воли его императорского высочества президента Академии художеств, выраженной в циркуляре 3 августа 1890 года за № 2112 о необходимости коренного пересмотра в уставе императорской Академии художеств, с пояснениями, сделанными в приложении, решаюсь изложить нижеследующие соображения, приступая к которым предварительно считаю нужным обратить внимание на те стороны устава 1859 года, которые во многом обусловили порядок, существующий в Академии художеств и в мире русского искусства.

Общий недостаток устава состоит в его чрезмерной регламентации, в избытке предусмотрительности, предоставляющих учащим и учащимся слишком тесный и резко очерченный путь художественного развития, равно обязательный как для талантливых, так и для малоспособных.

По отношению лиц, заведующих искусством, излишек регламентации соединен с отсутствием определенности. Обязанности не распределены с достаточной точностью.

В должности президента сосредоточена вся власть и все обязанности до наблюдения за способностями и прилежанием преподавателей и учащихся.

Обязанности остальных должностных лиц представляют почти повторение обязанностей президента с очень малы-

ми изменениями или сокращениями. Зато вопросы, нуждающиеся в указаниях, устав проходит молчанием.

Обучение искусству слишком осложнено уставом. Полезность классов: эстампного, медальерного, пейзажного, манекенного и граверного — сомнительна. Класс композиции может принесть только вред. Рисование с гипсовых голов и фигур следовало бы предоставить низшим школам.

Преподавание наук, рядом с обучением искусствам, задерживает художественное развитие, мало повышая образовательный уровень учащихся.

Самое обучение ведется при помощи целой системы наград с конкурсами на золотые медали и с перспективой казенного содержания в заключение.

Таким образом, приобретение художественных знаний является не результатом личной надобности, основанной на внутреннем побуждении, а надобностью как бы государственной, достижение которой невозможно иначе, как при помощи особых поощрений со стороны государства.

Система эта, по всей вероятности, есть остаток порядка, существовавшего в момент насаждения искусства в России, необходимость которой ныне миновала.

Классы Академии переполнены неудачниками, уволенными из других школ за ленью и неспособностью. В Академию их влечет не любовь к искусству, а надежда на получение тех благ, которыми обставлена карьера художника, в виде: отсрочек, стипендий, денежных поощрений и разных других приманок, которые привлекают в классы Академии толпу, напрасно поглощающую усилия профессоров в ущерб действительно даровитым. Чем добросовестнее преподаватель стремится исполнить сотый параграф устава, который «в непременную обязанность профессоров поставляет руководить каждого из учеников в художественном обучении его и снабжать всеми относящимися до сего предмета наставлениями», тем скорее он впадет в рутину и равнодушие, подавленный массою бесплодных усилий, растраченных на бездарности, тем более, что назидания одного профессора часто противоречат назиданиями другого, взаимно парализуются.

Достигая этюдного класса, учащийся принимается за краски, обыкновенно без всякого указания со стороны учащих, руководясь или собственной догадкой или указаниями товарищей, часто недостаточными и неверными.

О физических, химических и оптических свойствах красок и цветов им не говорят ничего; зато каждый профессор считает необходимым передать свои личные вкусы, награждая и поощряя в учениках свое отражение. Наконец, пройдя все классы, получив все призы и научившись компоновать на профессорские темы, будущий художник достигает до конкурса. Знают ли его профессора? Его нравственную физиономию, его наклонности, характер его дарований? По всей вероятности — нет, потому что ему дают тему, не заботясь ни о его наклонностях, ни о его нравственной физиономии. История, библия, мифология — все должно быть ему одинаково любезно и доступно. Помещенный на несколько часов в одиночное заключение, он должен создать эскиз будущей программы.

Это снабжение темой и необходимость одиночного заключения могут служить доказательством того, что между профессором и учеником отсутствует всякая духовная близость, а также и того, что обучение, в конце которого воображение художника спит, а самая личность не внушает ни малейшего доверия,— несостоятельно. Отсутствие духовной связи между учащими и учащимися приводит к тому, что пенсионеры, возвратясь из-за границы, теряют все приобретенное в продолжение долгого академического курса, усваивая скоро манеру какого-либо иностранного художника.

В русской школе легко проследить много иностранных влияний, но было бы напрасно искать следов какой бы то ни было преемственности. Можно найти следы влияния Калама, Жерома [2] и других, между тем как Шебуев, Брюллов, Басин, Айвазовский, Иванов и множество других не оставляют за собой следов.

Пенсионер, возвратившись из-за границы, мог бы считать себя законченным художником; он так дорого стоит, над ним так много хлопотали, ему остается только творить, в удовлетворение своей внутренней потребности. На деле он или вовсе бросает работать по бездарности и непривычке к самостоятельному труду, или пристраивается к казенному месту, или вырождается в иностранца. Приученный в школе к поощрениям и отличиям, он ищет продолжения того же порядка, опять в виде поощрения, заказов, званий и т. д., без которого его Пегас не раскрывает крыльев.

Эти поощрения составляют вторую половину академической деятельности. Управлять искусством можно: поощряя желательное и отстраняя нежелательное. Средством к поощрению всегда служили или деньги или повышения по степеням. Эти способы могут развить стремление к казне и ненужному тщеславию, но едва ли способны вызвать талантливые произведения. Поощряя исключительно одно какое-нибудь направление, почти всегда создают клику, отрицающую всякое другое направление, кроме господствующего, внося тем в искусство непримиримый раскол. Академия как центр художественной жизни должна быть хранительницей знаний, накопляемых временем, должна объединять все стремления к правде и красоте, помогая им, а не подавляя, она должна соединить все силы для служения русскому искусству.

Создание нового порядка будет делом большой важности. Высказываю о нем свое мнение в надежде, что, может быть, найдется что-нибудь, что послужит материалом для будущего строя.

Прилагаю краткий конспект некоторых статей устава как результат всего вышеупомянутого.

Состав Академии художеств:

Общее Собрание.

Совет.

Управление.

Школа.

Общее собрание, очередное собирается раз в год и экстренное — по усмотрению президента, председательствующего в нем, слушает годичный отчет Совета. Каждый из членов Общего собрания имеет право обращаться в Совет за разъяснениями, также просить о рассмотрении предложений или мер, применение которых он найдет для искусства полезным.

Совет, состоящий из 30 членов под председательством вице-президента, собираясь ежемесячно, ведает все дела, касающиеся искусства и обучения ему. Он наблюдает за обучением рисованию во всех школах, знакомясь с результатом этого обучения посредством ежегодных выставок в Академии. Члены Совета не получают жалованья. Для ближайшего и постоянного ведения дел Совет выбирает постоянную Комиссию, половина членов которой ежегодно выходит, заменяясь новыми.

Лица, желающие посещать классы Академии, допускаются Советом на основании испытания.

Совет выбирает преподавателей, ходатайствует перед президентом о выдаче пособий для путешествия с образовательной целью тем из художников, которым найдет это полезным. Также ходатайствует о выдаче пенсий тем из членов Академии, которые в этом будут нуждаться.

Экстренное собрание созывается вице-президентом.

Правление ведает части экономическую и административную и находится в ведении Министерства.

Школа состоит из натурных классов: головного и фигурного, для обучения рисованию, живописи и скульптуре.

Каждый ученик должен обучаться лепить, рисовать и писать. Полагаю, что обучение должно идти в следующем порядке: 1) скульптура, 2) рисование, 3) живопись.

Для вступления в Академию нужно представить аттестат по наукам и работы художественные. Представивший такие работы допускается к испытанию, если Совет найдет это нужным.

Обучение в классах продолжать с 15-го сентября по 15-е апреля, остальное время должно быть посвящено свободным работам, отсутствие или неудовлетворительность которых ведет к исключению.

Преподавателями в классах могут быть лица, приглашенные Советом или предложившие себя на обязанности преподавателей, если будут допущены Советом.

Учащийся выбирает себе преподавателя, пользуясь исключительно его указаниями.

Принятие ученика для преподавателя необязательно.

Вознаграждение за преподавание по числу учеников. Преподаватель должен иметь помещение и мастерскую в здании Академии. При отсутствии учеников преподаватель увольняется. В оценку произведений своих учеников преподаватели не входят.

Мера успехов учащихся должна определяться посредством ежегодных ученических выставок. Те из учащихся, которые представят на выставку работы, свидетельствующие о полном изучении техники и вспомогательных наук, получают аттестат об окончании курса.

Аттестат выдается Советом.

Художник, заявивший себя работами, выставленными публично, приобретает звание академика (члена Академии), с которым связано право быть членом Общего собрания, Совета и преподавателем.

В звание академика возводит Общее собрание по предложению Совета и с утверждением президента.

Все вопросы, меры, ходатайства, на решение которых Совет не имеет полномочий, по достаточном обсуждении, восходят на утверждение президента или высочайшей власти.

Все дела решаются открытой баллотировкой.

Мне кажется, было бы полезно для изучения исторического костюма и обстановки, а также для развития декоративного дела и привычки выразительно размещать фигуры — устройство небольшой сцены и театральной залы, которая могла бы также служить для чтения лекций по вопросам искусства и для музыкальных упражнений, как средств общего развития.

При возможных сокращениях расходов, средства, отпускаемые Академией, могли бы частью быть обращены на приобретение картин для музеев. Правильное приобретение художественных произведений послужит лучшим и наиболее действительным средством поощрения художественной деятельности.

Н. Н. Ге

(Воспоминания о художнике)[1]

Вы просите сообщить что-нибудь о Н. Н. Ге, которого мы так недавно потеряли. Не было времени привыкнуть к мысли, что он ушел от нас навсегда. Лицо его еще живо в нашем сознании, голос его еще не замер, а потому трудно говорить о нем со спокойствием и уверенностью без страха пересластить или впасть в другую крайность.

Не вдаваясь в подробности, сообщу вам то, что придет мне на память. Вы же можете пользоваться этими набросками по усмотрению.

Ге я знал по его программе «Саул у Аэндорской волшебницы» и по той памяти, которая осталась в среде учащихся, как об очень талантливом художнике [2]. Лично

в первый раз встретил я его на Парижской всемирной выставке.

Он, уже автор «Тайной вечери», первый подошел ко мне, свежепросольному пенсионеру, заговорил просто и ласково, причем его мысли о картинах и людях казались мне новыми, оригинальными и симпатичными [3].

Эта первая встреча, по краткости ее, не оставила глубокого следа, который был изглажен массой новых встреч и впечатлений. Потом я переселился во Флоренцию, где жил Ге со своей семьей. Семья эта состояла из пяти человек: самого Ге, его жены Анны Петровны, урожденной Забелло, двух маленьких мальчиков Коли и Пети [4] и няни хохлушки, большой патриотки, умевшей делать вареники и уморительно объяснявшейся по-итальянски.

У Ник[олая] Ник[олаевича] собиралось много весьма разнообразного народа. Тут были русские, жившие во Флоренции с давних пор, вновь приезжающие и проезжающие, тут же попадались итальянцы, французы и другие национальности. Всем было ловко благодаря простоте и сердечности, с которой хозяева принимали своих гостей.

В темах для разговоров недостатка не было. Политическая жизнь Италии, в это время бившая ключом, не могла не увлечь русскую колонию, а потому у Ге, после искусства, всего более говорилось о политике. Господствующий тон был тон крайнего либерализма, подбитого философией и моралью. Спорили много, спорили с пеной у рта, не жалели ни слов, ни порицаний, ни восторгов, но все это, не выходя из области пожеланий, кончалось мирным поглощением русского чая. Это было время польского восстания. Флоренция, куда заезжал Герцен, через которую с шумом, как брандкугель, проносился Бакунин, была, разумеется, на стороне угнетенных поляков [5]. Многие из проживавших там русских делили их симпатию. Помню, что Николай Николаевич был за поляков, горячо их защищал и приходил в негодование от ударов, которые им приходилось переносить. В споре он был крайне находчив, и не было такого рискованного положения, которого он не взялся бы доказать или опровергнуть, прижатый к стене противниками, когда логика от него ускользала, он всегда умел находить такую точку зрения, которая давала ему возможность выворотить наизнанку все доказательства своих оппонентов. Говорил он не спеша, без

крика и смущения, но всегда с увлечением, причем его апостольская, тогда еще темно-русая голова делалась очень выразительной. В жару спора у него всегда подергивались вверху мускулы правой стороны носа и щеки, что придавало лицу выражение убедительности.

К женщинам Ге относился с душевной нежностью, всех красивых итальянок звал Беатрисами; женщины всегда интересовались им и охотно его слушали; в этих отношениях, часто очень нежных, пол и возраст не играли никакой роли. В своей жене, несмотря на то, что она была далеко не из красивых, видел все совершенства; с нее писал и Магдалину, и Петра Великого, и многих других [6]. Натуры он держать не любил, всегда видел в ней врага того идеала, который рисовало ему воображение. Брал натуру, как случайный факт, который перерабатывал по-своему; картины создавались у него с великими муками и переделками; иногда он оставлял работу на долгое время, иногда все переделывал снова. В мастерскую пускал неохотно и только тогда, когда дело приходило к концу и сомнений более не было: он боялся чужого влияния или глупых замечаний.

Общество, собиравшееся у Ге во Флоренции, было весьма разнообразно. Не припомню всех его знакомых, помню, что встречал у него А. Веселовского, Каменского, семью Герцена (ни самого Герцена, ни Бакунина видеть мне не удалось), П. Забелло, А. Чиркина, П. Долгорукова, Доманже, де Губернатиса, Л. Мечникова, Ушакову, Мордвинова и многих иностранцев, имен которых не припомню [7]. Летом часть кружка переезжала ради купания в С.-Теренцо, маленькую деревушку в заливе Специи, состоящую из полсотни рыбацких домов, приютившихся над скалами, увенчанную наверху развалинами замка. Деревеньку эту открыли художники и полюбили за ее простоту жизни, дешевизну, красивую местность и население. Ге на каждом шагу находил там Беатрис. Будучи историческим художником, он часто увлекался пейзажем, в С.-Теренцо он писал этюды улиц и сделал несколько этюдов маслин для «Моления о чаше», картины, которую он тогда уже затевал [8]. Из С.-Теренцо мы перебрались в Каррару, которая увлекала нас своей романтической красотой и роскошью каштановых лесов, разбросанных по горам, между которыми каскадами бежит речка Карра-

ра. В Карраре Николай Николаевич сделал эскиз исполненной им впоследствии в виде небольшой картины «Перевозка мрамора»; интерес этой картины состоял в солнце, в белой мраморной пыли, поднятой множеством волов, которые, сгибаясь в дугу, еле тащат по глубоким котлованам глыбу мрамора, погоняемые пиками сидящих на задней паре погонщиков.

Кто-то купил этот небольшой жанр; не помню, был ли он выставлен [9].

Италию я покинул ранее Ге и, возвратившись в Россию, поселился в Москве [10]. [...]

Перебравшись из Москвы в Петербург, там я нашел Ге, несколько постаревшего, но по-прежнему живого, впечатлительного и увлекающегося. Идея внести искусство в провинцию, сделать его русским, расширить его аудиторию, раскрыть в нее окна и двери, впустив свежего и свободного воздуха, была Николаю Николаевичу весьма по сердцу, и он взялся за нее горячо и увлек Крамского, который в то время относился к Ге с большим почтением [11]. Дело Товарищества снова поднялось на ноги, собраны были подписи, между которыми были подписи Гуна, Клодта М. К., Прянишникова, Перова, К. Маковского, Корзухина, В. Якоби и др. Последние ограничились подписями, никогда в деле не участвуя. В. И. Якоби, сыграв несколько либеральных мотивов и сделав несколько весьма либеральных пируэтов, из Товарищества выбыл, пристроившись не без удобства к Академии художеств. Из членов Артели к Товариществу присоединился один К. В. Лемох, представлявший собою единственную связь артели с Товариществом [12].

Новое дело движения выставок по России связывало нас в одну небольшую и тесную группу. Ге, Крамской и я были членами Правления, то есть вели все дело. Ге, кроме того, был кассиром, внося в это дело обычную способность увлекаться, он придумывал свои способы ведения книг и свои приемы счетоводства.

Успех его картины «Петр и Алексей» в Петербурге и в провинции очень его бодрил, и никогда не был он так оживлен, а может быть, и счастлив [13]. [...]

Вначале Ге и Крамской жили в ладу и полном согласии; впоследствии, когда картины Ге не делали впечатления, равного картине «Петр и Алексей», а Крамской

с черных портретов перешел на картины и почувствовал себя довольно сильным, чтобы занять место рядом с Ге, между ними пробежала черная кошка. Крамской позволял себе делать замечания вроде: «Я устал защищать ваши картины, Николай Николаевич» и т. д. Благодаря таким уколам из отношений их исчезла всякая сердечность и навсегда [14], что, конечно, не мешало благополучному течению нашего дела, которое росло и укреплялось, так что для заведования выставкой и путешествий мы должны были искать постороннее лицо. Таким лицом, к нашему счастью, оказался А. Д. Ч[ирки]н, который по дружбе ко многим из членов и из любви к искусству, которому не был чужд, вел дело выставок в течение нескольких лет и умел его поставить как нельзя лучше [15].

В первые годы пребывания Николая Николаевича в Петербурге он сохранял тепло, которое привез из Италии. Дети его, лучше говорившие по-итальянски, чем по-русски, подросли и вступили в Ларинскую гимназию. Отношения Николая Николаевича к Академии, находившейся под ближайшим управлением на все согласного ректора Иордана и мудрейшей опекой конференц-секретаря Исеева, были довольно не ясны. Ге был приглашен участвовать в Комиссии по пересмотру устава Академии, состоявшей, если не ошибаюсь, под председательством конференц-секретаря, с участием Крамского, Чистякова и других. Кажется, что Ге очень волновался, очень хлопотал, на что-то надеялся и, конечно, напрасно [16]. Мудрый опекун устроил все так хорошо, что устав, составленный комиссией, почил под сукном комитета, что в комиссии Ге сказал несколько слов, доставивших мало удовольствия академическим мудрецам, и они этого не забыли; когда устав был благополучно похоронен, Ге реже стал звать себя «моего государя профессор» [17], хотя не отказался участвовать в конкурсе на писание образов для какого-то храма [18]. Но здесь-то он и получил афронт: его эскизы были признаны Академией негодными, чем он весьма огорчился, совершенно остыл к академическому ареопагу; вообще в его настроении произошли значительные изменения, и художнику (тем более, что его личные дела шли очень плохо — картины не продавались) жить с семьей в Петербурге и поддерживать довольно обширное знакомство стало трудно. Явились долги. По совету

Анны Петровны и под влиянием огорчений он решился уехать в имение Черниговской губернии, частью пришедшее по наследству, частью прикупленное в долг, чтобы заняться хозяйством и писать картины свободно и в свободное время [19].

Севши на землю, Николай Николаевич исчез с горизонта, говорили, что он разводит табак, что он занялся скотоводством и т. п. Эти рассказы имели основание: бегство в пустыню было результатом усталости и охлаждения после нервной и напряженной жизни, которою он жил в Петербурге. Конечно, не будучи подготовлен к сельскому хозяйству, он потерпел фиаско, хотя первое время очень всем увлекался.

В этот период, давно его не видя, я заехал к нему в деревню и нашел его здоровым и довольно бодрым. Он делал пристройку к дому для младшего сына, который, женившись, возвел Ге в звание дедушки, чем Николай Николаевич очень гордился [20]. Кроме этого титула, он давал себе имя барона.

— Я барон, а это мои вассалы,— говорил он, указывая на крестьянские хаты, причем добродушно смеялся [21], как тогда, когда звал себя «моего государя профессор». Свои фантазии он часто прикрывал шуткой. Пробыв несколько дней у Ге, я заметил, что в нем развилась ворчливость и нетерпимость моралиста; ни с женой, ни со старушкой-родственницей он не стеснялся в выражениях и нередко доводил их до слез.

Заехав другой раз к Николаю Николаевичу, я не застал его дома: он был по соседству и должен был скоро вернуться. В ожидании его мне сообщили, что Николай Николаевич стал толстовцем и кладет соседям печи; об этом говорили, как о чем-то комичном, пожимая плечами. Спустя час пришел Ге; он нес деревянное блюдо, полное вишен, покрытое ковригой хлеба; увидя меня, обрадовался и сообщил, что творит дела милосердия: сейчас он работал у соседа и вот ему дали, что могли. На мой вопрос: «Разве у вас мало хлеба?»— он сказал: «Душечка, никогда не нужно отказываться от выражения благодарности, ибо дело святое помогать друг другу!» На замечание, что у него исцарапана его апостольская лысина и глина пристала к волосам, он пояснил, что кончал печь, работая под потолком, вот и исцарапался.

«Да, дон Грегорио, творим дела милосердия и любви!» По-видимому, это был припев, заменивший и «профессора» и «барона», причем прежнего веселого смеха, однако, не было.

Отношения его к домашним не улучшились. Анна Петровна, не разделявшая его фантазий, как она это называла, смотрела на них, как на юродство. Старясь, она никак не могла понять, что смешно и непозволительно любить розы, когда на их месте мог бы вырасти картофель, в котором нуждаются люди; и эти розы, росшие против окна, за которыми она любила ухаживать, были поводом для долгих и ворчливых проповедей, доводивших иногда ее до слез.

Спустя год Ге завернул ко мне летом в Полтаву. Приехав ночным поездом в половине второго, он взял свой посох, подвязал сумку за спину, как носят странники, и со станции пешочком верст около пяти брел через всю Полтаву, которая в это время спит, и добрел на Павленки, прямехонько к моему дому. Было часа четыре утра, дворник спросонья не хотел его пускать: «Чего тебе в это время надо? Все спят и барин спит». Однако пустил. Николай Николаевич прошел прямо в сад, положил сумочку под голову и с евангелием в руках, которого никогда не покидал, отдохнул часа два.

У меня он пробыл три дня, вступая в беседу со всяким новым лицом, почти всегда переходя в проповедь, причем он тотчас доставал евангелие из кармана и, много раз повторяя какой-нибудь текст, прибавлял: «Как это верно и как глубоко! Вот, батюшка, где истина, а не то, что Спенсеры да Конты и им подобная мелочь!» [22]

Через три дня он начал собираться, и на мои просьбы побыть еще сдаться не пожелал на том основании, что в писании сказано: «Если придет к тебе пророк, накорми его и дай отдохнуть три дня, а на четвертый дай работу и пусть идет»— и, повязав сумочку, ушел. Я проводил его до вокзала, где пришлось долго ожидать поезда. Сидя задумчиво против буфетного шкафа, украшенного бутылками, вазами, склянками, закусками и дремавшей буфетчицей в центре, Николай Николаевич проговорил: «Посмотрите, ведь это современная мадонна!»

Мало-помалу Николай Николаевич опять начал заниматься искусством, кажется, его увлекла идея иллюстри-

рования сочинений Л. Н. Толстого, к которому он питал глубокую симпатию, кажется, взаимную [23]. От рисунков он перешел к картинам, предполагая сделать серию картин на события из евангелия, последней должна была быть «Распятие», как конец евангелия. По обстоятельствам, от него не зависящим, которым Ге должен был подчиниться молча, картины эти на выставках появиться не могли. Бывшему «профессору государя моего» это исключение из общего правила не могло не быть прискорбным, хотя он переносил наружно спокойно этот последний афронт, утверждая, что видит в этом признание его значения; тем не менее он в глубине души скрывал большое горе, которым ему не с кем было поделиться (Анна Петровна уже умерла). В публике интерес к его картинам возрос благодаря их недопущению на выставки до крайности, и от желающих их видеть не было отбоя [24].

Но и это не могло его вознаградить и утешить. После выставки он заболел той неопределенной болезнью, которую назвали инфлюэнцей, но поправился; на Съезде любителей в Москве говорил публично и был горячо принят присутствующими [25]. Следующее за тем известие было принесено газетами, что Николай Николаевич умер в Нежине, это, однако, была неточность: в Нежине он был у младшего сына по поводу рождения внучки Насти, был очень весел, хотя после болезни страдал одышкой и потерял способность, как прежде, легко и быстро двигаться.

Засидевшемуся и пропустившему поезд Ге пришлось возвращаться поздно с товаро-пассажирским поездом, почему домой приехал поздно. Видя, что в окнах темно, Николай Николаевич взял свой чемодан, внес его в дом и начал звать старшего сына, который его ждал, говоря, что еще рано спать с этих пор. Когда тот вошел на его зов, Николай Николаевич сказал, что ему что-то нехорошо; отнесенный сыном на постель, он несколько раз вскрикнул и умер. Смерть пришла быстро: с момента, как Ге почувствовал себя дурно, не прошло десяти минут, как его не было уже в живых [26].

Среди нас, художников, его знавших, о Ге надолго останется память, как о человеке живом и всюду возбудившем вопросы жизни, чрезвычайно отзывчивом и всегда готовом прийти на помощь. Он любил людей, особенно молодых и слабых, любил ласку и сам был ласков, всегда искал

истину, нередко думал, что был к ней близок, но ненадолго, так как искание истины было в его природе, отсюда вытекала его наклонность менять предметы обожания. Но доброта, бескорыстие и сердечное отношение к людским печалям были постоянными его качествами и никогда его не покидали.

Очерк жизни и деятельности Товарищества передвижных художественных выставок[1]

М[илостивые] Г[осудари]!

Выслушав отчет, который Правление представляет Общему собранию о ходе наших дел, по окончании каждого года мы довольствуемся неопределенным сознанием, что вообще дела наши идут недурно. Это успокоительное сознание мешало нам до сих пор выяснить себе, как идут наши дела за все время существования Товарищества и насколько достигаются им цели, намеченные уставом.

Предполагая, что подобное обращение к прошедшему может во всяком случае быть нам полезно, я хочу предложить вашему вниманию свод некоторых сведений, добытых из бумаг Товарищества, которые в продолжение 15-летнего странствования несколько потерпели от случайностей путешествий, почему в цифрах оказываются значительные пробелы, с которыми приходится поневоле мириться. Но прежде чем приступить к цифрам, я должен обратиться ко времени основания Товарищества, чтобы припомнить те обстоятельства и условия, в которых мы вращались, для уяснения себе разницы между тем, что было и что изменилось за последнее время в области искусства.

Официально Товарищество существует со 2-го ноября 1870 года — дня утверждения его устава министром внутренних дел.

Когда я поселился в Москве, среди московских художников более заметным и влиятельным был В. Г. Перов, около которого группировались художники. Благодаря влиянию Перова мне удалось собрать подписи к написанному мною проекту устава Товарищества передвижных художественных выставок, который был послан в Петер-

бург с приглашением подписаться желающих присоединиться к делу. Устав этот попал в «Артель художников», но был ею принят холодно, несмотря на старания Крамского, который ему сочувствовал. Дело не пошло. Артель была учреждением практическим, и для вступления в нее нужно было делать взносы, равные доле прежних членов. Занимаясь писанием образов и портретов с фотографий, она потеряла главные силы, вносившие в нее элемент искусства, и была готова развалиться. Понятно, что при этом ей было не до чужих увлечений, и устав Товарищества остался без движения [2].

Перебравшись из Москвы в Петербург, там я нашел Н. Н. Ге, несколько постаревшего, но по-прежнему живого, впечатлительного и увлекающегося. Идея внести искусство в провинцию, сделать его русским, расширить его аудиторию, раскрыть в нее окна и двери, впустив свежего и свободного воздуха, была Николаю Николаевичу весьма по сердцу и он взялся за нее горячо и увлек Крамского, который в то время относился к Ге с большим почтением. Дело Товарищества снова поднялось на ноги, собраны были подписи, между которыми были подписи Гуна, Клодта М. К., Прянишникова, Перова, К. Маковского, Корзухина, В. Якоби и др. Последние ограничились подписями, никогда в деле не участвуя [3]. Из членов артели к Товариществу присоединился один К. В. Лемох, представляя собою единственную связь артели с Товариществом.

Новое дело движения выставок по России связывало нас в очень небольшую и тесную группу. Ге, Крамской и я были членами Правления, т[о] е[сть] вели все дело. Ге, кроме того, был кассиром, внося и в это дело обычную способность увлекаться, он придумывал свои способы ведения книг и свои приемы счетоводства [4].

Успех его картины «Петр и Алексей» в Петербурге и в провинции очень его бодрил и никогда не был он так оживлен, а может быть, и счастлив [5].

Вначале дело передвижения по России велось без помощи посторонних сил, члены сами сопровождали выставку, исполняя обязанности артельщика, кассира и т. д. Это был героический период Товарищества. Общество принимало выставки картин с большим интересом, как новинку. Начальство иногда недоумевало; в Харькове,

напр[имер], кн[язь] Кропоткин не захотел разрешить выставки, и я должен был телеграфировать Ге, который немедля отправился к министру вн[утренних] дел (Тимашев); последовало на другой день разрешение; получив его, я отправился к попечителю просить залы университета, попечитель не решался дозволить выставку в своих залах, так как того не бывало прежде; я опять телеграфировал Ге — было разрешено министром народ[ного] прос[вещения] устроить выставку в университете [6]. Так, благодаря Ге и Крамскому, оставшимся в Петербурге, устранялись встречавшиеся неудобства. Все эти недоразумения были весьма естественны, стоит только вспомнить, что русское искусство в ту пору ютилось главным образом в Петербурге. О его существовании общество припоминало в дни открытия выставок Академии художеств, содержание и характер которых вам, конечно, памятны. Они состояли из работ учеников-программистов, изредка украшались работами профессоров и академиков и, дополняясь иностранными произведениями, представляли собою неопределенное, малохарактерное собрание картин, по которым, часто с трудом, можно было угадать время и место их исполнения. Таков, по крайней мере, был господствующий тон.

Общество относилось к этим выставкам сочувственно (особенно к бесплатным), шло на них, как на дешевый праздник, с легким сердцем и привычным любопытством. Для уместного выражения удовольствия оно находило на каждой картине указание в виде билетика, сообщавшего звание и заслуги автора произведения, и, нагулявшись досыта, уходило, забывая искусство до следующего года.

В большинстве случаев искусство и его представители тоже мало заботились об обществе. На русской школе лежала еще тень эпохи ее зарождения, которое совершилось при помощи меценатов, обучавших своих крепостных людей у выписных мастеров. От этой эпохи сохранились любовь к одобренным формам, предпочтение всего иностранного и брезгливое равнодушие ко всему русскому, да отношение к искусству сверху вниз, как к занятию, не имеющему иного назначения, кроме забавы и удовлетворения самолюбия тех, кому приходила охота жаловать себя в меценаты.

Наши великие имена, наши светила периода подражания были до такой степени свободны от условий времени и места, что произведения их можно было отнести ко всякой эпохе и школе, исключая той, к которой они действительно принадлежали. Думаю, что их успех и и слава в значительной доле обусловливались удовлетворением господствовавших тогда запросов на прекрасное, возвышенное, классическое, достижение которых считалось возможным при соблюдении заветов и рецептов, выписанных во времена давно прошедшие из-за границы. Иногда являвшиеся русские картинки терпелись, как род забавный, хотя и низкий. Пейзаж тоже не ушел от влияния этого воззрения, и природа России мало привлекала глаз художника и любителя.

В то время, когда мы решились пойти своей дорогой, не было уже недостатка в людях, сделавших себе некоторую известность работами самостоятельного характера, а за ними вслед пробивались молодые побеги, стремившиеся к свету и правде. Новые общественные условия, одновременно отодвинувшие меценатство на второй план, освободили место, к счастью, не оставшееся пустым. Мецената заменил любитель, не платонический любитель и знаток, готовый всегда ссудить художника просвещенным советом, но любитель-покупатель, любитель-коллектор, симпатизирующий всему отечественному и совершенно свободный от культа формы или стиля, главным образом ценивший в искусстве его живое начало. Запросы его встретили ответ во всем, что не умело или не желало улечься в одобренные формы. И в русской школе образовалось небольшое самостоятельное течение, то течение, которому любители писать о художествах усвоили потом название нового искусства, не поясняя, что должно означать это название. Мне кажется, что новость его заключается главным образом в его искренности: оно решилось говорить о том, что ему близко и хорошо известно, с чем рядом оно родилось и выросло: оно решилось быть правдивым или, как принято говорить, реальным, не допускать подделок и подражаний, не желая казаться более того, чем оно есть, при помощи чужих пьедесталов. Во имя этой наклонности к искренности новое искусство навлекло на себя немало упреков и порицаний; упреков в крайнем реализме, отсутствии высших стремлений, отвращении

ко всему прекрасному и идеальному и т. д. В этих упреках сказывалось то древнее воззрение на искусство, которое отводило ему роль утешителя в скорбях, вытекающих от излишеств благ мира, роль забавы досужих людей, лучшего после мебели украшения барских стен и пр.

Товарищество, сложившееся в период перелома, объединило почти все, что умело или только хотело быть искренним и правдивым, по мере сил и таланта. Это произошло само собой, в силу обязательства, которое оно на себя приняло — знакомить Россию с русским искусством, а не с теми имитациями, которые, как бы ни были искусны, останутся бесследными для русской школы.

Это реальное направление мало-помалу проникло почти всюду, не только в сознание художников, но также в сознание публики, которая начала относиться к искусству с меньшей легкостью и предъявлять более серьезные требования. Подъем национального чувства в России создал новые точки опоры и дал доступ новому искусству на все выставки, не исключая выставок Академии художеств. Последние потерпели в свою очередь заметное изменение, потеряв казенный распорядок, в котором авторы произведений играли пассивную роль, и, перейдя через несколько метаморфоз, эти выставки приняли до некоторой степени общественный характер, при котором нашлось место для участия в устройстве их и распорядке самим авторам.

Нельзя умолчать о том направлении, которое принял пейзаж; совершенно возвратившийся на родину, он тоже стал более правдивым, стремящимся передать не одну внешность природы, но также ее жизнь и настроение.

Классическая гравюра уступила место более легкому и живому офорту.

В заключение выставки картин, прежде их открытия, в последние годы подчинены контролю цензуры, что в провинции отразилось на нас не особенно благоприятно: картины, пропущенные в одном городе, оказывались неудобными в другом. Благодаря личному мнению того или другого лица, которому поручалось цензурование выставки, нередко происходили дорого нам стоящие замедления.

Вот те главные перемены, которые произошли в искусстве за последние два десятка годов. Упоминаю вскользь

об этих переменах, как о фоне для близкого, а потому и важного для нас дела, перехожу к нему.

В 1870 году, когда устав наш был утвержден, наши заботы приняли совершенно определенный характер. Нужны были картины, нужны были деньги. Первых было мало, вторых не было совсем у Товарищества, родившегося без полушки. Каждому участнику пришлось ссудить из своего кармана, кто чем мог, на его первоначальные расходы. Дело было всем симпатично, ему верили, и оно не обмануло: на первую же выставку, открытую в 1871 году в залах императорской Академии художеств, Петербург принес 2303 руб[ля], чем тотчас же обеспечил возможность нашего движения в провинцию. На первый раз мы побывали, кроме Петербурга и Москвы, только в Киеве и Харькове [7]. В результате получилось 6328 р[ублей] 82 к[опейки] валового дохода и продано картин на сумму 22 910 руб[лей]. Из тех 5%, которые мы берем с цены проданных произведений, образовалось начало того принадлежащего членам Товарищества капитала, который остается в распоряжении Общества на случай возвращения стоимости картины владельцу, если бы таковая была испорчена, а также для помощи тем из членов Товарищества, которые бы в ней нуждались [8]. За удовлетворением надобности первого рода до сих пор мы не имели повода обращаться в кассу Товарищества; надобности второго рода встречались и были удовлетворяемы в разное время и в разных размерах; за время существования Товарищества оно ссудило своих членов на сумму 10 812 р[ублей] 18 к[опеек]. Этот капитал с двояким назначением рос ежегодно следующим образом: год 1-й (1871-й) — 1032 р. 05 к., 2-й — 1180 р. 22 к., 3-й — 1046 р. 25 к., 4-й — (запись затеряна), 5-й — (тоже), 6-й — 7080 р. 32 к., 7-й — 1345 р., 8-й — 1574 р. 29 к., 9-й — 2143 р. 40 к., 10-й — 1045 р. 70 к., 11-й — 1417 р. 75 к., 12-й — 1019 р. 75 к., 13-й — 1342 р. 14 к., 14-й — 2791 р. 50 к.

Принадлежа членам в долях, пропорциональных сумме проданных каждым картин, капитал этот решено было ограничить 1000 рублями для каждого члена и по достижении таковой процентов не брать. Но когда смерть начала пробивать бреши в составе Товарищества, оставляя за собою семьи, иногда лишенные всякой поддержки, решено увеличить вдвое капитал Товарищества с целью

помощи, если вновь представится такая в ней надобность [9].

Первые годы нашего существования в форме Товарищества выставки наши помещались в залах Академии художеств. Но с 1874 года пришлось искать иного помещения, так как Советом Академии решено было залы ее под выставки частных обществ не давать, о чем Товарищество и было уведомлено через конференц-секретаря Академии. С тех пор выставки наши устраиваются в разных пунктах Петербурга, в помещениях, мало к тому приспособленных.

В провинции вопрос помещения решается легче: почти везде мы получаем его бесплатно. Пользуясь залами Городскими, Дворянства и Министерства народного просвещения, мы не можем не считать себя обязанными просвещенному отношению к искусству лиц и учреждений, в заведовании которых эти залы находятся, и порадоваться, что им не чужды интересы русского искусства.

Можно сказать с некоторой достоверностью, что коренное население севера и юга России относится с большей симпатией к нашим выставкам, чем смешанное население окраин. Следующие цифры могут служить тому доказательством:

1000 человек населения дает посетителей:

Петербург	18	челов[ек]	Киев	47	челов[ек]
Москва	19	»	Полтава	40	»
Тула	30	»	Саратов	32	»
Ярославль	55	»	Вильно	13	»
Тамбов	50	»	Казань	14	»
Курск	27	»	Одесса	22	»
Харьков	34	»	Варшава	9	»
Елизаветград	34	»			

Цифры эти можно считать достаточно точными для местностей, которые наши выставки посещают постоянно, как Петербург, Москва, Харьков, Киев, Одесса, для которых расчет сделан на основании опыта многих лет. Есть вероятность предполагать, что другие, менее посещаемые пункты, дали бы еще более благоприятные результаты при некоторой с нашей стороны настойчивости, так как повсюду число посетителей выставок с течением времени возрастает. К такому заключению можно прийти

из ряда следующих цифр, представляющих число посетителей:

Петербург — 11 555, 6322, 10 863, 8722, 27 302, 15 191, 20 349, 12 132, 17 803, 19 164, 14 689, 16 982, 28 666.

Москва — 10 440, 8805, 7605, 16 673, 7649, 9824, 13 860, 16 794, 9845, 27 599.

Харьков — 4717, 2960, 2256, 4706, 1998, 2967, 3828, 3694, 5485, 5679, 6260, 9780, 4806, 6029.

Киев — 2831, 5139, 4288, 4144, 4065, 2536, 3348, 3068, 7356, 11 105, 7395, 5074, 6594.

Одесса — 6474, 4170, 3135, 2903, 2056, 8300, 9705, 4668, 6569.

В общем, везде заметен усиленный прилив публики (особенно за последние годы), который идет, колеблясь, по всей вероятности, в зависимости от достоинства выставки, а также от времени ее появления, часто совершенно неблагоприятного. Припомним еще тот утешительный факт, что в некоторые города нашу выставку приглашали с обязательством пополнить могущий произойти дефицит. Удовлетворяя таким желаниям, мы не имели повода пользоваться условиями приглашения [10]. Что интерес к искусству растет, можно заключить еще из того, что во многих городах начинают устраивать свои местные выставки, что понуждает провинциальные газеты отводить искусству постоянное место на своих столбцах.

Обилие эстетических впечатлений способно, по-видимому, породить к ним еще большее расположение, и мы не можем не порадоваться тому, что Академия художеств, найдя нашу цель и наши старания заслуживающими подражания, устроила с своей стороны в посещаемых нами городах передвижные выставки, имевшие большой успех [11].

Мне кажется, что искусство наше, приходя в ближайшее соприкосновение с населением провинциальных городов, менее сбитым с толку противоречием господствующих в петербургской печати и обществе теорий, вынесет некоторую долю пользы и назидания.

Вопрос постоянного помещения в Петербурге, поднимавшийся много раз в среде Товарищества, разрешить оно оказалось не в силах, несмотря на все хлопоты. Вы помните, конечно, надежды и планы, которые связывались с возможностью иметь свое гнездо. Кроме ежегодных

выставок, в этом будущем помещении предполагалось устроить открытые мастерские с классами живописи — нечто вроде постоянной выставки работающих художников. Там же думали воскресить общество русских офортистов, умершее от асфиксии.

Стремление освободить краски от вредных примесей, о чем мы также немало говорили и слушали, разбилось о невозможность устройства краскотерни под постоянным надзором самих художников. Неимение оседлости ставило преграды многим нашим надеждам и желаниям. Наше обращение в Городскую думу с прошениями и планами, на которые напрасно были затрачены деньги, об отводе нам небольшого клочка городской земли Дума не нашла довольно обдуманным. Вследствие таких же прошений и таковых же планов, представленных в Соляной городок, нам и оттуда пришлось ретироваться не солоно хлебавши, и вопрос о помещении остается до сих пор неразрешенным [12].

С такими огорчениями можно примириться. К несчастью, нас постигли печали иного рода. Говорю о непоправимых утратах, которые понес небольшой наш кружок, потеряв в короткое время многих своих сотрудников. В 1877 году умер Гун, в 1882 году — Перов; за ними последовали Аммон, Каменев и Аммосов. Не успели мы забыть эти потери, как судьбе угодно было унести Н. Е. Маковского, а затем 25 марта 1887 года И. Н. Крамского. Несмотря на разную степень таланта и значения, которое они имели в искусстве и в нашей общине, все они были преданы делу и вносили в него посильную лепту, что обязывает нас сохранить о них живую память, как о добрых товарищах, к несчастью, покинувших нас слишком рано [13]. [...]

После того как в 1888 году 21 февраля был прочитан отчет за 15 лет существования Товарищества, прошло еще десять лет [14]. Отчетом за эти годы я и думаю теперь занять ваше внимание, присоединив то, что так или иначе влияло на течение жизни искусства, а тем самым и на дело передвижных выставок.

Нахожу весьма для нас знаменательным то, что дело наше, начатое в 1870 году, нынче переживает 26-й год официального существования. Четверть века мы работаем в одном направлении, не чувствуя ни усталости, ни разочарования и не сомневаясь в полезности нашего дела,

начиная которое мы не получили в наследство ни опыта, ни выработанных приемов, ни необходимых знаний для ведения книг, чрезвычайно сложной денежной отчетности. Притом, кроме этих мелочей, требовалось большое внимание и много осторожности к личным требованиям, часто не согласимым с общим интересом: если припомним, что вся практическая деятельность, не ослабевающая в течение всего года, ведется выбранными лицами не только без всякого вознаграждения, но часто с пожертвованием своих личных интересов, то, мне кажется, не будет смело, если я скажу, что к этому нас понуждает сознание полезности нашего дела, т[ак] к[ак] мелочная, внутренняя работа, не имеющая претензии проникать за пределы нашего обихода, не может привлечь на нас каких-либо внешних поощрений.

Разумеется, что согласно целям, изложенным в нашем уставе «развитию любви к искусству», передвижная выставка имеет и свою, полезную для нас сторону [15]. Насколько значительна эта сторона, может ли она только заставить нас держаться вместе, всего лучше ответят нам цифры, которые я приведу впоследствии. Цифры эти являются результатом подсчета, который я мог сделать из годичных отчетов (не всегда отличающихся полнотою), достаточно близки к истине, и сделанные из них выводы будут приблизительно верны.

Члены Товарищества вступили в него в таком порядке: Мясоедов, Перов, Каменев, Саврасов, Аммосов, Аммон, Ге, Крамской, М. П. Клодт, М. К. Клодт, Прянишников, Шишкин, Боголюбов, Гун, В. Е. Маковский, Максимов, Брюллов, Савицкий, Куинджи, Бронников, Беггров, Киселев, Ярошенко, В. М. Васнецов, Литовченко, Лемох, Н. Е. Маковский, Репин, Поленов, Волков, К. Е. Маковский, Леман, Суриков, Неврев, Харламов, Кузнецов, Бодаревский, Дубовской, А. М. Васнецов, Светославский, Шильдер, Архипов, Левитан, Остроухов, Загорский, Лебедев, Степанов, Позен, Касаткин, Милорадович, Шанкс, Серов, Богданов-Бельский, И. П. Богданов, Корин, Ендогуров, Нестеров, Бакшеев, Орлов, Костанди [16].

За последние 10 лет в Товарищество вступили 23 члена. В настоящее время оно состоит из 42 членов и неопределенного, постоянно меняющегося числа экспонентов. Последние, не принимая участия ни в расходах, ни

в риске и управлении делами Товарищества, не делая никаких взносов в фонд с проданных картин на выставках Товарищества, не участвуют и в дивиденде; не подчиняясь условиям, обязательным для членов, экспоненты остаются в Товариществе до тех пор, пока ход дела им кажется благоприятным, и уходят в случае противном. Экспонентов, более постоянных, мы приглашаем в члены, если они выказывают желание примкнуть к делу и способность принять участие в общей работе.

Чтобы определить ежегодный заработок каждого члена, всего удобнее прибегнуть к фонду (фонд имеет специальную цель, а именно: в случае потери или порчи одной или нескольких картин дать Товариществу возможность возвратить собственнику стоимость испорченного). Фонд составляется из 5% с суммы, полученной за картины членов, проданные на выставке Товарищества. Начну с цифр, общих всему двадцатипятилетию. Членами Товарищества за 25 лет написано 3504 картины, стоимость которых простирается до 2000000 руб[лей], продано на 1135635 р[ублей], на 754180 руб[лей] картин осталось на руках. От продажи картин на выставках Товарищества ежегодно получалось около 61000 руб[лей]. Если бы эта сумма делилась на равные доли, то каждый член зарабатывал бы в год от 1500 до 2000 руб[лей]. Но так как не все продают ежегодно свои картины, то многие остаются вовсе без заработка. Небольшой поправкою к этого рода неудобству мог бы служить дивиденд, который получается им из раздела остатка по окончании всего круга. За основание этого раздела нами принят процент на стоимость каждой картины. Результатом такого порядка получается разница между наибольшей и наименьшей долей в среднем приблизительно в 28 раз.

Так, наибольший дивиденд	16	выставки	691 р.,	наименьший	81 р.
	17	»	980 р.	»	62 р.
	18	»	795 р.	»	22 р.
	19	»	750 р.	»	30 р.
	20	»	530 р.	»	21 р.
	21	»	520 р.	»	7 р.
	22	»	395 р.	»	26 р.
	23	»	444 р.	»	31 р.
	24	»	427 р.	»	13 р.

Расширение дела, а потому и увеличение расхода, необходимость нанимать, а иногда и ремонтировать помещение выставки в провинции, увеличение всех побочных расходов при поднятии цен клонится к ежегодному уменьшению дивиденда, который и в старые годы не играл значительной роли в жизни каждого члена, и можно предполагать, что в будущем дивиденд потеряет значение, даже если бы он делился на равные доли, как это предлагалось многими членами [17].

Нельзя сказать с уверенностью, что наша цель — развитие любви и понимания искусства — вполне достигается, если делать выводы из большего или меньшего притока публики на выставки картин, однако можно скорее прийти к положительному, чем к отрицательному заключению. Напр[имер], Петербург за первые 15 лет дал нам 239000 посетителей, на 10-ти последних выставках мы имели 185000, так что средним числом за первые 15 лет ежегодно получалось 15000 пос[етителей], за последние же 10 лет на год приходится 18500, несмотря на то, что число выставок очень увеличилось вместе с увеличением художественных обществ. В Москве выставки первых 15-ти лет давали ежегодно до 9000 посет[ителей], за последние 10 лет дают 11500. Киев тоже дает небольшое увеличение посетителей, зато в Харькове и Одессе наоборот за последние 10 лет цифра уменьшается. Харьков вместо 4500 дает не более 4000, Одесса вместо 3300 первых лет дает не более 2500. В других городах, которые выставка наша посещает неправильно, приблизительный даже вывод сделать трудно. По всем городам ежегодно мы имеем средним числом около 40000 посет[ителей], исключением был 1889 год, давший 63000, и 1891 — 58000. С тех пор как мы нашли необходимым повысить плату за вход с 30 до 40 коп[еек], число посет[ителей] упало до 31000 и выше 41000 не подымалось. Кроме ежегодных выставок, которые Товарищество делало из картин, написанных за последний год, решено было из картин непроданных, по мере их накопления, формировать выставки для посылки в города, куда ежегодные выставки по недостатку времени не заглядывают. Первая параллельная выставка была в Нижнем Новгороде и, вероятно, благодаря ярмарочному времени дала дефицит 150 рублей. После Нижнего выставки делались в Казани, Самаре, Пензе, Тамбове, Козлове, Воро-

неже, Новочеркасске, Ростове, Таганроге, Екатеринославе и Курске. Общий доход всего этого круга получился в виде 6890 р[ублей], расход 4586 р[ублей], чистый доход 2302 р[убля], продано 4 картины на 1600 р[ублей], 2-я параллельная выставка была опять в Казани, Самаре, Пензе, Тамбове, Козлове, Воронеже, в результате получился чистый доход в 816 р[ублей], продано 2 картины на 775 рублей, 3-я параллельная выставка благодаря болезни заведующего дала довольно значительный дефицит, который покрывается до сих пор из кассы ежегодной выставки [18].

Наше участие на Нижегородской выставке 1896 года, художественный отдел которой был составлен из картин частных обществ и отдельных лиц, не принесло нам ничего, кроме необходимости страхования картин на свой счет, а потом по причине опоздания необходимости сократить круг, исключив Полтаву, Одессу и Варшаву [19].

Мне кажется, не лишним будет сохранить память о наших попытках устроить выставки за границей. Идея устроить выставку русских картин в Лондоне явилась председателю Англо-русского общества г. Козалету, который обратился письменно в Товарищество, обещая содействие Общества. Приисканное г. Козалетом помещение оказалось, однако, тесно и дорого, обращение же Товарищества к Лейтону дало отрицательный результат: залы Академии заняты своей выставкой, и в помещении Академии не может быть сделано выставки иначе, как по выбору и приему картин местной приемной комиссией [20]. Наша попытка устроить на последней Всемирной выставке 1889 года в Париже русский художественный отдел не была более удачна, т[ак] к[ак] наше правительство не участвовало официально в устройстве русского отдела, предоставив это частной инициативе. Товариществу казалось возможным взять на себя устройство художественного отдела, собрав все, что могло бы характеризовать русскую школу, насколько она выяснилась как самостоятельная. Такой подбор был бы невозможен без картин, находящихся в галерее П. М. Третьякова, который обещал дать их с уловием полноты отдела и сохранности взятых картин. Признавая такое требование безусловно справедливым, Товарищество, принимая на себя ответственность,

озаботилось составить список намеченных картин и сделало смету необходимых расходов. Было необходимо приступить к делу. Русским отделом заведовал Андреев в союзе с коммерсантами и некоторыми художниками, живущими в Париже. Смета Товарищества казалась им слишком крупной, загорелась бесконечная переписка, из которой выяснилось, что отдел во главе с Андреевым, не имея необходимых капиталов и ожидая их лишь в будущем, не мог удовлетворить необходимых и немедленных расходов и снабжал Товарищество одними бесконечными препирательствами. Так истекло время, необходимое для сбора картин, постройки ящиков и отправки. П. М. Третьяков, видя, что ни полноты, ни сохранности спешно достигнуть нельзя, в картинах отказал. Таким образом, мы ознакомились с препятствиями, которые встречает частная инициатива.

Судьбе угодно, чтобы мы не изменяли данной нам кличке — Передвижников,— и мы не имели нигде постоянного приюта для наших выставок. Особенно в провинции стало труднее получать помещение. Залы, которые в старые годы были всегда доступны и давались нам бесплатно, в последнее время всегда чем-нибудь заняты: они оказываются необходимыми для собраний, комиссий, выборов и других текущих дел. Приходится часто нанимать помещения, иногда их ремонтировать, устраиваться по окраинам и иногда переносить дефицит. Всего дороже нам обходится помещение в Петербурге. Переорганизованная Академия художеств предложила нам свои залы в 1894 году. Увидя в этом окончание остракизма, тянувшегося много лет, в том же году мы воспользовались удобствами академического помещения. В последующем году Собрание Академии решило, что залы необходимы для академических весенних выставок, так что мы опять отправились искать помещения в городе [21].

Реформа Академии не могла быть явлением, безразличным в жизни Товарищества. Причины, вызвавшие ее, подготовлялись издавна. С одной стороны, вырабатывались в Академии воззрения на искусство, как на дело не душевной потребности, а скорее на повод для практического устройства своих житейских надобностей, [что] не способствовало к поднятию нравственного уровня академических деятелей; с другой, рост искусства, разви-

вающегося вне академического бюджета и регламентации, был очевиден и говорил за себя с достаточной ясностью. Академии был дан новый временный устав и новый персонал. В новый устав вошли принципы, необходимость которых чувствовалась давно. Академия распалась на две части — на академическое Собрание и Школу [22]. На Академию легла обязанность следить за развитием искусства в России, устройство новых школ, помощь школам, уже действующим и вновь открывающимся, средствами, картинами, учителями, гипсами и т. д.

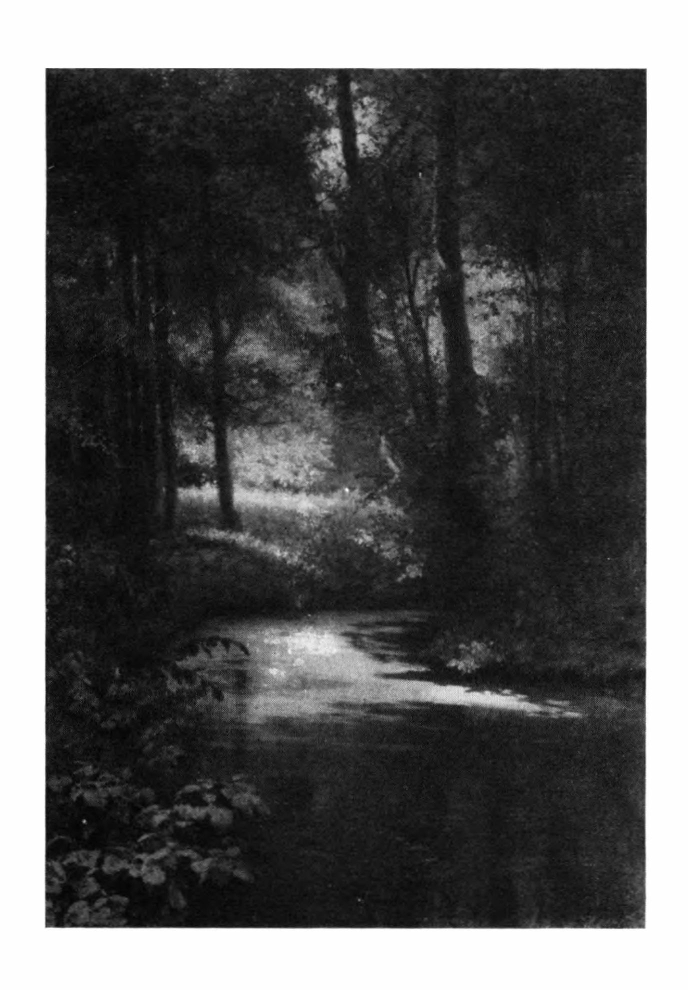
Дело Высшей школы состоит в обучении искусству на его границе с творчеством, причем признано право молодого дарования следовать своему внутреннему чувству, т[о] е[сть] право искреннего отношения к искусству, как к своему душевному делу. Такой порядок на Товариществе отразился тем, что, ценя симпатичные стороны его, из Товарищества выделилось несколько его членов на помощь и проведение реформы, верующих, что развитие добрых начал не будет задержано наплывом старых инстинктов [23].

За последние годы мы потеряли еще трех членов — Ге, Прянишникова и Загорского. Ге умер внезапно в своем имении Черниговской губернии. Невозможность появляться на выставках за последние годы подействовала на него удручающим образом. Веселый, энергичный и остроумный Прянишников был доведен чахоткой до состояния тени прежнего полного жизни человека. Загорский простудился, и в несколько дней его не стало, а в 1898 году скончались Шишкин, Ярошенко и Ендогуров. Разных сил и направления, все они внесли свою долю в общую сумму труда, не покидая искусства до последней минуты. Присоединяясь к прежде нас покинувшим, нам они оставили по себе добрую и безукоризненную память [24].

Преклоняясь перед неизбежным, нам остается только, подобно им, служить делу, пока хватит сил, веря, что люди проходят, а дела остаются. И то скромное дело, которому мы служим, оставит свой след и поможет русскому искусству возвратиться на родную почву, выработать свой язык, свои приемы, свое мировоззрение, без которых всякие стремления к высокому, идеальному и проч[ее] останутся упражнениями в живописи, лишенными серьезного значения.

12. Дорога во ржи. 1881

13. Весна. Лесной ручей. 1890

Об улучшении постановки учебного дела в Высшем художественном училище при Академии художеств и изменении некоторых параграфов устава Академии, касающихся этого училища

Мнение действительного члена Академии художеств Г. Г. Мясоедова [1]

Жизнь искусства протекает, подчиняясь общим причинам. Причины эти могут благоприятствовать процветанию и развитию искусства или его угнетать, вызывать энергию или ее подавлять. Настоящая эпоха общественных движений, оставляя процветание искусства в стороне, затрагивает более его представителей, как отдельных лиц, как групп и организаций, работающих на поприще искусства. Академия художеств, имея сложные задачи, исполнение которых затрагивает много интересов, естественно терпит влияние общественного разлада и падения, которые, врываясь в ее внутреннюю жизнь, парализуют всякую энергию, веру в ценность искусства, его надобность, пользу и радость творчества. Есть основание думать, что господствующий в Академии разлад, неудовлетворенность и беспорядок в некоторой, довольно значительной степени приходят извне. Дает ли это нам право думать, что сам по себе устав Академии полон одних совершенств и не допускает никакого исправления? Это — тоже вопрос, который нас всего более интересует в данную минуту.

Государство в заботе об общественном просвещении создало императорскую Академию художеств, т[о] е[сть] такое учреждение, которое должно представлять собою одну из парадных фигур казового конца. Для этого было затрачено много усилий, забот и много средств. Академия имеет роскошное здание, музеи, библиотеки и мастерские, профессоров всех видов искусства, мастерские по всем отраслям, богатые средства, отпускаемые министерством двора, и устав, дающий ей широкие права. А между тем искусство наше, едва подняв голову, начало думать свои мысли и говорить своим языком, едва начало приобретать серьезных ценителей и любителей, как голова его опустилась и оно начало бормотать непонятные речи на языке французско-нижегородском. Любовь к делу заменилась

нащупыванием кратчайших путей к успеху. Искренность выродилась в манерность, в простое кривляние с чужого голоса. Девиз «свободное искусство» заменился «свободным безобразничаньем». Большинство публики, изумлявшейся сначала, привыкло к нему мало-помалу, и безобразие начало пускать ростки, цвести и приносить плоды. Печать, всегда враждебно относившаяся к императорской Академии художеств (благодаря существовавшим запретам ее касаться), или обходила молчанием все то, что делалось хорошего в Академии, или звонила во все колокола по поводу открытых ею талантов, раздавая титулы великих, славных, маститых и т. д., украшала лаврами пустые и невежественные головы (в большинстве случаев звонарями газетных колоколов были художественные неудачники, потерпевшие крушение на поприще искусства).

Что могла противопоставить всему этому императорская Академия художеств?. Запрещения ее касаться не помогали делу. В стенах ее господствовали казенный порядок и рутина. Творчество иссякло, художники убегали на свободу, покидая свою alma mater со всеми выгодами, которыми она располагала.

Тогда высшая власть нашла необходимым дать Академии новый устав и заменить старый персонал новыми людьми.

Какой же появилась на свет божий эта реформированная Академия?

Реформа эта не коснулась общих основ академического порядка.

Она явилась на свет божий во главе с президентом, который вправе за всем наблюдать, разрешать все затруднения, все утверждать, поощрять или задерживать по усмотрению.

Такие полномочия лицу, удрученному множеством других обязанностей и забот и не имеющему возможности знать что-либо непосредственно, естественно вызывает необходимость другого лица, т[о] е[сть] вице-президента, как посредника между Академией и президентом, поставленного для ближайшего наблюдения за ходом дела и возносящего все решения Академии, в Собрании которой он председательствует, на усмотрение и санкцию президента.

Собрание Академии при обсуждении подлежащих его решению вопросов никогда не упускает из виду эту санкцию, которая снимает с него всякую ответственность, создавая, таким образом, коллегию непогрешимых.

До сих пор новый устав ничем не отличается от прежнего, некоторое изменение произошло только в положении конференц-секретаря.

Следует ли считать эту часть устава не подлежащею никаким изменениям, т[о] е[сть] вполне совершенной? Мне кажется, что нет. Не было ли бы лучше, если бы положение президента, не будучи стеснено никакими уставами, перешло бы в положение покровителя искусства? Все практические стороны академической жизни были подчинены министерству двора и утверждались президентом в общих собраниях.

Далее новый устав, называемый временным, значительно разнится от прежнего. Он обособляет Академию от Школы, создает Собрание Академии, на обязанность которого возлагает заботу о дальнейших успехах искусства [2].

Хотя справедливое желание отделить обучение от поощрения потерпело крушение по причине смешения в общем собрании лиц, заведующих обучением в Школе и одобряющих свою деятельность в Академии в качестве ее членов, тем не менее мысль эта заложена в уставе, отделяющем Академию от Школы. Смешение произошло по вине Академии, плохо понимающей свой устав, и по привычке отдельных лиц не стесняться законами.

Собрание Академии по новому уставу чрезвычайно многочисленно и разнообразно. Оно состоит: из почетных членов, из членов действительных, живущих в Петербурге и провинции, из членов любителей и корреспондентов. Некоторые из действительных членов Собрания состоят на действительной службе, другие таковые же ни на какой службе не состоят и выгодами не пользуются.

В таком-то собрании специалистов и любителей, осведомленных и вовсе не осведомленных, присутствующих и отсутствующих, но участвующих в баллотировке, все вопросы решаются большинством одного голоса!

Такое положение часто дает вполне неожиданные результаты, особенно при избрании в члены Академии.

Благодаря членам, живущим в провинции, всегда малознакомым с миром искусства и его персоналом, в Академию попадают лица, мало расположенные служить делу.

Всем понятно, как по причине одного отрицательного голоса, залежавшегося в канцелярии, лицо, не раз забаллотированное наличными членами, получило равное число голосов и было утверждено президентом.

Насколько это влияние отсутствующих, не принимающих участия в общей работе членов Академии, может поднять достоинство каждого и скрепить взаимное уважение, угадать нетрудно.

Многочисленность и разнородность состава общих собраний делает их малопригодными для решения вопросов, требующих внимательного обсуждения, которое заменяется многословием немногих при неуклонном молчании большинства, являющегося от нечего делать со стаканом чая послушать собственных ораторов, ничем не рискуя, так как подписанный всеми протокол поглотит и правых и виноватых.

Особые мнения, появлявшиеся вначале, прекратились. Гр[аф] Толстой находил их слишком откровенными и не пропускал на том основании, что сор из избы не надо выносить [3].

Не лучше ли бы было ограничить число присутствующих членов очередных Собраний количеством определенным (напр[имер] десяти) на основании очередного дежурства или выбора, или каким-либо иным способом; причем необходимо оплачивать неслужащих за каждое заседание. Только таким путем можно вызвать более серьезное отношение к делу и боязнь некоторой ответственности за совестливых.

Если Собрание Академии разделить на два порядка:

1-й — Собрание Академии (ежемесячное)

2-й — Общее собрание Академии (два раза в год), поделив между ними все дела, подлежащие разрешению Академии по степени их неотложности и важности?

Полугодичное Общее собрание объединяет всех членов Академии под председательством президента для утверждения всех решенных за полугодие дел, имеющих в этом надобность, а также для контроля и ознакомления Академии со всем тем, что было сделано в истекшее полугодие.

Высшая школа при Академии, а также все провинциальные школы остаются совершенно вне ее влияния и надзора. Она малознакома с ходом дела в них, ни один член Академии не заглядывает в мастерские — это считается неделикатностью.

Остается судить об успехах учащихся только по выставкам их работ. Выставки эти делаются по группам, по мастерским того или другого профессора. Если бы на этих группах произведений не было имени профессора, сомнительно, чтобы экзаменующие сумели его поставить на должное место. Так мало чувствуется на них влияние руководителей.

Члены Академии, обязанные через пять лет избирать новых или старых профессоров, как могут сделать это сознательно?

Профессора, составляющие педагогический совет, занятые внутренним порядком в классах и мастерских, приемом и переводом из классов в мастерские и т. д., должны совершенно отклонить от себя роль поощрителей, которая создает между профессорами и учащимися отношения или вражды или искательства, нисколько не помогающие, а скорее мешающие правильному ходу обучения.

Провинциальные школы, отданные людям, ничем не заявившим своих педагогических способностей, ни своей любви к делу (иногда архитекторам), получая от Академии значительные денежные поддержки, обращают на себя внимание Академии только тогда, когда дело совершенно расползается и школу приходится прикрыть (как в Тифлисе). Академия, не ведая, как дело устроилось, в этом считая себя не виноватой, выбрасывает несколько тысяч рублей, чтобы привести дело к благоприятному концу [4].

Надзор за этими школами необходим, а Академия должна быть хорошо осведомлена о всем том, что в них делается. Нет сомнения, что надзор этот возможен и не потребует больших расходов. Говорю о школах, подведомственных Академии и получающих от нее субсидии.

Все сведения об провинциальных школах должны сосредоточиваться в руках ректора Высшей школы для внесения их на рассмотрение Собрания Академии.

Ректор Высшей школы должен стоять во главе Высшей школы, не занимая никакой другой должности в академической иерархии, составляя звено между Шко-

лой и Академией, он обязательно присутствует на всех собраниях с правом голоса во всех вопросах, касающихся Школы. На его ответственность, как председателя учебного совета, падут вопросы о приеме учащихся в классы на полугодичных испытаниях, переводы в мастерские и т. д. Обсуждая эти вопросы с педагогическим советом, в случае несогласия с ним, он вносит их на обсуждение Собрания Академии.

Слабая сторона Академии — это отсутствие выставочных зал. Это отсутствие делает деятельность Академии тусклой. Изящные и хорошо приспособленные залы (их вовсе нет в Петербурге), выставки, устраиваемые в них с разбором и тактом, сделают ее более популярной и привлекательной для общества, чем значительно оборонят от лая декадентствующих газет и газетных декадентов.

Этой же цели мог бы способствовать еженедельный художественный листок.

Эту наскоро составленную записку прошу передать туда, где будут рассматриваться и другие, подобные ей.

Ялта, 11 февраля [1908]. Г. Мясоедов

Воспоминания о Г. Г. Мясоедове

Юность Г. Г. Мясоедова[1]

В. Н. Брендель

Ко времени рождения Григория Григорьевича (1834) дворянский род Мясоедовых насчитывал уже около 350 лет, восходя к 1495 году, когда далекий их предок Иван Мясоед вышел из Литвы на службу к русскому царю Ивану III Васильевичу. Получив от царя значительные земельные угодья, Мясоед сделался помещиком Новосильского уезда Тульской губернии. Его потомки уже стали называться Мясоедовыми.

Постепенно угодья Мясоедовых распылялись, и уже дед Григория Григорьевича Андрей принадлежал к числу мелкопоместных дворян. Поступив на военную службу, он дослужился лишь до чина подпоручика и, выйдя в отставку, закончил карьеру мелким чиновником Новосильского уездного суда.

Андрей Мясоедов имел двух сыновей — Григория и Василия. Григорий (отец художника) был определен также на военную службу в один из карабинерских полков, но вскоре, после смерти своего отца, оставил армию и занялся хозяйством.

Имение к этому времени было разделено между обоими сыновьями, и Григорию Андреевичу достались село Паньково и деревня Свистовка. В них насчитывалось около восьмидесяти крепостных крестьян.

Получив домашнее воспитание, Григорий Андреевич был образованным для своего времени человеком, много читал, любил музыку и поэзию, которой сильно увлекался, и иногда даже сам писал стихи *.

У Григория Андреевича было четверо детей: сыновья Руфин, Григорий, Вадим и дочь. Жена его Вера Григорьевна, урожденная Порошина, умерла рано, и отец женился на другой. Со всей семьей он вынужден был жить на скудные доходы от незначительных земельных угодий. Трудно было сводить концы с концами в условиях недостатка в самом необходимом, и это вынудило Григория Андреевича искать службу. Он устроился на должность управляющего одним из имений князя Шаховского, придворного в свите царя Николая I. Семья же по-прежнему продолжала жить в усадьбе Паньково.

Григорий Андреевич стремился дать сыновьям по возможности разностороннее воспитание, рассчитывая, что со временем, когда они устроятся на доходную службу, это даст семье дополнительные средства к существованию.

К такой же карьере он готовил и среднего сына Григория, родившегося в 1834 году.

Раннее детство Григорий Григорьевич проводил в Панькове. Мальчик он был одаренный, и на него отец возлагал особые надежды, считая его будущим помощником семьи. Сперва Григорий занимался «науками» (арифметикой, грамотой) под руководством самого отца и приглашенных домашних учителей из семинаристов, как это было обычно в помещичьих семьях, а после некоторой подготовки был определен в Орловскую классическую гимназию. В губернском городе он жил на казенной квартире, окруженный сверстниками, среди которых преобладали сыновья представителей мелкобуржуазной интеллигенции, помещиков, чиновников, попов, сельских кулаков.

Самостоятельное существование с раннего возраста вдали от дома наложило заметный отпечаток на характер молодого человека. Юноша рос настойчивым, не боящимся никаких препятствий в жизни, способным противостоять

---

* У меня сохранился альбомчик таких стихотворений Григория Андреевича. Они сопровождаются рисунками, сделанными Григорием Григорьевичем в детстве. (*Прим. автора*).

дурным влияниям среды, чему в значительной мере способствовали его честность, прямота, искренность.

У Григория Григорьевича рано проявились способности к рисованию. Уже в детстве он самоучкой делал иллюстрации к стихам отца, часто проводил время вечерами за столом, окруженный братьями и товарищами, и по их просьбе набрасывал очень удачно то одно, то другое. Поэтому ему было легко проходить в гимназии курс рисования, тем более, что оно преподавалось только в младших классах с очень ограниченной программой.

Иван Антонович Волков [2], который вел в гимназии рисование, обратил внимание на способности своего нового ученика и всячески поощрял его, выставляя отличные отметки. Юноша все более привязывался к рисованию, скоро обогнал всех сверстников и часто приносил учителю самостоятельные работы, которые заслуживали его одобрения и вызывали зависть товарищей.

Григорий Григорьевич начал мечтать о том, чтобы стать художником. Чувствуя уверенность в своей одаренности, он был убежден, что на этом пути добьется признания, а может быть, и славы. Он рос, росло его дарование, росло убеждение в ожидающем его успехе в жизни...

Остальные, помимо рисования, гимназические предметы его мало интересовали, и он больше времени посвящал свободному чтению классиков и сочинений революционных демократов, чем приготовлению скучных уроков, и несмотря на выдающиеся общие способности, на легкость, с какой он постигал все «науки», на необыкновенную склонность к перу, приносившую ему неожиданные пятерки по самым трудным сочинениям, учился он очень посредственно. Часто двойки украшали его дневники и четверти, и он с напряжением переваливал из класса в класс. Все это очень огорчало Григория Андреевича, и он серьезно угрожал сыну, что перестанет давать средства на его образование, предоставив его самому себе: «И выкручивайся, как знаешь...»

Приезжая на каникулы в усадьбу, Григорий Григорьевич нередко сталкивался с резкими выпадами папаши, который не оставлял надежды видеть сына на выгодной государственной службе, чтобы в его лице иметь настоящего помощника семье. А что за карьера — художник?..

Да и старость отца уже приближалась и далеко не была обеспеченной...

Отношения отца с сыном все более обострялись, и это в конце концов привело к их окончательному разрыву.

Григорий уже перешел в седьмой класс. Впереди оставались еще два наиболее трудных класса, в недалекой перспективе были выпускные экзамены с необходимостью много времени затратить, чтобы получить аттестат зрелости. Молодому человеку казалось, что он напрасно теряет то золотое время, которого потом ничто уже не возместит, и он решился одним ударом покончить все, порвать с отцом и уйти из дома.

Произошел тяжелый, взаимно обидный разговор с отцом, в котором произносились слова: «Ты мне больше не сын...» «Мне такой отец не нужен...»— и другие не менее изысканные комплименты, и в один из темных осенних вечеров 1853 года Григорий Григорьевич осуществил свое намерение. Захватив с собою котомку со скудным «инвентарем», он отправился в неизвестное. Гостившая в это время в усадьбе дальняя родственница, любившая своего одаренного племянника, сочувствовавшая ему и разделявшая его надежды, дала ему на дорогу небольшую сумму денег, что-то около семидесяти пяти рублей ассигнациями, которые должны были помочь ему добраться до Петербурга и обеспечить хотя бы первые дни жизни в столице, куда устремлялись все его помыслы, и где в тумане вечно серого, покрытого мглою неба перед ним маячили два заветных слова —«Академия художеств».

Григорию Григорьевичу уже шел девятнадцатый год. Он был полон сил, энергии, сознания правильности принятого решения. Он был уверен в том, что даже при всех хорошо ему известных тяжелых условиях петербургской жизни, даже при той обостренной борьбе за существование, которую приходилось вести молодым людям, попадающим в кипящий котел столицы, он пробьется через все Сциллы и Харибды (эти слова он хорошо запомнил из гимназического курса) и выйдет на прекрасный берег своей будущности...

И вот перед его восхищенным взором показался купол Исаакиевского собора, он увидел простертую длань Медного всадника, а по ту сторону великой реки — фигуры

загадочных сфинксов перед зданием Академии художеств. Это был момент, который он не забыл всю жизнь...

Конечно, в столице ему пришлось нелегко. От тетушкиных семидесяти пяти рублей скоро не осталось и следа. Надо было подумать о том, чтобы найти средства к жизни. Об уроках каким-нибудь из господских недорослей нельзя было и помышлять: багаж от гимназии для этого остался слишком мал. Но ведь у него было дарование, и он рассчитывал, что оно поможет ему добыть кусок хлеба. Он стал рисовать картинки и выносить их на базар. Однако все попытки сбывать эту продукцию оказались тщетными: покупателям рисунки нравились, иногда даже очень нравились, они долго рассматривали их, перебирая руками, делились между собой впечатлениями: «Вот здорово...», «А ты погляди эту...» Но как только приходилось подумать о том, чтобы за них заплатить, денег не хватало.

Григорий Григорьевич впоследствии много рассказывал, как он жил в этот период пребывания в Петербурге. Острая нужда преследовала его по пятам, существование поддерживалось скудными случайными заработками. Но Григорий Григорьевич не боялся ничего и героически переносил все невзгоды.

Желание пробиться на светлую дорогу искусства было настолько велико, что он не замечал выпавших на его долю испытаний и твердо шел по намеченному пути.

Через несколько лет после отъезда Григория Григорьевича из усадьбы произошло его примирение с отцом. Надо думать, что совесть у отца не была совсем спокойной: талантливого сына он все же любил. Сын тоже, несмотря на отрыв от семьи, происшедший не по его вине, не затаил в душе глубокой обиды: изредка он навещал семью, продолжая питать к ней хорошие чувства...

И вот весной 1857 года отец написал ему, что ждет его в усадьбе. Если он убедится в правильности решения сына выйти на путь художника, он, мол, простит ему неповиновение отцу. Хотя, казалось бы, что было прощать? Ведь больше в этой тяжелой истории был виноват сам отец, не внявший просьбам сына...

Григорий Григорьевич приехал в Паньково. Встреча была холодной, но всем казалось, что начали расходиться собравшиеся над семьей тучи. А Григорий Григорьевич был более чем убежден, что ему без труда удастся дока-

зать свои способности, и эта уверенность возросла, когда Григорий Андреевич сказал ему:

— Напиши мой портрет...

Портретную живопись Григорий Григорьевич любил. В Петербурге, готовясь к поступлению в Академию, много работал с натуры, и для него, конечно, не представлялось трудным выполнить желание отца, показав себя хорошим художником.

Григорий Андреевич стал позировать.

Сын старался не спешить, чтобы детальнее проработать портрет и по возможности дать в нем не только точное внешнее изображение отца, но и создать образ, типичный для среднего помещичества того времени. С другой стороны, спешный отъезд из усадьбы не был для него очень желательным, так как жизнь здесь все же была несколько более сытой и спокойной, чем та, что снова ждала его в Петербурге...

Прошло два месяца, портрет был готов [3] и очень понравился Григорию Андреевичу. Когда он увидел так удачно и живописно воспроизведенным свой облик, он встал с кресла, приблизился к сыну, обнял и расцеловал его.

— Ну, это, брат, удружил... Просто никогда не ожидал... Теперь забыто все: ты настоящий художник...

В знак радости примирения был устроен большой, затянувшийся далеко за полночь семейный праздник на воде с музыкой, песнями, фейерверком. В нем приняли участие не только чады и домочадцы, но и многие приглашенные соседи. Григорий Андреевич хвастал своим художником, с гордостью показывая всем написанный сыном портрет. Отъезд Григория Григорьевича из усадьбы был радостным и беспечальным. Оба — и отец и сын — теперь знали, что дальнейшая жизнь их пойдет гладко и мирно...

Вернувшись в Петербург, Григорий Григорьевич с новым рвением продолжал обучение в Академии, куда поступил в 1853 году.

Окружавшая его студенческая молодежь, среди которой было много и живших на Васильевском острове студентов университета, способствовала формированию у него прогрессивных, передовых взглядов в противовес настроениям, господствовавшим в обществе, в котором ему приходилось вращаться в усадьбе отца. Он проводил время в сту-

денческой среде, нередко посещал университетские музыкальные вечера, где выступали видные музыканты, в их числе М. А. Балакирев, с которым Мясоедов в это время завязал знакомство. В свои студенческие годы Григорий Григорьевич довольно долго прожил в одной квартире с Ц. А. Кюи, сдружился с ним, подарил ему написанный для него автопортрет, а композитор написал романс для баса «Любовь мертвеца» и посвятил его Г. Г. Мясоедову.

Именно в эти годы Мясоедов узнал выдающихся композиторов, членов «Могучей кучки» М. П. Мусоргского, Н. А. Римского-Корсакова, познакомился с В. В. Стасовым. Уже тогда Мясоедов пристрастился к музыке, которая с тех пор стала неизменным спутником его жизни.

Учителями Григория Мясоедова в Академии были профессора Алексей Тарасович Марков — исторический и религиозный живописец, ярый представитель и поборник искусства академизма, и Тимофей Андреевич Нефф — исторический, портретный и религиозный живописец, работы которого характерны для искусства салонного академизма [4].

К счастью, эти учителя не оказали решающего влияния на творчество Мясоедова. Противовесом академизму явились воздействия той общественной среды, где протекало студенчество художника, и тех жизненных условий, которые заложили в его сознание идеи бунтарства и прогресса.

Поступив в Академию, Мясоедов сразу же завоевал репутацию талантливого ученика. Каждый год Академия удостаивала его каким-нибудь отличием, причем награждения следовали одно за другим по восходящей линии в направлении к высшей академической награде — большой золотой медали.

В апреле 1859 года состоялось определение Совета Академии о присуждении Мясоедову малой серебряной медали за картину «Урок пряжи» («Бабушка и внучка»). В том же году Совет Академии присудил Мясоедову и вторую малую серебряную медаль.

В его этюдах, рисунках, набросках, эскизах, зарисовках обнаружились наблюдательность, верность глаза, твердость руки, умение проникать в сущность явлений окружающей жизни, давать им острое реалистическое художественное истолкование. В следующем 1860 году Мясоедов написал небольшую картину «Деревенский

знахарь», показав в ней знание народной среды, хорошо известной ему по жизни в деревне. Вместе с нею художник представил в Совет Академии эскиз картины «Поздравление молодых в доме помещика», тем самым твердо вступив на путь создания бытовых картин. Бытописание, включая и крестьянский жанр, стало настолько свойственным кисти Мясоедова, что даже в исторические картины, которым он отдавал в своем творчестве большую дань, он всегда привносил значительный элемент быта.

Совет Академии 16 ноября 1860 года записал определение:

«По прошению ученика Академии Григория Мясоедова, при котором представляет писанную им картину на первую серебряную медаль «Деревенский знахарь», объяснив, что не мог оной представить ранее по независящим от него причинам, при том просит, если труд его заслуживает такой награды, разрешить ему писать по представленному эскизу «Поздравление молодых», на малую золотую медаль,— определяет: удостоить Мясоедова первой серебряной медали за означенную картину с утверждением представленного эскиза на вторую золотую медаль».

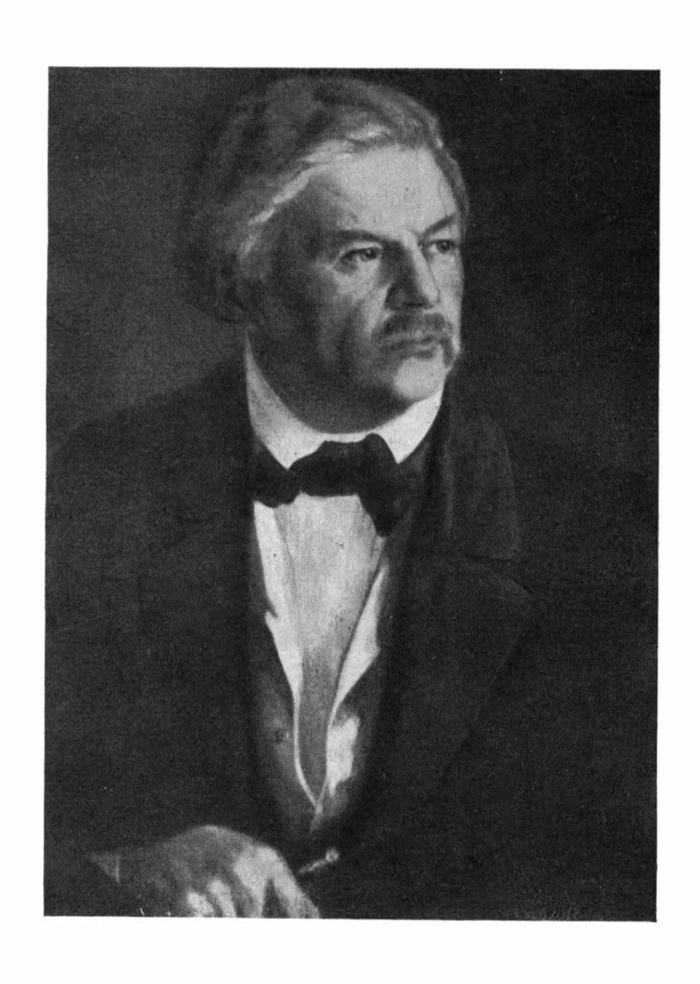
«Поздравление молодых» было задумано в виде большой композиции. Художник с жаром приступил к работе. Но в это время в его жизни произошло важное событие, повлиявшее на дальнейший ее ход и сыгравшее значительную роль во всей его биографии...

Кончалась юность, наступила новая полоса жизни.

Мясоедов Григорий Григорьевич[1]

Я. Д. Минченков

Мясоедов был столпом передвижничества. Собственно, у него родилась идея образования Товарищества передвижников. Он приехал от кружка московских художников в Петербург, в Артель художников, возглавляемую Крамским, добился объединения питерцев с москвичами в Товарищество передвижных художественных выставок и был самым активным членом его до последних дней

14. Портрет Г. А. Мясоедова, отца художника. 1857

15. Поздравление молодых в доме помещика. Эскиз. 1860

своих. Как учредитель Товарищества он состоял бессменным членом его Совета [2].

Я застал Григория Григорьевича в Товариществе во вторую половину его жизненного пути, когда человек как бы останавливается, оглядывается и, усталый, медленно идет дальше.

Мне кажется, что последующий путь для Мясоедова был тяжелым. Он брел, разбитый сомнениями, разочарованный, брел одиноко, потеряв веру в людей.

Внешность Мясоедова живо стоит в моей памяти. Высокий старик с умным лицом, длинным и немного искривленным набок носом, с сухой, саркастической улыбкой тонких губ, прищуренными глазами. Голос у него был громкий — бас, но уже надтреснутый от старости. В речи — оригинальные, передовые мысли, парадоксы, часто ирония или едкий сарказм. С Мясоедова Репин написал своего Грозного [3].

Биографии Мясоедова я не знаю, но, видимо, ученические годы он провел в нужде. Я слыхал от него такие воспоминания о его академической жизни: «Жил я, как и большинство студентов Академии художеств, на Васильевском острове в бедной комнате. Источником существования моего была работа на кондитерскую, где пеклись пряники,— я с товарищем раскрашивал их. Баранам и свиньям золотили головы, генералам — эполеты. Платили за это по три копейки с дюжины. Зарабатывали на обед и ухаживали за булочницей, которая нам казалась не менее прекрасной, чем Форнарина Рафаэлю. Обедали на Неве, на барке, где давали за шесть копеек щи с кашей без масла и за восемь копеек — с кашей на масле. Там же обедал и прославившийся уже, выходивший тогда на конкурс Е. Сорокин, к живописи которого мы относились с благоговением. Однажды мы не утерпели и обратились к Сорокину с вопросом: «Скажите, на каком масле вы пишете свои этюды так, что они у вас не тускнеют?» Сорокин, уплетая кашу, ответил: «На всех маслах» [4].

Режим в Академии был жестоковат. Ректор и профессора держали себя «олимпийцами». В то время ректором был Бруни, автор «Медного змия». К нему студенты приносили свои эскизы прямо на квартиру, чтобы не беспокоить его, заставляя выходить в мастерскую. Ставили работы на пол и с трепетом ожидали суда. Однажды про-

изошел казус с одним вновь поступившим в Академию поляком. Вместе с другими он вошел впервые в гостиную ректора, поставил свою работу и галантно протянул руку ректору. «Этого не требуется»,— важно произнесла ректорская персона [5].

Академию Мясоедов, видимо, окончил хорошо, так как жил и работал потом в Италии, вероятно, как стипендиат Академии. За границей русские художники-стипендиаты чувствовали себя привольно. Из воспоминаний Мясоедова об Италии видно, что и он проводил там время не хуже других русских пенсионеров Академии [6].

Новые тенденции в искусстве, главным образом в литературе, привели вернувшегося из Италии Мясоедова в Артель, организованную Крамским, где для живописи уже был намечен новый путь — с отражением литературных тем.

В картинах Мясоедова чувствуется его гражданственность, отражение современности с определенной окраской демократизма, пропитавшего все передовые слои общества.

Таковы его «Чтение манифеста», «Земство обедает», «Самосожжение». В них отразился Мясоедов-шестидесятник, выполнявший заказ на современные литературные темы; но в Третьяковской галерее есть и другая его вещь, без всякой предвзятой тенденции,— вечерний пейзаж: рожь, на вечернем небе край уходящей тучи. По меже бредет одинокая фигура нищего. Картина полна глубоко пережитого искреннего чувства; в ней поэзия, и ее все помнят. Она подкупает и заражает зрителя мирным, общечеловеческим чувством. По этой картине можно судить, что Мясоедов был не только думающим, но и глубоко чувствующим художником [7].

Думается, что идеи, которые проповедовал Мясоедов, со временем покажутся несовременными и выдохнутся; то, чему учил Мясоедов-гражданин, отойдет в прошлое, но то, что проповедовал Мясоедов — художник-поэт, останется навсегда неотъемлемой частью души человеческой, как нечто вечное.

Мясоедов любил музыку, разбирался в ней и сам играл на скрипке или, участвуя в квартете товарищей-передвижников,— на альте. Любимыми композиторами его были классики: Гайдн, Моцарт, Бетховен, Глинка.

Где бы ни жил Мясоедов — всюду пристраивался к музыкальному кружку. В музыке он находил отдых и забвение от своих дум, от наступавшего разлада с жизнью.

«Мажор меня не трогает, в большинстве пустота,— говорил Мясоедов,— живу лишь, когда слышу правдивый минор, отвечающий всей нашей жизни».

В обществе Мясоедов был остроумным, находчивым, интересным, но в то же время едким в крайней своей откровенности, а часто озлобленным. В глаза говорил непозволительные по житейским правилам вещи. И надо было знать и понимать его, чтобы не чувствовать себя оскорбленным при некоторых разговорах с ним.

«Все мы лжем и обманываем друг друга во всех мелочах нашей жизни, и когда я говорю правду, то, что чувствую, на меня сердятся, обижаются»,— говорил Мясоедов. Презирал он так называемое высшее общество, царский двор и особенно президента Академии художеств князя Владимира, которого называл жандармом [8].

Однажды выставку осматривала академическая комиссия, в числе которой был старый художник Боткин [9]. После разговора с последним Мясоедов спрашивает меня:

— Отчего так обиделся Боткин, что сказал мне: «С вами можно говорить, лишь имея в руке плеть?»

— А вы что говорили Боткину?— спрашиваю Мясоедова.

— Да ничего больше, как назвал комиссию царскими лакеями, исполняющими приказания двора.

Несмотря на неделикатность, переходящую в дерзкую откровенность, Мясоедова любило дамское общество. А Григорий Григорьевич сознавался, что всегда останется неравнодушным к женщинам, но, добавлял он, «только к красивым». За ним ухаживали, и он не оставался в долгу — вел живой разговор, и в то же время часто глаза его прищуривались, рот искривлялся в саркастическую улыбку, как бы говорившую: «Знаю все хорошо, постиг вас, миленькие».

На одном вечере у В. Маковского Мясоедову дамы уделяли особенное внимание. Постаралась особенно В., неотступно занимавшая Григория Григорьевича льстивым разговором. Мясоедов на вечере ничего злостного ей

не сказал, а все же по дороге домой, когда я шел с ним, не утерпел:

— Слыхали В., птичка райская, так и щебечет, а вот довела своего мужа до могилы. И вообще ни одной порядочной женщины там нет. Девицы ищут одного — жениха, а дамы просто похотливы.

Себя Мясоедов тоже не щадил: «Все люди или глупы, или эгоисты до подлости. Даже те, кого называют святыми какой угодно категории, действуют из эгоизма, конечно. А то, что называют альтруизмом,— просто замаскированный способ ростовщичества: дать и получить с процентами. И я, хотя не глупый человек, а от подлостей не могу избавиться. Живу в обществе, угождаю и лгу ему. В музыке забываюсь, она, исходя из подсознательного, помимо нашей воли, как рефлекс пережитого, есть чистое, неподкупное отражение чувства. Она не лжет, говорит правду, хотя бы неугодную нам, и оттого я люблю ее».

Когда новые веяния в искусстве стали проникать и на передвижную выставку, Мясоедов ополчился против них. Никакого течения, кроме реализма, он не признавал. Будучи новатором в молодости, он в старости превратился в консерватора, яростного защитника устоев передвижничества.

Он не понимал и не признавал не только импрессионизм, робко проникавший на выставку, но даже настроение Левитана или Чехова для него было чуждо. Он просто его не воспринимал, не чувствовал.

Побывав на постановке «Дяди Вани» Чехова, Мясоедов иронически говорил:

«Ну что же, сидит Ваня и бренчит до бесконечности на гитаре. Хоть на кого тоску нагонит! Вот вам и чеховские настроения».

И было непонятно, как Мясоедов, написавший в молодости «Вечер» и передавший в нем свое тонкое чувство, не ощущал такого же чувства у других.

О молодых пейзажистах левитановского течения Мясоедов был вообще невысокого мнения, удивлялся, как они могут, по его выражению, «писать всякую пакость в природе: тающий снег... да тут без калош не пройти, а они любуются слякотью». Он признавал лишь красоту, но ощущение доподлинной красоты уже терял и впадал в красивость. Из-за старческого упрямства он не отступал

от своих взглядов, хотя бы ошибочность их была очевидна, что противоречило прямой натуре Мясоедова.

Играли квартет Гайдна. В последнем аккорде Мясоедов взял фальшивую ноту. Маковский сказал, что Мясоедов берет чистое си, когда в нотах си-бемоль, и в доказательство взял ноту на рояле, по которому был настроен квартет. Нота звучала иначе, чем брал ее Мясоедов, но упрямый старик ответил: «Это вы все врете, и рояль ваш врет».

Он шел уже против действительности, а она давила его своей неизбежностью. Незаметно новая струя в живописи начала, несмотря на сопротивление стариков и особенно Мясоедова, проникать и на выставки передвижников, и публика, увлекаясь новыми веяниями, стала отворачиваться от живописи Мясоедова.

«Почему так...— говорил Григорий Григорьевич,— раньше меня и за живопись хвалили, а теперь каждый гимназист отчитывает меня: и черно и скучно...»

Однажды позвал меня к себе на квартиру и показывает картину. «Вот, кажись, по-новому написал, скажите, как находите?» На картине была изображена девочка в белой шубке на белом фоне. Новое состояло в том, что вместо прежней черноты на картине все было бестонно белое, хуже черноты... О содержании и говорить нечего.

Пришлось сказать старику правду, и он не обиделся, а только удивился, что из его намерений ничего не вышло, и он по-прежнему оказался в живописи старым.

Назрело время, когда Общее собрание передвижников стало баллотировать в члены Товарищества [...] Малютина, Поленову (сестру В. Д. Поленова). Но Совет передвижников, состоявший из основателей Товарищества, не допускал их. Результатом этого явился раскол среди Товарищества и уход из него семи больших мастеров во главе с Серовым (кроме Серова, вышли: Архипов, А. Васнецов, Досекин, Светославский, Первухин и Левитан, не порвавший окончательно с передвижниками) [10].

На основе расхождения взглядов на искусство и действий Совета началось брожение среди Товарищества, ему грозил распад. Поленов, будучи сам членом Совета, прислал резкий протест против постановлений Совета и требовал его упразднения [11]. Произошло знаменательное бурное заседание Совета в здании Академии наук, где

тогда помещалась выставка. Репин в резких выражениях выступал против Совета и требовал его роспуска. С ним согласились все члены Совета, кроме скульптора Позена и, конечно, Мясоедова. В споре Репин обозвал Позена бюрократом, а последний Репина —«либералишкой».

Репин скоро утих, извинился за свою горячность и даже расцеловался с Позеном. Непримиримым остался один Мясоедов. Позен от баллотировки воздержался.

«Непригоже нам,— говорил Мясоедов,— идя в Иерусалим, заходить в кабачок, тонуть в этом новом искусстве. Лучше вариться в собственном соку». Он требовал неприкосновенности Совета и охраны традиций передвижничества. Тогда все вышли из Совета, предоставив Мясоедову оставаться в нем одному.

Его упрямство вызвало особенно враждебное к нему отношение со стороны Репина. «Как,— горячился Илья Ефимович,— он нам не доверяет! Он один будет охранять наши заветы, нашу кассу... скажите пожалуйста!...» Репин избегал даже встречи с Мясоедовым, который теперь остался одиноким в Товариществе, возглавляя в едином лице несуществующий Совет.

Мясоедов уехал в Полтаву, где у него был сад, и почти оставил Товарищество. Там он заболел какой-то болезнью. На него находила странная забывчивость: разбираясь в окружающем, помня названия вещей, он забывал собственное имя и отчество и не понимал, о ком говорят, когда упоминали о нем.

Но если Мясоедов ушел от Товарищества, то оно само к нему приехало. В Полтаву была послана передвижная выставка. Сопровождающий выставку разыскал Мясоедова и обратился к нему с просьбой о содействии в приискании помещения. Услыхав про выставку, Григорий Григорьевич встряхнулся, как боевой конь, оставил дом свой, засыпанный яблоками и грушами, и помчался в земское собрание хлопотать.

Председатель земского собрания принял его не особенно любезно, не соглашался дать помещение. Мясоедов и на этот раз остался верен себе в откровенности: «Раньше,— сказал он председателю, — здесь сидели культурные и порядочные люди, а сейчас — вы...»

Все же помещение было дано, и выставка в Полтаве состоялась [12].

Старик снова ожил, приехал в Петербург и затеял большую картину: «Пушкин на вечере у Мицкевича»[13].

Какую тему мог взять Мясоедов в переживаемое теперь им время? Народничество замерло под давлением надвинувшейся реакции и новых общественных условий, подпольная работа революционеров не была заметна для художников, так как не отражалась в литературе, которой главным образом питались художники. Для всего была строгая цензура.

Окружающая действительность с мелкобуржуазными интересами не давала пищи для большого творчества. Большинство художников ударилось в эстетизм, в любование формой, мастерством и в декадентство, отпадая от жизни, действительности. Внимание многих привлекала старина, эпохи, таившие в себе много внешне красивого. Одних пленил Версаль или его стиль, перенесенный в Россию, других — ампир, дворянские гнезда и прочее.

Мясоедов, обратившись к старине, искал и в ней «духовного, идейного». Желая в картине представить эпоху, он брал не пустое светское общество, а людей мысли, двух великих поэтов, и в подобающей им обстановке. При единении мысли, поэзии двух мировых величин и все кругом должно быть умно, красиво.

Так представляется мне задача Мясоедова, с которой он справиться не только в то время, но и раньше не смог бы. Для этого самому нужно было стоять на уровне великих поэтов, с их огромным размахом творчества, чего у Мясоедова не было. Он искал красоту, но впадал только в слащавую красивость и озарить вдохновением лица поэтов, выделить их из окружающей среды был не в силах.

Картина явилась лишь потугой на нечто серьезное и никакого впечатления на общество не произвела.

Старик почуял упадок сил и тщету надежд своих.

С упразднением Совета открылся доступ в Товарищество новым, молодым силам. Товарищество разделилось на две группы: «отцов» и «детей». «Детям» уже были чужды заветы Мясоедова, они перестали верить им и подсмеивались над проповедью «отцов». Даже на общих собраниях Товарищества, где раньше неизменно председательствовал Мясоедов, не слышно стало его властного, решительного голоса — выбирали новых председателей.

Мясоедов отошел в тень.

И если он стал чуждым близкому кругу товарищей, то где же было ему найти прямой, душевный отдых? В семье? Ее у него не было. С женой он, видимо, давно разошелся, а сын не удовлетворял его ни характером, ни склонностями.

Спутником его жизни стало одиночество.

«Это парадоксально, а я так и говорю: мы вдвоем с моим одиночеством имеем комнату на Васильевском острове в деревянном домике,— говорил Мясоедов.— Здравствуй, мое одиночество, пойдем со мной в гости, мое одиночество».

Появлялся он в обществе редко, лишь в тесном кругу старых передвижников на их музыкальных собраниях.

У Киселева, в его профессорской квартире при Академии, молодежь вела игры. Входит Мясоедов с обычной саркастической улыбкой. Девицы бегут к нему: «Григорий Григорьевич, мы играем в фанты. Назовите себя каким-либо именем, и о вас будет написано мнение». «Аз есмь животное»,— заявляет Григорий Григорьевич и получает записку: «Хорошо еще — если животное».

Однако по-старому шутил он с молодыми девицами, одни лишь прищуренные глаза и искривленная улыбка говорили: «Суета сует и всяческая суета».

Иногда вечером на Васильевском острове можно было встретить высокую фигуру Мясоедова, бредущего по тротуару несколько неестественной походкой.

Это означало, что он шел играть в квартете и нес альт, который висел у него под шубой на животе, привязанный ленточкой через шею.

«Музыка одна не лжет, как лгут люди»,— вспоминались слова его.

То, что утерял, чего не мог сделать уже сам, Мясоедов находил готовым в творчестве великих композиторов, с ними он сливался во время игры и переживал родственные ему чувства в любимом миноре.

Наконец, Мясоедов снова уехал к себе в Полтаву и поселился в старом своем доме в саду.

В первый же год на Общем собрании нам, передвижникам, пришлось вставанием почтить память покинувшего нас старого товарища Григория Григорьевича Мясоедова, завещавшего похоронить себя по гражданскому обряду.

В каком-то журнале увидал я потом рисунки, сделанные с него в предсмертные минуты его сыном.

Воспоминания о Г. Г. Мясоедове[1]

Н. А. Киселев

Григория Григорьевича я помню еще с ранних лет моего детства, когда наша семья жила в Москве.

Как идеолог созданного им Товарищества передвижников, Мясоедов горячо оберегал намеченный сплоченным кружком художников путь творческой деятельности Товарищества с идейной и высоко моральной стороны. Много было споров, доходящих впоследствии чуть ли не до ссор, но всегда, во всех случаях никто из товарищей не ослаблял своего глубокого уважения к Мясоедову.

Сам Григорий Григорьевич страстно любил музыку. Хотя он был только любителем этого искусства, но его можно было поставить на одном уровне с очень серьезными музыкантами. Он прекрасно знал произведения композиторов-классиков не только русских, но и зарубежных, прилично играл на скрипке, на альте и на рояле. Как исполнитель он не выделялся техникой, но бывало проиграет кусочки замечательных фортепьянных произведений Бетховена, Шумана, доставляя искреннее удовольствие слушателям.

Очень часто во время перерывов заседаний Общих собраний или Правления Товарищества передвижников (нередко происходивших в академической квартире отца) за дверью большой комнаты, где собирались художники, наступала тишина и слышались чудесные звуки бетховенской «Лунной сонаты»: это Мясоедов играл божественную мелодию.

Мясоедов вскоре с первой женой, Е. М. Кривцовой, разошелся. От второй жены, рано умершей художницы К. В. Ивановой, у него остался сын Иван, впоследствии тоже художник [2]. Почти все время Григорий Григорьевич жил где-то на юге — то на каком-то хуторе, то в Ялте, в Москве бывал только наездами, и сын очень осложнял его жизнь.

Григорий Григорьевич не производил впечатления человека, для которого дети были чарующим зрелищем. Он не подходил к ним с умильной улыбкой, не манил их пальцем, привлекая к себе, и не угощал конфеткой, принесенной в кармане. Он издали посматривал на них

серьезно, с едва заметной иронической улыбкой, что ребят настораживало против него.

Но однажды он появился у нас утром, чтобы ехать с отцом на открытие передвижной выставки, в радостно возбужденном настроении, во фраке с сияющей белизной накрахмаленной сорочки. Пока отец и мать [3] спешно одевались, чтобы присоединиться к нему, он, вопреки своему обычно отчужденному отношению к ребятам, окликнул меня, возившегося у открытой дверцы только что истопленной печки. Так как я не отозвался на его зов и даже не обернулся к нему, он подошел ко мне сзади, присел на корточки и быстро повернул меня лицом к себе. Я запротестовал и уперся в него руками. На груди его сорочки четко отпечатались десять измазанных углем растопыренных пальцев...

Шум, суматоха, поднятые матерью и старшими детьми, запечатлели этот эпизод в моей памяти на долгое время. Я был наказан. Григорий Григорьевич смутился и выступил в защиту меня, говоря, что виноват он сам. Не знаю, может быть, этот случай сыграл роль в наших взаимоотношениях, но Григорий Григорьевич при всех наших многочисленных встречах проявлял впоследствии ко мне самые добрые чувства и внимание.

Мне уже было лет десять, и семья наша разраслась до пяти человек детей, когда однажды, проездом через Москву, появился у нас Григорий Григорьевич. На этот раз он был чем-то очень озабочен, уединился с родителями в кабинет отца, плотно закрыв дверь. Беседа длилась долго. Мы, ребята, от любопытства даже утомились.

Наконец, из кабинета вышли мать и Григорий Григорьевич. Он быстро направился к передней, очень горячо благодаря за что-то мою мать. Вышел и отец. Видя на наших лицах нетерпеливое любопытство, он сказал, что Григорий Григорьевич приезжал по очень большому делу. Сын его Ваня остался почти без всякого присмотра: Григорий Григорьевич постоянно разъезжает, родных никого нет. Он хотел бы поместить Ваню в большую семью, хотя бы временно, до школьного возраста. С этой просьбой он обратился к моим родителям. Договорились, что на днях он привезет Ваню к нам. Григорий Григорьевич, сказал отец, даже прослезился, так он был рад, когда мать после долгих колебаний согласилась помочь ему.

Вскоре Ваня, которому в это время было лет пять, поселился у нас. Внешне он оказался миловидным мальчиком. Наша большая, веселая компания сначала его смущала, но он вскоре освоился, и вот тут-то стали выявляться его отрицательные стороны, чего так боялась моя мать.

Он оказался абсолютно невоспитанным. Ни в малейшей степени ему не были знакомы самые примитивные правила поведения. Он не признавал слова «нельзя» и очень часто разражался нудным продолжительным ревом, который выводил нас из себя.

Прошло чуть ли не полгода, а Ваня так и не поддавался воспитанию, несмотря на старания мамы и замечательной нашей няни. Мама решила написать Григорию Григорьевичу, чтобы он взял Ваню, так как она убедилась, что не сможет его перевоспитать.

На этот раз Григорий Григорьевич ответил, что он счастлив обрадовать мать возможностью избавить ее от Вани, так как нашел какой-то пансион, где берутся продержать его до школьного возраста, чтобы затем поместить в закрытое учебное заведение.

В начале девяностых годов Григорий Григорьевич поселился в Полтаве, приобретя в ее предместье дом с большим садом. Жил там одиноко и почти безвыездно, появляясь только на открытии очередной передвижной выставки, привозя на нее свои картины. Каждый раз он бывал у нас, а иногда и останавливался у нас на несколько дней. Мы жили уже в Петербурге, в Академии художеств, где отец был профессором-руководителем пейзажной мастерской [4]. О сыне Мясоедов редко что-нибудь сообщал. Мы от него узнали, что сын начал проявлять большие способности к рисованию и после хорошей подготовки поступит в школу живописи и ваяния в Москве. Чувствовалось, что отношения между отцом и сыном очень холодные, они редко виделись, жили в разных местах, каждый своими интересами.

Не улучшились эти отношения и после того, как Ваня Мясоедов сделался художником: они стали прямо враждебными. Отец не любил сына и не только не интересовался его художественной деятельностью, но совершенно не разделял его взглядов на искусство, его вкусов. Сын платил отцу тем же.

Григорий Григорьевич, приезжая в Петербур на выставки Товарищества, одно время даже долго там жил, получив в Академии мастерскую для работы над картиной «Пушкин и Мицкевич в гостях у кн. Волконской» [5].

Картина эта была крупного размера. В ней фигурировало много современников Пушкина, его друзей и гостей княгини. Роскошная обстановка комнаты и богатейшее архитектурное оформление, нарядные платья дам — все это было прекрасно выполнено и выдержано в стиле того времени. Сил положено было много, но старик преодолел все трудности и вышел победителем, выполнив давно задуманное произведение.

Когда отец, побывав у Григория Григорьевича и посмотрев картину, вернулся домой, он попросил меня сходить и самым внимательным образом посмотреть картину, говоря, что Григорий Григорьевич сейчас в очень хорошем настроении и охотно показывает ее желающим.

Когда я вернулся и рассказал о моем впечатлении, о картине,— что мне понравилось и что — нет,— отец спросил, внимательно ли я смотрел. Я сказал, что смотрел долго и очень внимательно.

— А художественное оформление комнаты видел?

— Да, все осмотрел, и колонны, и в нише Венеру Милосскую...

Отец засмеялся и сказал:

— Вот и ты попался. Ведь Милосскую, эту чудеснейшую скульптуру Древней Греции нашли в тридцатых годах 19 века, а начала она распространяться в копиях значительно позже смерти Пушкина. Встреча же Пушкина и Мицкевича у Волконской состоялась в декабре 1826 года...

— Ой ... Как же быть! Ты сказал Григорию Григорьевичу?

Отец ответил не сразу. Он подумал и сказал, что чуть было не выпалил свои соображения тут же, но, посмотрев на Мясоедова и видя так редко радостное его лицо, ничего не сказал и решил не говорить. Это может очень его огорчить, а он сильно утомлен и должен отдохнуть. Ведь сколько уже народа смотрело картину — художников, историков, искусствоведов. Никто не обратил на это внимания, пусть уж остается, как есть.

Тем временем я успел окончить университет и отдыхал, имея в перспективе месяц-полтора свободного времени.

В это время Товарищество передвижников оказалось в затруднительном положении: выставку надо было отправить в Харьков для очередного показа, а обычно сопровождавший ее Я. Д. Минченков внезапно заболел и не смог принять на себя это ответственное поручение [6]. Заменить его было некем. Как было поступить?

На экстренном собрании Правления Товарищества художники, узнав от отца о моем положении свободного, отдыхающего человека, решили просить меня взяться за это дело и сопроводить выставку хотя бы только на время пребывания ее в Харькове, так как к дальнейшему рейсу Минченков поправится или товарищи найдут еще кого-нибудь, кому можно было бы доверить это поручение.

Я сначала заартачился. Испугался большой ответственности за ценнейшее имущество выставки, за устройство ее и хранение. Однако некоторые из художников успокоили меня, говоря, что ведь старший рабочий Каретников [7] едет, как всегда, с выставкой. Это значит, что вся работа по устройству, подготовке помещения, найму подсобной силы, даже объявления и другие организационные дела — все это лежит на его обязанности и будет выполнено необыкновенно аккуратно, спокойно и своевременно. На него можно вполне положиться. Словом, на сопровождающем лежит только обязанность представительства и переписка с художниками по вопросам, связанным с продажей картин.

Я согласился сопровождать выставку на время ее пребывания в Харькове и выехал, когда она уже была перевезена и находилась в стадии развешивания картин [8].

Мои обязанности сопровождающего оказались не обременительными. Я побывал на приеме у губернатора с целью получить разрешение открыть выставку передвижников, что он очень любезно исполнил. На мое приглашение посетить выставку выразил большое желание побывать на ней, но так и не приехал, прислав вместо себя помощника, который очень внимательно рассматривал все выставленные картины, выискивая, нет ли в них какой-нибудь неприемлемой политической темы.

Вдруг, увидя портрет священника работы И. Е. Репина, названный «Проповедник», он остановился и спросил:

— Скажите, не портрет ли это известного священника Петрова, который так нашумел своими революционными выступлениями и вызвал недовольство не только в кругах высшего духовенства, но и в правительственных? [9]

Я сказал, что, хотя священника Петрова и не видел, но думаю, что это он, и что если его беспокоит, нет ли запрещения публично выставлять этот портрет, я покажу ему каталог этой выставки, побывавшей уже в Петербурге и в Москве [10].

Посмотрев каталог, он успокоился, попросил дать ему один экземпляр для представления губернатору и, поблагодарив, удалился; никаких трений или бесед по поводу выставки более не было.

Выставка благополучно уже заканчивала срок своего пребывания в Харькове, когда я получил письмо от членов Правления Товарищества с просьбой, оставив картины на попечение Каретникова, съездить в Полтаву и приложить все усилия, чтобы найти помещение для устройства выставки сроком на три недели. Так как в выставочном маршруте, предупреждали меня, Полтава не значилась, то, по всей вероятности, предстояли большие препятствия, которые будет очень трудно преодолеть в короткий срок.

В дополнение к этой просьбе Правления было приложено письмо моего отца. Он писал, что, если возникнут большие препятствия к открытию выставки в Полтаве, надо будет разыскать Григория Григорьевича Мясоедова (дом его в окрестностях Полтавы, верстах в 3—4 от центра) и постараться его убедить, что товарищи, дорожа его добрым отношением к ним, очень просят и будут ему благодарны, если он поможет выйти из трудного положения.

Совет отца основывался на том, что перед отъездом Мясоедова из Петербурга там произошли крупные расхождения мнений в некоторых принципиальных вопросах, касающихся деятельности Товарищества, между Григорием Григорьевичем и группой молодых художников, на стороне которых оказались и многие из старших. В последние годы подобные стычки бывали нередко, но на этот раз ссора приняла настолько крупные размеры, что Григорий Григорьевич уехал обиженный, чуть ли не готовый совсем порвать с Товариществом. Было приложено и письмо правления Товарищества на имя Г. Г. Мясоедова [11].

В Полтаве Мясоедов пользовался большим уважением среди местной интеллигенции и крупных общественных деятелей.

Я приехал в Полтаву вечером и, не тратя времени, тут же расспросил кого-то из словоохотливых администраторов гостиницы, в которой остановился, о том, где находится губернская земская управа, где живет предводитель дворянства и т. д., одним словом, получил много сведений для того, чтобы с утра начать действовать в целях розыска нужного помещения.

На следующий день с первых же шагов я натолкнулся на такие препятствия, преодолеть которые для меня не представлялось возможным, в особенности в такой короткий срок, как ближайшие три-четыре дня.

Я чувствовал большое волнение за судьбу возложенного на меня поручения. На следующий день с утра надо было разыскать Григория Григорьевича и побывать у него, чтобы окончательно решить, что же делать?

Адрес Мясоедова, присланный отцом, был тоже малоубедительный: название местности и больше ничего. Теперь меня беспокоило, удастся ли мне найти усадьбу Мясоедова?

Возвращаясь в гостиницу, я не встретил ни одного извозчика, да и прохожих почти не было. Спросил одного, другого, далеко ли эта местность? Они слыхали название но стали показывать в разных направлениях и заспорили между собой.

Пришел я в гостиницу расстроенный и рассказал старичку, обслуживающему прихожую, что вот, мол, не знаю, как мне разыскать моего знакомого, который живет под Полтавой в местности такой-то. Кого ни спрошу, не знают, и извозчика не встретил, чтобы договориться отвезти меня туда завтра утром. Старичок спросил меня, а как его звать-то? Я сказал: высокий старик, Мясоедов, художник. Оказалось, он хорошо его знает. Мясоедов, когда бывает в городе, заходит к ним в гостиницу покушать, а то и ночует, если долго задержится в городе.

— А насчет извозчика не беспокойтесь, есть такой, который отвозит Григория Григорьевича домой. Скажите, когда завтра надо вам ехать, он будет у подъезда, свезет вас и обратно доставит, если не останетесь там ночевать.

Я очень обрадовался, что, стало быть, побываю у Григория Григорьевича и наверно мне удастся повидать многие его картины.

Рано утром, выйдя из гостиницы, я увидел поджидавшего меня извозчика. Он спросил:

— Это вас надо свезти к господину художнику? — лицо его озарилось широкой улыбкой. — Недавно, — сказал он, — отвозил его домой.

Мы договорились, что он там подождет меня часика два и привезет обратно в город.

Поехали. Спокойно сидя в удобной широкой коляске, запряженной парой лошадей, я смог более внимательно, чем вчера, рассмотреть город. Порадовали меня широкие улицы и площади Полтавы, окаймленные решетками, за которыми бесконечной чередой тянулись густозасаженные деревьями палисадники. Местами проглядывали белые одноэтажные домики. Кругом тишина и покой. Все живое ютится там в домиках и за ними, в садах с серебристыми тополями и старыми, раскидистыми липами.

За городом раскинулась ширь полей с мелькающими на большом расстоянии белыми постройками хуторов...

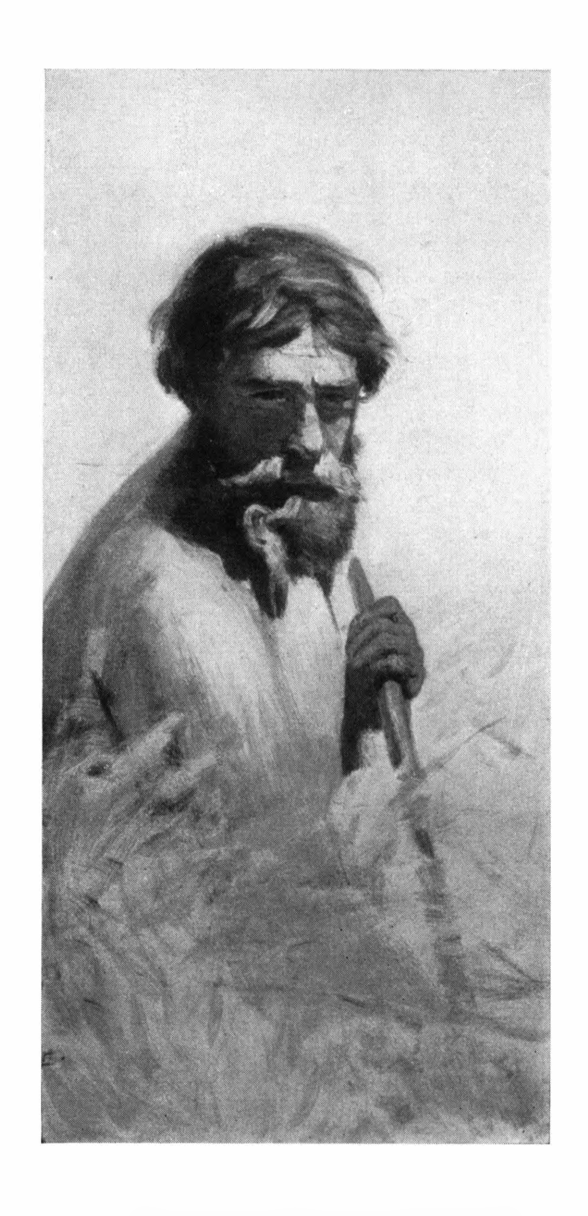
Извозчик часто оглядывался на меня и, по-видимому, хотел о чем-то поговорить. Наконец, немного отпустив вожжи и предоставив лошадям трусить помаленьку, наполовину повернулся ко мне и спросил не знаю ли я, почему неладно живут отец и сын Мясоедовы? Со слов старушки-служанки, заведующей домашним хозяйством Григория Григорьевича, извозчик передал мне, что молодой Мясоедов живет в усадьбе отдельно от отца, отгородился от него и с ним совсем не встречается. Отношения между ними настолько нехороши, что, по слухам, старик собирается переехать жить в Петербург.

Я даже рот открыл от удивления. Очень давно уже о сыне не было никаких слухов и вдруг он оказался здесь, в глуши, у отца, с которым всегда был в неладах.

Пока я в недоумении раздумывал о сложившихся обстоятельствах, извозчик указал мне кнутом на появившийся вдали густозаросший деревьями участок земли, отгороженный высоким забором. Прежде чем мы успели подъехать к калитке усадьбы, за оградой раздался яростный лай. Несколько крупных собак неслось навстречу подъезжавшему экипажу. Вслед за ними показалась

16. Крестьянская девушка. Этюд для картины «Страда». 1880-е годы

17. Крестьянин-косарь. Этюд для картины «Страда». 1880-годы

фигура спешащего к нам человека. Это был Ваня Мясоедов.

Он быстро отогнал собак и, не менее чем я, озадаченный встречею со мною, недоуменно улыбаясь, спросил, махнув рукой вдаль.

— Ты к нему?

Я сказал, что приехал к отцу по делам, что никак не ожидал увидеть его здесь. Он пробормотал, что приехал сюда работать, очень занят, с отцом не видится, живет отдельно. Проводив меня до дома отца, в отдаленную часть усадьбы, и даже не доходя до этого дома, он простился со мною, не выказав желания, чтобы я заглянул к нему после посещения отца.

По тропинке я направился к старому большому дому, около открытых дверей которого стояла женщина с подоткнутым подолом и большой мокрой тряпкой в руке. Она долго и внимательно всматривалась в меня, гадая, кто бы это мог быть, и на вопрос, дома ли Григорий Григорьевич и как к нему пройти, сначала выжала тряпку, отерла руки о подол и, указав на дверь, сказала:

— Сейчас провожу, иди осторожненько, а то у нас и порожков и ступенек не оберешься.

Мы пошли: она впереди, я — сзади. И действительно, шли в полутьме то вправо, то влево, то чуть вверх, то вниз. Наконец, перед одной дверью она постучала и, не дожидаясь ответа (все равно, мол, не услышат), открыла ее. В светлой комнате, уставленной старой мягкой мебелью, с массой картин на стенах, в большом кресле, полулежа и протянув ноги на подставленный стул, с книгой в руке сидел Григорий Григорьевич, не слыша и не видя входящих.

Лишь когда я подошел к самому креслу, он повернул ко мне голову и, спустив ноги, медленно поднялся и дружественно протянул руку.

Напряженное выражение лица с недоуменной улыбкой не оставляло его, пока я не сказал, что приехал к нему с письмами от Правления Товарищества и от отца, что я сейчас в Харькове, как сопровождающий выставку, приехал искать помещения для нее в Полтаве, где она должна быть открыта через несколько дней. Я передал ему письмо.

Наблюдая за его лицом во время и по окончании чтения писем, я уловил целую гамму перехода выражения лица от настороженно-враждебного до радостно-удовлетворен-

ного. Вот только теперь он заговорил, бросая отдельные два-три слова в ответ на мое сообщение, как я пытался найти помещение для выставки и что в результате получилось.

— Да,— сказал он,— надо знать, с кем и как разговаривать. Выставка — это праздник для города. Ты, вероятно, натыкался на лентяев и дураков, а их везде много...

Он спросил, как я к нему добрался, и, узнав, что я нанял извозчика, который ждет, чтобы отвезти меня обратно, сказал, что поедет со мною и постарается сегодня же или завтра положительно разрешить все вопросы, связанные с помещением для выставки.

Я очень был доволен, что вопрос о привлечении Григория Григорьевича к подыскиванию помещения для выставки так легко разрешился. Не успел я рассказать о своих неудачах, как он сам двинулся навстречу всем препятствиям и зашагал, как боевой конь, услышав военную музыку. Да, подумалось мне, Товарищество — это его детище, хоть и капризное, но все же родное.

Пока его экономка готовила что-нибудь поесть перед отъездом, а он переодевался, я стал рассматривать картины и этюды.

Это была богатая коллекция лучшего периода его творчества. Прекрасные, наскоро схваченные портреты крестьян, замечательные этюды с натуры пейзажей, так все свежо и талантливо.

Тем временем Григорий Григорьевич появился переодетым и почищенным. Экономка подала самовар и кое-что закусить. Мы наскоро попили и поели и через несколько минут уже шли к воротам усадьбы садиться в экипаж. По дороге к воротам я заметил на площадке много гимнастических гирь разных размеров, которыми, очевидно, упражнялся Ваня.

— Это Ванины?— спросил я.

— Да, конечно,— ответил он, мрачно глядя на разбросанные гири.— Не раз я говорил ему, что как ни старайся, а все равно лошадь будет сильнее. Не подействовало...

Мы сели в экипаж. Кучер радостно приветствовал Григория Григорьевича, и на его просьбу поскорей доставить нас в город, чтобы успеть повидать кое-кого из нужных людей, достал из-под сиденья кнут, и вскоре я готов был

верить, что кнут и волшебная палочка мало чем отличаются друг от друга. Не успел я оглянуться, как мы уже были в Полтаве...

Еще часа через два-три в номер гостиницы вошел Мясоедов и сообщил, что помещение есть, можно везти выставку и я могу возвращаться в Харьков.

В тот же вечер, послав телеграмму, я уехал.

Когда через несколько дней я вернулся в Петербург, правлением Товарищества были получены сведения, что выставка в Полтаве открылась [12] и одним из первых и ежедневных посетителей ее, еще даже до открытия, был Григорий Григорьевич Мясоедов, который делал много ценных указаний при развешивании картин.

Со своей стороны, вернувшись из Харькова я доложил Правлению Товарищества о судьбе выставки за время моего сопровождения ее и о горячем участии и большой помощи, оказанной Мясоедовым при устройстве ее в Полтаве.

Все члены Правления были очень рады примирению с Мясоедовым, так как всякие нелады в этом сплоченном коллективе всегда болезненно отражались на каждом из старых членов Товарищества.

Как мне помнится, это было в 1909 году [13]. Несмотря на сплоченность самого ядра Товарищества, не терявшего своей целеустремленности и работоспособности, время брало свое. В начале одиннадцатого года скончался мой отец, а к концу того же года умер создатель Товарищества [14], всю жизнь опекавший высокоидейные принципы устава коллектива прославивших себя русских художников,— Григорий Григорьевич Мясоедов...

Вспоминая Г. Г. Мясоедова [1]

В. С. Оголевец

В последние годы жизни Г. Г. Мясоедова в Полтаве мне довелось близко знать его. Познакомил меня с ним мой отец Степан Яковлевич [2].

В то время, когда я встречался с Мясоедовым, я не думал о том, что в его лице вижу одного из выдающихся современников, и о возможности при непосредственном общении с художником расширить круг своих сведе-

ний о нем. И лишь по истечении многих лет у меня возникло желание восстановить факты знакомства с Мясоедовым.

Поводом к этому послужила сохранившаяся у меня тетерадь, где летом 1909 года я кратко записывал события и эпизоды своей жизни. В это время у нас уже проходили начавшиеся с весны мясоедовские музыкальные вечера, и естественно они получили отражение в записях. Обнаружил я у себя и напечатанную в газете «Полтавская речь» (декабрь 1912) заметку к годовщине кончины Мясоедова, где вспоминал свое знакомство с ним, ту необыкновенную любовь к музыке, которая объединила нас вокруг него, вспоминал посещения студии. А потом его болезнь и наше последнее свидание...

Все это воскресило живую волну воспоминаний, которые стали еще интенсивнее после посещения Полтавы в 1940 году. Тогда в памяти ярко возникла история знакомства с Мясоедовым.

Г. Г. Мясоедов в Полтаве. Семья художника

В 1889 году, по совету своего друга врача-народника, толстовца А. А. Волкенштейна [3], Мясоедов приобрел в живописном предместье Полтавы Павленки большую усадьбу с садом, парком и прудом, получившую название «Дача Мясоедова».

Восьмикомнатный деревянный дом своим внешним видом и внутренним устройством напоминал дома старосветских помещиков, какими я представлял их по описаниям Н. В. Гоголя. Невысокие стены, нависающие потолки, скрипящие на все голоса двери, прикрытые ставни окон, стоящие на одних и тех же местах вещи, которых как будто не трогает рука человека... И в то же время аромат музея, происходящий от множества произведений художника, развешанных во всех комнатах.

Дом стоял в глубине двора, занятого служебными постройками. С одной стороны к дому примыкал балкон с колоннами, а с другой возвышался светлый мезонин, где Мясоедов устроил свободную и просторную мастерскую, служившую одновременно и хранилищем его произведений.

От дома начинался фруктовый сад, с аллеями яблонь, груш, орехов; кругом росли пирамидальные и серебристые тополи, белые акации, липы, каштаны. Местами они группировались в небольшие рощицы, которые придавали усадьбе еще большую поэтичность и выразительность. Поодаль, среди старых ив, дубов и лип, находился живописный пруд — гордость и любимое место отдыха, а иногда и работы Григория Григорьевича. Он часто писал его тихие заводи, где плакучие ивы купали свои ветви.

На Павленках Григорий Григорьевич поселился вместе со своей второй женой К. В. Ивановой и сыном Иваном. На Украине он жил уже постоянно, лишь временами выезжая в Москву и Петербург по делам Товарищества передвижников и Академии художеств, да в Ялту на дачу первой жены, Е. М. Кривцовой.

В Полтаве он продолжал по мере сил работать, создал картины «Вдали от мира» (1890), «Чтение «Крейцеровой сонаты» (1893), «Искушение» (1897), «На пути к знанию» (1904), эскиз картины «Пушкин и его друзья слушают Мицкевича в салоне кн. З. А. Волконской», ряд пейзажей, вел постоянную переписку по делам Академии художеств, принимал участие в общественной жизни города, создал для театра большой занавес, помогал Обществу трудящихся женщин, организовал свою школу рисования, публиковал статьи в журнале «Хуторянин», написал брошюру по садоводству...

В 90-е годы у него бывали художники Н. А. Ярошенко, В. К. Менк, Н. Н. Ге, И. К. Пархоменко, скульптор Л. В. Позен. К числу его близких знакомых принадлежала семья профессора А. П. Шимкова, семья А. А. Волкенштейна; навещали Мясоедова вдова скончавшегося в 1904 году профессора Склифосовского, усадьба которого находилась недалеко от дачи Мясоедова, врач-психиатр Л. А. Ионин, адвокат П. Г. Васьков-Примаков (изображенный художником в числе слушателей Крейцеровой сонаты), две его дочери и некоторые другие. Когда возник музыкальный кружок, к Мясоедову часто стали приходить участники ансамбля со своими родственниками.

После смерти Ивановой (1899) Мясоедов остался в одиночестве. Спустя несколько лет он в Москве познакомился с семьей Васильевых, где его принимали, «удручая избыт-

ком любезности и угощения» (как он писал А. И. Кривцовой). Когда в начале 1904 года ему в связи с ушибом ноги потребовалась сиделка, 35-летняя Татьяна Борисовна Васильева стала за ним присматривать в Ялте, а вскоре переехала к нему в Полтаву в качестве хозяйки.

Я познакомился с нею в 1909 году, когда начались наши музыкальные собрания. Помню, как, войдя с нами в столовую после музицирования, Мясоедов с присущей ему лаконичностью сказал, обращаясь к нам:

— Господа, знакомьтесь... Татьяна Борисовна, это наши новые музыканты. Угостите-ка нас чайком с вареньем...

Я взглянул на нее. Она была в высшей степени скромна, в ее серьезном и бледном лице отражалась вечная озабоченность, и все ее внимание сосредоточивалось только на Мясоедове.

Она прочно вошла в жизнь художника, заботилась о нем, охраняла его покой, ведала хозяйством, читала ему книги и газеты, всюду сопровождала его, а когда он шел к нам на музыку, несла скрипку, альт и ноты.

Она же проводила его до могилы, возложив на нее венок с надписью: «От друга Т. Б. В.» Какова была ее дальнейшая судьба, мне узнать не пришлось...

Во флигеле у Мясоедова в то время жил 28-летний сын Иван. Он не общался с нами, не любил и не понимал музыки. Он окончил Академию художеств, за картину «Поход аргонавтов» получил золотую медаль и заграничную командировку. Но сбылось предсказание отца: «Я полагаю, что художника из него не выйдет, а что выйдет, еще сказать трудно...»

В 1919 году Иван Мясоедов навсегда уехал за границу, где и умер в 1953 году...

Первая встреча

В 1898 году в Полтаве началось сооружение большого городского театра, рассчитанного на тысячу мест. Возглавляла строительство исполнительная комиссия, председателем которой был мой отец. От имени городского самоуправления он обратился к Мясоедову с просьбой

написать для театра занавес-просцениум. Художник согласился выполнить просьбу и принялся за работу. Когда я узнал, что Мясоедов пишет занавес, я попросил отца повести меня на строительство: я хотел посмотреть, как художник «рисует».

И вот мы на строительной площадке, бродим по ней, взбираемся на леса, заходим внутрь огромного зала, также заполненного лесами, знакомимся с устройством театральной бутафории...

Наконец, подходим к стоящему во дворе постройки деревянному бараку, приспособленному под временную мастерскую художника. Отец задержался разговором с каким-то человеком, а я, заглянув через приоткрытую дверь внутрь сарая, увидел посередине помещения высокую фигуру художника, одетого в синий халат, местами испачканный красками. Вооруженный длинными кистями и палитрой, он осторожно расхаживал по разостланному на полу огромному холсту, на котором уже было что-то написано. Временами он нагибался к холсту, писал на нем, приподымался, вытирал тряпкой кисти, набирал на них краски и снова писал...

Занятый своим делом, он не обращал внимания на окружающее и не замечал моих любопытных глаз. Отец между тем закончил беседу, и мы вошли в мастерскую. Скрип открываемой двери заставил Мясоедова повернуть к нам голову. Увидя отца, он положил палитру на подоконник, подошел к нам, поздоровался с отцом, и они начали разговаривать, причем Мясоедов кистью показывал на отдельные места холста, поясняя подробности изображаемого на занавесе сюжета.

— Как видите, дело идет...— говорил он:— А это сынишка ваш?— мягко спросил он, повернув голову ко мне.

— Да.. Но надеюсь, вы не будете в претензии? Отец объяснил художнику повод нашего появления.

Мясоедов не возражал против того, чтобы мы побыли в мастерской:— Я не тороплюсь, а кстати, и отдохну малость,— говорил он.

Посидев с нами, он вернулся к работе. Исполнилась моя мечта: я мог свободно смотреть на него, наблюдать, как он работает...

С того времени в мою память врезался облик художника. Я запомнил его представительную, высокую фигуру,

достаточно еще осанистую и стройную, несмотря на немолодые годы; запомнил его большую, гордо поднятую голову, плотно сидящую на широких плечах, красивое лицо, обрамленное негустой бородкой, выразительный орлиный нос, высокий лоб и несколько иронический, острый взгляд глубоко сидящих светлых, серьезных и умных глаз...

Скоро я узнал, что Мясоедов закончил чудесный занавес, который и поднес в дар городу, категорически отказавшись взять за свой колоссальный труд хотя бы минимальное вознаграждение. В этом акте высокого благородства ярко выразился присущий Мясоедову демократизм, годами воспитанное умение бескорыстно служить людям теми средствами и силами, какие находились в его распоряжении. Я узнал также, что Григорий Григорьевич, по открытии театра в конце 1900 года, стал его почетным консультантом по художественной части, помогая в осуществлении постановок. Помню написанную Мясоедовым декорацию к сцене свидания Онегина с Татьяной: в ней я узнал уголок сада, где впоследствии не раз гулял в обществе художника.

В течение последующих лет, живя в Полтаве, я видел висящим перед сценой театра занавес кисти Мясоедова. На занавесе изображались окрестности Полтавы. На переднем плане — дорога, по ней уходит вдаль запряженный парой волов чумацкий воз. Слева у дороги сидит кобзарь с лицом Тараса Григорьевича Шевченко и играет на кобзе свои «думы» сидящему рядом в задумчивой позе прохожему, в котором можно узнать Николая Васильевича Гоголя. Здесь же, опираясь на палку, стоит девушка-пастушок: она гнала домой стадо гусей, но забыла о них, прислушиваясь к родной песне. Вдали виден стоящий на высоком холме основанный в 1650 году монастырь (свидетель осады города шведами в 1709 году), издавна привлекавший внимание художников своим живописным положением (когда-то его писал и Тарас Григорьевич). Мясоедов, любивший историю родины и ценивший красоту украинской природы, недаром изобразил монастырь в своей картине, хорошо учтя его значение для всей композиции. Вечернее небо покрыто разорванными облаками, сквозь которые прорываются лучи заходящего солнца.

Написанный широко, ярко и живо, занавес украшал полтавский театр до его разрушения немецко-фашистскими захватчиками в 1943 году. Занавес случайно уцелел, избежав общей участи театра. Сильно попорченный, он все же сохранился, но нуждается в реставрации.

Начало знакомства

Я часто видел Мясоедова среди публики на происходивших в Полтаве концертах, которые он всегда посещал. В антракте он обычно стоял среди зала, окруженный знакомыми. Он делился со слушателями впечатлениями, и в его острых и метких критических замечаниях, всегда справедливых и беспристрастных, сказывалось проникновенное понимание музыки.

Впоследствии из бесед с художником я узнал, что его любовь к музыке была давней. В молодости он вращался в передовом обществе столицы, близко знал Н. А. Римского-Корсакова, Ц. А. Кюи, был знаком с П. И. Чайковским, В. В. Стасовым. Композиторы «Могучей кучки» часто собирались на домашние вечера у М. А. Балакирева, бывал там и Мясоедов (Римский-Корсаков в «Летописи моей музыкальной жизни» упоминает о присутствии Мясоедова на одной из балакиревских суббот) [4].

Григорий Григорьевич самоучкой стал играть на рояле, а уже в пожилом возрасте учился у профессора Л. С. Ауэра игре на скрипке и на альте. Он без труда справлялся с партиями этих инструментов в квинтете Шумана, квартетах Гайдна, Бетховена, А. Т. Гречанинова, различных трио и дуэтах. В Петербурге он всегда участвовал в камерных собраниях у В. Е. Маковского, у Л. В. Позена. В Полтаве, где жизнь была особенно скучной, он принял меры к организации своего музыкального кружка .

В мае 1909 года в Полтаву приехал со своим хором собиратель песен тюрьмы и сибирской каторги композитор В. Н. Гартевельд [5].

Я отправился на концерт с отцом, проявлявшим особый интерес к песням, многие из которых он слышал 30 лет тому назад, когда административно высланный в Восточную Россию за участие в революционном движении, шел

по этапу под военным конвоем по безлюдным заволжским степям.

На концерте присутствовал и Григорий Григорьевич. В антракте я увидел у эстрады небольшую группу слушателей, в центре которой стоял Мясоедов, оживленно беседовавший с моим отцом. Я заинтересовался, о чем они говорят, и подошел поближе. Отец подозвал меня и сказал Мясоедову:

— Позвольте, Григорий Григорьевич, представить вам моего сына: он скрипач-любитель и, думаю, будет вам полезен...

— Великолепно!— воскликнул Мясоедов,— значит нашего полку прибыло.

Отец рассказал мне, что Мясоедов озабочен организацией у себя домашнего камерного ансамбля, для участия в котором уже приглашено несколько музыкантов.

— Это прекрасно,— повторил Мясоедов,— ведь жизнь без музыки, все равно, что цветок без аромата...

Он с улыбкой посмотрел на нас, видимо, довольный удачным афоризмом. Тут же он пригласил всех присутствующих в концерте участников ансамбля в ближайшее воскресенье прийти к нему на дачу, чтобы начать музицировать.

Так завязалось мое знакомство с Мясоедовым и получил начало организованный им музыкальный кружок, в состав которого вошло свыше десяти музыкантов. Из них — лишь два профессионала (учителя скрипичной игры), остальные любители: жена профессора, учитель гимназии, два художника, два земских служащих, жена земского служащего, член окружного суда, два студента, отставной генерал-майор — герой Плевны...

Главной пианисткой ансамбля была Мария Антоновна Шимкова, жена профессора. С ее участием исполнялись такие капитальные произведения, как квинтет Шумана, трио Чайковского, «Крейцерова соната» Бетховена. За пультом первой скрипки сидел учитель музыки, он же земский служащий Филипп Федорович Климентов, недавно окончивший Петербургскую консерваторию по классу профессора Ауэра.

Григорий Григорьевич принадлежал к числу «вторых» скрипачей, садился и за альт, уступая скрипку мне. Он же был и руководителем ансамбля.

Наш кружок не выступал публично. Мы исполняли произведения камерной инструментальной музыки на семейных вечерах, происходивших попеременно у Мясоедова на даче и в квартире моих родителей.

Григорий Григорьевич собрал большую нотную библиотеку, где сосредоточивалось много произведений камерной музыки различных эпох, начиная от Баха и Генделя и кончая классиками новой русской музыки. Здесь были Чайковский, Аренский, Гречанинов, Кюи и другие. Это обеспечивало нашему ансамблю богатый репертуар.

У Мясоедова были и струнные инструменты: две скрипки, альт, виолончель. А в зале, где собирался наш ансамбль, стоял концертный рояль красного дерева старой немецкой фирмы XVIII столетия Брейткопф и Гертель. Несмотря на солидный возраст, он хорошо выдерживал немалую нагрузку, которая доставалась ему от нашего ансамбля. Когда собирались у Мясоедова, музыкантам не приходилось приносить с собою инструменты. Если вечер устраивался у нас, мы накануне шли к Мясоедову за нотами, а Филипп Федорович притаскивал подмышкой своего «Оле-Булля», как он называл подержанную фабричную скрипчонку, с которой никогда не расставался, предпочитая ее Амати,— и на которой, правда, достигал блестящего исполнения, всегда играя с одинаковым настроением, готовностью и увлечением.

Музицировали мы подолгу, и расходились иногда далеко за полночь, возвращаясь домой по пустынным переулкам.

У Григория Григорьевича были любимые произведения: трио Чайковского, Аренского, квартеты Чайковского, Бородина, Гречанинова, Кюи. «Крейцерову сонату» в исполнении Климентова и Шимковой готов был слушать каждый день, вспоминая посещения Ясной Поляны и беседы с Львом Николаевичем. На недосягаемую высоту он ставил фортепьянный квинтет Шумана, в котором исполнял партию второй скрипки. Его большим вниманием пользовались квартеты Гайдна. Квартетом «Семь слов спасителя» он часто открывал музыкальные вечера. Принимая участие в его исполнении, он перед началом каждой части громко по-латыни прочитывал и переводил авторские подзаголовки, сопровождая их своими комментариями и пояснениями программного характера.

Бывало, после музыки Григорий Григорьевич приглашал нас в рощу, и, сидя на прибрежной траве, мы слушали увлекательные рассказы о встречах с выдающимися людьми его времени, о «Могучей кучке», о Чайковском, о консерватории, об Ауэре...

Дуэты с Мясоедовым

Когда очередное музыкальное собрание почему-нибудь не могло состояться и между нашими вечерами получался относительно длительный перерыв, вследствие чего Григорий Григорьевич начинал скучать без музыки, он, бывало, приглашал меня поиграть с ним дуэты. Я с готовностью принимал эти приглашения, старался забираться к нему пораньше, и в эти вечера мы подолгу сиживали с ним за пюпитрами, слаженно и дружно, как могли, исполняя на двух скрипках несложные произведения Боккерини, Вивальди, Виотти.

Мы не обращали внимания на встречавшиеся недочеты исполнения: обоим партнерам эти ансамбли доставляли искреннее удовольствие, а слушателей мы не имели, за исключением редких появлений Татьяны Борисовны, да и то лишь в конце вечера, когда она входила в зал, якобы по какому-то хозяйственному вопросу, а на самом деле для того, чтобы деликатно намекнуть Григорию Григорьевичу, что ему не мешало бы отдохнуть, да и время позднее...

Такие напоминания, впрочем, были далеко не лишними, потому что Григорий Григорьевич за игрой проявлял необыкновенную энергию и уж вовсе не свойственную его возрасту неутомимость. Он мог играть без всяких перерывов, не считая, конечно, «потери времени» для короткого чаепития. Бывало, когда я начинал уже чувствовать естественную усталость и просил его ненадолго прервать музыку для небольшой передышки, маститый мой товарищ ничего и слышать не хотел:

— Ради бога, еще только немножко,— умолял он,— я ведь нисколько не устал, а вам спешить некуда...

Приходилось уступать, и мы так играли долго, пока он сам не закрывал нот.

Осенью 1909 года перед моим отъездом из Полтавы в Петербург после летних каникул Григорий Григорьевич

поделился со мною планом организовать в столице зимний ансамбль, что-нибудь вроде полтавского. Он сказал мне, что нам обязательно надо будет встретиться в Питере, и мы договорились, что, когда он в конце ноября приедет туда по своим делам, мы повидаемся, чтобы наладить музыкальные вечера.

В хмурый ноябрьский вечер я сидел в своей студенческой комнате на шестой линии Васильевского острова, погруженный в обычные занятия, готовясь к предстоящим зачетам. На улице уже стемнело. Комната тускло освещалась висящей над столом керосиновой лампой. В углу топилась железная печка. Идущий на дворе мокрый снег густо запорошил окна старого низенького домика. Нева еще не успела застыть, и с пристани изредка доносились заунывные, протяжные гудки пароходов.

В эту минуту кто-то постучался в мою дверь. На мой ответный возглас на пороге появилась опушенная с ног до головы снежными хлопьями громадная фигура Григория Григорьевича. Она показалась мне еще более массивной, чем обычно, оттого, что потолок в комнате низко нависал, Мясоедов же был одет в длиннополую меховую шубу с поднятым воротником. Такая же меховая шапка была на голове, а на ногах — высокие боты...

Нет необходимости говорить о том, как я обрадовался его неожиданному появлению. Я помог ему раздеться и усадил в удобное кресло.

— Я вчера приехал из Полтавы,— начал он после первых теплых слов привета.— У меня есть и письмо к вам от ваших родных, вот...— он достал из внутреннего кармана и положил на стол измятый конверт.— Я обещал им обязательно побывать у вас, взглянуть своими глазами на ваше житье-бытье, чтобы потом, по возвращении домой, рассказать обо всем... Но, разумеется, я зашел бы к вам и без письма. Ведь вы, надеюсь, помните наш разговор перед вашим отъездом о необходимости продолжать в Питере наши музыкальные встречи?...

— Конечно же, помню... Это и сейчас мое искреннее желание...

— Так давайте же, пока там еще все наладится, чтобы не терять напрасно дорогого времени, для начала поиграем с вами наши любимые дуэты, а там подумаем и об ансамбле...

Он остановился и, с досадой махнув рукой, выразительно проговорил:

— Эх... эх...

Я вопросительно посмотрел на него. Поняв мой взгляд, он продолжал:

— Вы думаете, почему я так вздыхаю? Я жалею о том, что нет здесь Климентова, очень уж он ценный музыкант, преданный нашему общему делу, да и все прочие... Но ничего, подберем, надеюсь, и тут...

— Конечно, подберем...

— А пока что приходите ко мне завтра вечерком со скрипкой, нотами я запасся. Поиграем Боккерини...

— С удовольствием...

— А вот вам...— Он вынул из кармана огрызок карандаша и, взяв со стола клочок бумаги, что-то написал.— А вот вам,— повторил он,— и мой адрес.— Он протянул мне написанное.— Я живу здесь — показал он рукою в сторону — в пятой линии, у набережной, недалеко от Вас, на ту сторону Невы вам перебираться не придется, а это ведь очень удобно, так как не возникнут неприятности, связанные с разведением моста, в случае, если мы доиграем до позднего времени... А это ведь легко может случиться, не правда ли?— добавил он с улыбкой...

Поговорили еще кое о чем, вспомнили Полтаву, родных, помечтали о питерской музыке. Выпив стакан чаю, он ушел, взяв с меня слово быть у него завтра не позднее семи часов вечера.

Мне была радостной перспектива снова оказаться в обществе Григория Григорьевича. Помню, еще не было семи, когда я подымался по лестнице дома, где в своей небольшой квартире жил Мясоедов. Он сам открыл мне дверь и потирал руки, предвкушая предстоящее удовольствие. Несмотря на мои возражения, он тут же стал хлопотать о самоваре. Наскоро закончив чай с колбасой, мы расставили пюпитры.

Я с волнением переживал эти недолгие часы, проведенные в обществе Григория Григорьевича, который по-прежнему подкупал меня простотой и какою-то необыкновенной молодостью души. Сидя с ним за своим пультом и выводя смычком гармонические мелодии классических произведений, я в те минуты забыл и о зачетах, и о книгах, над которыми сидел вчера, когда он неожиданно

появился у меня, и о том, что ведь завтра надо будет так рано подыматься и идти на занятия...

Склянки на Неве пробили три, когда я возвращался домой по пустынной василеостровской линии, где при свете газовых фонарей навстречу мне попадались только запоздавшие пьяные гуляки да сонные извозчики...

После этого мы играли с Мясоедовым еще два раза, а вскоре он уехал в Полтаву, и его мысль организовать в Петербурге музыкальный ансамбль так и не получила осуществления.

Когда я зимою встретился с ним в Полтаве, он жаловался на жестокосердие своих петербургских друзей, не выразивших желанья поддержать его идею.

— Не то, что у нас в Полтаве,— говорил он.

Не знаю, где искать причин постигшей его неудачи. Думаю, что, не возлагая больших надежд на возможность возрождения в столице музыкальных вечеров, он и сам не принимал для этого необходимых мер, в Петербург он приехал ненадолго и притом один (Татьяна Борисовна оставалась на хозяйстве), а это ему было нелегко, и он, естественно, стремился еще до наступления холодов, как можно скорее вернуться домой. Да и энергия у него при его возрасте уже не могла быть достаточной, чтобы отыскивать новых людей, хлопотать об их объединении.

Собрание произведений Мясоедова.
Этюды Репина

Встречи с Мясоедовым на музыкальных вечерах, общие беседы за чайным столом помогли мне хорошо узнать его как простого, сердечного, скромного и доступного человека, гостеприимного и радушного хозяина, интересного и словоохотливого собеседника.

Основательно познакомился я и с его творчеством. К тому времени на даче было сосредоточено не менее двухсот пятидесяти работ, развешенных в комнатах и хранящихся в мастерской.

Я видел здесь большой эскиз «Самосожигателей», вариант картины «Страда», «Чтение „Крейцеровой сонаты“», картину «Искушение», эскизы и этюды к многофигурной

композиции «Пушкин и его друзья слушают Мицкевича в салоне кн. З. А. Волконской», прекрасные портреты, выразительные пейзажи [6].

Особенно запомнилось мне то воскресенье, когда по окончании музыки мы все по приглашению Григория Григорьевича поднялись в мезонин. Мясоедов сел у стола. Татьяна Борисовна подавала ему разные полотна, и он рассказывал, где, когда, при каких обстоятельствах их писал.

В ходе беседы Григорий Григорьевич вынул из ящика стола и разложил перед нами несколько этюдов, изображающих голову художника в разнообразных поворотах.

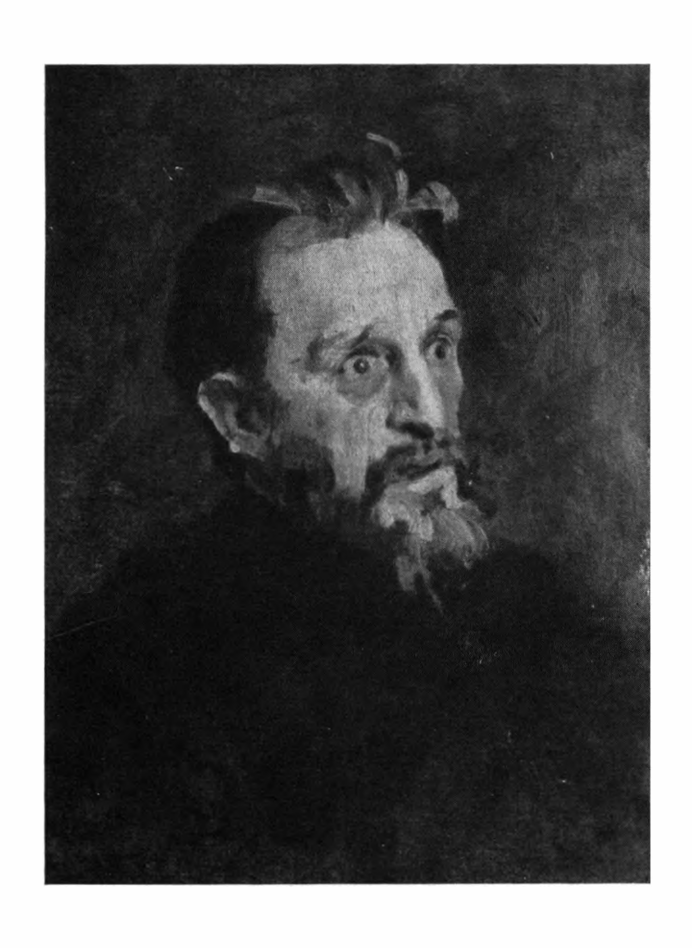
— А этого вы узнаете? — спросил он нас, прищурив глаза со свойственной ему слегка иронической улыбкой.

С первого взгляда можно было безошибочно сказать, что этюды, исполненные с исключительным мастерством, смело и живо, поражающие портретным сходством, принадлежат кисти большого художника.

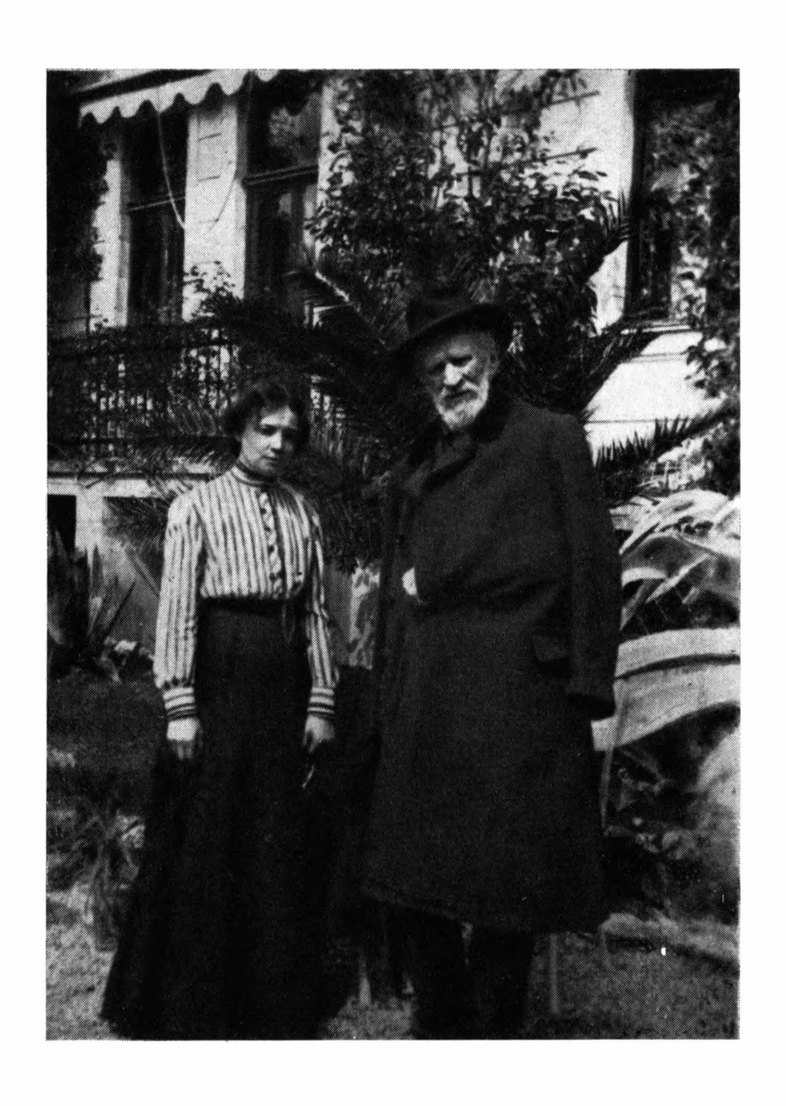
Ответив Григорию Григорьевичу, что сразу же узнали его, мы забросали его вопросами: что представляют собою этюды, когда написаны, кем, с какой целью сделаны?

— Да, любопытная история,— ответил Мясоедов и рассказал примерно следующее:

— Этюды, которые вы видите, писал с меня Илья Ефимович Репин лет двадцать пять тому назад. Он в то время задумал картину о том, как Иван Грозный убил своего сына. Ему понадобилась натура для обоих действующих лиц картины. При всем своем мастерстве, развитой технике, богатом опыте и незаурядной творческой фантазии Репин не допускал создания образов для своих композиций просто из головы. Казалось бы, что было ему проще, чем изобразить царя-злодея? Нет, видите ли, ему надо было написать и царя и царевича обязательно с натуры; впрочем, с точки зрения требований реалистической живописи это правильно: все должно иметь в основе подлинную природу... Для царевича он пробовал было сделать этюд с художника В. К. Менка, но потом отказался от него и остановился на писателе В. М. Гаршине. А вот для Грозного он долго не мог найти подходящее лицо, как оно рисовалось его творческому воображению. Он говорил мне, что хотел было использовать в качестве натуры для

18. И. Е. Репин. Мужская голова. Этюд для головы Грозного к картине «Иван Грозный и сын его Иван 16 ноября 1581 года». 1883

Т. Б. Васильева и Г. Г. Мясоедов. 1911

царя внешний облик композитора П. И. Бларамберга, но убедился в том, что он для этой цели не подходит... Слишком, видите ли, у него мягкое выражение лица для Грозного...

— И вот однажды, когда мы мирно беседовали с Репиным на разные художественные темы, и между прочим о его новой картине, он вдруг говорит мне: «Дон Грегорио — так многие называли меня с легкой руки Николая Николаевича Ге,— а не согласитесь ли вы немного попозировать мне для Ивана Грозного? Я сделал бы с вашего лица несколько этюдов, по которым уже мог бы писать и самого царя»...—«Да ну, уж и нашли натуру»,— огрызнулся я. «Нет, кроме шуток»... И он объяснил мне, что по его наблюдениям мое лицо как нельзя больше подходит для этой цели и по его общему складу и, в особенности, тем, что я способен придать и всему лицу и глазам то выражение — зверское!— какое надо было показать в лице Ивана Грозного в трагический для него момент жизни, причем в этом зверстве должно проскальзывать и выражение крайнего сожаления, раскаяния, горя и боли о содеянном злодействе... «Долго искал, и всех знакомых перебрал, и на улице высматривал — нигде не найду подходящего лица,— добавил он.— Пожалуйста!»... И умоляюще сложил на груди руки...

— Я пытался, было, отнекиваться: и уезжать-де мне надо, и выставку очередную открывать... Не говоря о том, что и задание-то очень ответственное... Не тут-то было: пристал, как с ножом к горлу. А я его знал: ежели уж пристанет, то не отстанет нипочем. К своей цели стремится упорно, напролом, пока не достигнет своего. Так было и теперь. Пришлось сдаться, но в конечном итоге я сделал это охотно и даже с удовольствием. И вот я начал позировать. Ну, знаете, и замучил же он меня во время этих сеансов. Уж раз я согласился, Репин считал, что я поступил в полное его распоряжение в качестве собственности, и распоряжался мною, как хотел. Раз десять, а то и больше он писал меня с разными поворотами головы, при разнообразном освещении, на различном фоне, заставлял подолгу оставаться без движения в самых неудобных позах и на диване, и на полу, ерошил мои волосы, красил лицо киноварью, имитируя пятна крови, муштровал в выражении лица, принуждая делать, как он говорил,

«сумасшедшие глаза», примерно вот этак (рассказчик широко раскрыл и вытаращил глаза). Взыскательный художник упорно продолжал поиски и не замечал моих мук. Наконец, после продолжительных терзаний он заявил, что все готово и отпустил меня с миром, оставив мне в память несколько этюдов, которые вы и видите... На них наглядно отражена пройденная мною школа. Как видите,— добавил он, улыбаясь,— и художник иногда может быть натурщиком, а насколько удачно — судите сами... [7]

Останавливаясь перед картиной Репина, я всегда всматриваюсь в нее и вспоминаю Григория Григорьевича и те этюды, которые он показал нам в Полтаве много лет назад. Как мастерски сумел Мясоедов сыграть перед Репиным роль Ивана Грозного и как помог художнику создать незабываемый образ обезумевшего царя, в порыве гнева убившего своего сына и наследника и теперь, увы, слишком поздно раскаявшегося в своем злодеянии! Как замечательно и с каким совершенством кисть великого мастера использовала все то, что давали ему гордое, благородное лицо и выразительные, проницательные, полные огня глаза Григория Григорьевича!

Этюды Репина разделили общую участь всего художественного наследия самого Мясоедова. Его сын вскоре после смерти отца устроил в Полтаве две посмертные выставки произведений Григория Григорьевича (в 1912 и 1913 годах), присоединив к ним и остававшиеся у художника картины его товарищей Репина, Маковского, Дубовского, Ге, Шишкина и других. Современники писали, что один из этюдов Репина попал на выставку 1913 года, отмечали роль, какую он сыграл в создании Репиным знаменитой картины...

И. Г. Мясоедов распродал почти все произведения отца и других художников, показанные на выставках в Полтаве, и таким образом они разошлись по рукам. Остававшиеся после этого не проданными этюды, картины и эскизы Мясоедова в количестве 118 экспонатов были в 1913 году экспонированы на посмертной выставке Г. Г. Мясоедова в Москве. Каталог ее остался. Дальнейшая судьба этих произведений неизвестна. Как мы уже писали, И. Г. Мясоедов в 1919 году навсегда уехал из России, не приняв мер к сохранению наследия отца...

Последнее свидание

Нашим музыкальным вечерам не были суждены долгие дни. Когда в 1909 году возник ансамбль, Григорию Григорьевичу уже шел семьдесят шестой год, и его силы быстро иссякали. С середины 1910 года он стал жаловаться на участившиеся приступы слабости и общего недомогания. Возраст, непомерное расходование в течение всей жизни творческой энергии, постоянное нервное напряжение, различные жизненные невзгоды сломили его атлетическую натуру. Он не мог больше ни писать, ни играть. Зимой 1910/11 года уехал за границу лечиться. Но весной 1911 года, когда он находился в Тироле, в состоянии его здоровья наступило резкое ухудшение. Он вернулся в Полтаву совсем больным, а к середине лета заболевание еще более обострилось.

Когда он почувствовал себя немного лучше и как будто стал поправляться, я в сентябре 1911 года перед отъездом в Петербург навестил его на даче, где он жил под неослабным наблюдением и присмотром Татьяны Борисовны. За сравнительно небольшой промежуток времени он осунулся, исхудал, черты лица заострились, глаза углубились и потускнели; говорил он медленно, не совсем внятно, временами забывая и путая отдельные слова и выражения, смотрел вокруг рассеянным взглядом; едва-едва передвигался при помощи Татьяны Борисовны по комнатам, с трудом переставляя отяжелевшие ноги и держась холодными руками за окружающие предметы...

Прекрасно сознавая всю серьезность постигшего его заболевания, он со стоическим спокойствием переносил болезнь и связанные с нею невзгоды, проявляя железную силу духа, и не желал сдаваться без борьбы. Он тепло простился со мною и просил не слишком задерживаться в Петербурге, а поскорее возвращаться в Полтаву.

— Мы непременно должны поиграть с вами дуэты,— говорил он.— Я уже давно, вероятно, месяца три не беру в руки скрипки и не играю: Александр Александрович не велит, и по существу, живу без музыки, а это очень тяжело... Хорошо еще, что Мария Антоновна частенько заглядывает, поиграет что-нибудь на рояле, да иной раз Филипп Федорович забежит, из «Крейцеровой» попиликает, а то и совсем было бы плохо... Жду вас, приезжайте...

Я уехал.

А когда вернулся в Полтаву на рождественские каникулы, не застал Григория Григорьевича в живых: 17 декабря 1911 года в 10 часов вечера он скончался...

Немногие близкие, которые оставались при нем до конца, рассказывали, что, находясь уже почти без сознания, он все просил играть ему на рояле. Мария Антоновна исполняла у его постели фуги Баха, сонаты Бетховена, ноктюрны Шопена, и это облегчало его страдания...

Так он и ушел из жизни, сопровождаемый звуками бетховенской «Аппассионаты»...

Проводы

На кончину основоположника передвижничества отозвалась и столичная и полтавская пресса. Местные газеты писали, что со смертью Григория Григорьевича город потерял одного из деятельнейших сограждан своих, много трудившегося на пользу местного населения, вспоминали его заслуги в создании громадного театрального занавеса, который был поднесен художником в дар городу. «Память о нем останется живой в сердцах благодарного потомства и не только как о великом художнике, но и как о человеке в буквальном смысле слова»...

В статье «Художнику-академику» [8] С. Г. Семенченко отмечал кончину большого человека, «имя которого будет записано золотыми буквами на страницах русского искусства», говорил о почетном месте, принадлежащем Мясоедову как инициатору и организатору Товарищества передвижных выставок. Рассказывая о личных качествах ушедшего художника, автор писал, что девизом его жизни было «не делай другому того, чего не желаешь себе», и он всегда придерживался этого принципа.

М. А. Шимкова вспоминала [9], как осенью 1909 года под руководством Мясоедова в городском театре были поставлены «Живые картины» к поэме Шевченко «Катерина». При чтении поэмы на сцене появлялись картины, а за кулисами слышалась музыка, которая была подобрана и переложена самим Григорием Григорьевичем для инструментального трио. Сбор от постановки поступил в пользу Общества трудящихся женщин, председателем

которого была Шимкова. В пользу того же общества он намечал отдать и средства от входа на выставку его картин, которую проектировал устроить в Полтаве уже в 1911 году. Он отобрал для выставки сто пятьдесят своих произведений, начал их оформление, но слабеющие силы помешали ему осуществить это дело.

Передовое мировоззрение Мясоедова не мирилось с догматами православной церкви, и он завещал похоронить себя без обрядов. В то реакционное время гражданские похороны выдающегося представителя демократического прогрессивного искусства приобрели значение резкого общественного протеста.

Полтавская полиция «по санитарным соображениям» воспрепятствовала выполнению второй воли художника — захоронению в усадьбе на Павленках. Сын Мясоедова послал министру внутренних дел Макарову телеграфное ходатайство о разрешении выполнить эту волю отца. Ответ из Петербурга задержался, поэтому первоначально похороны состоялись на городском кладбище.

Я хорошо помню серый, туманный, немного морозный зимний день 20 декабря 1911 года, когда мы прощались с нашим другом и великим земляком.

В два часа дня в городской квартире Мясоедова, куда он обычно переезжал с дачи на зимние месяцы, собрались его близкие, знакомые, друзья, почитатели, среди них — доктор Волкенштейн с женой и сыном, профессор Шимков с женой, присяжные поверенные Семенченко и Старицкий с семьями, участники музыкального кружка, представители печати, скульптор Меркуров, прибывший из Москвы для снятия маски с лица Мясоедова *. Были возложены венки от друзей и почитателей, от Полтавского общества изящных искусств, от Общества трудящихся женщин, «От друга Т. Б. В.»

Скромная процессия без священников, без крестов и певчих тронулась на городское кладбище, где прах художника и был предан земле...

Мясоедов завещал написать на своем надгробии: «Царство божье внутри нас». Близкие к нему лица впоследствии рассказывали, что, находясь уже в последней стадии

* Маски Мясоедова он не снял, а сделал гипсовый слепок с лица художника. (*Прим. автора*).

болезни и предвидя скорый конец, он долго искал изречения, которое наиболее полно, точно и ярко могло бы выразить его мировоззрение и внутреннюю сущность настроения, и когда, наконец, нашел эти слова, говорил: «Так, почти так»... но уже не смог это «почти» заменить более подходящим изречением.

Мне, однако, представляется, что эти слова хорошо выразили мысль художника о том, что внутри своего благородного сердца он вырастил то царство немеркнущей и вечной красоты, которое обеспечило ему яркий жизненный путь и утвердило его почетное место в пантеоне выдающихся деятелей русского искусства.

И когда я возвращался домой, я думал: «Кто прожил свою жизнь, как он, тому не страшна смерть, и для него она представляет лишь кристаллизацию его духа в великой общей сокровищнице человеческой культуры...»

Через два часа после того, как мы похоронили Григория Григорьевича на кладбище, губернатор получил ответ министра: «Разрешаю, если ваше превосходительство согласны и не встречается возражений со стороны епархиального начальства». Возражений не встретилось и через четыре дня, 24 декабря 1911 года, И. Г. Мясоедов перенес прах отца в усадьбу, где и похоронил на точно указанном в завещании месте. В настоящее время могила художника находится в саду его бывшей усадьбы. Над могилой установлен гранитный обелиск с надписью:

«Выдающийся русский художник Г. Г. Мясоедов.
1835—1911».

Приложения

Примечания

Из писем и документов

1

[1] Дмитриев-Оренбургский Н .Д.— живописец-жанрист и баталист. Рисовальщик-иллюстратор. Учился в Академии художеств с 1853 по 1863 год на правах государственного пенсионера. Член петербургской Артели художников. В 1871 году был послан на средства Академии за границу, где прожил долгие годы.

[2] Картина «Бегство Григория Отрепьева из корчмы на Литовской границе. (На сюжет из трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов»)». За нее художник в 1862 году получил большую золотую медаль и был послан за границу сроком на шесть лет. Экспонировалась на годичной академической выставке осенью 1862 года. Она была оценена автором в 1000 рублей, но приобретена для Музея Академии за 800 рублей. (Ныне — во Всесоюзном музее А. С. Пушкина).

Фулон — лицо неустановленное.

Львов Ф. Ф.— конференц-секретарь Академии (1859—1865), секретарь Общества поощрения художеств в Петербурге.

[3] Дмитриев-Оренбургский, получив в 1860 году малую золотую медаль, безуспешно участвовал в конкурсах на большую золотую медаль в 1861 и 1862 годах.

2

[1] Мясоедов выехал за границу 18 мая 1863 года.

3

[1] Мясоедова Е. М., урожд. Кривцова,— пианистка и педагог, жена художника с 1861 года.

4

[1] Сомов А. И.— художественный критик и историк искусства. Почетный вольный общник Академии художеств с 1871 года. Хранитель Эрмитажа. Редактор журнала «Вестник изящных искусств» и его приложения «Художественная газета» (1883—1890). В 1860-х годах Сомов, окончивший физико-математический факультет Петербургского университета, служил при Академии наук, помещал статьи по вопросам искусства в газете «С.-Петербургские ведомости», получившей, после перехода ее в 1863 году в руки В. Ф. Корша, более прогрессивное направление.

Шемиот В. П.— живописец, окончил Академию в 1862 году; педагог. Почетный вольный общник Академии художеств с 1876 года. Один из создателей и руководитель педагогических курсов для подготовки учителей рисования при Академии (1879—1893), библиотекарь Академии.

[2] Эрмитаж обладает богатейшим собранием живописи и графики западноевропейских школ, памятников античного и восточного искусства, произведений художественной промышленности и прикладного искусства. Основание коллекции петербургской Академии художеств, как и эрмитажной, было положено в XVIII веке. В начале XIX века собрание Академии составило музей картин и скульптур (оригиналов и копий) иностранных мастеров, постоянно пополнявшийся приобретением произведений художников, получивших большие золотые медали, программами на соискание академических званий, работами профессоров Академии.

[3] Пинакотека (художественный музей) в Палаццо Брера в Милане основана в 1809 году. В собрании имелись произведения Тициана, Рафаэля, Тинторетто, Веронезе и других художников итальянцев, скульптура, коллекция монет и медалей, большая библиотека.

[4] Международная выставка в Брюсселе, открытая с 1 августа по 1 сентября 1863 года. Не установлено, о каких выставках в Кельне и Дюссельдорфе упоминает автор.

[5] Ридель А. Г.— немецкий жанрист и исторический живописец; не установлено, о каком произведении художника идет речь.

[6] См. письмо 8.

[7] Местонахождение неизвестно.

[8] Бруни Ф. А.— исторический живописец и портретист. Ректор Академии по живописи и ваянию (1855—1871).

[9] Уффици — художественный музей во Флоренции, возникший как частная коллекция семейства Медичи. С 1860 года — государственный музей, в собрании которого сосредоточены произведения итальянского и западноевропейского искусства, античная скульптура и шпалеры.

Галерея Питти во Флоренции — музей итальянского искусства, основан около 1620 года, славится произведениями Рафаэля,

[10] Мясоедова интересуют награды и звания, полученные учениками Академии и художниками за произведения, экспонировавшиеся на годичной выставке в петербургской Академии художеств за 1862/1863 академический год. Открылась в сентябре 1863 года.

[11] За картину «Бегство Григория Отрепьева из корчмы на Литовской границе». См. прим. 2 к письму 1.

[12] Забелло П. П.— скульптор, автор портретных бюстов, надгробий и памятников. Брат А. П. Ге, жены художника. Мясоедов упоминает о Мечникове Л. И.— географе, социологе и публицисте, участнике «тысячи» добровольцев, с которыми Д. Гарибальди, вождь итальянского национально-демократического освободительного движения, в 1860 году освободил южную Италию от ига династии Бурбонов. Кроме фамилии, Пряничников, которую художник называет в следующих письмах, о втором русском «гарибальдийце» ничего установить не удалось.

[13] Ге Н. Н.— исторический живописец, портретист и пейзажист. Весной 1857 года как пенсионер Академии уехал на шесть лет за границу. Осенью 1863 года на выставке в Академии художеств экспонировалась его картина «Тайная вечеря» (ныне — в ГРМ), принесшая художнику громкую славу. Академия возвела Ге в звание профессора, минуя степень академика и устроила в честь художника торжественный обед, как в свое время для К. П. Брюллова, возвратившегося из Италии с картиной «Последний день Помпеи» (1830—1833, ГРМ), на что и намекает Мясоедов. Сомов посвятил «Тайной вечере» статью в «С.-Петербургских ведомостях» (1863, № 213).

[14] В. П. Шемиот.

5

[1] См. письмо 8. Зворский В. К.— производитель дел в Академии художеств.

[2] Рисунок в подлиннике письма не сохранился. Речь идет о картине «У чужого счастья» («Материнское счастье», «Две судьбы», или «Игра случая», 1865, частное собрание). Экспонировалась на годичной выставке Академии осенью 1865 года.

[3] Чистяков П. П.— исторический живописец и педагог. Окончив Академию в 1861 году, был послан осенью 1862 года пенсионером за границу.

Иков П. П.— исторический живописец и портретист. В 1858 году получил большую золотую медаль, в 1860 как пенсионер уехал за границу.

Карнеев А. Е.— живописец-жанрист и педагог. Получил в 1860 году большую золотую медаль, в 1861 был отправлен пенсионером за границу.

Попов А. П.— архитектор, пенсионер Академии с 1862 года.

Кольман К. К.— архитектор. С 1858 года пенсионер Академии за границей. В 1864 году, по возвращении в Россию, был признан академиком за рисунки по реставрации Альгамбры.

Риццони А. А.— живописец-жанрист. В 1861 году уехал как пенсионер Академии за границу, где и прожил большую часть жизни.

Трутнев И. П.— живописец-жанрист и педагог. В 1859 году был отправлен пенсионером Академии за границу. В 1865 году вернулся в Россию, не окончив срока. За картину «Крестьянин благословляет сына своего в ополчение», о которой пишет Мясоедов, художник в 1855 году получил золотую медаль «за экспрессию».

[4] В 1847—1866 годах немецкий исторический живописец В. Каульбах исполнил в Новом королевском музее в Берлине фрески на сюжеты, изображающие «важнейшие события мировой истории».

[5] Солдаткин П. И.— исторический живописец, учился в Академии с 1852 по 1857 годы, получил при окончании звание классного художника. Автор картин «Фидиас представляет Периклу модель статуи Минервы», «Сергий благословляет Дмитрия Донского на брань с Мамаем» и т. п.

[6] Очевидно, речь идет о Стефано Усси — итальянском историческом живописце, жанристе, портретисте и пейзажисте.

Деларош П.— французский исторический живописец, изображавший преимущественно события средневековья.

[7] Кошелев Н. А.— исторический живописец, жанрист и педагог. За картину «Первое число» получил в 1862 году вторую серебряную медаль. (Местонахождение неизвестно).

[8] Картина немецкого исторического живописца и портретиста Ю. Шрадера «Кромвель у постели больной дочери», 1859.

[9] Дюпре Дж.— итальянский скульптор.

6

[1] См. прим. 10 к письму 4.

[2] См. прим. 2 к письму 5.

[3] Сомова Н. К. — жена А. И. Сомова, мать художника К. А. Сомова.

7

[1] Не установлено, о какой картине идет речь. Сомову принадлежала картина «Испанец», на которой имелась авторская надпись: «Г. Г. Мясоедов А. Сомову в марте 1867 г.» (ГТГ).

[2] В. В. Стасов, с которым Мясоедов познакомился еще в 50-х годах в кружке музыкантов, группировавшихся вокруг М. А. Балакирева, служил в Публичной библиотеке в Петербурге. 7 июля 1863 года он получил чин действительного статского советника.

[3] См. прим. 2 к письму 1.

8

[1] Новый королевский музей в Берлине (построен в 1843—1855 годах). В его собрании имелись памятники египетского и раннехристианского искусства, гравюрный кабинет и этнографическая коллекция.

[2] Галерея А. Рачинского — собрание немецкого искусства XIX века, основанное в 1847 году. После смерти владельца (в 1874 году), по его завещанию, было передано императору Вильгельму I. Картинная галерея Академии художеств в Берлине была открыта в 1830 году.

Картина Л. Галле — бельгийского живописца и графика — «Последние минуты графа Эгмонта. 3 июня 1568 года» (1848, ныне — в Национальной галерее в Берлине).

Верне Э.-Ж.-О.— французский баталист, исторический живописец и жанрист.

[3] Кнаус Л.— немецкий живописец-жанрист и портретист. Речь идет о его картине «Фальшивые игроки» (1851). Лессинг К.-Ф.— немецкий исторический живописец и пейзажист-романтик. Оба — представители дюссельдорфской школы.

[4] См. прим. 4 к письму 4. Имеется в виду каталог «Exposition générale des beaux-arts. 1863». Catalogue explicatif. Bruxelles. 1863. Мясоедов ошибся, на выставке было показано 1281 произведение, как значится в каталоге.

[5] На выставке экспонировались три портрета и «Словенский интерьер» чешского живописца Я. Чермака, жившего и работавшего во Франции; пять портретов (из них три — миниатюры) французского живописца П.-П. Поммайрака; три батальные картины Л. Патерностре, живописца, работавшего во Франции и Бельгии; три полотна французского художника Ж. Л.-Э. Мейссонье. Картина Мейссонье, о которой упоминается в письме, называлась «Баррикада. Воспоминание о гражданской войне»; четыре произведения немецкого живописца Ф. Виллемса. На выставке участвовали три художника по фамилии Беккер. По-видимому, автор имел в виду картину немецкого жанриста и исторического живописца К. Беккера «Сцена карнавала в Венеции».

[6] Речь идет о картине французского живописца П.-Ш. Комта — «Карл V и герцогиня д'Этамп».

[7] Стевенс А.— французский исторический живописец-жанрист, долго живший в Бельгии. Речь идет о картине художника —«Безмерное счастье».

Ионг Г.-Л.— голландский портретист и жанрист.

[8] Дилленс А.-А.— бельгийский живописец-жанрист и гравер. Картина Комта называлась «Развлечения Людовика XI».

[9] Страшинский Л. О.— исторический живописец, на выставке в Брюсселе экспонировалась его картина «Убийство епископа Льежа Луи Бурбона по приказу Жюльена де Ламарка, прозванного Арденским вепрем».

Сверчков Н. Е.— портретист и жанрист, занимавшийся также скульптурой. Показал в Брюсселе четыре картины: «Почтовая станция в России», «Охота на волков», «Путешественники, застигнутые метелью» и «Портрет Петра Чихачева».

[10] Речь идет о бронзовой скульптуре Ж.-Б. Карпо «Мальчик с раковиной».

[11] «Этюд с женщины вроде Магдалины».

9

Мартынов Д. Н.— исторический живописец, работал в области театрально-декорационного искусства, педагог. Пенсионер Академии художеств с 1858 года.

Бронников Ф. А.— исторический живописец, жанрист, автор произведений на сюжеты из античной жизни и пейзажист. Уехав пенсионером Академии художеств в 1854 году в Италию, жил и работал преимущественно в Риме.

10

[1] «У чужого счастья». См. прим. 2 к письму 5.

[2] Черкасский С. П., князь,— живописец-жанрист, вольноприходящий ученик Академии в 1850-х годах.

Якоби (Якобий) В. И.— жанрист и исторический живописец. Пенсионером Академии был с 1862 года.

Сорокин Е. С.— исторический живописец и жанрист, много работал в области религиозной живописи, педагог. С 1850 года — пенсионер Академии за границей.

[3] В июне 1865 года М. П. Боткин сообщал П. П. Чистякову, что Мясоедов с женой все еще живут в Париже, где художник кончает картину «У чужого счастья». (ОР ГТГ, ф. 2, ед. хр. 39, л. 5 об.

11

[1] В 1859 году Мясоедов получил малые серебряные медали за этюд с натуры и картину «Урок пряжи» («Бабушка и внучка», Тюменская областная картинная галерея); в 1860—большую серебряную медаль за картину «Деревенский знахарь» (частное собрание); в 1861 — малую золотую медаль за картину «Поздравление молодых в доме помещика» (ГРМ) и в 1862 году — большую золотую медаль за картину «Бегство Григория Отрепьева из корчмы на Литовской границе».

[2] 27 апреля 1866 года Совет Академии разрешил Мясоедову приехать в отпуск в Россию, сохранив за ним пенсионерское содержание. Уже 27 мая того же года художник получил свидетельство для проживания в Тульской и Харьковской губерниях.

12

[1] Перемирие в войне, начавшейся между Австрией и Пруссией 16 июня 1866 года, было заключено 26 июля того же года в городе Никольсбурге.

[2] См. прим. 2 к письму 1. В марте 1867 года Академия художеств обратилась к петербургскому обер-полицмейстеру с просьбой выдать Мясоедову заграничный паспорт, ввиду отъезда его за границу «на оставшееся время его пенсионерства».

13

[1] Вероятно, речь идет о хлопотах Сомова по продаже картины Мясоедова «У чужого счастья» (см. прим. 2 к письму 5).

[2] 3 сентября 1866 года в Петербурге, на Семеновском поле был повешен за покушение на жизнь Александра II Д. В. Каракозов.

[3] См. прим. 2 к письму 12.

[4] Газета «С.-Петербургские ведомости», руководимая В. Ф. Коршем (см. прим. 1 к письму 4), не раз подвергалась гласным и негласным предостережениям правительства.

[5] Кюи Ц. А.— композитор, музыкальный критик, член «Могучей кучки». Профессор фортификации.

Серов А. Н.— композитор, музыкальный критик, общественный деятель.

Раппопорт М. Я.— музыкальный критик, издатель «Музыкального и театрального вестника» (1856—1861).

Мясоедов намекает на разногласия во взглядах на пути развития русской музыки между Кюи и Серовым, окончившиеся открытой полемикой в печати из-за творчества Балакирева.

15

[1] Якоби с женой жили в это время в Неаполе.

[2] Картина «Последние минуты Мессалины, жены римского императора Клавдия», так и не оконченная автором (ныне — в ГРМ).

16

[1] Веселовский А. Н.— литературовед, академик, профессор Петербургского университета. В 1867—1869 годах жил в Италии, где общался с Ге и Мясоедовым. Оставил воспоминания о них, использованные В. В. Стасовым в книге «Николай Николаевич Ге, его жизнь, произведения и переписка». М., 1904.

[2] Капнист П. А.— с 1862 года служил при русской миссии в Риме, с 1863 года — секретарь русской миссии в Ватикане; позже — дипломатический агент России в Риме, сенатор.

17

[1] «Франческа да Римини и Паоло да Паолента. (Из пятой песни «Ада» соч. Данте)» (1868), экспонировалась на годичной академической выставке осенью 1869 года (погибла при пожаре).

[2] В 1867 году на годичной академической выставке были показаны две картины Мясоедова: «Похоронный праздник у цыган в Испании» («Похороны у испанских цыган», или «Похоронный обряд испанских цыган», 1866, местонахождение неизвестно) и «Знахарка, собирающая травы» («Колдунья на охоте», или «Приворотные травы», 1866, Гос. художественный музей БССР).

18

[1] См. прим. 1 к письму 17.

[2] Деньги были отправлены Мясоедову во Флоренцию 25 июня 1868 года.

19

[1] См. прим. 1 к письму 17.

[2] Срок пенсионерства Мясоедова кончался 1 января 1869 года. Как видно из докладной записки конференц-секретаря Академии художеств П. Ф. Исеева, деньги, о которых пишет художник, были высланы ему еще 27 сентября, а 6 ноября 1868 года отправлены 200 рублей на обратный путь. Мясоедов вернулся на родину в начале 1869 года, так как уже в марте он получил свидетельство для проживания «во всех городах» России.

20

[1] Письмо, составленное по инициативе Мясоедова, адресовано петербургской Артели художников и подписано художниками-москвичами: Г. Г. Мясоедовым, В. Г. Перовым, Л. Л. Каменевым, А. К. Саврасовым, В. О. Шервудом и И. М. Прянишниковым.

Предложения москвичей не встретили сочувствия у Артели, как организации в целом, но нашли горячий отклик у И. Н. Крамского и Н. Н. Ге, познакомившегося с идеями Мясоедова об основании выставочного объединения художников еще в Италии. После обсуждения письма на собрании в Артели к нему присоединили свои подписи: Ге, Крамской, К. В. Лемох, Ф. А. Васильев, А. М. Волков, М. П. Клодт, Н. Д. Дмитриев-Оренбургский, К. А. Трутовский, Н. Е. Сверчков, А. К. Григорьев, Ф. С. Журавлев, Н. П. Петров, В. И. Якоби, А. И. Корзухин, И. Е. Репин, И. И. Шишкин, А. Попов. Однако впоследствии не все из подписавших стали членами Товарищества передвижников.

[2] Проект устава Товарищества в подлиннике написан рукой Мясоедова. Об авторстве Мясоедова свидетельствуют также в своих воспоминаниях об истории организации Товарищества передвижников Ге и Крамской.

[3] Устав Товарищества передвижных художественных выставок был утвержден 2 ноября 1870 года, а первая передвижная выставка открылась в Петербурге, в залах Академии художеств, 29 ноября 1871 года.

[4] Клуб художников был открыт в Петербурге осенью 1865 года.

21

[1] Письмо Крамского не сохранилось.

[2] Письмо, посланное москвичами петербуржцам 23 ноября 1869 года.

[3] Петербургская Артель художников возникла после известного «бунта 14» в Академии художеств в 1863 году. Четырнадцать выпускников Академии, среди которых был Крамской, отказались

писать конкурсные картины на библейские и мифологические темы, предложенные Советом, и выдвинули требование разрешить им самим выбрать сюжеты конкурсных работ. После отказа Совета тринадцать живописцев и присоединившийся к ним скульптор оставили Академию. Все они попали под негласный надзор полиции.

[4] Евреинов — лицо неустановленное.

[5] См. письмо 20.

22

[1] Текст прошения и проекта устава сохранился. Художники писали: «Предполагая основать Товарищество передвижных выставок с целью доставления жителям провинции возможности знакомиться с искусством и следить за его успехами, а также для облегчения художникам сбыта их произведений, имеем честь обратиться к Вашему превосходительству с покорнейшей просьбою об утверждении прилагаемого при сем устава означенного Товарищества. Сентябрь 1870 г. Учредители Товарищества:
профессор импер. Акад[емии] худож[еств] Николай Ге. В С.-Петербурге, Васил[ьевский] остр[ов], 7 линия, д. 36;
академик той же Академии Иван Крамской. В[асильевский] о[стров], Биржевой пер., д[ом] Елисеева, кв. № 23;
академик той же Академии Василий Перов. На углу Тверской и Садовой, д[ом] Резанова в Москве;
классный художник X класса той же Академии Григорий Мясоедов. На Тверском бульваре, дом кн. Ухтомского в Москве;
академик Алексей Саврасов. Москва, Мясницкая улица, дом Училища живописи и ваяния;
академик той же Академии Лев Каменев. У Сухаревой башни, дом Петрова в Москве;
классный художник той же Академии Илларион Прянишников. У Сухаревой башни, д[ом] Петрова в Москве;
академик Иван Шишкин. В[асильевский] о[стров], 14 линия, дом № 59;
профессор М. К. Клодт. У Измайловского моста, д. № 1 [в Петербурге];
академик Алексей Корзухин. Невский, д. № 12, в Петербурге;
профессор К. Маковский. Петербург, Гагаринская наб., дом кн. Гагариной;
свободный художник Н. Маковский. У Симеоновского моста, д[ом] Безобразова в Петербурге;
академик Валерий Якоби. Петербург, В[асильевский] о[стров], 2 линия, д. № 3». (См. ЦГИАЛ, ф. 1287, оп. 40, д. 80, л. 2—5.)

«Проект устава Товарищества передвижных художественных выставок.

Цель Товарищества

§ 1. Товарищество имеет целью: устройство во всех городах Российской империи передвижных художественных выставок в видах доставления жителям провинций возможности знакомиться с русским искусством и следить за его успехами, развития любви к искусству в обществе и облегчения для художников сбыта их произведений.

Права Товарищества

§ 2. Товарищество имеет право устраивать художественные выставки и производить на них продажу как художественных произведений, так и художественных изданий, а также и фотографических снимков, во всякое время и во всех городах империи.

§ 3. Товарищество избавляется от взятия торговых свидетельств.

§ 4. Членами Товарищества могут быть только художники, не оставившие занятий искусством.

Прием членов и их обязанности

§ 5. Прием в члены Товарищества производится баллотировкою кандидата в Общем собрании.

§ 6. Члены Товарищества обязываются представлять свои картины к определенному Управлением выставки сроку, и притом такие, которые еще нигде не были выставлены для публики.

Примечание: Произведение, уже бывшее где-либо на выставке, может быть принято Товариществом лишь в исключительных случаях, т. е. тогда, когда такое произведение может значительно усилить достоинство выставки и увеличить доход от оной.

Управление делами Товарищества

§ 7. Делами Товарищества заведуют: Общее собрание его членов и Управление передвижной выставки.

§ 8. Общее собрание бывает однажды в году, во время, определяемое Управлением выставки. Кроме того, Общее собрание созывается во всех тех случаях, когда потребует того $^1/_3$ наличного числа членов Товарищества.

§ 9. Общему собранию подлежат: а) рассмотрение отчета, представляемого ежегодно Управлением, б) назначение числа членов Управления и избирание сих членов, в) определение времени и места открытия выставки, г) избрание лица, сопровождающего выставку, и назначение ему жалованья, д) поверка приходо-расходных книг Товарищества, е) свидетельствование его кассы и ж) вообще ревизия всех действий Управления.

§ 10. Все вопросы в Общем собрании решаются большинством голосов, посредством баллотировки.

§ 11. Управление выставки состоит из лиц, избираемых Общим собранием на годичный срок из числа членов Товарищества.

§ 12. Управление состоит из 2-х отделений: Петербургского и Московского. Местопребыванием Управления назначается та из столиц, в которой окажется наибольшее число членов Товарищества на жительстве. При равном числе членов в обеих столицах местопребывание Управления определяется Общим собранием.

§ 13. Члены Управления, находящиеся в другой столице, если не прибудут лично в заседание, подают голос письменно или поручают присутствовать в нем за себя кому-либо из членов Товарищества, извещая об этом Управление.

§ 14. На обязанности Управления лежат: назначение маршрута выставки; приискание помещения для нее; снабжение инструкцией лиц, сопровождающих выставку; оценка картин, служащая основанием при разделе прибыли между экспонентами; приобретение

различных предметов, нужных для выставки; определение платы за вход на выставку; назначение и выдача ссуд членам Товарищества; ведение книг; хранение кассы и вообще различные распоряжения по устройству и перемещению выставки.

§ 15. Управление при открытии выставки определяет, какие из составляющих ее произведений могут быть выдаваемы покупателям немедленно и какие — лишь по возвращении выставки на место ее отправления.

§ 16. Управление решает выдачу ссуд членам по рекомендации одного из отделений.

§ 17. Каждое из отделений независимо от другого имеет право принимать художественные произведения для выставки.

§ 18. Все вопросы как в Управлении, так и в его отделениях, решаются большинством голосов, посредством баллотировки.

Касса Товарищества

§ 19. Касса Товарищества образуется: а) из сбора платы за вход публики на выставку и б) из вычета 5% с продаваемых на выставке художественных произведений и изделий.

§ 20. Для ближайшего хранения кассы Товарищества и для выдачи ссуд, разрешенных Управлением, Управление избирает из среды своей кассира.

§ 21. По окончании передвижения выставки чистая прибыль, если таковая окажется за расходами по устройству и передвижению и за вычетом 5% с проданных вещей, поступает в раздел между экспонентами, сообразно произведенной Управлением оценке их произведений. Сумма же, составившаяся из означенных 5%, назначается для выдачи из нее ссуд тем членам Товарищества, которые, по недостаточности средств, не имеют возможности окончить свои произведения к сроку.

§ 22. Во время передвижения выставки все художественные произведения должны быть застрахованы в цену, назначенную самими авторами.

§ 23. Выставку во время передвижений сопровождает на счет Товарищества лицо, избираемое Общим собранием; в случае надобности, ему придается помощник, которого он сам выбирает. Оба эти лица должны быть вполне ответственны за целость сумм и художественных произведений и обязаны в точности следовать данной им инструкции.

§ 24. Продажная цена произведению, принятому на выставку, назначается самим автором.

§ 25. Если опыт укажет на необходимость каких-либо изменений или дополнений к этому уставу, то, по одобрении таковых Общим собранием, испрашивается утверждение их общим порядком.

§ 26. В случае ликвидации дел Товарищества, его касса, за удовлетворением из нее всех денежных претензий, имеющихся на Товариществе, поступает в раздел между наличными и бывшими членами Товарищества, сообразно тому, сколько от каждого из них поступило 5% взноса в кассу.

Учредители Товарищества:

Профессор императорской Академии художеств Николай Ге.

Академик той же Академии И. Крамской.

Академик Василий Перов.
Классный художник X класса той же Академии Григорий Мясоедов.
Академик Алексей Саврасов.
Художник Лев Каменев.
Классный художник Илларион Прянишников.
Академик Иван Шишкин.
Академик Михаил П. Клодт.
Профессор барон М. К. Клодт.
Академик Алексей Корзухин.
Профессор К. Маковский.
Свободный художник N. Маковский.
Академик Валерий Якобий.
Классный художник 1-й степени К. Лемох».
(См. ЦГИАЛ, ф. 1287, оп. 40, д. 840, л. 2—5 об.)

[2] Тимашев А. Е.— министр внутренних дел (1868—1878) и его жена — Евфимия Петровна.

23

[1] Третьяков П. М.— московский купец, коллекционер, основатель картинной галереи, переданной им в 1892 году, вместе с собранием брата, С. М. Третьякова, в дар городу Москве. В 1918 году, после национализации, музей, созданный Третьяковым, получил наименование «Государственная Третьяковская галерея».

[2] Картина Мясоедова «Земство обедает» (1872, ГТГ) экспонировалась под названием «Уездное земское собрание в обеденное время» на II выставке Товарищества передвижников, открывшейся в Петербурге 26 декабря 1872 года. Была приобретена Третьяковым в 1873 году за 945 рублей. В книге «Письма художников к П. М. Третьякову» (М., 1968) письмо ошибочно датировано 1872 годом.

[3] Музею Академии принадлежала картина Мясоедова «Бегство Григория Отрепьева из корчмы на Литовской границе» (см. прим 2 к письму 1).

24

[1] Картина Перова «Птицелов» (1870) была куплена Третьяковым на академической выставке 1870 года за 2000 рублей и никогда не покидала собрания галереи. Картина М. П. Клодта «Последняя весна», за которую художник в 1861 году получил большую золотую медаль, была приобретена Третьяковым в 1870 году за 800 рублей, находится в собрании ГТГ.

[2] Речь идет о картине Мясоедова «В осажденном городе» («Сцена при осаде Севастополя» (1872). Экспонировалась на II выставке Товарищества передвижников, открывшейся в Петербурге 26 декабря 1872 года. Принадлежит собранию панорамы «Оборона Севастополя 1854—1855 годов».

[3] См. прим. 2 к письму 23.

25

[1] Ге работал над картиной «Екатерина II у гроба императрицы Елизаветы» (1874, ГТГ), показанной на III выставке Товарищества передвижников.

[2] «Чтение Положения 19 февраля 1861 года».

[3] Во время пребывания II выставки Товарищества передвижников в Харькове местная казенная палата взыскала с Товарищества штраф из-за отсутствия у него торгового свидетельства. Возможно, в связи с этим Товарищество в 1873 году обратилось к министру внутренних дел Тимашеву с ходатайством о дополнении к уставу, освобождающему объединение от необходимости иметь торговое свидетельство. Такое дополнение не было внесено в устав.

[4] Чиркин А. Д.— художник, бывший военный. Сопровождал выставки Товарищества в путешествии по провинции с 1872 по 1881 год. Речь идет о движении II передвижной выставки, которая была открыта в Орле с 14 июня по 14 июля 1873 года, затем была переведена в Харьков, Одессу, Кишинев и Киев, где закрылась 7 января 1874 года.

[5] Николай Николаевич и Петр Николаевич Ге — сыновья художника.

[6] См. прим. 12 к письму 4.

[7] Кривцов А. М — брат Е. М. Мясоедовой.

26

[1] Речь идет о переездах Крамского с семьей в поисках удобного жилья и условий для работы летом 1873 года.

[2] II выставка Товарищества передвижников была открыта в Одессе с 4 августа по 17 сентября 1873 года.

[3] Над картиной «Чтение Положения 19 февраля 1861 года». Под этим названием экспонировалась на III выставке Товарищества передвижников, открывшейся в Петербурге 21 января 1874 года. Принадлежит ГТГ, в каталоге которой (М., 1952) названа «Чтение манифеста 19 февраля 1861 года».

[4] Упомянуты автором: жена Крамского — Софья Николаевна, их дети — Анатолий, Николай, Марк, Софья и Сергей; художники — И. И. Шишкин и К. А. Савицкий, с женами — Е. А. Шишкиной и Е. В. Савицкой, жившие летом 1873 года вместе с Крамскими.

27

[1] Панин — лицо неустановленное. Крамской был озабочен «разысканием старой барской усадьбы», где бы «не жили более двадцати лет», для работы с натуры для картины «Осмотр старого дома», начатой в августе 1873 года и оставшейся незавершенной (ГТГ).

[2] Письмо Ге к Мясоедову не сохранилось. Имеется ответ Крамского на аналогичное письмо Ге к нему. (См. И. Н. Крамской.

Письма. Статьи. М., 1965, т. 1, стр. 199.) Речь идет о предложении русского посла в Турции гр. Н. П. Игнатьева показать там II передвижную выставку. Это не было осуществлено.

[3] Савицким.

28

[1] Письмо Чиркина не сохранилось. Письмо датируется на основании упоминания о II передвижной выставке в Одессе. См. прим. 2 к письму 26.

[2] На II выставке Товарищества передвижников в провинции экспонировались картины: «Егерь» и «На празднике» Прянишникова; «Дети» и «Утро чиновника» Савицкого; «Стадо» и «Нищие» В. Маковского; «Сплетницы» (или «Кумушки у колодца») Максимова. Картина Мясоедова называлась «Заклинание. (Из народных поверий)» (1869, местонахождение неизвестно). Новосельский А. Н.— одесский городской голова. Чихачев Н. И.— коллекционер. Ему принадлежала и картина Мясоедова «Опахивание» (1876, ныне — в ГРМ).

[3] Картину Мясоедова «В осажденном городе» («Сцена при осаде Севастополя», 1872, ныне — в собрании Панорамы обороны Севастополя). II передвижная выставка в Киеве была открыта с 11 ноября 1873 по 6 января 1874 года.

[4] На Общем собрании Товарищества передвижников 2 января 1872 года членами Правления от Петербурга были избраны: Мясоедов, Крамской и Ге, а от Москвы — Перов, Саврасов и Прянишников, что объясняет хлопоты и переписку Мясоедова о составе передвижной выставки.

29

[1] Письма Крамского и Ге к Мясоедову не сохранились.

[2] В письме членов Московского отделения Товарищества — Саврасова, Перова, Каменева, Маковского, С. Н. Аммосова, В. Ф. Аммона и Прянишникова — в Петербургское отделение от 23 декабря 1873 года сообщалось о невозможности найти в Москве помещение для II передвижной выставки, ввиду произвольного изменения сопровождающим Чиркиным срока ее открытия в Москве. Москвичи, возмущаясь самоуправством Чиркина, спрашивали: «...с кем именно на будущее время Московское отделение должно иметь сношение по делам Товарищества: с членами ли С.-П[етербургского] отделения или с частными лицами?» (ОР ГТГ, ф. 69, ед. хр. 108, л. 1). Конфликт был улажен на Общем собрании Товарищества 2 января 1874 года, но II передвижная выставка в Москве не экспонировалась.

[3] Для II выставки, которую требовалось дополнить, так как на ней экспонировалось всего 33 произведения.

[4] Крамской начал портрет Л. Н. Толстого 3 сентября 1873 года. К 3 октября 1873 года художник написал два портрета писателя: один — по заказу Третьякова (ныне — в ГТГ), другой — для семьи писателя (ныне — в Музее-усадьбе Л. Н. Толстого «Ясная

Поляна»). На передвижной выставке портреты не экспонировались. Впервые портрет Толстого (из собрания Третьякова) был показан публике на Всемирной выставке в Париже в 1878 году.

30

[1] Письмо датируется по содержанию. В книге «Письма художников к П. М. Третьякову» (М., 1968) оно ошибочно отнесено к 1872 году. Речь идет о картине Мясоедова «Чтение Положения 19 февраля 1861 года», приобретенной Третьяковым в 1874 году. (См. ОР ГТГ, ф 1, ед хр. 4727, л. 1 об.) См. прим. 3 к письму 26.

31

[1] 23 декабря 1873 года Товарищество передвижников получило от Русского технического общества, занимавшегося организацией русского отдела на ежегодной Лондонской международной выставке 1874 года, приглашение показать на ней работы своих членов. Приглашение было принято на Общем собрании членов Товарищества 3 января 1874 года. В качестве представителей Товарищества Правлением были выделены П. А. Брюллов и Н. Н. Ге.

[2] Петербургское отделение Правления Товарищества отклонило от участия в III передвижной выставке картину В. Маковского и пейзаж Саврасова «Север», что «москвичи» считали «незаконным». (См. ОР ГТГ, ф. 69, ед. хр. 115, л. 1, 19 февраля 1874 г.)

[3] Картины А. П Боголюбова «Хождение Иисуса Христа по водам» и пейзаж Каменева «Лес», экспонировавшиеся на II передвижной выставке, были, вероятно, показаны на постоянной выставке Московского общества любителей художеств, членами которого были три брата Мазурины.

Саврасов определил своим картинам, предназначенным для III передвижной выставки, цены: «Волга под Нижним» («На Волге», ныне — в ГТГ, под названием «К концу лета на Волге», 1873) — 1500 рублей; «Могила на Волге»—2000 рублей. (См. ОР ГТГ, ф. 69, ед. хр. 115, л. 1 об.)

[4] А. Шкляревский. По поводу картины г. Крамского «Спаситель в пустыне». Киев, 1873.

[5] III выставка Товарищества передвижников после Петербурга и Москвы была экспонирована в Казани, Саратове, Воронеже, Харькове, Одессе, Киеве и Риге.

[6] Прянишников с 11 марта 1873 года преподавал в Московском училище живописи, ваяния и зодчества. Мясоедов упоминает его картину «В 1812 году», первый вариант которой (показана на III выставке Товарищества) был исполнен художником в 1869 году, частное собрание в Ленинграде; в 1873 — он написал два варианта той же картины (Одесский художественный музей и Гос. музей Л. Н. Толстого в Москве). В Третьяковской галерее — повторение картины 1873 года, написанное в 1874 году.

Каррик В. А.— фотограф-художник, известный опытами в области жанровой фотографии.

[7] III выставка Товарищества передвижников была открыта в Петербурге с 21 января по 14 марта, а в Москве с 2 апреля по 31 мая 1874 года.

[8] Весной 1874 года Мясоедов уехал в Италию.

32

[1] Письмо Крамского не сохранилось. Ссора между Крамским и Ге на этот раз произошла, вероятно, из-за картины В. М. Васнецова «За чаем», показанной на III выставке Товарищества. Ге не скрывал неодобрительного отношения к работам Васнецова, находя их фальшивыми, а Крамской считал его необычайно одаренным художником. (См. Крамской. Письма. Статьи. М., 1965, т. 1, стр. 234.) Недоразумения между Крамским и Ге были в те годы обычным явлением, о чем вспоминают многие их современники. Спад в творчестве Ге, ведущее место, которое постепенно завоевывал Крамской в русском искусстве и Товариществе, усугубляли их разлад, тем более что Крамской не скрывал своих суждений о «гибели» Ге как художника, ставя одновременно под сомнение и его заслуги в области искусства в прошлом. (См. то же, стр. 234.) Максимов В. М.— жанрист, член Товарищества передвижников с 1872 года. На III выставке экспонировал две работы: «Игра детей в больших» и «Птичье гнездо».

[2] Речь идет об открывшейся 15 марта 1874 года ежегодной выставке работ, присланных на конкурс в Общество поощрения художеств в Петербурге. В. Маковский представил на нее картину «Посещение бедных» и получил за нее вторую премию «по живописи домашних сцен» в 200 рублей.

[3] «Чтение Положения 19 февраля 1861 года».

[4] «Русалки. На сюжет повести Н. В. Гоголя „Майская ночь“» (1871, ГТГ).

[5] III выставка Товарищества передвижников и выставка художественных произведений в имп. Академии художеств в 1874 году.

33

[1] См. прим. 1 к письму 30.

[2] III выставка Товарищества открылась в Москве 2 апреля 1874 года.

34

[1] Скульптура М. М. Антокольского «Христос перед судом народа» (1874, ныне — в ГТГ) была приобретена С. И. Мамонтовым.

[2] М. М. Антокольский и М. А. Чижов, пенсионер Академии с 1867 года, были выбраны в жюри по скульптуре выставки современного искусства, открывшейся в конце 1873 года в Риме.

[3] Рисунок, сделанный Мясоедовым в отсутствие автора, сохранился. Антокольский был очень недоволен поступком Мясоедова,

о чем писал Стасову и Мамонтову. Не желая снижать впечатления от готовой работы, скульптор не позволял ее даже фотографировать.

[4] III выставка Товарищества передвижников и картина Мясоедова «Чтение Положения 19 февраля 1861 года».

[5] т. е. Шишкин.

Крамской был членом Комиссии экспертов по сооружению памятника Пушкину, конкурс на который был объявлен в мае 1872 года. В апреле 1874 года Крамской по делам Комиссии ездил в Москву, о чем, видимо, знал Мясоедов.

35

[1] Картина «Чтение Положения 19 февраля 1861 года» и работа Ге «Екатерина II у гроба императрицы Елизаветы», купленная А. В. Полетикой (с 1911 года — в ГТГ). Картина Мясоедова путешествовала с III выставкой Товарищества, совершив весь круг, а Ге отправил в поездку уменьшенное повторение своего произведения.

[2] Боголюбов А. П.— пейзажист, маринист, автор работ, изображающих исторические сражения русского флота. Член Товарищества передвижников с 1873 года. Долго жил и работал во Франции, один из инициаторов создания и активный участник Общества взаимного вспомоществования русских художников в Париже. Был близок к представителям царской фамилии, часто прибегал к своим связям в пользу Товарищества, на что, видимо, намекает Мясоедов. О творчестве Антокольского не раз восторженно писал Стасов, это отчасти и объясняет слова Мясоедова.

[3] Мясоедова интересуют результаты переговоров о взаимоотношениях Академии художеств и Товарищества передвижников, начатых по инициативе вице-президента Академии вел. князя Владимира Александровича 24 декабря 1873 года. В них участвовали художники М. К. Клодт, Боголюбов, Ге и К. Ф. Гун. 14 января 1874 года к ним был привлечен Крамской. Вице-президент желал, чтобы Товарищество «отменило свои отдельные выставки в Петербурге», соединив их с выставками Академии, дабы сплотить силы русского искусства. После обсуждения этих предложений на Общем собрании в письме от 31 января 1874 года Товарищество осторожно и деликатно отклонило предложения великого князя, отстаивая свою полную самостоятельность.

В феврале — марте 1874 года А. В. Праховым — историком искусства, археологом и художественным критиком — были прочитаны в Академии восемь лекций, посвященных современной западноевропейской живописи и скульптуре. Интерес передвижников к лекциям Прахова был вызван опасениями усиления академического лагеря, к которому, как они предполагали, примкнет Прахов. См. прим. 2 к письму 33. III передвижная выставка закрылась в Москве 31 мая 1874 года. В ее маршрут вошли города: Казань, Саратов, Воронеж, Харьков, Одесса, Киев, Рига. Путешествие закончилось 11 мая 1875 года. Сопровождал ее А. Д. Чиркин.

[4] Упоминается Н. Н. Ге, А. И. Сомов и И. И. Шишкин.

36

[1] К. Е. Маковский был членом-учредителем Товарищества передвижников, подписавшим в 1870 году его устав, но не принимал участия в деятельности общества. На III выставке он участвовал как экспонент. Картина «Возвращение священного ковра из Мекки в Каир» (1876, ГРМ) не была представлена на IV выставке Товарищества.

37

[1] IV выставка Товарищества передвижников открылась в Петербурге 27 февраля 1875 года. На ней были показаны работы Мясоедова: «Негр. (Этюд)» (Иркутский художественный музей), «Неаполитанец. (Этюд)» (трудно сказать, какая именно работа художника подразумевается под этим названием: в Калужском областном художественном музее есть «Старик-итальянец», а в Тульском областном художественном музее —«Мальчик-итальянец») и картина «Игра в горелки».

[2] А. А. Киселев — пейзажист и педагог — впервые принял участие, в качестве экспонента, на IV выставке Товарищества передвижников, показав пейзаж «Вид из окрестностей Харькова».

IV выставка Товарищества в Харькове открылась 10 декабря 1875 года.

38

[1] См. прим. 2 к письму 37.

[2] «Игра в горелки». Критика упрекала художника в отсутствии «мягкости, грации и легкости», необходимых для подобного сюжета, Чистяков назвал ее «грубой работой». Была уничтожена художником.

39

[1] В делах Товарищества передвижников сохранились документы об организации IV передвижной выставки в Ярославле, предпринятой по инициативе местного Музыкального общества. Выставка была открыта с 30 марта по 15 апреля 1876 года. В Одессе IV выставка Товарищества была с 20 января по 8 февраля, в Киеве — с 21 февраля по 14 марта 1876 года. На основании этих данных письмо датируется 1876 годом, а не 1872, к которому оно ошибочно отнесено в книге «Письма художников к П. М. Третьякову». М., 1968.

[2] Картина «Чтение Положения 19 февраля 1861 года» на выставке в Ярославле не экспонировалась.

40

[1] Картина «Земство обедает». Она не была продана Третьяковым и поныне принадлежит собранию ГТГ.

[2] В 1876 году Мясоедов совершил путешествие в Сербию.

41

[1] Третьяков уехал за границу 24 сентября 1876 года.

42

[1] Картина «Молебен на пашне о даровании дождя» («Засуха», 1878, Национальный музей в Варшаве) экспонировалась на VI выставке Товарищества передвижников. Была приобретена Музеем изобразительных искусств при Харьковском университете.

43

[1] См. прим. 1 к письму 40.

44

[1] По постановлению Общего собрания Товарищества от 7 марта 1876 года VI выставка должна была открыться 1 октября 1877 года. Однако в апреле 1877 года началась русско-турецкая война на Балканах. VI выставка открылась в Петербурге в залах Общества поощрения художеств лишь 9 марта 1878 года.

[2] 20 сентября 1877 года состоялось Общее собрание членов Товарищества передвижников, сведения о котором сохранились только в переписке.

[3] «Молебен на пашне о даровании дождя» («Засуха»). 26 декабря 1877 года Крамской писал Репину: «...Мясоедов приехал и привез картину (большую довольно) «Молитва на пашне о даровании дождя». (См. Крамской. Письма. Статьи. М., 1965, т. 1, стр. 436.)

[4] Не установлено, о каких этюдах Максимова идет речь.

45

[1] См. прим. 1, 2 к письму 44.

[2] По-видимому, Крамской сообщил Мясоедову содержание письма Савицкого к нему от 12 сентября [1877]. (См. Переписка И. Н. Крамского. М., 1954, т. 2, стр. 493.)

[3] Речь идет об оставшейся незавершенной, несмотря на более чем 15-летний труд, картине Крамского «Хохот («Радуйся, царю иудейский»)», 1877—1882, ГРМ. Картина В. Маковского «Толкучий рынок в Москве», которую художник начал еще в 1875 году, экспонировалась на VIII выставке Товарищества передвижников в 1880 году.

[4] «Молебен на пашне о даровании дождя» («Засуха»).

[5] Клодт М. К.— пейзажист, член-учредитель Товарищества передвижников.

[6] Картина «Царь Борис и царица Марфа» не была осуществлена Ге, сохранился эскиз к ней (1874, Куйбышевский городской художественный музей). В 1874 году Ге написал две работы, изображающие А. И. Слюсареву, ставшую женой его сына Николая: этюд «Девушка-украинка» (эскиз портрета, ГТГ) и «Портрет А. И. Слюсаревой» (частное собрание).

46

[1] 26 декабря [1877 года] Крамской сообщал Савицкому: Мясоедов «...приехал и поместился работать у меня свою картину...» (См. Переписка И. Н. Крамского. М., 1954, т. 2, стр. 497.)

47

[1] Картина «Петр I в Саардаме» не была осуществлена художником. Рисунок в подлиннике сохранился.

[2] «Молебен на пашне о даровании дождя» («Засуха»). См. прим. 1 к письму 42.

[3] См. прим. 1 к письму 44.

[4] В залах Академии художеств с 1 по 26 февраля 1878 года была открыта выставка художественных произведений, предназначенных для русского художественного отдела Всемирной выставки 1878 года в Париже. Сбор с входных билетов на выставку поступил, по требованию художников и владельцев картин, в пользу общества Красного Креста.

48

[1] Письмо датируется по упоминанию о празднике пасхи, которая в 1878 году приходилась на 16 апреля. Кроме того, 25 апреля 1878 года Третьяков в письме к Крамскому осведомлялся о цене картины Мясоедова «Молебен на пашне о даровании дождя» («Засуха»). (См. Переписка И. Н. Крамского, И. Н. Крамской и П. М. Третьяков. 1869—1887. М., 1953, стр. 232.)

[2] «Молебен на пашне о даровании дождя» («Засуха») не была приобретена Третьяковым. См. прим. 1 к письму 42.

49

[1] В книге «Письма художников к П. М. Третьякову» (М., 1968) ошибочно датировано 1874 годом. Письмо Третьякова не сохранилось. См. письмо 48 и прим. 1 к письму 42.

[2] VI выставка Товарищества передвижников открылась в Москве 7 мая 1878 года.

50

[1] На VI выставке Товарищества передвижников экспонировался «Этюд» Мясоедова, возможно —«Старуха с белой повязкой на голове».

[2] 20 июля 1878 года Правление Товарищества передвижников, сообщив членам общества о переговорах с товарищем городского головы Петербурга Л. Я. Яковлевым, обратилось за разрешением начать хлопоты о выделении городом Товариществу места для постройки постоянного здания для выставок.

51

[1] Мясоедов отвечает на письмо Правления Товарищества от 2-го сентября 1878 года, в котором сопровождающим передвижной выставки предлагался И. В. Волковский и подробно излагались его обязанности.

[2] В том же письме Правление сетовало на отсутствие сведений о местонахождении прежнего сопровождающего — Чиркина, что нарушало выставочную деятельность Товарищества.

52

[1] См. письмо 50. Предполагалось, что члены Товарищества сделают денежные взносы и станут пайщиками строительства. Постройка не была осуществлена, так как город отказал Товариществу в выделении места для здания.

[2] Мясоедов и Перов сопровождали I передвижную выставку в ее путешествии по провинции в 1872 году.

[3] Мирный договор России с Турцией был заключен 19 февраля/3 марта 1878 года в Сан-Стефано.

[4] В сентябре 1878 года московские члены Товарищества передвижников предложили Правлению не посылать в путешествие VI передвижную выставку, а «дождаться следующей, седьмой; после пребывания ее в столицах сделать из обеих выставок выбор более выдающихся вещей для отсылки их в провинцию, так как в настоящее время очень затруднительно сообщение по железным дорогам по случаю обратного движения войск...». (См. ОР ГТГ, ф. 69, ед. хр. 144, л. 1.) VI выставка, после закрытия ее в Москве, открылась лишь 20 января 1879 году в Киеве.

[5] Общее собрание членов Товарищества, на котором обсуждалась постройка павильона для выставок в Петербурге, состоялось 12 ноября 1878 года.

[6] См. прим. 12 к письму 4. Сопровождающим выставки Товарищества остался Чиркин.

53

[1] Предложения Мясоедова, написанные на бланке Правления Товарищества, были разосланы в копиях «...иногородним членам для предварительного ознакомления, перед обсуждением этого

существенного вопроса на Общем собрании...». Несмотря на то что «...петербургскими членами проект Мясоедова был встречен с единодушным сочувствием...», Общее собрание, состоявшееся 4 марта 1880 года, отклонило его. (См. ОР Гос. библиотеки им. В. И. Ленина, ф. 127, п. 6057—VI, ОР ГТГ, ф. 69, ед. хр. 10, л. 40.)

[2] См. прим. 1 к письму 22.

[3] Мясоедов упоминает М. Д. Раевскую-Иванову, открывшую в 1869 году в Харькове частную рисовальную школу (Харьковское художественное училище), и Н. И. Мурашко, основавшего в 1875 году Киевскую художественную школу.

[4] 6 февраля 1885 года Мясоедов вновь предложил Товариществу проект распределения доходов, также отвергнутый Общим собранием художников.

Способ расчета дивиденда по предложению
Григ[ория] Григор[ьевича] Мясоедова.

Деятельность Товарищества можно разделить на две части:

1. Деятельность художественную, личную.
2. Деятельность общую, по управлению.

Все члены, пока остаются членами, принимают участие в первого рода деятельности.

В деятельности 2-го рода, т. е. в устройстве выставок, ведении счетов, книг, поверке отчетности и пр[очем], принимает участие только некоторая часть общества. Чистый остаток, подлежащий разделу, является результатом деятельности 2-го рода.

Устав Товарищ[ества] налагает на всех членов его равные обязанности и равные права, а именно:

Обязанности подчиняться уставу, принимать на себя должности по управлению, контролю, устройству выставок, нести все могущие произойти потери, являться в Общие собрания и свои художественные произведения посвящать исключительно выставкам Товарищества. Права. Ставить картины на выставки бесконтрольно, брать ссуды из кассы Товарищества в равной для всех мере.

Участвовать с равным правом во всех делах Товарищества. Продавать картины, не платя никакого комиссионного процента и получать часть причитающегося каждому члену из прибыли.

Последняя статья всегда служит поводом для неудовольствий и терпит всякие перемены.

Необходимо выяснить причины этого.

Причины довольно сложны и заключаются в следующем:

Во-1-х. Эта последняя статья составляет противоречие с общим смыслом Товарищества. В нее нисколько не взошло стремление к равномерности прав, на котором построен весь устав Товарищества, напротив того, на начале, совершенно противоположном, а именно: у кого больше, тому больше, или тому меньше, кто больше нуждается, в чем не видно ничего товарищеского.

Во-2-х. Основанием деления прибыли взяты или цена покупателя, или произвольные цифры автора, которые тоже ставятся в расчет на покупателя. Может ли Товарищество забыть свою компетентность в делах искусства и равнодушно допустить элемент

чужой, и ничего с искусством общего не имеющий, быть окончательным судьей в его делах.

В 3-х. Правление при вычислении дивиденда принуждено входить в частные дела между художником и покупателем, добиваться подолгу, за сколько они продали свои картины?

В 4-х. Сведения, которые даются членами Правления о продажных ценах, может ли оно поверить, а принятые на веру — не подвергнутся ли молчаливому сомнению, и насколько такого рода подозрительность может породить доверие и взаимное уважение.

В 5-х. Единственное вознаграждение за те службы, которые Товарищество возлагает на членов, ведущих его дела, может быть только уверенность в идее общей пользы и общей благодарности. Но способ распределения дивиденда отнимает право сознания о равной пользе и благодарности.

Думаю, что упомянутого довольно для уяснения постоянного недовольства и перемен, которые терпит статья раздела дивиденда.

Прямой вывод из всего сказанного — делить остаток поровну, так как он есть (результат) участия всех членов, а не частной деятельности.

Но общество не может состоять из людей однородных, одни найдут это несправедливым, другие увидят в этом повод для недобросовестности и т. д. Я думаю, равноправность по отношении прибыли могла бы породить лучшие чувства, более строгости к себе, своим произведениям.

А так как идея равноправного деления прибыли однажды проводилась на Общем собрании, то нужно найти способ деления, в котором, во-1-х, желательно избежать влияния денег на оценку искусства в среде художников.

Во-2-х. Возвратить художникам право считать себя в искусстве компетентными.

В-3-х. Освободить членов от обязанности давать отчет кому бы то ни было о своих денежных делах.

В-4-х. Уничтожить поводы к подозрительности.

В-5-х. Создать уверенность, что присужденная Общим собранием часть дохода пропорциональна участию в деле.

Предлагаю способ, удовлетворяющий этим требованиям, недостатки которого заключатся в его применении и могут быть сглажены практикой.

Цена картин на наших выставках колебалась между ста пятидесятью руб[лями] и 15 т[ысячами], т. е. самая дорогая была в 100 раз дороже самой дешевой, а так как дивиденд делился пропорционально стоимости, то владелец дорогой картины получал 100 паев, а дешевой — 1 пай из общего дохода, следовательно, можно сказать, что покупатели нашли возможность разбить оценку вещей на наших выставках на 100 групп и установить 100 степеней достоинства.

Тринадцатилетний опыт может служить достаточным основанием, поэтому и руководствуюсь этим опытом, и потому способ деления будет следующий:

При открытии выставки, когда каталог окончательно установится, Правление рассылает всем членам каталоги, напечатанные на проклеенной бумаге и им подписанные.

Каждый член, получивший такой каталог, поставит против каждой картины без помарок цифру от единицы до 100, которая, по его мнению, выражает относительное достоинство картины на данной выставке.

Сделав пометки, каждый отсылает каталог в Правление, и этим оканчивается участие отдельных членов в деле распределения прибыли.

Правление, получив помеченные каталоги, делает из них общий список согласно прилагаемому примерному списку. В 1-м столбце, в вертикальном направлении, написаны названия картин, сгруппированные по авторам, против каждой картины горизонтально идут числа, взятые из каталогов и относящиеся к той картине, против которой находятся. Числа, находящиеся в одном горизонтальном порядке, будучи сложены, дадут последнюю цифру, которая представит собою сумму отдельных мнений — об относительном достоинстве картины; числа, составляющие эту сумму, могут быть ошибочны и противоречивы, но сумма, в которой разногласия и противоречия примиряются, будет ближайшим выражением истинного достоинства картины.

Примечание. По закону Бернулли, или закону больших чисел, изложенному в теории вероятностей, средняя величина из многих наблюдений — благонадежнее величины, найденной из одного наблюдения. (Прим. физика Краевича.) Последние цифры горизонтальных порядков, как, наприм[ер], А-800, В-490, С-350 и т. д., будучи сложены в вертикальном направлении, дадут число 3298.

Мнение каждого члена

Примерный список, составлен[ный] Правлением из 10 картин, оцененных 8 художниками

Назв[ание] Карт[ины]	1	2	3	4	5	6	7	8	Сумма
A	100	100	100	100	100	100	100	100	800
B	70	50	70	80	40	70	60	50	490
C	20	40	50	40	50	60	70	20	350
D	5	5	10	5	4	1	10	20	60
E	30	40	30	50	20	30	40	20	260
F	12	15	15	40	10	40	20	40	190
I	80	70	90	50	60	40	20	80	490
H	50	60	10	90	40	60	80	10	400
K	40	30	30	20	25	45	35	25	250
L	1	1	1	1	1	1	1	1	8
									3298

Мнение каждого из 8 художников относительно картины А выразится цифрою 100. Мнение о картине В — весьма различное в результате дает цифру 490. О картине С — 350 и т. д.

Все эти суммы выражают мнение оценщиков об относительном достоинстве картин, следовательно, участие картин в прибылях должно быть пропорционально этим суммам, т. е. картина А из чистой прибыли должна получить 800 паев, картина В — 490, С — 350 и т. д.

Число же всех паев равно 3298, если же остаток, подлежащий разделу, равен 9824 р[ублям], то мы узнаем денежную стоимость каждого пая, разделив эту цифру на число всех паев, т. е. $\frac{9824}{3298}$ — 3 руб[ля], итак, каждый пай будет равен 3 руб[лям], следовательно, картина А получит 800 × 3 — 2400 р[ублей], картина В — 490 × 3 = 1470 р[ублей], карт[ина] С — 8 × 3 = 24 р[убля], т. е. в 100 раз менее картины А.

Если цифра 100 дает слишком большие разницы в дивиденде, Товарищ[ество], на основании опыта, может взять меньшую цифру.

Такой прием деления дивиденда удовлетворит всем пожеланиям. Неудобство его применения заключается, во-первых, в том, что не все члены могут принять участие, так как не все члены участвуют в делах по разным зависящим и не зависящим от них обстоятельствам.

Москвичи не подадут голоса за картины, которые не попадут в Москву. Петербуржцы — за те, которые появятся только на московской выставке, заграничные вовсе не подадут своих мнений, не участвуя в делах Товарищества и полагаясь на большинство.

Картины, посылаемые в провинцию, будут вовсе лишены оценки (количество их ничтожно).

Во-2-х. Большое число небольших картин и этюдов, будучи совершенством своего рода, оценятся очень высоко, и результатом такой оценки явится невероятно большое число причитающихся им паев, не соответствующее той роли, которую они, по относительному своему значению, играли на выставках, но эти препятствия не непреодолимы; меняются на выставках картины второстепенные, все же значительные картины идут повсюду и, во всяком случае, до Москвы. Правление может вместе с выставкой доставлять московским членам сведения о средних числах паев, присужденных петербургскими членами картинам, не посланным в Москву, и москвичи, к общему выводу петербургских членов, припишут свои пометки.

Присланный из Москвы список может служить петербургским членам таким же руководством.

В редких случаях посылок картин в провинцию они могут [быть] подчинены оценке художников того города, из которого картины отправляются. Что касается большого числа картин одного автора на выставке, то, во-первых, случаи эти не ежегодны, а во-вторых, всегда можно определить, какое место автор занимает на выставке вообще. (Это знают художники и публика), а потому мнение каждого художника может быть выражено цифрою, определяющей место автора на выставке, а затем цифра эта разобьется на части для определения значения каждой картины. Напр[имер], картина А получила в сумме 800, карт[ина] В, получившая 490,— не есть одна картина, а 10 картин одного художника, и каждая в этом случае получит 49 паев, что и определит, что художник В занимает с художником I равное место. Поэтому цифры, которыми обозначится достоинство картины, не будут цифры абсолютные, а относительные к данному году и составу. Пометки в каталоге могут быть подписаны членами или не подписанные, по желанию, но несомненно, что подписанные были бы серьезнее и добросовестнее составлены и представляли бы наилучший материал для правиль-

ного вывода и большую гарантию справедливости. Удобство такого способа заключается в его применимости и гибкости, он потребует непременно честного отношения к Товариществу. (ОР ГТГ, ф. 54, ед. хр. 5791, л. 1—4 об.)

54

[1] Товарищество, вынужденное нести большие расходы по перевозке картин из города в город, постоянно хлопотало о денежных льготах в Правлениях железных дорог.

[2] Речь идет об участии Товарищества передвижников во Всероссийской художественно-промышленной выставке в Москве, открытие которой намечалось на 15 мая 1881 года. Организацией художественного отдела ведала Академия художеств. По инициативе конференц-секретаря Академии Исеева приглашение участвовать в выставке первоначально получили только отдельные члены Товарищества передвижников (имевшие звание академиков), чем намеренно игнорировалось существование общества как самостоятельного художественного объединения. Правление Товарищества обратилось к членам с предложением при ответе секретарю Академии художеств отсылать его «со своим приглашением в Правление Товарищества» (ОР Гос. библиотеки им. В. И. Ленина, ф. 127, п. 6057—VI), что и было исполнено. К ноябрю 1880 года М. П. Боткин, которому Академией было поручено формирование художественного отдела на Всероссийской выставке в Москве, официально пригласил Товарищество передвижников принять в ней участие.

[3] VIII выставка Товарищества передвижников была открыта в Харькове в октябре 1880 года, в Одессу Чиркин прибыл 1 ноября, а выставка открылась в середине месяца.

55

[1] 26 декабря 1880 года Московское общество любителей художеств открыло первую ежегодную периодическую выставку. Мясоедов был членом-художником этого общества с 1869 года. Выставку предполагали открыть 15 декабря, и крайним сроком доставки произведений было назначено 1 декабря, что и вызвало беспокойство Мясоедова. На выставке экспонировалось авторское уменьшенное повторение картины «Молебен на пашне о даровании дождя» («Засуха», под названием «Молебен по случаю засухи», 1880), купленное московским меценатом и коллекционером К. Т. Солдатенковым (ныне — в Омском областном музее изобразительных искусств).

56

[1] См. прим. 1 к письму 55.

57

[1] Уменьшенное повторение «Молебна на пашне о даровании дождя».

[2] Вероятно, Черкасов Н. С.— архитектор, член Московского общества любителей художеств с 1861 года.

58

[1] См. прим. 1 к письму 42.

[2] Речь идет об иллюстрированном альбоме лучших произведений членов Товарищества передвижников, который предполагалось издать к десятилетию существования общества. Издание не было осуществлено.

59

[1] Первая ежегодная периодическая выставка Московского общества любителей художеств. См. прим. 1 к письму 55.

60

[1] См. прим. 1 к письму 55.

[2] 10 февраля 1881 года в газете «Голос» был напечатан фельетон «Московские заметки», в котором сообщалось о громадном успехе первой ежегодной периодической выставки и о продлении ее до 22 февраля 1881 года. (См. «Голос», 10 февраля 1881, № 41, л. 2.)

[3] VII и VIII выставки Товарищества передвижников в Петербурге экспонировались в залах Академии наук, IX открылась 1 марта 1881 года в доме Юсупова, на Невском проспекте.

[4] Картина Мясоедова «Сумерки» (1880, Гос. художественный музей Молдавской ССР, Кишинев).

Куприянов Х. В.— знакомый Киселева и Мясоедова.

[5] Не установлено, о какой олеографии Куинджи идет речь.

[6] Чиркину.

61

[1] Речь идет о картине, названной в каталоге ГТГ (М., 1952) «Дорога во ржи».

62

[1] Ивачев П. А.— живописец, преподавал в педагогических классах Академии до 1881 года. С 1882 по 1887 год сопровождал передвижные выставки Товарищества в провинции.

[2] Имеется в виду картина Мясоедова «Самосожигатели». На X выставке Товарищества передвижников, открытой в Москве

12 мая 1882 года, экспонировалась под названием «Самосожигатели. (Из времен гонения на раскол)». Была куплена Третьяковым и находится в собрании ГТГ. Датирована художником 1884 годом, так как художник не раз ее исправлял.

[3] Перов скончался 29 мая/10 июня 1882 года.

63

[1] Брюллов П. А.— пейзажист и жанрист, член Товарищества передвижников с 1874 года, активно участвовал в деятельности объединения. В 1882 году был членом Правления Товарищества.

[2] В сентябре 1882 года на Всероссийской художественно-промышленной выставке в Москве предполагалось созвать художественный съезд.

Исаков Н. В.— генерал-адъютант, член Государственного Совета, почетный член Академии художеств с 1864 года.

[3] Кавелин К. Д.— историк права, профессор Московского и Петербургского университетов (1857—1861). Отец первой жены Брюллова, Софьи Константиновны, умершей в 1877 году.

64

[1] См. прим. 2 к письму 62.

[2] По-видимому, в связи со сделанным Мясоедовым уменьшенным повторением с картины «Чтение Положения 19 февраля 1861 года», принадлежавшей Третьякову. Повторение экспонировалось на IX выставке Товарищества в 1881 году. (Гос. художественный музей БССР.)

65

[1] X выставка Товарищества передвижников была открыта в Харькове с 8 по 26 сентября 1882 года.

67

[1] В Харькове на X выставке Товарищества передвижников были проданы картины: «Аллея» Брюллова, «Узник» В. Маковского, «Бобыль» Прянишникова, «Прилесок» Волкова, «Сегодня кисель» и «Перед сенокосом» Максимова, «Взморье» Боголюбова, «На попечении у бабушки» К. Маковского. «Сумерки» Мясоедова были проданы в Елизаветграде. (См. ОР ГТГ, ф. 1, ед. хр. 1496, л. 2.—2 об.)

[2] Вероятно, речь идет о пейзаже «Ночь», показанном на XI выставке Товарищества передвижников в 1883 году.

[3] Мясоедов И. Г.— сын Г. Г. Мясоедова, художник. Окончил в 1901 году Московское училище живописи, ваяния и зодчества и в 1909 году — Академию художеств, где учился у Ф. А. Рубо.

В 1910 году был отправлен пенсионером Академии за границу. После революции жил и работал за границей.

[4] Брюллов собирался за границу на «неопределенное время», так как врачи подозревали у его второй жены, Маргариты Григорьевны, чахотку.

[5] Общее собрание членов Товарищества передвижников состоялось 27 февраля 1883 года, Мясоедов был избран его председателем.

[6] Письмо Н. А. Ярошенко не сохранилось.

[7] В. А. Лагода, свояченица И. И. Шишкина.

[8] Савицкий был избран в Правление Товарищества 4 марта 1882 года. Не установлено, о какой выставке идет речь.

68

[1] В каталоге ГТГ (М., 1952) значится под названием «Осенний вид в Крыму».

69

[1] XIV выставка Товарищества передвижников открылась 2 марта 1886 года в залах Академии наук в Петербурге. Киселев показал на ней пейзажи: «С горы», «К концу лета», «Последний луч», «Лесная речка», «Хатки», «В октябре».

70

[1] Сохранилось письмо Крамского к доктору Н. А. Белоголовому от 17 января 1886 года, где подробно изложены симптомы болезни, сведшей художника в могилу. (См. И. Н. Крамской. Письма. Статьи. М., 1966, т. 2, стр. 226—227.)

[2] repoussoir — фон, контраст (фр.).

[3] Очевидно, четвертый.

[4] На XIV выставке Товарищества передвижников Мясоедов экспонировал четыре пейзажа: «Пасмурное утро», «Скалы Гурзуфа», «Вечер» и «День кончается».

[5] 12 января 1886 года в Петербурге открылась выставка произведений И. К. Айвазовского.

72

[1] Александр III посетил XIV выставку Товарищества передвижников 15 марта 1886 года. Картина «Прием волостных старшин Александром III во дворе Петровского дворца в Москве» (1883—1886, ГТГ) была заказана Репину Александром III. Не установлено, какие картины Лемоха, Беггрова и Дубовского были куплены императором.

[2] См. прим. 5 к письму 70.

[3] На Общем собрании Товарищества передвижников 26 февраля 1886 года Н. А. Ярошенко — портретист, жанрист, пейзажист, активнейший деятель Товарищества, последовательно и постоянно отстаивавший идейные основы объединения,— предложил, стремясь расширить деятельность передвижников, организовать, помимо основной передвижной выставки, параллельную, составленную из старых и новых работ художников, не включенных в очередную выставку. Эту параллельную выставку предполагалось отправить в «путешествие по тем городам России, где выставки Товарищества еще не бывали». Параллельные выставки начали функционировать в сентябре 1886 года.

73

[1] Текст и дата письма приведены по книге «Николай Николаевич Ге, его жизнь, произведения и переписка. Сост. В. В. Стасов». М., 1904, стр. 314.

[2] Картина «Выход Христа с учениками с тайной вечери в Гефсиманский сад» (1889, ныне — в ГРМ) экспонировалась на XVII выставке Товарищества передвижников в Петербурге, открывшейся 26 февраля 1889 года. Третьяков приобрел эскиз к ней (1888, ГТГ).

[3] См. прим. 13 к письму 4. Уменьшенные повторения «Тайной вечери» находятся в Саратовском гос. художественном музее им. А. Н. Радищева (1864) и в ГТГ (1866).

74

[1] Чертков В. Г.— единомышленник и близкий друг Л. Н. Толстого. Создатель книгоиздательства «Посредник», целью которого было распространение знаний в народе. Издательство выпускало книги по хозяйственным и экономическим вопросам, художественную литературу, серии репродукций. Толстым специально для «Посредника» был написан ряд произведений.

[2] Еще в середине 80-х годов Чертков предполагал издать в «Посреднике» серию картин русских художников, среди которых были «Чтение Положения 19 февраля 1861 года» и «Самосожигатели» Мясоедова, «Всюду жизнь» Ярошенко, «Семейный раздел» Максимова, «Неравный брак» Пукирева, «Незабытое прошлое» Неврева, «Больная» Поленова и др. Издание было осуществлено (в несколько ином составе репродукций) в 1892 году. Из картин Мясоедова было воспроизведено лишь «Чтение Положения 19 февраля 1861 года» с пояснительным текстом А. С. Буткевича, имя которого не было указано.

Мясоедов упоминает, вероятно, о фотографии с картины «Самосожигатели», так как в мае 1890 года В. М. Константинович, секретарь Товарищества передвижников, справлялся, по поручению Черткова, о местонахождении негатива с нее у Третьякова.

[3] Горбунов-Посадов И. И.— друг и единомышленник Толстого, один из руководителей издательства «Посредник» (после 1893 года), автор повестей и рассказов из народной жизни. Не установлено,

какую именно из книг по садоводству, подготавливаемую к изданию «Посредником», просматривал Мясоедов.

[4] Черткова А. К.— жена и единомышленница В. Г. Черткова.

75

[1] См. прим. 2 к письму 74.

76

[1] См. прим. 2 к письму 74.

[2] Мясоедов работал над брошюрой «Как развести плодовый садик — учебник для разведения плодового садика в небольшом размере. Составил Г. М....въ» (46 стр., с рисунками автора). Первое издание вышло в «Посреднике», судя по объявлениям, в 1894 году.

[3] В апреле 1890 года была учреждена правительственная комиссия «для всестороннего обсуждения необходимых в устройстве имп. Академии художеств изменений» и для составления ее нового устава, разославшая 3 августа циркуляр членам Академии с просьбой сообщить свои мнения по этому вопросу. (См. «Мнения лиц, спрошенных по поводу пересмотра устава императорской Академии художеств». СПб, 1891, т. 1, стр. 76—82 и настоящее издание, стр. 165—170.)

[4] См. прим. 2 к письму 74.

77

[1] См. прим. 2 к письму 74.

[2] Дитерихс В. К.— брат А. К. Чертковой, морской офицер, впоследствии контр-адмирал.

Константинович В. М.— сопровождающий выставки Товарищества в их путешествиях по провинции, в 1890-х годах — секретарь Правления Товарищества.

Гоппе Г. Д.— основатель и издатель журнала «Всемирная иллюстрация» (1869—1894), издатель журнала «Огонек» (1879—1883).

[3] т. е. с фотографией с картины Ярошенко «Всюду жизнь» (1888, ГТГ).

[4] Чертков с женой уезжали в 1890 году на Кавказ, так как здоровье А. К. Чертковой после смерти дочери в 1889 году ухудшилось.

78

[1] Письмо Черткова к Мясоедову не обнаружено. В конце 1880-х годов Чертков начал работу по собиранию архива Толстого. В 1890 году он приступил к копированию высказываний Толстого из дневников писателя. По-видимому, одну из этих выписок он и переслал Мясоедову.

[2] В июне 1891 года в XIII части «Собрания сочинений графа Л. Н. Толстого» была опубликована повесть «Крейцерова соната» с «Послесловием» автора, целью которого было разъяснение морально-этического смысла «Сонаты». Мясоедов полемизирует с мыслями Толстого, высказанными в «Послесловии».

79

[1] Хруслов Е. М.— художник, сопровождающий выставки Товарищества передвижников с 1890 по 1899 год.

XIX выставка Товарищества передвижников была открыта в Харькове с 28 августа по 22 сентября, а в Полтаве — с 1 по 14 октября 1891 года.

80

[1] XIX выставка Товарищества передвижников разместилась в зале Земства. 27 сентября 1891 года Хруслов писал Лемоху: «...Сегодня, приехавши в Полтаву, был у Г. Г. Мясоедова, который согласен со мной в том, что зал Клуба чиновн[иков] за плату 100 р[ублей] (до 15 окт[ября]) брать для выставки не следует. От Гр[игория] Гр[игорьевича] я зашел к председ[ателю] Зем[ской] упр[авы] Заленскому. Он сказал, что с воскресенья (29 сент[ября]) зал к нашим услугам...» (См. ОР ГТГ, ф 9, ед. хр. 976, л. 1.)

81

[1] Общество любителей художеств в Москве (а не Общество любителей изящных искусств, как пишет Мясоедов) организовало художественную выставку в помощь голодающим. Она открылась в ноябре 1891 года в помещении общества на Малой Дмитровке. В ней участвовали художники: И. Е. Репин, В. А. Серов, К. А. Коровин, И. И. Левитан, В. Д. Поленов и др.

14 октября 1891 года Правление известило членов Товарищества о предложении собрания петербургских членов об отчислении «в пользу голодающих 10% с входной платы на ныне путешествующей XIX выставке в провинции, с г. Харькова включительно и впредь до ее закрытия», прося художников немедленно ответить, чтобы «Правление могло, не дожидаясь Общего собрания, делать соответствующие распоряжения». (См. ОР ГТГ, ф. 54, ед. хр. 5732, л. 1.)

82

[1] См. прим. 3 к письму 77.

[2] Единственное упоминание о родившейся в Москве и скончавшейся в младенчестве дочери Мясоедова и К. В. Ивановой.

[3] В. М. Васнецов весной 1891 года, желая на время отдохнуть от напряженной работы во Владимирском соборе в Киеве, поселился в Москве.

[4] 6 марта 1891 года на Общем собрании Товарищества передвижников было сообщено о выходе из его членов В. Васнецова и Репина. Причиной этому было изменение устава Товарищества в апреле 1890 года. По новому уставу «законодательная» власть передавалась в руки Совета, избираемого из состава членов-учредителей, «не покидавших его (Товарищество — *Н. П.*) с основания».

[5] Кузнецов Н. Д.— жанрист и портретист. Участник выставок Товарищества с 1881 года. Один из основателей Южнорусского товарищества художников. После 1917 года эмигрировал из России.

[6] В. Васнецов работал над росписями Владимирского собора с 1885 по 1896 год.

[7] Окончание письма не сохранилось.

83

[1] Не установлено, о каком этюде Мясоедова идет речь.

[2] Черткова Е. И.—мать В. Г. Черткова, свекровь А. К. Чертковой.

[3] См. прим. 1 к письму 81.

[4] О выставке в Воронеже сведений не обнаружено. Соловьев Л. Г.— жанрист и иллюстратор, педагог, член Воронежского кружка любителей рисования, созданного в 1891 году.

[5] И. Г. Мясоедов — сын художника.

[6] В. Г. Чертков.

84

[1] Стасов позировал Мясоедову для картины «Чтение “Крейцеровой сонаты”» («Чтение рукописи», «Новые истины», «Между мраком и светом», 1893, Литературный музей при Институте русской литературы АН СССР). На ней изображены члены петербургского художественного кружка, которые собирались то у Ярошенко, то у Репина, среди них: Д. И. Менделеев, Ге.

85

[1] Ярошенко.

[2] XX выставка Товарищества передвижников в Полтаве была открыта с 8 по 25 октября 1892 года в зале Дворянского собрания.

[3] Заленский А. В.— общественный деятель, председатель Полтавской земской управы. Скончался 3 апреля 1892 года.

86

[1] См. прим. 2 к письму 85.

[2] Эристов, князь, — предводитель дворянства в Полтаве.

87

[1] Собрание передвижников, посвященное пожертвованию Третьяковым художественного собрания городу Москве (См. прим. 1 к письму 23) состоялось 9 октября 1892 года. Письмо Третьякову подписали 38 человек.

88

[1] Это письмо Мясоедова Правление Товарищества сообщило своим членам 25 ноября 1892 года при следующем письме: «...От члена Товарищества Григория Григорьевича Мясоедова получено письмо, с содержанием которого Правление вполне согласно и, предлагая извлечение из него вниманию г. г. членов, со своей стороны, просит их при заказе рам для будущих своих произведений требовать, чтобы в интересах нашего дела рамы были возможно легки...» (ОР Гос. библиотеки СССР имени В. И. Ленина, ф. 127, м. 5049, III, 8.)

89

[1] См. прим. 2 к письму 76.

[2] В начале 1893 года у Черткова появилась мысль отказаться от активного участия в деятельности «Посредника», что широко обсуждалось в переписке толстовцев. В августе 1893 года он передал дела издательства Горбунову и П.И. Бирюкову, оставив за собой выбор произведений для недавно основанной серии «Для интеллигентных читателей».

90

[1] Аполлов А. И.— священник, снявший сан под влиянием идей Толстого. Жил (до мая 1893 года) в Воронежской губернии у Чертковых, где занимался литературной работой для издательства «Посредник». Скончался в начале августа 1893 года, что дает основание датировать письмо

[2] См. прим. 2 к письму 76.

91

[1] См. прим. 2 к письму 76.

[2] Сытин И. Д.— московский издатель, у которого в начале своей деятельности «Посредник» печатал книги и брошюры. Во многом, вопреки мнению Мясоедова, издания Сытина были схожи по своим целям с деятельностью «Посредника». Сытин также стремился дать народу книгу дешевую и доброкачественную, что признавали

впоследствии и Чертков и Бирюков. (См. И. Д. Сытин. Жизнь для книги. М., 1960, стр. 229—230, 236—239.)

[3] Мясоедов ошибся. Н. С. Лесков действительно (как свидетельствует его сын, А. Н. Лесков) намеревался в 1892 году «выпустить вегетарианскую поваренную книгу», но издание не было осуществлено. Первые сообщения об этой книге в печати появились в интервью с писателем в сентябре того же года, особенно бурно она обсуждалась в газетах в начале 1893 года. (См. Андрей Лесков. Жизнь Николая Лескова. М., 1954, стр. 616—617.)

[4] Клобский (или Клопский) И. М.— бывший семинарист и студент Петербургского университета. Был лично знаком с Толстым. Пользовался среди толстовцев скандальной известностью. В начале 1890-х годов жил в Полтаве.

[5] См. прим. 2 к письму 74.

92

[1] См. прим. 2 к письму 76.

[2] Возможно, речь идет о книге Х. Уильямса «Этика пищи или нравственные основы безубойного питания для человека», вступительную статью к которой —«Первая ступень»— написал Толстой. («Посредник», 1893.)

[3] Алехин М. В.— единомышленник Толстого, художник-пейзажист. Арестованный за «вредное влияние на крестьян», был в сентябре 1892 года перевезен в тюрьму в Полтаву, из которой был освобожден в середине 1893 года. В ноябре того же года уехал на Кавказ.

Файнерман (а не Фейерман, как пишет Мясоедов) И. Б.— бывший учитель и зубной врач, журналист (псевдоним — Тенеромо). Увлекался взглядами Толстого, впоследствии от них отошел. В 1890-х годах жил в Полтаве, где организовал мастерскую для обучения ремеслу еврейской молодежи.

Леонтьев Б. Н.— бывший воспитанник Пажеского корпуса, последователь Толстого с конца 1880-х годов.

[4] См. прим. 2 к письму 74. После выпуска в 1892 году первой серии «Русские картины» предполагалось продолжать это издание. Намерение это не было осуществлено.

[5] т. е. расходы и доходы (фр.).

93

[1] Клименко Т. Н. — дочь писательницы А. П. Барыковой. Корреспондентка Черткова и Толстого, взглядами которого увлекалась.

[2] См. прим. 2 к письму 92.

[3] См. прим. 2 к письму 76.

[4] Волкенштейн А. А.— земский врач, живший в Полтаве. Участник процесса «193-х», неоднократно подвергался репрессиям. См. прим. 2 к письму 89.

94

[1] Речь идет о Временном уставе Академии художеств, утвержденном Александром III 15 октября 1893 года. По этому уставу Академия делилась на собственно Академию, состоявшую из Собрания почетных и действительных членов и Совета, избираемого из их числа, и Высшее художественное училище при Академии. Состав первого Собрания Академии был назначен президентом, вел. кн. Владимиром Александровичем 1 декабря 1893 года. Кроме Мясоедова и Брюллова, в состав Собрания Академии вошло еще 50 художников. Среди них были: В. А. Беклемишев, М. П. Боткин, А. А. Киселев, К. В. Лемох, В. Е. Маковский, И. Е. Репин, Г. И. Семирадский, П. П. Чистяков и др. См. прим. 3 к письму 76.

[2] Ярошенко не был назначен, по высочайшему повелению, в Собрание Академии. Впоследствии его кандидатура не раз выдвигалась для баллотировки в действительные члены, но, из-за его решительного отказа войти в состав Академии, не ставилась на голосование.

[3] Письмо Ярошенко не сохранилось.

[4] Исеев П. Ф.— конференц-секретарь Академии художеств (1868—1889), был уволен в связи с обнаружившимися злоупотреблениями. Толстой И. И., граф,— конференц-секретарь Академии художеств с 1889 года, вице-президент ее с 1893 по 1905 год. Принимал деятельное участие в подготовке и проведении реформы Академии 1893 года. Нумизмат и археолог.

Кондаков Н. П.— профессор Петербургского университета, академик. Археолог, исследователь византийского и русского искусства. Почетный вольный общник Академии с 1885 года действительный член — с 1893 года.

[5] На XXII выставке Товарищества передвижников, открывшейся в Петербурге 8 марта 1894 года, Мясоедов экспонировал работы: «Алкоголик», «Цветущие абрикосы», «Вдова» и «Сквозь тучи».

95

[1] Первое Собрание Академии художеств состоялось 26 января 1894 года.

[2] См. прим. 5 к письму 94.

[3] См. прим. 2 к письму 94.

[4] XXII выставка Товарищества передвижников открылась в залах Общества поощрения художеств.

[5] Загорский Н. П. — живописец-жанрист, участник выставок Товарищества передвижников с 1880 года. Скончался 30 декабря 1893 года. При XXII выставке Товарищества была организована посмертная выставка его произведений.

[6] Вероятно, пейзаж «Сквозь тучи».

[7] Бронников не был выбран в действительные члены Академии. М. П. Клодт стал действительным членом в 1895 году. Кандидатура Ге была выдвинута для баллотировки в действительные члены в заседании 21 апреля 1894 года, но, в связи с его кончиной 1 июня 1894 года, избрание не состоялось.

96

[1] Хирьяков А. М.— журналист, участвовал в изданиях, предпринимавшихся Чертковым. После Великой Октябрьской революции эмигрировал. Речь идет о рукописи брошюры Мясоедова «Как развести плодовый садик». См. прим. 2 к письму 76.

[2] Чертков в начале 1894 года предполагал побывать в Петербурге для хлопот по делу толстовца князя Д. А. Хилкова, а Мясоедов приехал к первому Собранию Академии, к 26 января 1894 года.

Россошь — имение в Воронежской губернии, в котором Чертковы прожили почти безвыездно с 1891 по 1894 год.

97

[1] В Собрании Академии художеств 9 марта 1894 года, на котором присутствовал и Мясоедов, было решено составить предварительный список кандидатов для пополнения числа членов Собрания и разослать его всем членам «для заметок». Кроме перечисленных Мясоедовым лиц, в списке была еще 71 фамилия. Имя П. П. Забелло было внесено в список в Собрании Академии 21 апреля 1894 года вместе с семью дополнительными кандидатами, предложенными в этом заседании и получившими более трех голосов при баллотировке.

Виллевальде Б. П.— исторический живописец, профессор. В 1894 году вышел в отставку и был избран членом академического Совета.

Волков Е. Е.— пейзажист, участник выставок Товарищества передвижников с 1880 года.

Залеман Г. Р.— скульптор, заслуженный профессор Института гражданских инженеров, почетный член Академии художеств с 1911 года.

Китнер И. С.— архитектор, заслуженный профессор Института гражданских инженеров, почетный член Академии художеств с 1911 года.

Чичагов А. Н.— архитектор. Скончался в 1894 году.

Эдельфельд А. А.— живописец, почетный вольный общник Академии художеств с 1878 года, академик — с 1881, действительный член — с 1895 года.

[2] Мясоедов организовал в Полтаве рисовальные классы, о которых упоминается в книге художника И. К. Пархоменко «О том, что было». М., 1927.

[3] На Общем Собрании передвижников 2 марта 1894 года обсуждался вопрос об организации в Лондоне с помощью Англо-русского литературного общества выставки членов Товарищества. Выставка предполагалась в июне 1894 года. Переговоры о ней были поручены Ярошенко и Брюллову и длились до весны 1895 года. Однако из-за отсутствия помещения и непомерных расходов выставка не состоялась.

98

[1] В марте 1891 года, в соответствии с новым уставом Товарищества передвижников, Брюллов и Лемох были избраны членами Совета. Лемох был также бессменным кассиром общества.

[2] XXII выставка Товарищества передвижников открылась в Полтаве 6 октября и закрылась 23 октября 1894 года.

[3] См. прим. 2 к письму 97.

[4] Брюллов был в числе лиц, вошедших в состав Совета Академии художеств, функционировавшего до 1 января 1895 года.

[5] 30 января 1895 года Мясоедов выступил в Собрании Академии с заявлением о необходимости оплаты расходов по поездкам на заседания членам Собрания. 27 февраля 1895 года Собрание утвердило это предложение.

[6] 19 сентября 1894 года в Собрание Академии, кроме Е. Е. Волкова и А. А. Эдельфельда, были избраны: К. А. Савицкий, А. М. Опекушин, В. В. Верещагин (он отказался), И. Е. Забелин, К. Т. Солдатенков, Л. В. Позен, гр. С. Д. Шереметев и Н. С. Мосолов.

[7] Лемох К. В.— жанрист, член-учредитель Товарищества передвижных художественных выставок, действительный член Академии с 1893 года, позже — член ее Совета. Хранитель художественного отдела Русского музея с 1897 по 1909 год.

99

[1] Письмо Брюллова не сохранилось.

[2] Верещагин В. П.— исторический живописец, профессор. В 1894 году оставил службу в Академии художеств.

[3] Письмо Киселева не сохранилось. См. прим. 5 к письму 98.

[4] Московское училище живописи, ваяния и зодчества.

[5] Савицкий преподавал в Московском училище живописи, ваяния и зодчества с 1891 года, с 1 сентября 1894 года он был назначен старшим преподавателем.

[6] Позен Л. В.— скульптор, был избран в члены Собрания Академии 19 сентября 1894 года.

100

[1] Речь идет об организации посмертных выставок художников Ге (скончавшегося 1 июня 1894 года) и Прянишникова (умер 12 марта 1894) при XXIII выставке Товарищества передвижников, что и было осуществлено в феврале 1895 года.

Не установлено, о какой картине Прянишникова упоминает Мясоедов.

Среди произведений Ге были запрещены цензурой и сняты с передвижных выставок две картины: «Что есть истина? Христос и Пилат» (1890, XVIII выставка, ГТГ) и «Распятие» (1894, XXII выставка, частное собрание в Женеве). Кроме того, не были допущены

к экспонированию на академической выставке «Вестники Воскресения» (1867, ГТГ) и «Суд Синедриона. Повинен смерти» (1892, XX выставка Товарищества передвижников, ГТГ).

[2] Аммон В. Ф.— пейзажист, участвовал в выставках Товарищества с 1872 года, выбыл из его членов в 1875 году, скончался в 1879 году.

Маковский Н. Е.— живописец и архитектор, участник выставок Товарищества передвижников с 1875 года, умер в 1886 году.

Мясоедов ошибся: посмертных выставок В. Ф. Аммона и Н. Е. Маковского Товарищество не устраивало. Посмертная выставка С. Н. Аммосова была при XV выставке Товарищества передвижников в 1887 году; Н. П. Загорского — при XXII выставке Товарищества в 1894 году.

101

[1] См. прим. 1 к письму 100.

[2] См. письмо 99.

[3] Статья И. Ф. Василевского («Буквы») «Петербургские наброски» («Русские ведомости», 1894, 11 декабря, № 342, стр. 3).

[4] По-видимому, Мясоедов не успевал приехать к Собранию Академии, назначенному на 19 декабря 1894 года, и просил сообщить о сроке следующего. Оно состоялось 30 января 1895 года, Мясоедов на нем был.

[5] На XXIII выставке Товарищества, открывшейся в Петербурге 17 февраля 1895 года, Мясоедов экспонировал работы: «Голова старика», «Бабье лето», «К вечеру» и портрет «Ионин, врач-психиатр».

[6] XXII выставка Товарищества, путешествующая по провинции и находившаяся в декабре 1894 года в Кишиневе.

[7] М. Ф. Позен — жена скульптора Л. В. Позена.

102

[1] «Семья Годунова» (1896, частное собрание).

103

[1] Остроухов И. С.— живописец-пейзажист, коллекционер, художественный деятель. Участник выставок Товарищества передвижников с 1886 года. Член Московского отделения Правления Товарищества в 1896 году.

[2] Речь идет о предложенном Остроуховым издании альбома репродукций с наиболее выдающихся произведений членов Товарищества (к 25-летию объединения), для которого он намеревался составить краткое вступление и предварительный список вещей. Окончательная редакция списка картин должна была быть сделана их авторами, а текста — теми художниками, биографические сведения о которых помещались в альбоме. Список, составленный Остроуховым, был разослан Правлением в начале июля 1896 года.

Однако еще в феврале 1896 года на Общем собрании Товарищества была утверждена программа празднования 25-летия, «имеющего совершиться с открытием XXV передвижной выставки» в 1897 году, на которую ссылается Мясоедов. В программу торжества было включено «публичное чтение исторического очерка 25-летней деятельности Товарищества», с показом публике «с помощью волшебного фонаря фотографических снимков» с произведений передвижников. Для подготовки была избрана Комиссия, в которую вошли Мясоедов, Ярошенко и Киселев. В апреле 1896 года Комиссия разослала членам просьбу прислать не менее трех фотографий и негативов с наиболее удачных своих работ.

В результате Товарищество к 25-летию издало обычный иллюстрированный каталог XXV выставки и «Альбом двадцатипятилетия Товарищества передвижных художественных выставок. 1872—XXV—1897», выпущенный «под непосредственным наблюдением Комиссии Товарищества», как значилось на его титульном листе. Остроухов от работы над альбомом устранился и вышел из членов Правления.

[3] т. е. Всероссийскую промышленно-художественную выставку в Нижнем Новгороде 1896 года.

104

[1] См. прим. 2 к письму 103. Картина Репина «Проводы новобранца» (1879, на выставках Товарищества передвижников не экспонировалась, ГРМ).

105

[1] Нестеров М. В.— участник выставок Товарищества передвижников с 1889 по 1901 год. Заслуженный деятель искусств РСФСР, лауреат Государственной премии.

[2] См. прим. 2 к письму 103. Киселев с 1895 года жил в Петербурге, где служил инспектором классов Высшего художественного училища при Академии.

[3] Мясоедов поселился в Москве по адресу: Садовая-Самотечная, дом Дукмасовой, кв. 3.

[4] После закрытия XXIV выставки Товарищества передвижников в Москве она была в полном составе послана на Всероссийскую промышленно-художественную выставку, где находилась с 28 мая по 1 октября 1896 года. После Нижнего Новгорода была переведена в Харьков, затем в Киев и Тулу, где закрылась 6 февраля 1897 года.

106

[1] Издание каталога XXV выставки и альбома к двадцатипятилетию Товарищества было поручено на экстренном Общем собрании 6 декабря 1896 года К. А. Фишеру, владельцу художественной фототипографии в Москве.

[2] Не установлено, о каких претензиях семьи Крамского идет речь.

[3] Ендогуров И. И.— пейзажист, участник выставок Товарищества передвижников с 1886 года.

Беггров А. К.— пейзажист, участник выставок Товарищества с 1874 года.

[4] В собрании Третьякова к этому времени были собраны лучшие работы художников-передвижников.

107

[1] В книге В. А. Прыткова «Николай Александрович Ярошенко» (М., 1960, стр. 213) письмо ошибочно отнесено к январю 1897 года. См. прим. 3.

[2] При подготовке юбилея возникли разногласия по поводу приглашения участвовать в выставке и на обеде тех членов, которые в разные годы покинули ряды Товарищества. Куинджи вышел из членов объединения в 1880 году, но выразил желание дать свою картину на XXV выставку. Киселев и Кузнецов, по собственной инициативе, пригласили Куинджи. Часть передвижников с этим согласилась, но Шишкин, и особенно Ярошенко, решительно протестовали.

[3] Мясоедов ссылается на письмо москвичей, подписанное им самим и 18-ю художниками, посланное петербуржцам 1 февраля 1897 года: «...До нас дошли слухи о недоразумениях, возникших в среде петербургских сочленов, грозящих перейти на наше празднование 25-летия жизни Товарищества.

Мы, нижеподписавшиеся, думаем, что общее согласие и дружеское отношение между членами нам дороже всего и что все, что может нарушить это согласие, должно быть устранено во всяком случае.

Посему мы находим возможным послать приглашения лишь тем лицам, относительно которых, по нашему обычаю, существует общее согласие, а именно В. М. Васнецову, И. Е. Репину, М. К. Клодту и К. Е. Маковскому». (ОР Института русской литературы АН СССР. Архив Кавелина К. Д., ф. 119, оп. 1, ед. хр. 152.)

[4] 25 февраля 1897 года Остроухов писал жене: «...вчера ... поехали на Общее собрание, где оставались до 2-х часов. Вопрос о приглашении Куинджи замолчали, а мы, Правление, не подымали...» «...Куинджи на обед не зовут, и раскол происходит громадный. 7 академиков наших, стоящих за него, на обед не придут, но мы ничего поделать не можем, так как в противном случае десять наших дорогих членов не явятся. Но это инцидент семейный...» (ОР ГТГ, ф. 10, ед. хр. 403, л. 1 об; 405, л. 1 об—2.)

108

[1] т. е. об отсутствии чинов и званий у Савицкого.

[2] Вопрос о директоре для будущего Пензенского художественного училища был поднят в Собрании Академии 24 февраля 1897 года.

17 марта это место было предложено Савицкому. Нежелание отвлекаться от занятий искусством для административной деятельности заставило Савицкого в письме к вице-президенту Академии Толстому от 31 марта 1897 года отказаться от этого поста. Однако уже 18 апреля Савицкий дал согласие стать директором Пензенского художественного училища им. Н. Д. Селиверстова (ныне — им. К. А. Савицкого).

[3] 17 марта 1897 года восемь членов Собрания Академии предложили присвоить звание академика художнику, члену Товарищества передвижников, К. В. Лебедеву за картину «Смерть царя Федора Алексеевича», показанную на XXV выставке Товарищества. 21 апреля 1897 года он был удостоен этого звания.

В. И. Суриков получил звание академика в 1895 году. Мясоедов упоминает его картину «Покорение Сибири Ермаком» (1895, ГРМ).

[4] Речь идет об обложке к альбому 25-летия Товарищества.

109

[1] XXVI выставка Товарищества передвижников в Пензе была открыта с 24 июня по 26 июля 1898 года, затем она переехала в Харьков (3 августа — 27 сентября), в Екатеринослав (10 октября — 25 октября), Елизаветград (4 ноября — 15 ноября), в Полтаву (25 ноября — 6 декабря), затем — в Киев, Смоленск и Калугу, где закрылась 21 февраля 1899 года. В Одессе выставка не была.

[2] Еще в апреле 1898 года Касаткин сообщал Ярошенко, что вещи для параллельной выставки поступают крайне медленно. См. прим. 3 к письму 72. Товарищество хлопотало о специально оборудованных вагонах для перевозки картин.

110

[1] См. прим. 1 к письму 109.

[2] Письмо Правления не обнаружено.

111

[1] См. прим. 1 письму 109.

112

[1] 24 мая [18]99 года Н. Н. Дубовской писал Брюллову: «...В. Е. Маковский получил письмо от Г. Г. Мясоедова, котор[ое] нашли нужным сделать всем известным. А. А. Киселеву послали копию. Вам пересылаем подлинник...» (См. ОР ГТГ, ф. 69, ед. хр. 443, л. 1). Это позволяет датировать письмо Мясоедова маем 1899 года.

Дубовской Н. Н.— пейзажист, участник выставок Товарищества передвижников с 1884 года.

[2] По-видимому, в начале 1899 года скончалась Ксения Васильевна Иванова, близкий друг Мясоедова, художница, участница выставок Товарищества передвижников.

Письмо Брюллова, Дубовского, В. Маковского, Киселева и Лемоха к Мясоедову не сохранилось.

[3] Мясоедов сожалеет об отказе Московской городской думы (после смерти Третьякова в декабре 1898 года) выдать из Третьяковской галереи произведения художников-передвижников для Всемирной выставки в Париже в 1900 году, о чем было сообщено вице-президенту Академии художеств 13 мая 1899 года.

Собко Н. П.— историк искусства и библиограф, составитель серии иллюстрированных каталогов выставок Товарищества. В феврале 1898 года Общее собрание Товарищества постановило обратиться к Собко по вопросам организации Всемирной выставки в Париже.

Дягилев С. П.— художественный и театральный деятель, один из организаторов общества «Мир искусства» и редактор журнала того же названия. В 1897—1898 годах Дягилевым был устроен в Петербурге ряд выставок, имевших большой резонанс в художественных кругах столицы.

Мориес А. И.— комиссионер Общества поощрения художеств.

[4] Не установлено, о каких работах Мясоедова идет речь.

113

[1] Мясоедов ошибся, следовало написать «Минченков». Я. Д. Минченков — пейзажист и жанрист, участник выставок Товарищества передвижников с 1905 года. Сопровождал параллельные и основные (с 1902 года) выставки Товарищества с 1898 по 1917 год. Автор книги «Воспоминания о передвижниках». Речь идет о IV параллельной выставке, начавшей путешествие открытием экспозиции 28 августа 1899 года в Ярославле. Затем она побывала в Туле, Курске, Воронеже, Чернигове и Минске, где закрылась 12 января 1900 года.

Малинин И. С.— сопровождающий выставки Товарищества в 1899 и 1901 годах.

[2] Брюллов был членом избранной Собранием Академии художеств Комиссии по организации русского художественного отдела на Всемирной выставке в Париже в 1900 году. Произведения, предназначенные для экспозиции на ней, должны были быть доставлены в Петербург к 15 ноября 1899 года. На Всемирной выставке в Париже в 1900 году экспонировалась картина Мясоедова «Молебен на пашне о даровании дождя» («Засуха») из собрания К. Т. Солдатенкова. См. прим. 1 к письму 55.

114

[1] 17 марта 1902 года Мясоедов послал эту «Записку» вице-президенту Академии художеств гр. Толстому, сопроводив ее письмом: «Милостивый государь граф Иван Иванович!

Не имея никакой возможности быть полезным делу искусства в положении члена Академии, нахожу единственно нужным сделать оглядку на жизнь и деятельность новой Академии, как она мне представляется, чем объясняется как появление записки, так и мое вынужденное положение постороннего зрителя. Прошу покорно Ваше сиятельство сообщить содержание приложенной записки в настоящем заседании Академии.

С глубочайшим уважением Гр. Мясоедов»

«Записка» была прочитана в Собрании Академии 18 марта 1902 года и напечатана в «Журналах имп. Академии художеств в 1902 году» (СПб, 1903, стр. 70—73). Между рукописью и напечатанным текстом есть незначительные расхождения. Собрание Академии никак не реагировало на «Записку» Мясоедова.

[2] Мясоедов не точно цитирует слова из речи вице-президента в первом Собрании Академии 26 января 1894 года. (См. «Юбилейный справочник имп. Академии художеств. 1764—1914». Сост. С. Н. Кондаков, ч. 1, стр. 50.)

[3] 26 февраля 1901 года Мясоедов поднял вопрос о печатании особых мнений членов при журналах Собраний Академии, указав, что его особое мнение, высказанное 20 марта 1900 года, печатать не намерены. Как тогда же сообщил Собранию вице-президент, мнение Мясоедова не было напечатано «ввиду резко выраженных [...] обвинений разных лиц в противозаконных действиях», что признано «неудобным». (См. «Журналы имп. Академии художеств в 1901 году». СПб, 1902, стр. 23.)

115

[1] Кривцова А. И.—жена брата Е. М. Мясоедовой, А. М. Кривцова.

[2] XXXII выставка Товарищества передвижников была открыта в Петербурге с 15 февраля по 21 марта 1904 года. Периодическая печать иронически отзывалась о ее составе, сравнивая произведения прежних лет с показанными на выставке не в пользу последних.

[3] Речь идет о картине, замысел которой, возможно, возник у художника еще в 1899 году, в дни празднования 100-летнего юбилея со дня рождения А. С. Пушкина —«Пушкин и его друзья слушают Мицкевича в салоне кн. З. А. Волконской» (1907, Всесоюзный музей А. С. Пушкина).

[4] В иллюстрированном каталоге XXXII выставки Товарищества передвижников были воспроизведены две работы Мясоедова: «Божья благодать» и «Божий гнев».

116

[1] Мясоедов продал С. П. Крачковскому картину «Штиль», о чем сообщил в письме:

«Полтава, Павленки [*июль 1904*]
Собст[*венный*] *дом.*

Милостивый государь Степан Петрович!

Исполняя Ваше желание, я отправил 20 июля картину «Штиль» с накладным платежом в 50 рублей через транспортную контору

«Надежда». Пересылка и страхование стоят 2 р[убля] 75 к[опеек]. Найдете ли Вы нужным пополнить этот расход, я оставляю на Ваше расположение. Посылаю картину в раме, в которой она была на выставке, чтобы не затруднять Вас делать ее, что не всегда легко в небольшом городе.

С искренним уважением Г. Мясоедов»

[2] Перечисленные картины экспонировались на XXXII выставке Товарищества передвижников в 1904 году.

117

[1] Война с Японией, в которой Россия терпела постоянные поражения, началась 8 февраля 1904 года.

[2] Не установлено, о какой выставке идет речь.

118

[1] 28 февраля 1905 года В. В. Матэ, И. П. Похитоновым и Репиным в Собрании Академии были предложены кандидатами в почетные члены Академии французские живописцы Ф. Кормон и П. А. Ж. Даньян-Бувре и скульптор О. Роден. 28 ноября 1905 года они были избраны единогласно.

[2] В октябре 1905 года вице-президент Академии гр. Толстой был приглашен председателем Совета министров С. Ю. Витте на пост министра народного просвещения. В апреле 1906 года Толстой был уволен с этого поста Николаем II.

[3] Мир между Россией и Японией (Портсмутский) был заключен 5 сентября 1905 года.

[4] т. е. картины «Пушкин и его друзья слушают Мицкевича в салоне кн. З. А. Волконской». Рисунок не сохранился.

119

[1] XXXIV выставка Товарищества передвижников открылась в Петербурге 2 марта 1906 года.

[2] См. прим. 3 к письму 115. Два эскиза к картине хранятся в собрании Всесоюзного музея А. С. Пушкина.

[3] Осенью 1906 года Мясоедов получил помещение для работы над картиной в здании Академии художеств.

[4] На XXXIV выставке Товарищества передвижников были представлены работы Мясоедова: «Весной. Этюд», «На опушке», «Этюд», «Берег Ялты», «Головка. Этюд», «Фонтан в Гурзуфе», «Портрет Х. В. К[уприянова]» и три картины, названия которых не были указаны в каталоге.

[5] Аванцо — фирма, торговавшая художественными принадлежностями и произведениями искусства, имела отделения в Петербурге и Москве.

[6] т. е. вместо бывшего вице-призедента Академии художеств, см. прим. 2 к письму 118.

120

[1] См. прим. 4 к письму 119.

[2] Буффа — владелец магазина художественных принадлежностей в Петербурге.

[3] См. прим. 3 к письму 115 и прим. 2 к письму 119. Фотография не сохранилась.

121

[1] Речь идет о просьбе Мясоедова предоставить ему мастерскую в здании Академии. См. прим. 3 к письму 119. Перечисленные автором художники, кроме Куинджи, были членами и кандидатами академического Совета.

Боткин М. П.— живописец-жанрист, член Собрания Академии с 1893 года. Бенуа Альберт Н.— живописец, один из основателей Общества русских акварелистов, член Собрания Академии с 1893 года.

[2] С 1897 года Киселев был профессором-руководителем пейзажной мастерской Высшего художественного училища при Академии. Возможно, речь шла о предоставлении на время Мясоедову помещения этой мастерской.

[3] Лобойков В. П.— конференц-секретарь Академии художеств в 1893 году и секретарь ее (по новому уставу) с 1894 по 1917 год.

[4] См. прим. 3 к письму 115.

[5] 20 марта 1906 года Остроухов по предложению Дубовского, Матэ и Чистякова был избран в действительные члены Академии.

[6] После ухода И. И. Толстого.

122

[1] «Пушкин и его друзья слушают Мицкевича в салоне кн. З. А. Волконской».

[2] Мясоедов намеревался экспонировать картину «Пушкин и его друзья слушают Мицкевича в салоне кн. З. А. Волконской» на XXXVI выставке Товарищества передвижников, открытие которой состоялось 28 декабря 1907 года в Москве.

[3] И. Г. Мясоедов, сын художника.

[4] Васильева Т. Б.— близкий друг Г. Г. Мясоедова.

[5] См. прим. 1 и в настоящем издании — статью В. С. Оголевца «Вспоминая Г. Г. Мясоедова» (стр. 233—236).

123

[1] «Пушкин и его друзья слушают Мицкевича в салоне кн. З. А. Волконской».

[2] Т. Б. Васильева и И. Г. Мясоедов.

124

[1] См. прим. 3 к письму 115.

[2] См. прим. 2 к письму 122.

[3] Васильева Т. Б.

[4] Рубо Ф. А.— баталист, профессор-руководитель мастерской батальной живописи Высшего художественного училища Академии с 1903 по 1911 год.

125

[1] См. прим. 2 к письму 122. Мясоедов уехал из Петербурга после Собрания Академии, состоявшегося 17 декабря 1907 года, на котором он присутствовал.

126

[1] «Об улучшении постановки учебного дела в Высшем художественном училище при Академии художеств» (см. настоящее издание, стр. 193—198).

127

[1] На Общем собрании членов Товарищества передвижников 21 декабря 1907 года было решено: ввиду финансовых затруднений, XXXVI выставку в путешествие не посылать и ограничиться наймом одного уполномоченного сроком на пять месяцев. Собрание утвердило кандидатуру Минченкова. Не установлено, почему его заменил И. И. Михайлов.

[2] За картину «Пушкин и его друзья слушают Мицкевича в салоне кн. З. А. Волконской». Картина экспонировалась на XXXVI выставке Товарищества передвижников под названием «Москва, декабрь 1826 года. Мицкевич в салоне кн. Зинаиды Волконской импровизирует среди русских писателей (справа кн. Вяземский, Баратынский, Хомяков, З. Волконская, Козлов, Жуковский, Пушкин, Погодин, Веневитинов, Чаадаев и др.)».

128

[1] Солдатенков В. И.— тайный советник. Член-любитель Московского общества любителей художеств с начала 1860-х годов, постоянный член — с 1870 года. Приобрел картину Мясоедова «Пушкин

и его друзья слушают Мицкевича в салоне кн. З. А. Волконской». См. прим. 3 к письму 115.

[2] И. Г. Мясоедов.

[3] См. прим. 1 к письму 127.

[4] Не установлено, о ком идет речь.

[5] Киселев продал пейзаж «Березняк осенью» В. И. Солдатенкову за 1000 рублей.

129

[1] Писем Киселева и Правления Товарищества не обнаружено. 24 февраля 1908 года собрание «наличных членов» Товариществ передвижников в Петербурге постановило нанять залы Общества поощрения художеств для XXXVII выставки за 3000 рублей, с условием, чтобы 1000 рублей из этой суммы была составлена из равных взносов участников выставки. Но, ввиду необходимости дать Обществу поощрения задаток, было решено собрать с каждого участника выставки еще по 50 рублей. Возможный излишек предполагалось присоединить, по окончании выставки, к доле дохода каждого, внесшего деньги.

28 февраля 1908 года на собрании петербургских членов было решено, ввиду потерь Минченкова, «понесенныхм [им] по независящим от него обстоятельствам по случаю закрытия выставки в провинции», выдать ему 480 рублей.

[2] См. прим. 1 к письму 128.

[3] См. прим. 1.

[4] Киселев был избран в Правление Товарищества передвижников 21 декабря 1907 года.

130

[1] См. прим. 1 и 5 к письму 128.

[2] Собрания Академии художеств состоялись 28 февраля и 17 марта 1908 года. На последнем рассматривался вопрос о преобразовании Московского училища живописи, ваяния и зодчества в высшее учебное заведение и проект его нового устава. Мясоедов упоминает о директоре училища, князе А. Е. Львове (с 1896 года). Особое мнение Мясоедова не было напечатано в протоколе Собрания.

[3] В апреле 1908 года, «по высочайшему повелению», классный художник по архитектуре Ф. Г. Беренштам был назначен действительным членом Академии художеств.

[4] См. письмо 129.

[5] Брюллов был хранителем Русского музея с 1897 года.

131

[1] т. е. «Пушкин и его друзья слушают Мицкевича в салоне кн. З. А. Волконской».

132

[1] На XXXVII выставке Товарищества передвижников в 1909 году Мясоедов показал триптих под названием «На земле».

[2] И. Г. Мясоедов работал над картиной «Аргонавты» («Поход мидийцев»), за которую 30 октября 1909 года получил большую золотую медаль.

133

[1] На XXXVII выставке Товарищества передвижников Мясоедов показал картины: «На земле» (триптих), «Листопад» и «Осенью».

134

[1] См. прим. 1 к письму 133.

[2] XXXVII выставка открылась в Москве 14 декабря 1908 года, а в Петербурге — 6 февраля 1909 года.

135

[1] Лемох скончался 22 февраля 1910 года. Уже в апреле 1909 года в Собрании Академии, в связи с его отставкой по болезни, рассматривались кандидатуры на место хранителя художественного отдела Русского музея.

[2] Вероятно, речь идет о картине Мясоедова «Листопад», экспонированной на XXXVII выставке Товарищества передвижников и воспроизведенной в иллюстрированном каталоге выставки.

136

[1] Ежов Н. М. — литератор, сотрудник газеты «Новое время». Секретарь Московского общества любителей художеств. На вечере памяти Третьякова сделал доклад «П. М. Третьяков и его деятельность».

[2] Вечер памяти Третьякова состоялся в Московском обществе любителей художеств 11 декабря 1908 года, что позволяет датировать письмо. На нем присутствовали (в соответствии с постановлением Общего собрания Товарищества передвижников от 9 декабря 1908 года) многие передвижники. Репин и В. Маковский выступили с речами.

[3] Речь члена-любителя Московского общества любителей художеств А. Б. Вайнштейна была посвящена связям деятельности Третьякова и Товарищества передвижных художественных выставок.

[4] См. прим. 3 к письму 21, прим. 1 к письму 22.

[5] Мясоедов не раз указывал Стасову на ошибочность некоторых фактов, которые Стасов сообщал в своих работах. Здесь имеется в виду статья «Двадцатилетие передвижников», написанная в 1892 году.

[6] Отчет Мясоедова был опубликован при каталоге XVI передвижной художественной выставки (СПб, 1888, стр. 3—10).

[7] См. прим. 2 к письму 52.

[8] т. е. Московского общества любителей художеств.

[9] На Общем собрании членов Товарищества передвижников 9 декабря 1908 года было предложено «внести ходатайство о разрешении в надлежащем порядке открытия всероссийской подписки на сооружение в Москве памятника П. М. Третьякову», поддержанное позже на заседании Московского общества любителей художеств.

137

[1] В декабре 1908 года Мясоедов вышел из Товарищества передвижников и участвовал на его выставках на правах экспонента.

138

[1] См. прим. 2 к письму 132.

[2] В конце 1909 года, на XXXVIII выставке Товарищества передвижников, Мясоедов показал работы: «Осенью», «Поля», «Пастушок», пять этюдов, названия которых не указаны в каталоге, и картину «Летом», размеры которой (73 × 114), приведенные в каталоге, позволяют считать ее «картиной средней величины».

139

[1] т. е. в Русский музей. См. прим. 5 к письму 130.

[2] См. прим. 1 к письму 137. 13/14 апреля 1910 года в заседании Правления Товарищества передвижников был подведен баланс личным счетам членов, завершивший почти годовую работу Правления по упорядочению состояния финансовых дел объединения. Оказавшиеся в наличии излишки было решено разослать владельцам. Возможно, деньги, полученные Мясоедовым, были посланы в результате этих операций.
Мясоедов ошибся: XXXIX выставка Товарищества передвижников была открыта в Москве с 26 декабря 1910 года по 6 февраля 1911 года, а в Петербурге — с 18 февраля по 17 апреля 1911 года.

[3] После смерти Киселева (20 января 1911 года) Дубовской был назначен профессором-руководителем пейзажной мастерской Высшего художественного училища при Академии художеств (с 28 февраля 1911 года).

[4] Зиму 1910—1911 годов Мясоедов провел за границей. См. письмо 140.

140

[1] См. прим. 4 к письму 139.

[2] И. Г. Мясоедов был командирован Академией художеств за границу на второй срок.

141

[1] Письмо написано рукой Т. Б. Васильевой и только подписано Мясоедовым.

[2] Речь идет о фотографиях Л. Н. Толстого, о пересылке которых художнику в письме от 26 июня 1911 года В. Г. Короленко просил Черткова. Мясоедов работал над картиной «Сеятель» где, как писал Короленко «фигуре и лицу сеятеля он придает полное сходство с Л. Н. Толстым». (1900, Литературный музей при Институте русской литературы АН СССР.)

142

[1] Письмо написано рукой Т. В. Васильевой. Мясоедовым дописана фраза: «(Плох еще со здоровьем)».

[2] XXXX выставка Товарищества передвижников открылась в Москве 26 декабря 1911 года. На ней экспонировалось 13 работ Мясоедова: «Лунная ночь», «Осень», «В поле» (2 этюда), «Сиена. Этюд», «Сорренто» (2 этюда), «Бордигера (Итальянская Ривьера)» (3 этюда), «Арко (Южный Тироль)» (этюд), «Истрия. С острова Лусин» (2 этюда).

17 декабря 1911 года Мясоедов скончался в Полтаве.

Записка академика живописи Г. Г. Мясоедова

[1] См. прим. 3 к письму 76. Мясоедов не был членом Комиссии, но получил приглашение высказать свое мнение о необходимых изменениях в уставе Академии. Временный устав Академии был утвержден Александром III 15 октября 1893 года и вступил в силу осенью 1894 г. См. прим. 1 к письму 94.

[2] Калам А.— швейцарский художник-пейзажист, рисовальщик и гравер.

Жером Ж.— французский живописец и скульптор, автор картин на исторические и мифологические темы, ориенталист.

Н. Н. Ге

(Воспоминания о художнике)

[1] Воспоминания Мясоедова о Ге, скончавшемся 1 июня 1894 года, были написаны по просьбе Стасова и вошли в книгу «Николай Николаевич Ге, его жизнь, произведения и переписка. Составил В. В. Стасов». М., «Посредник», 1904. В настоящем сборнике печа-

тается текст, отредактированный автором и опубликованный им в журнале «Артист». 1895, № 45.

[2] «Аэндорская волшебница вызывает тень Самуила» («Саул у Аэндорской волшебницы», 1856, ныне — в ГРМ). За эту картину в 1857 году Ге получил большую золотую медаль.

[3] Мясоедов познакомился с Ге в апреле — мае 1867 года, когда последний приехал в Париж на Всемирную выставку, где в Русском художественном отделе экспонировалась его картина «Тайная вечеря» (1863, ныне — в ГРМ), за которую Ге получил звание профессора. См. прим. 13 к письму 4.

[4] См. прим. 5 к письму 25.

[5] Речь идет о польском восстании 1863—1864 годов, жестоко подавленном царским правительством: были казнены захваченные в плен члены Национального правительства, сосланы на каторгу и поселение тысячи повстанцев. По Европе разлилась волна польской повстанческой эмиграции, крайнее крыло которой участвовало в революционном движении ряда европейских стран. Во Флоренции в начале 1860-х годов жили дети А. И. Герцена: сын Александр— ассистент физиолога доктора М. Шиффа и дочери — Наталья и Ольга, бывавшие у Ге. Герцен приехал сюда 18 января 1867 года. В том же году Ге написал его портрет (ныне — в ГТГ, неоднократно повторялся художником). Бакунин М. А.— теоретик анархизма. В 1861 году, бежав из сибирской ссылки, вторично эмигрировал из России. Жил в Англии, Швейцарии и Италии. Автор книги «Государство и анархия» (1873).

[6] Имеются в виду картины Ге: «Вестники Воскресения» (см. прим. 1 к письму 100) и «Петр I допрашивает царевича Алексея Петровича в Петергофе» (1871, ГТГ, картина неоднократно повторялась автором).

[7] См. прим. 1 к письму 16. Каменский Ф. Ф.— скульптор. Участник I выставки Товарищества передвижников.

См. прим. 12 к письму 4. Чиркин А. Д.— см. прим. 4 к письму 25.

Долгоруков П. В., князь,— публицист-памфлетист 60-х годов прошлого века. В 1859 году эмигрировал из России, сотрудничал в «Колоколе».

Доманже И.— участник французской революции 1848 года, эмигрант. Владелец школы-пансиона во Флоренции, учитель детей Герцена и Ге. В 1868 году Ге написал его портрет (ГТГ).

Губернатис де А., граф,— ученый-санскритист, литератор, поэт, историк, составитель «Словаря современных писателей», изданного во Флоренции в 1880 году.

Мечников Л. И.— см. прим. 12 к письму 4.

Ушакова — лицо неустановленное.

Мордвинов А. А.— ученый, занимавшийся историей религий.

[8] Вероятно, к ним относятся этюды «Оливковая роща в Сан-Теренцо», «Дубовая роща в Сан-Теренцо» (обе — 1867 года, Киевский музей русского искусства), использованные Ге в картинах «В Гефсиманском саду» (1868, Киевский музей русского искусства и 1869, ГТГ).

[9] Речь идет о картине «Перевозка мрамора в Карраре» (1868, ныне — в ГРМ). В 1870 году была приобретена у художника наследником, будущим имп. Александром III. Экспонировалась на персо-

нальной выставке художника в залах Академии художеств в 1870 году.

[10] Мясоедов возвратился в Россию в начале 1869 года, а Ге — в конце того же года.

[11] Ге писал, вспоминая то время: «... Гр. Гр. Мясоедову принадлежит мысль устроить новое общество, соединив московских и петербургских художников в одно общество. Сам он жил в Москве. Сообщая мне об этом, он просил меня заинтересовать петербургских художников. Все того ждали и потому с охотой откликнулись на эту идею. Приглашение москвичей было принято нами, и, наконец, состоялось соглашение. Гр. Гр. составил устав Товарищества, и его подписали, а также решили приготовить картины и через год (в 1871) сделать выставку...» (См. «Николай Николаевич Ге, его жизнь, произведения и переписка. Составил В. В. Стасов». «Посредник», 1904, стр. 217.)

[12] См. прим. 3 к письму 21 и прим. 1 к письму 22. Мясоедов ошибся, К. Ф. Гун не подписывал ни прошения, ни устава Товарищества.

[13] В первое Правление Товарищества передвижников, согласно протоколу Общего собрания от 16 декабря 1870 года, были избраны: Ге, Мясоедов, М. К. Клодт, Крамской, Перов и кандидатом — Прянишников. Картина Ге «Петр I допрашивает царевича Алексея Петровича в Петергофе» экспонировалась на I выставке Товарищества передвижников. В путешествие было отправлено ее уменьшенное повторение. См. прим. 6.

[14] См. прим. 1 к письму 32.

[15] См. прим. 4 к письму 25.

[16] Ге, вместе с Крамским, Чистяковым, Иорданом, Боголюбовым, Гуном и др., участвовал в работе Комиссии по пересмотру устава Академии художеств 1859 года, начавшей свою деятельность в октябре 1872 года под председательством гр. С. Г. Строганова, а не конференц-секретаря Академии П. Ф. Исеева, как пишет автор.

[17] Стасов, обращая внимание читателей на это выражение (см. то же, стр. 253), отмечает, что Ге употреблял его «в разговорах с одним только Гр. Гр. Мясоедовым» (подчеркнуто Стасовым), выражая тем самым недоверие к этому свидетельству.

[18] Речь идет об эскизах, представленных Ге на конкурс для храма Христа Спасителя в Москве: «Св. Сергий, благословляющий на подвиг Дмитрия Донского», «Помазание Давида», «Се человек», «Несение креста», «Рождество».

[19] К решению оставить занятия живописью и покинуть Петербург толкнули Ге тяжелый творческий кризис, глубокое разочарование в общественном значении своего искусства. В 1876 году художник с семьей поселился на Украине, в Черниговской губернии, на хуторе Плиски, купленном у тестя.

[20] В опубликованных Стасовым воспоминаниях Мясоедова о Ге говорится: «...Заехав к Ге в деревню (после женитьбы его сына Петра, т. е. после октября 1883 года)...» (См. Стасов, то же, стр. 275.)

[21] Об этом вспоминает и Е. И. Ге, невестка художника. (См. Стасов, то же, стр. 272.)

[22] Спенсер Г.— английский философ-позитивист, в основе теории которого лежал принцип эволюции.

Конт О.— французский математик и философ-позитивист.

[23] Ге познакомился с Толстым в 1882 году, привлеченный и покоренный его философским учением. Художник исполнил иллюстрации к рассказу Толстого «Чем люди живы» и к «Краткому евангелию» (1886—1887 годы).

[24] Творческий подъем, который испытывал художник в 1890-е годы, нашел выражение в цикле картин на евангельские сюжеты: «Христос и Никодим» (1889, ГТГ), «Выход Христа с учениками с тайной вечери в Гефсиманский сад» (эскиз 1888 года — принадлежит ГТГ и картина 1889 года — ГРМ), «Что есть истина? Христос и Пилат» (1890, ГТГ), «Суд Синедриона. «Повинен смерти!» (1892, ГТГ), «Совесть. Иуда» (1891, ГТГ), «Голгофа» (1893, ГТГ), серия «Распятий», завершившаяся картиной 1894 года (частное собрание в Швейцарии). См. прим. 1 к письму 100.

[25] Ге присутствовал на последнем заседании первого в России художественного съезда, состоявшемся 1 марта 1894 года, на котором произнес речь. (См. Стасов, то же, стр. 392—399.)

[26] Это случилось в ночь на 1 июня 1894 года.

Очерк жизни и деятельности Товарищества передвижных художественных выставок

[1] Очерк был опубликован в качестве вступительной статьи к «Альбому двадцатипятилетия Товарищества передвижных художественных выставок. 1872. XXV. 1897». (См. прим. 2 к письму 103.) История его создания такова: 26 февраля 1897 года Мясоедовым в Общем собрании членов Товарищества был прочитан «проект очерка жизни и деятельности Товарищества за 25 лет». Тогда же, «для редактирования статьи с целью помещения ее в Альбоме Юбилея Товарищества», была избрана Комиссия, в которую вошли Брюллов, Киселев и Дубовской. Однако при отправке статьи в печать члены Комиссии по изданию альбома, Мясоедов, Архипов и А. Васнецов, писали Фишеру:

«Милостивый государь Карл Андреевич.

Вы просите не задержать текст к Вашему изданию альбома 25-летия Товарищества передвижных художественных выставок, который, по Вашему предложению, должен содержать очерк истории существования Товарищества.

На последнем Общем собрании Товарищества Г. Г. Мясоедовым был прочитан отчет за последние десять лет; кроме цифр, он содержит кое-какие указания на то, что произошло в этот период в области искусства в связи с жизнью Товарищества. Отчет этот не имел целью явиться публично, может быть, он содержит кое-что, не имеющее общего интереса, но, как материал, в руках опытного человека, отчет может быть обработан и приведен в то состояние, которое необходимо для появления в свет. Присоединив отчет за последнее десятилетие к отчету, помещенному в иллюстрированном каталоге за 15 выставку, а также пользуясь заметкой Г. Г. Мясоедова о Ге, Вы получите необходимый материал для очерка о жизни Товарищества за 25 лет, а затем желаем Вам всякого успеха». (Отчет был напечатан в каталоге XVI выставки — *Н. П.*) Как сообщил тут же, в примечании, Фишер, он напечатал «данные ему сведения

почти без переделок, лишь с небольшими сокращениями». (См. «Альбом двадцатипятилетия».) Все вышеизложенное и ряд мест в тексте «Очерка», совпадающие с достоверно принадлежащими Мясоедову сочинениями (см. статью «Н. Н. Ге. (Воспоминания о художнике)» в настоящем издании), позволяют предположить, что этот труд в основе своей принадлежит Мясоедову.

[2] См. прим. 11 к статье «Н. Н. Ге. (Воспоминания о художнике)» в настоящем издании. См. прим. 3 к письму 21, письмо 22 и прим. 1 к нему.

[3] См. прим. 12 к статье «Н. Н. Ге. (Воспоминания о художнике)».

[4] См. прим. 13 к статье «Н. Н. Ге. (Воспоминания о художнике)».

[5] См. прим. 6 к статье «Н. Н. Ге. (Воспоминания о художнике)».

[6] Кропоткин, князь-губернатор. Вследствие этих помех, Товарищество передвижников в январе 1875 года вынуждено было обратиться в Министерство народного просвещения с просьбой разрешить допускать устройство передвижных выставок в помещениях зданий учебных заведений.

[7] I выставка Товарищества передвижников была открыта в Киеве с 6 сентября по 3 октября, а в Харькове — с 15 октября по 6 ноября 1872 года.

[8] § 17 «Устава Товарищества передвижных художественных выставок», утвержденный 2 ноября 1870 года, гласил: «Касса Товарищества образуется:

а) из платы за вход публики на выставку и б) из вычета 5% с продаваемых на оной художественных произведений и изданий».

[9] Постановление не взимать 5% взнос с членов, фонд которых достиг 1000 рублей, было принято на Общем собрании 3 января 1874 года. Решение об увеличении фонда до 2000 рублей было утверждено 22 февраля 1887 года. Однако 15 февраля 1895 года Товарищество вернулись к прежнему размеру фонда.

[10] См. прим. 1 к письму 39. Ярославское Музыкальное общество, приглашая Товарищество, гарантировало ему определенный доход с выставки и выплатило сопровождающему деньги, которые Общее собрание, состоявшееся 5 февраля 1877 года, постановило «возвратить обратно, ввиду того, что в этом городе выставка убытка не потерпела».

[11] Мясоедов имеет в виду «Общество выставок художественных произведений», устав которого был утвержден в сентябре 1875 года. Общество пользовалось покровительством Академии художеств, которая надеялась противопоставить его выставки влиянию деятельности передвижников. Среди активных членов его были художники: В. И. Якоби, В. Д. Орловский и др. Общество влачило жалкое существование, организовав всего 7 выставок. В 1881 году оно пыталось объединиться с Товариществом, но встретило недвусмысленный отказ.

[12] См. письмо 50, прим. 2 к письму 50, прим. 1 к письму 52. Товарищество не один раз предпринимало попытки построить постоянное помещение для выставок, мастерских и т. п. в Петербурге. В протоколах Общих собраний передвижников вопрос о строительстве поднимался и в 1878, и в 1883, и в 1890 годах. Однако город-

ское управление Петербурга, от которого зависело выделение места, всегда находило причину для отказа.

[13] Художник Аммон скончался в 1879 году; Аммосов, Каменев и Н. Маковский — в 1886 году.

[14] См. прим. 6 к письму 136.

[15] Мясоедов цитирует § 1 «Устава Товарищества передвижных художественных выставок» 1870 года.

[16] Мясоедов, Перов, Каменев, Саврасов, Ге, Крамской, М. К. и М. П. Клодты, Прянишников, Шишкин, Лемох, К. Е. Маковский — члены-учредители Товарищества. Участниками выставок Товарищества с 1871 года были: Аммосов, Аммон, Боголюбов, Гун, Максимов. С 1872 — В. Маковский, П. Брюллов, К. Савицкий. С 1874— Репин, Куинджи, Бронников, Беггров, В. Васнецов. С 1875 — Киселев, Ярошенко. С 1876 — Литовченко. С 1878 — Поленов, Волков. С 1879 — Леман, Харламов, Н. Маковский. С 1880 — Бодаревский, Загорский. С 1881 — Кузнецов, Неврев, Суриков. С 1882 — Позен. С 1883 — А. Васнецов. С 1884 — Дубовской, Светославский, Шильдер, Левитан, К. Лебедев, Костанди. С 1885 — Милорадович. С 1886 — Остроухов. С 1888 — Степанов. С 1889 — Архипов, Ендогуров, Нестеров. С 1890 — Касаткин, Серов, Богданов-Бельский. С 1891 — Э. Шанкс, И. Богданов, А. Корин, Бакшеев. С 1894 — Н. Орлов.

[17] Изменения в принципе распределения дивиденда не раз обсуждались Общим собранием Товарищества, они рассматривались в 1880 и 1885 годах.

[18] См. прим. 3 к письму 72. 1-я параллельная выставка открылась в сентябре 1886 года в Казани; 2-я — в августе 1889 года там же; 3-я, о которой упоминает автор,— в 1892 году, в Пензе.

[19] Еще в апреле 1895 года на Общем собрании Товарищества было решено послать на Всероссийскую промышленно-художественную выставку в Нижний Новгород XXIV выставку в полном составе, после закрытия ее в Москве. Члены Товарищества, по желанию, могли дополнить ее своими работами. См. прим. 4 к письму 105.

[20] См. прим. 3 к письму 97. Козалет Э. А.— член Англо-русского литературного общества, переписка с которым сохранилась в делах Товарищества.

[21] См. прим. 6. Решение об устройстве академических выставок в залах Академии в дни великого поста, весной, считавшиеся лучшим временем для таких мероприятий, было принято Собранием Академии 20 марта 1895 года.

[22] См. прим. 1 к письму 94.

[23] В апреле 1890 года в Комиссию по пересмотру устава Академии художеств 1859 года были «высочайше назначены» художники-передвижники: Боголюбов, Поленов и Репин (вышедший, правда, в эти годы из Товарищества). Кроме того, по приглашению президента Академии в деятельности Комиссии приняли участие Мясоедов и Савицкий. Комиссия начала работу в январе 1891 года. См. прим. 1 к письму 94. В первое Собрание Академии были назначены художники-передвижники: Боголюбов, П. Брюллов, В. Васнецов, Киселев, Лемох, В. Маковский, Мясоедов, Поленов, Прянишников, Репин, Суриков, Шишкин.

[24] См. прим. 5 к письму 95 и прим. 1 к письму 100.

Об улучшении постановки учебного дела в Высшем художественном училище при Академии художеств

[1] Подлинник хранится в ЦГИАЛ, ф. 789, оп. 13, ед. хр. 171. В журналах Собраний имп. Академии художеств не публиковалось.

[2] См. прим. 1 к письму 94.

[3] См. прим. 3 к письму 114.

[4] В ведении Академии художеств находились: Высшее художественное училище и художественные школы в Одессе, Казани, Киеве, Пензе, Харькове, Московское училище живописи, ваяния и зодчества. В декабре 1906 года Собрание Академии слушало доклад о состоянии дел Тифлисского художественного училища. Оно было закрыто. Предполагалось создать в Тифлисе художественные классы под эгидой Кавказского общества изящных искусств.

Воспоминания о Г. Г. Мясоедове

Юность Г. Г. Мясоедова

В. Н. Брендель

[1] Воспоминания В. Н. Бренделя написаны специально для сборника, ранее не публиковались.

[2] Возможно, что гимназическим учителем рисования Мясоедова был И. Волков, художник-портретист, получивший в 1859 году звание неклассного художника в Академии художеств.

[3] Портрет Г. А. Мясоедова. 1857, х., м. Частное собрание.

[4] Марков А. Т.— профессор исторической живописи в Академии художеств с 1842 по 1872 год. Нефф Т. А.— профессор исторической и портретной живописи Академии художеств (с 1849 года), жанрист.

Мясоедов Григорий Григорьевич

Я. Д. Минченков

[1] Печатаются по тексту, опубликованному в книге того же автора «Воспоминания о передвижниках». Л., 1964, стр. 23—30.

[2] См. письма 20—22 и прим. к ним. Изменение устава Товарищества передвижников было утверждено на Общем собрании 7 февраля 1891 года. В Товариществе учреждался Совет, избираемый из основателей объединения, никогда не покидавших его с момента создания. Это было вызвано желанием представителей старшего поколения, в связи с бурным ростом числа новых членов, усилить контроль над деятельностью Товарищества. Консервативность этой меры вызвала неодобрение многих членов, а Репин и В. Васнецов — вышли из его рядов.

[3] Речь идет о картине Репина «Иван Грозный и сын его Иван 16 ноября 1581 года» (1885, ГТГ). Репин написал несколько этюдов с разных лиц для Грозного, этюд с Мясоедова (1883) хранится в частном собрании.

[4] Сорокин Е. С.— исторический живописец и жанрист. По-видимому, анекдот о Сорокине Мясоедов слышал от других, так как уже в 1850-м году Сорокин был пенсионером Академии за границей.

[5] См. прим. 8 к письму 4. Картина «Медный змий» (1826—1841, ГРМ).

[6] См. прим. 2 к письму 1 и прим. 1 к письму 2.

[7] См. прим. 3 к письму 26, прим. 2 к письму 23, прим. 2 к письму 62 и прим. 1 к письму 61, 1881 год.

[8] Владимир Александрович, вел. князь,— товарищ президента Академии художеств с 1862 и президент с 1876 по 1909 год.

[9] Боткин М. П.— жанрист и исторический живописец, принимал активное участие в деятельности Академии художеств.

[10] Малютин С. В.— портретист, жанрист. Работал в области театрально-декорационного искусства, книжной графики, архитектуры, прикладного искусства и художественных ремесел. Участвовал в выставках Товарищества передвижников в 1891 году и с 1913 по 1922 год (с 1915 — член Товарищества).

Поленова Е. Д.— пейзажист, жанрист. Иллюстратор русских сказок, работала много в области прикладного искусства. Участвовала на выставках Товарищества передвижников как экспонент в 1889—1895 годах.

Серов В. А.— участвовал в выставках Товарищества передвижников с 1890 года, с 1894 — член Товарищества.

Архипов А. Е.— жанрист и пейзажист. Участвовал в выставках Товарищества с 1888 по 1901, член Товарищества — с 1891 года.

Васнецов А. М.— пейзажист, работал в области театрально-декорационного искусства. Участвовал на выставках Товарищества передвижников с 1883 по 1902 год, с 1899 года — член Товарищества.

Досекин Н. В.— пейзажист. Выставлялся на выставках Товарищества с 1888 по 1900 год. С 1900 года — член Товарищества.

Светославский С. И.— пейзажист. Участвовал в выставках Товарищества с 1884 по 1900 год. Член Товарищества с 1891 года.

Первухин К. К.— пейзажист. Участвовал на выставках Товарищества с 1887 по 1900 год, член Товарищества с 1891 года.

[11] Совет Товарищества передвижников был упразднен в 1903 году.

[12] Речь идет о XXXVIII выставке Товарищества передвижников в Полтаве в 1910 году.

[13] См. прим. 3 к письму 115 и прим. 2 к письму 127.

Воспоминания о Г. Г. Мясоедове

Н. А. Киселев

[1] «Воспоминания» (1962) хранятся в Отделе рукописей ГТГ. Ранее не публиковались. Автор — сын пейзажиста А. А. Киселева, передвижника, педагога (см. прим. 2 к письму 37), много лет поддерживавшего с Мясоедовым дружеские отношения.

[2] См. прим. 1 к письму 3, прим. 2 к письму 112 и прим. 3 к письму 67.

[3] Киселева С. М.— жена А. А. Киселева.

[4] См. прим. 2 к письму 121.

[5] См. прим. 3 к письму 115, прим. 2 к письму 127.

[6] См. прим. 1 к письму 113 и воспоминания Я. Д. Минченкова «Мясоедов Григорий Григорьевич» в настоящем издании.

[7] Каретников Алексей — артельщик Товарищества передвижников.

[8] XXXVIII выставка Товарищества передвижников была открыта в Харькове с 13 сентября по 10 октября 1910 года.

[9] Работа Репина «Проповедник. Этюд» действительно была портретом публициста, священника, профессора богословия, члена Государственной думы Г. С. Петрова, лишенного священнического сана в 1908 году за оппозиционные выступления.

[10] В каталоге XXXVIII выставки картина «Проповедник. Этюд» значилась под № 168.

[11] В декабре 1908 года Мясоедов вышел из числа членов Товарищества. См. прим. 1 к письму 137. Художник не одобрял восстановления в 1903 году старого Правления, расходился со многими членами Товарищества во взглядах на современное искусство. Письмо Правления не сохранилось.

[12] XXXVIII выставка Товарищества передвижников была открыта в Полтаве с 20 октября по 2 ноября 1910 года.

[13] Автор ошибся, описанные события происходили в 1910 году.

[14] А. А. Киселев скончался 20 января 1911 года, а Мясоедов — 17 декабря 1911 года.

Вспоминая Г. Г. Мясоедова

В. С. Оголевец

[1] Переработанный автором вариант «Воспоминаний о Г. Г. Мясоедове», опубликованных в журнале «Искусство», 1960, № 11.

[2] Оголевец С. Я.— участник народнического движения 1870-х годов на Украине, погрессивный общественный деятель Полтавы.

[3] См. прим. 4 к письму 93.

[4] См. Н. А. Римский-Корсаков «Летопись моей музыкальной жизни». М., 1955, стр. 13.

[5] Гартевельд В. Н.— композитор и пианист, швед по происхождению. С 1885 года жил в России. Известен как собиратель песен тюрьмы и сибирской каторги («Славное море священный Байкал», «Есть на Волге утес» и др.).

[6] См. прим. 2 к письму 62, см. прим. 1 к письму 84. В 1892 году Мясоедов написал вариант-повторение картины 1887 года «Страда», принадлежавшей Александру III и долгое время находившейся в Гатчинском дворце. Вариант-повторение (большего размера) художник подарил Московскому училищу живописи, ваяния

и зодчества (местонахождение ее ныне неизвестно). В Казахской государственной художественной галерее им. Т. Г. Шевченко в Алма-Ате находится еще одно повторение картины. См. прим. 3 к письму 115. «Искушение» (1897, Таллинский гос. художественный музей. Экспонировалась на XXV выставке Товарищества передвижников).

7 Речь идет о подготовительных этюдах к картине Репина. См. прим. 3 к воспоминаниям Я. Д. Минченкова «Мясоедов Григорий Григорьевич» в настоящем издании. Этюды Репина: «Портрет писателя В. М. Гаршина», 1883, «Портрет художника В. К. Менка», 1884, «Портрет композитора П. И. Бларамберга», 1884 — ныне хранятся в ГТГ.

8 «Полтавская речь», 1911, 20 декабря.

9 «Полтавская речь», 1911, 29 декабря.

Краткая летопись жизни и деятельности Г. Г. Мясоедова

1834 *7 апреля* — родился в деревне Паньково Новосильского уезда Тульской губ., в усадьбе отца.

1853 Поступил в Академию художеств в Петербурге, учился у профессоров А. Т. Маркова и Т. А. Неффа.

1856 Петербург. Общение с композиторами «Могучей кучки».

1859 Две малые серебряные медали: за картину «Урок пряжи» («Бабушка и внучка». Тюменская областная картинная галерея) и за этюд с натуры.

1860 Большая серебряная медаль за картину «Деревенский знахарь» (частное собрание, Москва).

1861 Малая золотая медаль за картину «Поздравление молодых в доме помещика» (ГРМ).
Женитьба на Е. М. Кривцовой.

1862 Большая золотая медаль за картину «Бегство Григория Отрепьева из корчмы на Литовской границе. На сюжет из трагедии А. С. Пушкина „Борис Годунов"». (Принадлежала Музею Академии художеств, ныне — во Всесоюзном музее А. С. Пушкина.)
Командировка за границу пенсионером Академии сроком на шесть лет.

1863 *1 января* — начало пенсионерского срока.
18 мая — отъезд за границу, в Италию, через Германию, Бельгию и Швейцарию.

1864 Пребывание в Италии. Переезд во Францию.

1865 Париж. Работа над картиной «У чужого счастья» («Материнское счастье», «Две судьбы», «Игра случая». Частное собрание, Москва).

1866 Поездка в Испанию.
Май — декабрь — пребывание в России.
Картины «Похоронный праздник у испанских цыган» («Похороны у испанских цыган», «Похоронный обряд испанских цыган». Местонахождение неизвестно) и «Знахарка, собирающая травы» («Колдунья на охоте», «Приворотные травы». Гос. художественный музей БССР).
1867 *январь — март* — в России.
апрель — май — Всемирная выставка в Париже. Знакомство с художником Н. Н. Ге. Возвращение в Италию.
1868 Италия. Работа над картиной «Франческа да Римини и Паоло да Паоленто. (Из пятой песни «Ада», соч. Данте)».
1869 *1 января* — окончание пенсионерского срока.
Март — возвращение в Россию.
23 ноября — письмо московских художников к членам петербургской Артели с приложением эскиза проекта устава Товарищества подвижных выставок, написанного Мясоедовым.
1870 *2 ноября* — утверждение устава Товарищества передвижных художественных выставок.
4 ноября — звание академика за картину «Заклинание» («Из народных поверий», 1869. Местонахождение неизвестно).
16 декабря — избран членом Правления Товарищества передвижников.
1871 *29 ноября* — открытие I выставки Товарищества передвижников в Петербурге. Сопровождение ее, вместе с Перовым, в путешествии.
Картина «Дедушка русского флота. (Тиммерман объясняет царевичу Петру I особенности найденного в с. Измайловском, между домашним хламом, ботика, названного впоследствии дедушкой русского флота)». Государственный музей искусств Узбекской ССР).
1872 *1 января* — выбран в члены Петербургского отделения Правления Товарищества передвижников.
Картины: «Земство обедает» («Уездное земское собрание в обеденное время». ГТГ); «В осажденном городе». («В Севастополе в 1854 году». Панорама «Оборона Севастополя 1854—1855 годов»).
26 ноября — выбран в члены Правления Товарищества передвижников.
1873 Картина «Чтение Положения 19 февраля 1861 года» (ГТГ).
1874 Путешествие в Италию и Австрию.
1875 *19 марта* — избран в члены Правления Петербургского отделения Товарищества.
1876 Путешествие на Балканы.
Картина «Опахивание» (ГРМ).
1877 Картина «Молебен на пашне о даровании дождя» («Засуха», 1877. Национальный музей в Варшаве).
1878 Участвовал на Всемирной выставке в Париже.
Картина «В осажденном городе» («В Севастополе в 1854 году», вариант. Харьковский художественный музей), автопортреты (ГТГ и Тульский областной художественный музей.)

1880 *3 февраля* — предложение о распределении дивиденда с выставок Товарищества передвижников среди членов.

4 марта — избран в Ревизионную комиссию Товарищества передвижников.

Картина «Молебен на пашне о даровании дождя» («Засуха», авторское повторение. Омский областной музей изобразительных искусств).

1881 *7 февраля* — избран кандидатом в члены Правления Товарищества передвижников.

Рождение сына Ивана.

Картина «Дорога во ржи» («Вечер», «К ночи». ГТГ).

1882 Картина «Самосожигатели» («Самосожжение. Из времен гонения на раскол». ГТГ. Завершена в 1884 году).

1883 *27 февраля* — выбран в члены Ревизионной комиссии Товарищества передвижников.

Октябрь — поездка к Н. Н. Ге на хутор Плиски.

1884 *9 марта* — получил звание действительного члена Академии художеств.

23 февраля — выбран в члены Ревизионной комиссии.

Позировал И. Е. Репину для картины «Иван Грозный и сын его Иван 16 ноября 1581 года» (Этюд — в частном собрании в Москве).

1885 *6 февраля* — выбран в члены Ревизионной комиссии Товарищества. Предложение Общему собранию нового проекта распределения дивиденда.

Посетил Л. Н. Толстого в Москве, в Хамовниках.

1887 *22 февраля* — выбран в Комиссию по устройству выставки Товарищества передвижников.

Картины «Страда» («Косцы», «Страдная пора». ГРМ, уменьшенный вариант — в Республиканской художественной галерее имени Т. Г. Шевченко в Алма-Ате).

1888 *21 февраля* — прочитан отчет о деятельности Товарищества передвижников за 15 лет.

27 февраля — выбран в Ревизионную комиссию Товарищества.

1889 *22 февраля* — выбран кандидатом в члены Правления Товарищества передвижников.

Приобрел усадьбу на Павленках, в Полтаве.

1890 *7 февраля* — выбран в члены Правления Товарищества передвижников. Подписал проект изменения устава Товарищества.

30 апреля — утвержден измененный устав Товарищества передвижников.

Август — сентябрь — Записка о пересмотре устава Академии художеств 1859 года.

1891 Участие в работе Комиссии по пересмотру устава Академии художеств.

1892 Картины «Страда» («Косцы», «Страдная пора»— вариант-повторение картины 1887 года. Подарена художником Московскому училищу живописи, ваяния и зодчества, ныне — местонахождение неизвестно), «Зреющие нивы» (ГРМ).

1893 Картина «Чтение „Крейцеровой сонаты" Л. Н. Толстого» («Новые истины», «Между мраком и светом». Литературный музей при Институте русской литературы АН СССР).

1 декабря — назначен действительным членом Собрания Академии художеств по новому уставу.

1894 *26 января* — присутствовал на первом заседании Собрания Академии художеств.

4 ноября — особое мнение в Собрании Академии художеств.

1895 *30 января* — заявление в Собрании Академии художеств о системе преподавания в Высшем художественном училище при Академии и об оплате расходов членов Собрания на поездки в заседания.

27 февраля — утверждено предложение Мясоедова об оплате расходов членов Собрания на поездки.

Организовал рисовальные классы в Полтаве.

В журнале «Артист», № 45 опубликованы воспоминания о Н. Н. Ге.

31 октября — особое мнение в Собрании Академии о проекте устава Московского училища живописи, ваяния и зодчества.

1896 *7 февраля* — избран в Ревизионную комиссию Товарищества передвижников.

Февраль — предложил отпраздновать двадцатипятилетие Товарищества в 1897 году, при открытии XXV выставки.

17 апреля — особое мнение в Собрании Академии художеств по поводу правил устройства выставок в залах Академии; об уставе художественного училища Общества изящных искусств в Одессе; о порядке покупок художественных произведений с выставок в Петербурге Комиссией Академии художеств.

6 декабря — избран в Комиссию по надзору за изданием альбома к 25-летию Товарищества.

1897 *24 февраля* — выступление в Собрании Академии художеств о волнениях учеников Академии.

27 февраля — на Общем собрании Товарищества прочел проект очерка жизни и деятельности Товарищества передвижников за 25 лет.

2 марта — торжественный обед в честь 25-летнего юбилея Товарищества передвижников.

Картина «Искушение» (Таллинский гос. художественный музей).

1898 *18 февраля* — избран в Совет Товарищества передвижников.

23 ноября — Собранием Академии художеств выбран в Комиссию по изучению условий существования Казанской рисовальной школы.

1899 *4 марта* — на Общем собрании Товарищества передвижников прочел доклад о деятельности объединения за последние 10 лет.

Скончалась К. В. Иванова, мать И. Г. Мясоедова

25 октября — обсуждение в Собрании Академии художеств выводов Мясоедова о состоянии дел в рисовальных классах в Ростове-на-Дону.

22 ноября — в Собрании Академии художеств доложен отзыв Мясоедова и Котова о положении Казанской рисовальной школы.

Написал занавес для театра в Полтаве.

1900 *21 февраля* — утверждение Собранием Академии художеств предложения Мясоедова о публикациях в отчетах по Академии сведений о приобретениях, сделанных с выставок комиссией Академии.

20 марта — особое мнение Мясоедова в Собрании Академии художеств о «допущении работать три раза в течение 10 лет на звание художника». Вместе с А. Н. Бенуа и М. П. Боткиным предложил в действительные члены Академии художеств Н. Н. Дубовского и К. Я. Крыжицкого.

25 марта — мнение в Собрании Академии о художественно-промышленных школах Министерства финансов.

30 октября — доклад Собранию Академии художеств об организации в Киеве художественной школы.

27 ноября — в Собрании Академии художеств прочитана записка Мясоедова, В. А. Беклемишева и Г. Р. Залемана против устройства выставки «Мира искусства» в залах Академии.

Участвовал на Всемирной выставке в Париже.

1901 *26 февраля* — заявление в Собрание Академии художеств о печатании особых мнений членов в журналах Собрания.

26 марта — сообщение Собранию Академии проекта изменения §§ 76—80 устава Академии художеств о вольнослушателях.

16 апреля — отзыв в Собрании Академии об учреждении в Киеве художественного училища и проект его устава и штата.

1902 *17 февраля* — выбран кандидатом в устроители выставки Товарищества передвижников.

16 марта — заявление в Собрание Академии художеств о несогласии с положением дел в Академии.

18 марта — обсуждение этого заявления в Собрании Академии.

1903 *3 января* — выбран в Комиссию по устройству выставки Товарищества передвижников.

12 февраля — решение Общего собрания Товарищества передвижников об упразднении Совета. Мясоедов — единственный из присутствующих членов голосовал против этого предложения.

1904 *8 февраля и 11 февраля* — избран председателем Общего собрания Товарищества передвижников.

Картина «Курсистка» («На пути к знанию». Полтавский художественный музей).

1905 *23 февраля* — на Общем собрании Товарищества передвижников доложен новый устав общества, утвержденный 10 февраля.

1907 *Январь* — смерть Е. М. Мясоедовой, жены художника.

Окончил картину «Пушкин и его друзья слушают Мицкевича в салоне кн. З. А. Волконской» («Москва, декабрь 1826 года. Мицкевич в салоне кн. Зинаиды Волконской импровизирует среди русских писателей (справа кн. Вяземский, Баратынский, Хомяков, З. Волконская, Козлов, Жуковский, Пушкин, Погодин, Веневитинов, Чаадаев и др.)». Всесоюзный музей А. С. Пушкина).

Летом — поездка для лечения на Люсинпиколо, Адриатика.

1908 *Февраль* — записка об улучшении постановки учебного дела в Высшем художественном училище при Академии художеств и изменении некоторых параграфов устава Академии, касающихся этого училища.

26 декабря — вышел из состава членов Товарищества передвижных художественных выставок, продолжал участвовать в выставках в качестве экспонента.

1910 *осень* — поездка во Францию и Тироль.

1911 *весна* — поездка во Францию и Тироль.

17 декабря скончался в Полтаве.

Примечание: Мясоедов участвовал во всех выставках Товарищества передвижников с момента основания объединения (кроме XXXIX) как его член и экспонент. См. Г. Бурова, О. Гапонова, В. Румянцева «Товарищество передвижных художественных выставок». М., 1952, т. I, стр. 263—268.

Именной указатель

Список иллюстраций

Оглавление

75 с 1
Ого 39

8-1-2
72

Григорий Григорьевич Мясоедов
Письма,
документы,
воспоминания

Составитель Виктор Степанович Оголевец

«Изобразительное искусство». Москва. 1972.
Стр. 1—328+вкл.
Москва А319, ул. Черняховского, 4-а

Редактор *В. М. Моргулис*
Художник *А. Д. Крюков*
Художественный редактор *В. Г. Терещенко*
Технический редактор *З. Н. Малек*
Корректор *И. А. Радченко*

А02944. Подп. к печ. 17/V 1972 г.
Формат 84×108 1/32. Печ. л. 10,25+вкл. 0,624 л.
Уч.-изд. л. 17,426. Услов. л. 18,27. Тираж 10 000 экз.
Изд. № 2-11. Зак. тип. 1193

Цена 1 р. 52 к.

Московская типография № 16 Главполиграфпрома
Комитета по печати при Совете Министров СССР
Москва, Трехпрудный пер., 9